

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АТОМНЫЙ

ГОРОД

US ARMY
4401

Алексей Колентьев

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

Новый день принесет нам победу

«КРЫЛОВ»

Annotation

Эти планы вынашивались десятилетиями. Велась долгая подготовка. Наконец момент настал. Коалиция НАТО напала на ослабевшую Россию.

С воздуха, суши и моря на так ничего и не понявших россиян обрушилось море огня. Восемьдесят больших и малых городов на юге, в центральной России и на северо-западе оказались стерты с лица земли. Вслед за армией захватчиков по оккупированной территории двинулась свора голодных шакалов. Каратели травили газом местных

жителей и прячущихся в лесах беженцев, подбирали трофеи, не гнушаясь даже товарами из сельских магазинов.

Но не все россияне погибли и не все смирились с новым порядком. Двое частных охранников, водитель-дальнобойщик и группа поклонников страйкбола оказались немногими, кто бросил вызов врагу. Они ушли в леса, чтобы вести партизанскую войну.

Про них не напишут газеты, их не покажут по телевизору и почетные похороны на орудийном лафете им тоже не грозят. Все, что они хотят, — это поквитаться с врагом, который равнодушно сеет

смерть на их родной земле.

- [Алексей Колентьев](#)

-

- [notes](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Алексей Колентьев

Главный противник

*...Война точно бой
гладиаторов в цирке, Кровь
смочит песок и теперь, как
тогда. Кого тянет в сети
кровавый и прыткий? Чья
гибель коварством и злобой
горда?..*

*Мишель Де
Нотрдам
(Нострадамус)*

*Россия. 15 сентября 2011 года.
Юго-западный участок Центрально-*

сибирской оккупационной зоны. 164 км севернее предместий г. Кемерово. Авиабазы ВВС США «Нью-Нортвуд», 07.05 по местному времени. Лейтенант Зак «Фрости» МакАдамс, командир отряда SOCOM «Варлок». Срочный вызов, сомнения и воспоминания.

...Лицо Кори осунулось, под глазами залегли тёмные тени от недосыпания: маленький Адам не давал ей покоя, что поделаешь — когда режутся зубки, матери покоя не видать. Связь была отличной, картинка на маленьком мониторе ноутбука не дрожала, и я жадно впитывал каждую чёрточку лица жены, которое казалось ещё

прекраснее, чем восемь лет назад, в тот день, когда мы познакомились на свадьбе её младшего брата Майкла. Чёрт возьми, прорва времени пронеслась как один день, а словно вчера это было. Она за что-то отчитывала распорядителя – юркого манерного паренька в дорогом синем костюме-тройке, лаковых туфлях, с деланным французским акцентом. Волосы распорядителя были чем-то смазаны и размётаны по маленькой голове, словно там взорвалась петарда. Кори резко отчитывала этого мужчинку, стиснув в руке программку с номерами столов, она даже раз или два в раздражении топнула ногой. В памяти остались

белые, с открытым носком туфли на высоченных «шпильках», загорелые стройные ноги и кремово-белое платье со скромным вырезом и открытыми плечами. Резко повернувшись спиной к человечку в блестящем костюме, она, бормоча нечто сердитое, пошла мне навстречу и, сделав три шага, оступилась на ровном месте. Помню тепло её тела и дразнящий цветочный запах духов, когда Кори оказалась у меня в объятиях. Тогда мы с Майклом только-только вернулись из Басры, где налаживали контакты с местными сочувствующими Коалиции племенными вождями. Жара и пыль так резко

контрастировали с дождливой погодой и минусовой температурой тут, в Анкоридже, что я даже слегка приболел...

— Оп! Держу вас! Осторожней, мэм!

— Спасибо... Зак, верно? Майкл мне много про вас рассказывал. Вы вместе воевали с террористами, а ещё — вы его командир.

Её карие глаза на загорелом лице с усыпанным конопушками, слегка вздёрнутым носом и чуть приподнятыми, словно в удивлении бровями, да еще, пожалуй, глубокий грудной голос сразу же выбили меня из седла, так сказать. Отпустив девушку, я, немного смущаясь, только

и мог промямлить в ответ нечто глупое.

– Майк наверняка опять что-то приврал, мы всё время занимались переговорами с тамошними шейхами, я и стрелял-то только раз или два...

Лёгкая тень на секунду стёрла с лица девушки всё веселье, но она быстро взяла себя в руки и, протянув мне узкую ладошку, с приязнью посмотрела прямо и открыто:

– Майкл всегда говорит о вас с уважением. Я долго упрашивала его познакомить меня со знаменитым Закари МакАдамсом – грозой этих ужасных иракских террористов. Пойдёмте, я покажу столик, за

которым мы будем сидеть вместе. Майкл и Рэйчел будут совсем рядом, ну не бойтесь, лейтенант, я не кусаюсь!..

Мы поженились через год, а ещё через полтора у нас родилась Сэнди, которая теперь так похожа на мать. И вот теперь – Адам, сын. Это так непривычно, но каждый привет из дома наполняет меня неопишуемой гордостью. Если бы не служба... если бы не эта непонятная война. Придвинувшись к монитору, жена с тревогой ждёт, что я скажу. Оно и понятно: рождения сына я не видел, нас сорвали по тревоге и с тех пор вот уже пять месяцев я безотрывно разъезжаю по России. Кори всегда с

пониманием относилась к тому, что часто не знала, куда отправился её муж на этот раз. Но с рождением сына она всё болезненнее переносит разлуку, в каждой её фразе, вне зависимости от содержания, я слышу один и тот же подтекст: «Когда ты вернёшься?». Даже после того, как четыре месяца назад нам увеличили денежное содержание и бонусы составили вчетверо против того, что я получал в Ираке и чуть раньше в Афганистане, тревожиться жена не перестала.

— Зак, папа зовёт нас к себе. Предлагает мне пожить с ним и мамой до Рождества.

Отец Кори — владелец сети

минимаркетов, почти монополист у себя в округе. Мы нормально общались, но чувствовалось, что выбор дочери он не одобрял, хотя ни слова упрёка я от него ни разу не слышал. Склонный к полноте, он всегда напоминал мне ворчливого гнома из мультфильма про Белоснежку. Вот и сейчас Альберт Барнс спешил увезти любимую дочурку подальше от странного зятя, которого, как я догадываюсь, он немного побаивался из-за его непонятной профессии.

— Детка, — я позволяю себе ободряюще улыбнуться, — тогда мы даже перезваниваться не сможем. Ты же знаешь правила: связь только

через радиоузел базы, а письма сюда идут довольно долго.

— Знаю, я сама не очень-то хочу ехать. — Жена оглянулась куда-то влево, потом снова с облегчением перевела взгляд на экран ноутбука. — Но мама поможет присмотреть за Адамом, а Сэнди наконец-то оторвётся от этой странной Морин Стокс. Все эти чёрные одежды и агрессивная музыка... Зак, поездка может пойти нам на пользу. Хорошо ещё, что наша дочь пошла характером в тебя и не ходит хвостом за другими. Я буду скучать, Сэнди просила передать, что тоже очень соскучилась по тебе и дяде Майклу. Как там мой непутёвый братец?

Рэйчел жалуется, что он ей совсем не звонит.

Майкл уволился, как только началась война, и нанялся на службу к частным подрядчикам. Его уговорил какой-то приятель, оставшийся ещё со школьных времён, соблазнив жирным окладом, который нам, в армии дяди Сэма, даже не снился. Мне стыдно было говорить жене, что её брат стал карателем и получает деньги за то, что травит газом местных крестьян и беженцев прячущихся в лесах. Все они: «Марсден и Ко», «Юнайтед Секьюрити» и «Блэкстоун» – словно свора голодных шакалов, шли вслед за армией, подбирая трофеи, не

гнушаясь даже товарами из сельских магазинов. В странах бывшего Варшавского договора и республик Советов скауты контракторов вербовали всякую мразь, готовую за лишний грош передавить голыми руками всю собственную родню, не говоря уже про каких-то русских. Тем более, что наёмники из Польши, Венгрии, Литвы и Чехословакии ненавидели их особенно люто, как бывший раб своего потерявшего силу и лишённого способности дать сдачи господина. Майкл стал заниматься тем, чему я его так долго учил: натаскивал головорезов «Блэкстоун» на поиск и уничтожение любого, кого можно назвать террористом. Другое

дело, что чаще всего это были беженцы, либо непонятного вида люди с гладкоствольным оружием, прячущиеся в пригородных лесопосадках иногда целыми комьюнити по две-три семьи, — они попадались в сети чистильщиков одними из первых. Наёмники пользовались нашими картами и специально разработанными наставлениями по контрпартизанской борьбе. После развала Союза был запущен план, согласно которому некоторые идеи подспудно внедрялись в сознание людей на постсоветском пространстве. С целью посеять межнациональную и религиозную

рознѣ ЦРУ финансировало националистов и религиозных сектантов. Программа называлась «Данайские дары», в её рамках среди населения в странах вероятного противника наряду с религиозной и экстремистской литературой распространялись и различные пособия по выживанию. В последние намеренно встраивались схемы опосредованного поиска, могущие облегчить обнаружение и уничтожение тех, кто решит оказать организованное сопротивление в случае вторжения. Главной мыслью подспудно проводилась идея индивидуализма, высмеивались идеи товарищества и взаимопомощи,

поскольку мелкие группы, враждующие друг с другом, легче найти и уничтожить поочерёдно. Брат жены в этом преуспел, тренированные им команды охотников успешно работали по всему району Средней полосы России. Сам же он сейчас, по слухам, где-то в Средней Азии, помогает местным князькам уничтожать оставшихся там русских военных. После того, как два месяца назад я узнал правду, мы с Майком поспорили и потом подрались. Но позднее пришли к соглашению, по которому я молчу о том, что знаю о его новой работе, а он держится от меня так далеко, как может. Рэйчел

всегда была практичнее, чем моя жена, возможно, ей вообще плевать, как её муж зарабатывает на жизнь. Майк был отличным бойцом, только годы, проведённые в университетской футбольной команде, сделали его излишне самоуверенным. Однако я не думал, что женитьба на амбициозной и, на мой вкус, слишком расчетливой Рэйчел сделает из моего лучшего ученика обычного мясника, забывшего, что такое долг солдата. И вот с тех пор мы с братом Кори не разговариваем. Да, я никогда не смогу пожать руку тому, кто перестал быть воином, забыл о чести защитника Родины.

— Я давно не видел Майка, родная. Через приятелей передам ему твой нагоняй, ты же знаешь, как он любит тебя и своих племянницу и племянника.

В комнату заглянул сержант-майор Иверс и виновато-просительно стал жестикулировать руками, помогая даже своему шоколадному лицу складываться в довольно смешные гримасы. Видимо, полковник Трентон — комиссар особой зоны «Нортвуд» — уже изволит гневаться по поводу моего отсутствия. Кори, видимо, что-то уловила в моём изменившемся выражении лица, потому что со вздохом махнула рукой и грустно

улыбнулась:

– Ладно, идите и спасайте Америку от террористов, лейтенант МакАдамс. Мы с вашими детьми будем надоедать вам звонками время от времени и... я люблю тебя, Зак!

– Я тебя больше, гораздо больше, родная. – Сухой комок встал у меня в горле, глаза предательски защипало. – Мне вас всех очень сильно не хватает...

Монитор моргнул, и окошко, в котором секунду назад была печальная Кори, стал серым – мои десять минут истекли. Чёртова война! Как же сильно я скучаю по дому. А ведь как всё легко начиналось: заброска в район

Светлогорска прошла словно по учебнику, части особого района остались без единственного крупного арсенала и основного топливохранилища ровно за шесть часов до начала вторжения. Все войска и флот калининградского анклава лишились девяноста процентов боеприпасов и сорока процентов топливных ресурсов. Группы «морских котиков» высадились со стороны Светлогорска и под селом Донское сработали тоже чисто, захватив штаб группировки РЭБ и заглублённый командный пункт в районе местечка Красноторовка. Не знаю точно, кто вывел из строя дивизион мобильных

береговых батарей на севере, но высадка передовых частей второй ударной группы войск Альянса – «Северо-запад» прошла без единого выстрела. Русские совершенно не ожидали нападения, даже в расположении отдельного полка РВСН только у трёх офицеров хватило реакции оказать нам сопротивление. Боя с охраной тоже не получилось – часовые оказались не готовы к тому, что их пришли убивать. Вся караульная смена оказалась перебита в течение пяти минут. За каких-то полчаса командование полка и две трети пусковых комплексов были надёжно выведены из строя, а остальные

накрыло ракетным ударом с базирующихся в литовской Клайпеде эсминцев НАТО. Мы шли впереди наступающих войск, резали только кабели спецсвязи, оставляя нетронутыми гражданские ретрансляторы сотовых компаний — их трогать было запрещено. Ещё несколько серьёзных стычек случилось в местечке под странным названием Ладушкин^[1], но там оперативно сработала группа тактической поддержки, и русских накрыли сразу с моря и с воздуха. По нашим данным, часть расквартированных тут частей войск охраны и обеспечения попала под сокращение и, может быть, поэтому

организованного сопротивления не оказали. Хотя тут же пошёл счёт первых потерь: мангруппа сержанта Деверо попала в засаду во время зачистки территорий, прилегающих к акватории калининградского порта, и была полностью уничтожена, так же, как и пришедший им на помощь взвод лёгкой пехоты из четвёртой бригады «Страйкер», находившейся в числе наступающих частей первого эшелона ударной группировки «Северо-запад». По разрозненным данным космической и воздушной разведки, нам противостояли части разгромленной Второй бригады СпН^[2] и около сотни моряков с военных русских кораблей, не

успевших выйти из порта на большую воду. С боями они отступили и ушли в сторону эстонской границы, откуда им удалось прорваться к Петербургу. К сожалению, с собой они увели часть, на вооружении которой стояли уже довольно устаревшие дальнобойные артустановки безбашенного типа. Несмотря на все наши усилия, русские ценой собственных жизней задержали наступавших им на пятки ребят из Второй мотопехотной роты той же Четвёртой бригады, дополнительно усиленной тяжёлыми танками из частей оперативного резерва^{[11](#)}. Тогда моей группе не удалось встретиться в бою с

русскими коллегами, о чём я сожалел первые двое суток с начала вторжения. Но всё скоро изменилось. Теперь я с тревогой думаю: когда же всё стало катиться в тартарары? Может быть, это случилось уже под Выборгом, когда я увидел «зачищенные» новыми соратниками брата жены обычные кемпинги и пригородные посёлки? Но, может быть, понимание какой-то неправильности происходящего пришло ещё тогда, в порту? Мы отправляли останки Деверо и его парней в Германию, я, как начальник оперативной группы, заполнял посмертные списки. Нет, потери на войне — это нормально. Как бы дико

это ни звучало для штатских, но смерть товарищей хоть и тяжела, но ты знаешь, что произойти может всякое, и на их месте можешь оказаться сам. Такова наша работа, главное знать, что всё это ради страны... короче, не напрасно и не зря. Но вот именно в Выборге пришла нотка сомнения, всё чаще беспокойно зудя, она как назойливая муха постоянно лезет в мысли, мешает сосредоточиться. А под Выборгом мы застряли на долгие два месяца, выкуривая упрямых русских из городской канализации и оплавленных развалин. Дрались они неплохо, но многие оказались фактически безоружными, поэтому

часто мы просто расставляли мины-ловушки и пускали слезоточивый газ. Впрочем, иногда потери были неожиданно велики: противник всего два раза пытался сдаться в плен. Скрепя сердце приходилось убивать всех без исключения. Этого я до сих пор не понимаю, но приказ есть приказ. Хотя приходилось разбирать случаи, когда бойцы отказывались расстреливать пленных. Оно и понятно, горожане, это просто гражданские — раненые и контуженные в страшных язвах ожогов после обработки города новыми боеприпасами на основе смесей, по действию похожих на напалм. Я наблюдал такой обстрел на

тактическом дисплее «Брэдли», приданной нам на время операции: облако ярко-рыжего огня накрывало огромное пространство в десятке километров впереди. Сплошная стена огня держалась минут тридцать, пока, словно по мановению волшебной палочки, в считанные мгновения не сходила на нет. Сплавленная в стеклянную корку земля и серый пепел – вот и всё, что оставляли после себя новые боеприпасы, прозванные «Плащ Сатаны». Однако человек – очень живучая тварь, всё чаще в тылу стихийно возникали очаги сопротивления, из руин выползали полумёртвые русские и старались

дотянуться до нас хотя бы зубами. Потом было поражение под Волоколамском, где остаткам русских частей удалось организовать оборону на подступах и в самом городе. Помогло то, что у русских не оказалось ни одного самолёта, но зато они сумели из остатков разбитых частей ПВО создать сводное подразделение, почти две недели сдерживавшее попытки тактических ударных авиагрупп прорваться к позициям сухопутных войск противника. Запомнились отчаянные рейды группы русских танков с позывным «Волга-53». Русские буквально за сутки нарушили порядки наступающей

бригады полковника Кэйли, чьи легкобронированные «страйкеры» не смогли ничего противопоставить юрким Т-85. Помогло только наличие штурмовых вертолёт и слаженная работа приданного артдивизиона тяжёлых гаубиц – от «вертушек» русские танки не смогли защититься, и вертолёт у них оказалось всего три или четыре звена. Они тоже яростно атаковали где только возможно, однако у них не было достаточно боеприпасов и, главное, горючего. Вплоть до Урала всё шло неплохо: большинство стационарных пусковых установок было уничтожено в первые двое суток после вторжения, мобильные

комплексы частью успели произвести пуски, частью также уничтожены превентивно. Поэтому по прямой специальности поработать всё не удавалось. Нужно отдать стратегам в Вашингтоне должное – время для нападения было выбрано крайне удачно. Документы, захваченные в ходе боёв, свидетельствовали о том, что большинство частей находилось на стадии переформирования, а в ракетных войсках часто наблюдалось прямое нарушение инструкций. По разным оценкам, не менее чем с тридцати процентов ракет оказались сняты блоки наведения, часто отсутствовало должное сервисное

обслуживание комплексов. Но, откровенно говоря, это русским не сильно бы помогло: в то время как они только начинали восстанавливать свой ядерный потенциал и налаживали почти с нуля систему прикрытия позиционных районов системами ПВО, Коалиция уже находилась на пике готовности. С помощью мобильных ракетных установок, под предлогом учений подтянутых к самым границам России, удалось в считанные часы расколоть её основательно проржавевший «ядерный щит». Удары следовали одновременно со всех сторон: воздух, суша и море обрушили на ничего так

и не понявших русских море огня. Однако ни одной ядерной боеголовки мы не применили, только обычное, «чистое» оружие. В попытке отомстить русские смогли выпустить порядка двенадцати ядерных ракет, однако из-за того, что боеголовок с разделяющимися частями на них не оказалось, вред смогли нанести только две из них. Одна обратила в руины город Хьюстон, другая уничтожила запасное правительственное убежище в районе Великих озёр. Потери действительно были велики, однако восемьдесят больших и малых городов на юге, в центральной России и на северо-западе оказались

стёрты с лица земли. В первые две недели два из четырёх округов стратегического командования — Западный и Центральный — перестали существовать. Дальше всё пошло не так гладко, русских спасли их огромные расстояния. Восточный и Южный округа существовали только на бумаге, поэтому силы вторжения лишь частично достигли поставленных перед ними задачи. Однако часть флота и основные военные базы в Северодвинске и Владивостоке оказались уничтожены. Войска русских удалось рассечь на три части, но полностью уничтожить или дезорганизовать их не вышло. Остатки 37-й воздушной

армии верховного командования составляющей стратегический резерв, часть инфраструктуры космических войск и некоторые ракетные части русские удержали. Помогло неожиданное молчаливое невмешательство Китая, которое в Вашингтоне никто не смог просчитать: китайцы придвинули к своим границам войска, но от аннексии русских территорий отказались. Также они закрыли границу с Россией, не пуская к себе беженцев. Несмотря на давление со стороны денежных и промышленных «тузов» с Уолл-Стрит, китайцы не разрешили силам Коалиции использовать свою морскую

сорокамильную зону для блокады Сахалина, и тем более воздушное пространство. Я не стратег, но сейчас совершенно очевидно, почему Китай остался в стороне. Хитрые азиаты посчитали, что лучше не ввязываться в бой с остатками русских войск, бросив силы, прикрывающие страну с юго-востока и тем самым открываясь для возможной агрессии наших союзников. Самураи непременно воспользовались бы ситуацией и попытались бы аннексировать Маньчжурию. Самое поганое, что, как союзники, мы вынуждены будем их поддержать, чтобы по-прежнему пользоваться инфраструктурой на той же Окинаве.

Частично я оказался прав, японцы без согласования с нами в первый же день попытались вторгнуться для начала на Сахалин, но крепко получили по зубам. Ядро их авианосного соединения, гордость сил самообороны, лёгкий авианосец «Хайюга»^{2} был потоплен непонятно как появившимся на острове дивизионом береговых мобильных ракетных установок «Редут»^{3}. А десант, высадившийся в Корсакове, через три часа после начала вторжения был сброшен русскими морскими пехотинцами обратно в море. Неудачной оказалась и попытка японских парашютистов после длительного обстрела

высадиться на спорных островах Южных Курил: русские взорвали спорные острова заложенными там, видимо, совсем недавно малыми ядерными фугасами. Все высадившиеся на острова десантники просто испарились. Затонули и корабли поддержки, торпедированные скорее всего теми же русскими. Оба острова – Хабамаи и Шикотан – стали весело «фонить», вопрос «спорных территорий» решился сам собой. После этого японцы вообще перестали выходить в море самостоятельно, ограничившись блокадой Сахалина. Поняв, что русские могут применить ядерное оружие, командующий

соединением кораблей Коалиции контр-адмирал Хансен приказал на Сахалин пока не соваться. Директива Пентагона была ясна и однозначна: только обычное оружие и недопущение применения «ядерной дубины» противником. Однако бои в районе Видяево и под Уссурийском складывались тяжело, перерасход новых боеприпасов превысил разрядку в два, а местами в четыре раза. Через две недели на Окинаву прибудет транспортный конвой, а до тех пор корабли и подлодки коалиционных сил окружили непокорный остров плотным тройным кольцом...

— Так я могу рассчитывать на

перевод в Дармштадт, сэр? А то Кейти совсем замордовала в письмах, я молчу уже про эти долбанные сеансы связи, на бумаге ей-ей безопаснее.

За размышлениями я совсем забыл про своего заместителя. Иверс шёл слева, отставая на полшага, и в который уже раз полоскал мне мозги по поводу своей старшей дочери, которая работала в финчасти базы ВВС, но в безопасной Германии. Барнаби Иверс с самого начала вторжения в Россию просил о переводе. Понять его можно: в армии он почти сорок лет, три ранения и куча застарелых болячек. Есть такая болезнь у ломовых лошадей — нечто

вроде нарколепсии: конь начинает засыпать на ходу, пока в один прекрасный день не умирает под упряжью. Это всё потому, что лошадь не умеет говорить и тем более строчить рапорты о переводе. Замены Иверсу у меня пока не было, да и, если совсем откровенно, лучшего квартирмейстера я за все пятнадцать лет службы в первом разведбате родной 525-й не помню^[3]. Старик брал меня измором, но ни разу не обратился с рапортом через мою голову, за что я его ещё больше ценю. Гравий дробно хрустел под подошвами.

Мы миновали вторую линию КПШ, отделявшего типовые

одноэтажные домики строений штаба шестой оперативной бригады «Страйкер» от собственно офиса комиссариата сектора «Нортвуд». Длинное, прямоугольное строение казённого белого цвета, с крытой коричневой металлочерепицей крышей, вмещало весь аппарат комиссара и его личный кабинет. Полковник Трентон был довольно общительным человеком, я несколько раз встречался с ним во время приёмов в нашем представительстве в Брюсселе. Тогда он держался просто, не чинясь, говорил откровенно, без традиционного тяжеловесного апломба чинуш его ранга, чем,

собственно, и вызвал мою искреннюю симпатию. Внешне он напоминал усталого слона с постоянно моргающими слезящимися глазами и морщинистой, в глубоких складках, кожей. Ростом Трентон был под стать присвоенному ему тотему: два метра ростом, мощный торс бывшего боксёра-тяжеловеса, зычный голос и неистребимый акцент жителя Южного Бронкса. За глаза все подчинённые, от офицеров до рядовых, уважительно звали Трентона просто «Дядюшка Тэдди». И было за что: ни разу Тэд Трентон не подставил подчинённых под удар, часто из личного жалования помогал

семьям погибших, пробивал страховые премии и стипендии для детей и близких родственников своих солдат и офицеров. Это было редкостью, поэтому служить под началом Дядюшки Тэда было не только почётно, но и престижно: при переводе или выходе в отставку служба под началом Трентона автоматически означала приём на службу без собеседования.

— Хорошо, Барни, давай разделаемся с нашей нынешней проблемой, и я похлопочу перед Дядюшкой о переводе в Германию, даю тебе слово. Такой вариант устроит?

Совсем уж было решивший, что

я его не слушаю, Иверс мотнул шишковатой головой, от чего его стриженная под бобрик курчавая шевелюра даже сверкнула, отразив скупой рассеянный свет пасмурного утра. Сверкнув широкой улыбкой, в которой проглядывала старомодная сталь протезов, сержант удовлетворённо крякнул, и мы, предъявив карточки допуска, попали в приёмную Трентона, где нас встретил сухим кивком усталый секретарь полковника – бледнокожий и вечно сосредоточенный на экранах трёх настольных мониторов капитан Лиман. Указав нам с на пластиковую, под цвет морёного дуба, дверь кабинета полковника, он

неожиданно сильным баритоном, слегка растягивая слова, пригласил нас проходить:

— Лейтенант МакАдамс, сержант-майор Иверс, комиссар ждёт вас, проходите.

Кабинет представлял собой вытянутую, словно пенал, каморку, забитую офисными шкафами, в каких хранят личные и бухгалтерские файлы. Остаток пространства вытеснял массивный письменный стол, где, как всегда, царил образцовый порядок. На зелёном сукне столешницы стояли старинные настольные часы в форме миниатюрной статуи солдат, водружающих американский флаг на

Иводзиме. Ровными рядами на столе лежали папки с документами, а на стене висела испещрённая личными пометками Трентона подробная карта Сибири. Полковник склонился над какой-то компьютерной распечаткой, которую он уже успел исчеркать острым грифельным карандашом. Комиссар не жаловал компьютеры, для чего и держал вот уже двадцать с лишним лет молчаливого и исполнительного зануду Лимана. Увидев, что мы вошли, Трентон поднял голову, и в его маленьких голубых глазках мелькнуло облегчение. Жестом указав нам на пару металлических раскладных стульев напротив стола,

он привстал и крепко потрянул мне и Иверсу руки, игнорируя уставной рапорт, который я попытался отдать:

— Зак, Барни, я рад что именно вы прибыли в ответ на моё представление в штаб корпуса. Лучшей помощи они не могли мне оказать, учитывая непростую ситуацию на фронтах...

— Фронтах, сэр? — Я был крайне удивлён, поэтому бестактно перебил полковника. — Ещё вчера русские были окружены и не выступали единым фронтом... даже одним.

— А, совсем забыл, что вас трое суток мурыжили на перевалочных базах и последних новостей вы не знаете. Джентльмены, по последним

данным, русские готовят полномасштабную войсковую операцию, цель которой очевидна: они хотят прорвать блокаду своей Северо-Западной группы, наших Второго и Четвёртого ударных корпусов на линии Екатеринбург – Тюмень и выйти к Новосибирску, где им навстречу ударят три войсковых соединения русских из состава так называемой Юго-Восточной освободительной армии. Силами до двух полноценных мотострелковых полков и одной танковой бригады они выходят в районы сосредоточения на линии Горно-Алтайск – Абакан – Красноярск. Точные сроки пока не известны,

поэтому мы и форсировали строительство этой базы и ещё двух в Омске и Оренбурге.

— По-вашему, угроза соединения русских окружённых частей реальна? Ведь у них мало солдат и почти нет боеприпасов. Плюс мы господствуем в воздухе...

— Зак, — Трентон досадливо поморщился, — будь моя воля, я бы стёр русских тремя ядерными залпами и вообще вывел бы наших парней отсюда. Но все мы имеем начальство, и те, на кого мы с тобой работаем, решили заполучить незаражённую землю и сотни кубов сибирских лесов. Ты слышал, что стало с генералом Пауэллом

после того, как он проворонил русские гаубицы с ядерными боеприпасами под Петербургом?

– Трибунал, сэр. Шестая бригада «Страйкер» уничтожена полностью, Выборг и окрестности сейчас – это радиоактивная пустыня. Русские выслали корректировщиков в районы сосредоточения наступающих сил, те вызвали огонь на себя. И поскольку мы глушили их обычные частоты, русские использовали открытый канал связи, они говорили открытым текстом. Мужественный поступок, но мы всё равно возьмём Петербург, это вопрос двух-трёх дней, не больше. Европейцам сильно досталось: прибалты, Франция,

Польша и Германия получили свою долю радиоактивных осадков. Я слышал, был международный скандал и дошло до того, что французы даже пригрозили выходом из Коалиции.

Полковник утвердительно кивнул и, неожиданно хлопнув по столу раскрытой ладонью правой руки, возвысил и без того не тихий голос, отчего узкое пространство кабинета загудело:

— Верно, лейтенант! Проклятые трусы опять дают задний ход, мы тянем этих дармоедов уже третью войну. Однако без их ресурсов и инфраструктуры действия всей армии вторжения обречены.

Ситуация очень непростая, господа. Обстоятельства складываются не в нашу пользу, поскольку завершить разгром двух самых опасных группировок русских нужно до наступления холодов. А тут ещё этот непонятный инцидент с базой трофейщиков. Я уже боюсь заикаться про разгром конвоя с боеприпасами. Контракторы воют, спустили на меня всех собак в штабе армии. Вдобавок у меня на шее сидит сенатор Граймс и его ручной подкомитет Конгресса по расследованию военных злоупотреблений. Они думают, что я вместе с военными контракторами продаю трофейное имущество в Таиланд, откуда оно попадает чуть

ли не в Мексику! В партизан они не верят, потому что новый министр обороны Кейнс, со своими хитрыми компьютерными презентациями, отснятыми в Голливуде на деньги налогоплательщиков, убедил всю Америку и, само собой, президента Оруэлла в эффективности ассиметричных ударов. Я сам видел, как эта черно... простите Иверс, но я не имел ввиду всех афроамериканцев, эта сволочь Кейнс меня совершенно выводит из себя!

– Ничего, мистер Трентон, сэр, – Иверс совершенно искренне махнул рукой в знак того, что не обиделся. – Я сам не в восторге от тех сказок, которые адмирал Кейнс плетёт

президенту.

— Так вот, — голос Дядюшки Тэдди зазвучал тише, полковник снова сел и откинулся на спинку кресла с резной высокой спинкой, — вы и ваши парни, Зак, покончите с теми, кого полковнику Карверу и его недотёпам из Третьей бригады «Страйкер» не удалось уничтожить. Этот старый задавака положил целый взвод тактической разведки на подступах к лагерю русских. Более того, он и сам едва не погиб: русские поджарили двух его заместителей и в придачу четверых офицеров связи в штабной машине...

— Я слышал, что диверсанты пробрались сквозь заслоны почти к

самому штабу бригады. Это так, сэр?

— Да, к сожалению. — Красное от загара лицо полковника стало бледным, голубые глазки под набрякшими веками недобро сверкнули. — Чистая работа, ни одного тела найти не удалось, и загонщики, оставшись без связи, упустили и диверсантов, и основной отряд русских. Судя по всему, партизанами руководит кто-то очень опытный, может быть, мы имеем дело с остатками тех диверсионных групп, что забрасывались для разведки подходов к авиабазе месяц назад.

— Думаю, они не ушли далеко, скорее всего у них есть база в горах,

её следует разыскать, сэр.

Трентон встал из-за стола и, выхватив жёлтый карандаш из-за левого уха, подошёл к карте. Остро заточенное грифельное жало упёрлось в изображение горного рельефа:

— Это проще сказать, чем сделать: там куча непроходимых ущелий и, что ещё хуже, под этим плоскогорьем, согласно данным георазведки, разветвлённая сеть пещер, целые подземные реки. Их можно ловить там годами и, в лучшем случае, уничтожить обитающих в пещерах летучих мышей. Нет, нужно брать русских, когда они выползут, и вот это-то и

станет твоей основной задачей, Зак. Но есть пара неприятных моментов, прости, что говорю это в последний момент, я и сам узнал только час назад и...

Дверь в кабинет негромко хлопнула, и на пороге появился человек в полевой форме неуставного образца. Поверхность куртки и штанов мерцала, пока не подстроилась под полумрак и бело-коричнево-серую гамму кабинета. Это был адаптивный нанокамуфляж, армия от него отказалась из-за дороговизны, однако частные охранные фирмы закупали его большими партиями для своих элитных отрядов. Скауты наёмников

не жалели денег, чтобы заполучить в свои ряды лучших армейских специалистов, предлагая им такие деньги, что генералам впору наниматься к такому счастливчику в дворецкие. «Разгрузка» незнакомца состояла из двух рядов подсумков по бокам, удобно наклонённых вверх под углом — так на порядок сокращается время, нужное для перезарядки винтовки или пистолета. На левом рукаве матово бликовал тактический боевой компьютер. Эта хитрая штука имела видимую только в инфракрасном диапазоне виртуальную клавиатуру. Её экран выводит изображение в небольшой, размером со стекло

очков, экран прямо перед левым глазом владельца. Незнакомец снял лёгкий шлем, оставшись, однако, со сбруей, удерживающей экран на его голове прямо перед левым глазом. В руках наемник держал короткий штурмовой автомат «ремингтон», под новый специальный шестимиллиметровый патрон^{[4](#)}. В отличие от наших штатных SCAR^{[5](#)}, эти новые, более лёгкие «пушки» били дальше и точнее. В разведке главное – мобильность и вес оружия. В среднем я мог утащить на себе десяток снаряженных магазинов к автомату и шесть пистолетных, а этот пиздон вполне сможет нести на треть больше без увеличения веса.

При этом эффективность огня у него выше, а вспышки и звука даже без глушителя почти нет. Чёрт, неудобно, право слово. В гнезде «разгрузки» слева, у плеча, приторочен небольшой передатчик, дальность работы которого перекрывала наши рабочие «болталки» раза в два. Небрежно кивнув полковнику, незнакомец вышел в круг света настольной лампы и приветливо улыбнулся. Мне показалось, что только изумление помешало дать наёмнику в зубы. Ничуть не смущаясь, этот наглец заговорил:

— Доброе утро, полковник. Извините за опоздание, погода нелётная, и ваши диспетчеры не

торопились дать нам высший приоритет при заходе на посадку. Мы болтались в воздухе лишних двадцать минут. Привет, родственничек, — наёмник притворно вежливо отсалютовал мне, приложив сложенную лодочкой правую руку к виску. — Давно не виделись, Зак.

— Зак, не кипятись, — повысил голос Трентон. — Господа, это Майкл Барнс, он начальник службы силового контроля компании «Блэкстоун Сауз» и, по совместительству, наш координатор от консорциума независимых подрядчиков «Октагон». Я имею чёткий приказ начальника штаба армии наладить взаимодействие с

группами службы безопасности «Блэкстоун Сауз». Лейтенант, надеюсь, проблем не будет?

Вот верно говорит поговорка: помяни дьявола, он тут как тут! Мне было почти физически больно, когда я процедил сквозь зубы:

— Так точно, сэр, никаких проблем.

Майк только ухмыльнулся и ещё раз отсалютовал. Полковник почувствовал напряжение между нами, глянув на часы, вмонтированные в статуэтку письменного прибора, снова поднялся и подошел к карте.

— Господа, согласно соглашению, взвод лейтенанта

МакАдамса берёт на себя сектора с двенадцатого по двадцать первый. Это районы, прилегающие непосредственно к авиабазе, а точнее, к двадцатимильной зоне перед секторами ответственности охранных частей. Вам же, мистер Барнс, достаётся зона с восьмого по одиннадцатый сектора – это район железнодорожного узла. Предгорья вы делите сами, это общие охотничьи угодья. Таблицы для связи и вызова поддержки вы оба получите у моего адъютанта – мистера Лимана. Есть вопросы, джентльмены?

– Только один, господин комиссар, – голос Майка звучал крайне самоуверенно, что меня ещё

больше раздражало. – Вам сообщили сроки, которые желательны директорату «Октагона»? Я получил только общие указания, а от сроков зависит, в том числе, и оплата наших услуг.

– Вы должны уложиться в две недели, – Трентон снова сел за стол и из-под опущенных белёсых ресниц сверлил Майка недобрым взглядом. – Иначе вас отзовут и операцию передадут армейским частям. Мне приказано сжечь всё вокруг базы дотла, и если ваши хвалёные командос обосрут, мис-с-стер Барнс...

Последние слова Дядюшка Тэд буквально выплюнул в сторону

потерявшего всякий пиетет к бывшему командиру наймита. Видимо, сейчас Трентон жалел о том, что Майк когда-то был одним из нас. Однако моего родственника тон полковника ничуть не смутил, он хохотнул и, согласно наклонив голову, весело произнёс:

— Мы уложимся в срок, господин полковник, это не первый крысиный выводок, который мне с ребятами придётся вышпарить из их норы.

— Всех благ, советник Барнс, не смею задерживать.

Майк чуть кивнул мне на прощание и, игнорируя исходящего ядом комиссара, вышел в приёмную, где сразу же пошёл к столу Лимана.

Махнув рукой, полковник отпустили нас, но когда мы с Иверсом уже выходили, Трентон задержал меня, снова пригласив к столу. Жестом дав заместителю приказ дожидаться в приёмной, я вновь прошёл в кабинет и сел на свой ещё не остывший стул. Сцепив красные, в белёсых волосках, пальцы в «замок», Дядюшка Тэд, постукивая образовавшейся конструкцией по потемневшей от времени столешнице, снова начал издалека:

– Зак, партизаны в лесах – наш шанс прищемить «Октагону» их длинный клюв. Но сейчас я прошу тебя помочь этой продажной сволочи Барнсу, как бы ни хотелось макнуть

его мордой в его же собственное дерьмо. Русские зашевелились тут не просто так: они будут пытаться если не уничтожить базу, то, по крайней мере, помешать нашим парням выполнять их работу в небе. Ты сходи, навести Роджера, пока его не отправили под Москву, он единственный видел этих странных русских... Поговори с ним, а потом вылови этих тварей и принеси мне их уши раньше, чем это сделает Барнс. Теперь ты подчиняешься только мне и докладываешь тоже лично мне в любое время суток. Я обеспечу твоих парней всем, что есть, и постараюсь достать всё, чего не хватает, но за это уж и ты води

себя соответственно. Мы поняли друг друга?

А ведь всё так хорошо начиналось. Опять внутренняя политическая возня и интриги будут в довесок к непонятным проблемам с таинственными русскими диверсантами. Драться с врагом и при этом постоянно оглядываться назад – это уже становится скверной традицией. Но никто не говорил, что будет легко. Я кивнул и поднялся на ноги:

– Да, сэр. Всё более чем понятно. Разрешите выполнять, сэр?

– Иди. Лиман отдаст тебе всё, что у нас есть по диверснтам, но обязательно поговори с Роджером,

чувствую, ему есть что рассказать. — Полковник, расцепив руки, с силой потёр ими лицо, от чего стал слышен скрип щетины о ладони. — Есть там куча странностей, думаю, твой родственничек их просто проигнорирует. Ну, иди-иди.

Я снова кивнул и, выйдя в приёмную, молча забрал у помощника Дядюшки Тэда плоскую коробочку блока данных. С некоторых пор всё было завязано на портативные планшеты ноутбуков, а карты стали выпускать на плоских гибких квадратных листах, тоже подключаемых к компьютеру. Такая карта автоматически обновлялась через специальный интерфейс, и

потом её сколько угодно можно носить с собой. Плюс никто кроме меня не сможет её прочитать, поскольку она реагирует только на мой код ДНК. Однако в поле я предпочитал брать обычные планшеты с бумажными картами: наученный горьким афганским опытом, не слишком доверяю электронике. По прибытии в отведённые нам под казарму два пустующих сейчас склада, придётся переносить данные с электронной карты на обычные. Но это уже привычка, заодно вникну в обстановку, подумаю, с чего начинать поиск. Иверса я отправил в казарму налаживать быт, а сам направился в

развёрнутый через два квартала
мобильный госпиталь, чтобы
повидать своего бывшего наставника
ещё со времён службы в форте Брэгг
Роджера Клиза, по прозвищу Кодьяк.
Роджер был самым лучшим мастером
охоты на людей, каких я только знал.
Службу он начинал ещё при
покойном Рейгане в девяностом году,
побывал в Африке, воевал в
Югославии и, само собой, мотался с
нами в Афганистан и Ирак. Однако
после поистине молниеносного
иранского блицкрига полгода назад
он пропал. О том, что он здесь, в
России, и тяжело ранен в стычке с
партизанами, я узнал три дня назад,
когда получил назначение в

«Нортвуд».

Идти оказалось чуть дальше, чем я рассчитывал, несколько раз приходилось обходить скопления рабочих, возводящих недостроенные ангары и какое-то длинное прямоугольное строение, похожее на полевую ремонтную мастерскую. Проходя мимо блока офицерских коттеджей, у одного из них я заметил ярко-жёлтый «хаммер». В памяти мелькнуло что-то знакомое, как будто приходилось слышать совсем недавно про эту машину и её владельца, а вернее, владелицу. Всё разъяснилось уже после того, как я вышел на аллею, ведущую к госпиталю. Сзади слышались

сварливые женские крики и я узнал голос: Кенди Восс, звезда экрана и певица, совершала турне по базам Альянса и, видимо, добралась и сюда. Но времени любоваться на заезжую знаменитость уже не было, поэтому я с сожалением вошёл в здание госпиталя и уже через пару минут сидел у кровати, на которой с трудом помещался Роджер, весь обмотанный бинтами, с выглядывавшим из-за повязки единственным целым голубым глазом. Подумать только: простреленное лёгкое, пуля возле сердца, а также сломанная челюсть и выбитый левый глаз. Роджера вовремя успели эвакуировать сюда.

Его напарнику – мастер-сержанту Перкинсу, по прозвищу Лягушонок, повезло меньше: русский, который покалечил Роджера, сумел переиграть лучшего во всём корпусе мастера ножевого боя и просто сломал Лягушонку шею. Клиз был в сознании и уже мог шёпотом говорить. Хотя кроме крепчайших ругательств я от него ничего пока не услышал. Наконец, спустя пару минут, чуть успокоившись, он сжал мою руку здоровой левой «клешнёй», и я смог начать расспросы:

– Здорово тебе досталось, брат. Выглядишь, как та мумия в комиксах, только очень упитанная и говорливая.

– Херня... – Роджер выплёвывал каждое слово и голос его дребезжал как плохо смазанная телега, но всё было вполне понятно. – Так это тебя прислали доделывать нашу с Лягушонком работу, да, Фрости?

– Как видишь, старый плут, ты опять откосил от работы. – Сохранять шутливый тон, глядя на изувеченное тело друга, было непросто. – Расскажи, как он тебя подловил?

Роджер замолчал на долгих пять минут, и когда я уже заворочался на неудобном стуле и осмотрел все углы палаты, куда поместили друга, он наконец заговорил, и услышанное с каждым словом мне всё больше и

больше не нравилось.

— Зак, мы с тобой бывали в разных местах, ты знаешь, брали и вонючих духов в Афганистане, гоняли «песчаных ниггеров» в долбанном Ираке, но тут я даже не знаю, с кем тебе предстоит иметь дело.

— Не понимаю тебя. Ты определил, кто это: русские коллеги, может быть, дилетанты, которые прячутся по лесам?

Роджер глубоко вздохнул и со свистом выпустил воздух, так, что показалось, будто свистит спущенный скат. Мой наставник был в тупике, а это уже ой как странно! Кодьяк знал повадки колумбийских

наркоторговцев, боснийских и югославских вояк, с русскими он тоже успел повоевать еще раньше, поэтому опыта и сноровки ему было не занимать. Но чтобы Роджер оказался в таком смятении, это плохой знак.

— Те, что напали на конвой, без всяких сомнений дилетанты: трофейное оружие, никакой выучки. Они быстро дрогнули и в какой-то момент готовы были отступить. Конвой вёл Джордж Сенье, он сейчас работает на «Блэкстоун». Ты его должен помнить, он был в Сомали, служил в «Дельте».

— Помню. — В памяти всплыл образ мрачного крепыша с

необычайно светлой кожей и пронзительными чёрными глазами. — Майор Сенье, вы работали вместе в Иране...

— Точно. — Роджер захрипел, голос стал ниже, и слова зазвучали менее отчётливо. — Так вот, его парни прижали русских. Он успел вызвать вертушки и оперативную группу с базы. И вдруг сначала этот гранатомётчик, а потом напалмовая жаровня на подъёме у места стычки! Говорю тебе, парень: Сенье провели как мальчишку, обычная спасательная операция обернулась войсковой операцией.

— Почему не удалось взять пленных? В отчётах говорится, что

нашли только трупы и ещё непонятно как появившегося наёмника... Какого-то итальянца из наёмников, так?

— Не знаю... Нас выбросили уже позже, когда вроде как удалось прижать возле болот этого гранатомётчика и его приятелей в секторе «Матильда». Лягушонок сел у пригорка, я залез на сосну — русским некуда было деваться, путь к болоту там был только один. Перкинс выманил русских на себя, но...

Натужный кашель сотряс всё тело моего наставника, а с ним и высокий ложемент больничной койки. Монитор сердито пискнул и

смолк. Прибежавший медбрат, сердито бурча, возился ещё минут пять, за которые я пытался составить целостную картину боя, но ничего не вышло. Слишком уж много белых пятен пока. Наконец Кодьяк продолжил рассказ:

— Зак, я готов ставить свой месячный оклад против дырявого мокасины, что русский был всего один. Этот хитрый ублюдок водил за нос не только нас, но и Бада Лахмана, а ты знаешь, какой это следопыт.

— Значит, вы ждали группу, а в силки пришёл только один?

— Точно. Потом плохо помню: он ловко выворачивался из захвата...

Распадался как слизь под руками. А потом будто... чёрт, парень! Потом я будто дрался с настоящим медведем. Лягушонок даже сначала принял этого русского за настоящего шатуна. Сейчас из-за войны их тут много развелось. Если бы не пули, я бы поверил, что встретил Сасквотча^{6}, о котором мне рассказывал отец в детстве. Он видел его раз или два, однажды даже, обознавшись, принял за человека и окликнул. До сих пор, вспоминая этот случай, папа тянется к дробовику: взгляд Сасквотча тяжкий... словно он на расстоянии выстуживает тебе мозг. Папаша пытался в него стрелять, старался выследить, однако проклятый лесной

дьявол завёл его в горы, и отец, поморозившись, едва живой, вернулся только через десять дней. До прошлой недели я думал, что старый пердун врёт и ищет повод выпить задарма – туристы, городские журналюги его спецом подпаивали, заставляя болтать. Сейчас я уже не уверен, может, лесной дух и взаправду есть...

– Бигфут?.. Ты это серьезно, брат?

– Теперь даже не знаю, Фрости... Посмотри: меня словно кто-то пожевал и выплюнул!.. Те, кто меня откачивал, сказали, что Лягушонку свернули шею одним движением, а он не хлюпик и хват по

части «рукопашки». А может быть, их и впрямь было двое? Эйба Перкинса один на один никто не мог одолеть. Проклятое место. Тебе будет трудно. Хочешь совет?

– За тем и пришёл, брат.

Роджер заворочался, отчего койка, жалобно скрипя, даже чуток накренилась на бок. Единственный глаз наставника, не мигая, уставился мне в переносицу, и тем же хриплым шёпотом раненый быстро, словно его кто-то торопил, начал излагать. В тишине, среди резких запахов дезинфекции, лекарств и мочи пополам с дерьмом, монолог товарища звучал особенно зловеще. Впитывая каждое слово, я старался

уловить полезные сведения, едва разбирая его прерывистый хрип:

– Заведи глаза на затылке, Зак. И не доверяй никому: ни этим новомодным примочкам, ни даже нашему распрекрасному командующему – полковнику Трентону. Все эти спутники и роботы – полная херня, а люди после этой чехарды с долларами и фантиками со зверьём, что теперь вместо честных денег, тоже сильно изменились. Все вдруг вспомнили про свою задницу, лелеют её пуще Моисеевых заповедей. Родину с некоторых пор уже не так сильно принято любить, лейтенант. Сам слышал, как капитан Сайкс, ну главный интендант базы,

хвастался, что прикупил сотню акров здешних лесов. Рано, ох, рано они делят добычу, Фрости. Чем дольше я тут, тем сильнее хочу обратно в Афганистан, там, ей-ей, привычней. Русских можно переиграть, если научишься думать, как они. Только так!.. После того, что было под Петербургом, я ни на минуту не расстаюсь со «стволом», но всё одно тревожно и беспокойно. Афганцы и вот теперь русские, только вместо тамошних лысых гор теперь непролазные лесные дебри. Если отбросить мистику, пару зацепок я тебе всё же дам. Первое: это был не совсем профессионал, но и не дилетант... Уворачивался и стрелял

грамотно, но классическую ловушку не распознал. Второе: думаю, что подготовленных бойцов у этих партизан вообще немного, пять, может шесть человек. И самое главное: у организатора засады точно был свой человек тут, на базе или среди наёмников. Они заранее готовились, про конвой знало хоть и много народу, но утечь могло только от того, кто знал все детали. Количество охраны, время конвоя, а особенно про деньги, которые везли люди Сенье. Слышал, что это уже второй случай, когда пропадает касса, только на этот раз что-то пошло не так. Чем чёрт не шутит, может быть, какой-то ухарь сколотил

банду и втихаря громит фургоны с деньгами, а партизаны — это так, дымовая завеса. Проверь лагеря для военнопленных, порасспрашивай наёмников из охранных частей. Знаю, пленных держат в карантине всего трое суток, но всех биометрируют, а допросы пишут на видео. Сравни с найденными трупами, может, что и проявится. Эту загадку решать тебе, а сейчас иди, я вроде как спать хочу.

...Выйдя от Роджера, который почти сразу после последнего монолога отключился и захрапел, я направился в отведённую нам казарму, где, как ожидается, есть отдельная комната и душ. Машину

для перемещения по базе я отпустил ещё на лётном поле: не люблю колёса, предпочитаю ходить пешком, так легче думается. Роджер сказал многое из того, о чём я уже знал. Однако ниточки, ведущие к наёмникам, обрывались почти сразу: единственный спасшийся из пришедших на помощь конвою сотрудников «Блэкстоун» — Матинелли — был уже откомандирован на усиление опорного пункта в районе бывшего города Болотное. Поговорить с ним не представлялось возможным, а его рапорт непосредственному командиру отдельного батальона санации я изучил до последней

запятой. Наёмник излагал гладко: был взят в бою после лёгкой контузии, вследствие потери сознания и последующих провалов в памяти ничего не помнит. Вырвался только после того, как раненый русский, ослабив внимание, не заметил спрятанного у него за голенищем ботинка ножа. Матинелли, развязавшись, просто удрал. Командир отделения роты десантников, высланной для преследования партизан по горячим следам, рассказ Матинелли частично подтвердил. Скорее всего, Майк уже выжал из италяшки все соки и наверняка готовится к ночному рейду. Русские вряд ли отпустили бы

того, кто их видел, добровольно, тут вполне может случиться, что «макароннику» действительно повезло убежать. А может быть, наёмник и темнит, но сейчас до него не дотянуться, это, увы, гнусная реальность. И смотреть в Болотное не выйдет, поскольку поток пленных иссяк и фильтрационный пункт сворачивают, а вместе с ним убывают в немецкий Штеттин все архивы. Надо бы отправить запрос, но это опять две-три недели перезвона с тамошним начальством. Нужно работать тут и обязательно выехать на место боестолкновения, это более продуктивно.

Так, гоняя информацию в

голове, я добрался до казармы — длинного одноэтажного типового здания. Ничего особенного: шесть комнат для офицеров, три сержантских «люкса» на четыре человека каждый, арсенал и интендантский склад. Всё, как я и просил, разместили с максимальным комфортом. Во всех офицерских комнатах есть душевая кабинка и санузел, для сержантов предусмотрены общая душевая и такой же сортир «четыре очка», есть даже закуток с тренажёрами, но это заведение — вотчина Иверса. Офицерам можно посещать вполне приличный «джим». Через два блока на северо-восточной окраине

военного городка есть супермаркет и оздоровительный центр для членов семей. Ответив на приветствие дневального, я прошёл к себе и с трудом втиснулся в душевую кабину. Напор воды оказался на удивление сильным, и после пятнадцати минут блаженства я словно заново родился. Надев тренировочный форменный костюм, сел за небольшой выдвижной столик и разложив портативный компьютер, вошёл в сеть оперативно-стратегического управления спецопераций. Обновлений по общей обстановке за последние шесть часов было не так много: поиски продолжались у юго-восточной подошвы горного массива,

где видели партизан, однако ничего существенного обнаружить пока не удалось. Все следы разметало после приказа накрыть артогнём из всех имеющихся стволов, ребята из 42-й артбригады душу вложили. Подключились и летуны, так что там сейчас сам чёрт ногу сломит. Нет, кто бы ни устроил засаду на конвой, он уже заслужил право для более серьезного подхода к его поимке. Роджер сказал – Сасквотч?.. Ладно, пусть будет называться так, прозвище подходящее. Майор Кейн – начальник Четвертого отдельного пехотного батальона, который сейчас отвечает за обеспечение зоны безопасности района авиабазы и всего южного

сектора, зря гоняет своих людей по камням. Сасквотч затаился, но если Роджер прав, то его основная цель – авиабаза, и если он заброшен с известной нам целью, то очень скоро объявится сам, нужно только понять, где именно его ждать. Щёлкнув клавишей, я переключился на общешфронтовую сводку, хотелось узнать, что там с Витебском, но тут же загорелся предупреждающий баннер: «Доступ ограничен». Странно, последнее время я не мог получить сводки из-под Петербурга, закрыто вообще всё северо-западное направление. А теперь ещё и Белоруссия стала подцензурной зоной. Это направление было одним

из самых спокойных: после путча, устроенного сторонниками оппозиции полгода назад, ровно за два месяца до начала войсковой операции против России и ввода в республику объединённого германо-французского контингента НАТО, единственный союзник русских не оказал организованного сопротивления. Правители России не вмешались во время начала массовых беспорядков, устроенных местными при активной поддержке агентуры ЦРУ. В крупных городах республики начались волнения, постепенно переросшие в перестрелки с применением лёгкого стрелкового оружия, контрабандным путём

доставленного из Болгарии и той же России. Московиты решили вмешаться только тогда, когда из захваченного при поддержке агентов нашей минской резидентуры телецентра прозвучало обращение лидеров оппозиции к Евросоюзу. И когда русские решились двинуть войска на помощь отчаянно сопротивлявшимся немногочисленным остаткам верных белорусскому диктатору частей, контроль над основными городами был уже в руках польско-немецкого контингента Коалиции. Обошлось без больших жертв, не считая разбиравшихся между собой аборигенов, немцы и поляки

потеряли десять единиц
бронетехники и до сорока человек
убитыми и ранеными. Новое
руководство республики выразило
намерение вступления своей
освобождённой страны в блок НАТО.
Однако ключевые города – Минск и
Витебск – всё же были подвергнуты
процедуре санации, коренных
жителей республики уничтожали
десятками тысяч. Особо
усердствовали польские
полицейские части, но и немцы тоже
особой гуманностью не отличались.
Спустя пять недель Белоруссия
оказалась под полным контролем сил
Коалиции, однако, судя по всему,
победные репортажи были

преждевременными, иначе зачем это ограничение. Бывший президент и его свита по одним сведениям сбежали в Россию, по другим — уничтожены точечным бомбовым ударом по наводке польского спецназа. Закрыв крышку ноутбука и потянувшись до хруста в костях, я плюхнулся на довольно удобную кровать и включил небольшой телевизор, подвешенный на стене в изножии. Выбрав новостной канал, транслируемый прямым из Штатов, я попал как раз на одиннадцатичасовой вечерний выпуск CNN. Говорила звезда вечернего эфира — симпатичная метиска Джоан Мэй, её чёрные

волосы, уложенные в безупречную высокую причёску, мне всегда нравились своим натуральным блеском, а улыбка была искренней и доброй. Девушка умела улыбаться так, будто каждый по ту сторону экрана – её старый хороший знакомый. Но сейчас Джоан никак не могла выдавить хотя бы дежурную улыбку, а тон голоса был тревожным. Я прибавил громкости и вслушался в сообщение:

— ...Губернатор Техаса, достопочтенный Джордж М. Ли заявил на заседании комиссии по размещению перемещённых лиц, что заключённые в изоляционных лагерях враги государства могут быть

привлечены для работ по
дезактивации окрестностей
Хьюстона...

На экране появилось красное
лицо губернатора Ли, облачённого в
строгий тёмно-коричневый костюм-
тройку. Ли стоял на ступенях
недавно отстроенного Дворца
правосудия в Остине – столице
штата. Воротник белой рубашки и
традиционный галстук-шнурок с
массивной застёжкой едва
сдерживали напор могучей шеи
губернатора. Ли трубным басом
вещал в протянутые микрофоны
журналистов, прижав чёрную
широкополую шляпу к широкой, но
рыхлой груди:

– Эти шпионы приехали в нашу страну под видом политических беженцев! Они отняли у нас, коренных американцев, рабочие места, купили на уворованные в своей дремучей Московии деньги шикарные особняки и земли! А откуда взялись эти деньги?! Мы! Мы с вами много лет подряд давали русским вынутые из наших с вами карманов честно заработанные гроши и отправляли бедным, как нам говорили содомиты и коммунисты из Вашингтона, людям. Нас убеждали, что в России хотят построить демократию, и мы верили!..

Толпа, собравшаяся перед Дворцом Правосудия, поддержала

оратора одобрительными выкриками, слышались дружные аплодисменты. Щурясь от бликов фотовспышек, Ли, всё более распаляясь, продолжал, местами его голос срывался на истерику:

– И что теперь?! Они первые напали на нас, я сам выписывал пособия и продление медицинских страховок для наших парней, принявших на себя первый удар русских в Польше. Потом эта страшная трагедия национального масштаба: Хьюстон обращён в пепел, на месте чудесного города, построенного нашими предками, сейчас радиоактивная пустыня! А что же эти шпионы, наводнившие

нашу Землю обетованную, словно тифозные вши? Они жируют на ворованные деньги, пьют чистую воду и дорогие вина, едят деликатесную пищу в ресторанах этого рассадника греха – Нью-Йорка, блудят в калифорнийских вертепах Лос-Анджелеса, швыряют на ветер миллионы в ласвегасских казино! При виде всего этого Господь наш обратил бы в соляные столбы тамошних блудниц и менял!..

Толпа вновь взорвалась восторженными криками, оператор дал панораму митинга, я, на глаз прикинув количество собравшихся, подумал, что старого маразматика слушает тысячи три людей. Между

тем камера снова вернулась к фигуре оратора:

— Американский народ дал мне право быть его заступником перед любой бедой, и я не подведу вас, братья и сёстры! — Театральным жестом Ли выдернул бумагу, всё это время скрытую широкими полями шляпы, и потряс тонкой кипой набранных убористым машинописным текстом листов бумаги над головой.

— ...Сегодня я подписал закон, одобренный представителями округов. Вот он, День Гнева, вот она, кара для лицемеров и лжецов, прокравшихся в нашу благословенную страну, словно

ночные воры!!! Теперь шпионы, заключённые в трёх лагерях, размещённых возле Форт Уорт и Армадилло, будут разбирать завалы на пепелище порушенного их сообщниками великого Божьего града! Также я обратился к президенту с предложением, чтобы все шпионы из всех подобных лагерей по всей стране направлялись к нам, работы хватит на всех!

Картинка сменилась, на экране снова была студия и прелестное смуглое лицо Джоан, слегка побледневшее. В раскосых зелёных глазах отразилось смятение. Однако девушка быстро справилась с волнением и продолжила:

– Губернатор Ли был одним из авторов закона о поражении в правах бывших выходцев из СССР, а также членов их семей и близких родственников^[4]. Более двух миллионов натурализовавшихся россиян и их родственников сейчас находятся в карантинных зонах на территории США и Канады, которая с января 2012 года присоединится к договору о Единении и станет полноправным гособразованием в составе Соединённых Штатов. Среди бывших граждан оказались довольно влиятельные бизнесмены и знаменитости, в числе которых известный инвестиционный банкир Воловой, бывший член совета

директоров нефтяной компании «СОРМА Трейд» – Валерий Николаенко и известная фотомодель и актриса Нина Сингер, чьё настоящее имя – Анастасия Фадеева. Все счета неблагонадёжных граждан арестованы, а имущество конфисковано фискальной службой национального казначейства.

Камера взяла общий план, и в кадре появился лощёный брюнет с правильными чертами лица. Это был Грэг Престон, которому из-за умения строить серьёзную мину понимающего эксперта доверяли читать хоть и важные, но менее значимые сообщения. Скупой улыбнувшись, ведущий заговорил

хорошо поставленным баритоном, перехватив эстафету у коллеги:

– С вами снова Грэг Престон, последние новости о положении на международной космической станции.

На экране появилось изображение МКС, но так, словно камера находилась на приличном расстоянии от станции. Внешне всё было как обычно, и никаких изменений, на мой взгляд, дилетанта в астронавтике визуально не наблюдалось. Голос Грэга за кадром начал комментировать статичную картинку мерцающей габаритными огнями громадины, мерно, словно гигантский осьминог, плывущей над

Землѣй:

— Очередной неудачей закончилась попытка переговоров со сменой русских астронавтов. После событий двадцать шестого июля, когда трое русских выдворили американского и французского членов экипажа, силой принудив тех к эвакуации в спасательном аппарате, с МКС нет связи. Постоянно транслируется только предупреждение на английском, французском и немецком языках о том, что любая попытка стыковки приведёт к уничтожению станции. Представитель НАСА Стив Баллард заявил в связи с инцидентом, что если в течение последующих двух

недель не будет найдено приемлемого решения, МКС будет уничтожена...

Дальше я слушать не стал, переключившись на трансляцию записей старых футбольных матчей, для чего, собственно, и врубил телевизор. Астронавты скоро сдадутся, поскольку им там уже наверняка нечем дышать, не говоря уже про всякие припасы вроде еды и воды. Что касается бывших богатеев с русскими корнями, то их подвела излишняя самоуверенность: они мыслили стереотипами своей же коммунистической пропаганды, где говорилось, что частная собственность и деньги для

американцев священная корова. Они ничего не поняли, уж я-то точно знаю, что главное – не то, сколько у тебя денег, а то, кого на данный момент объявят врагом государства. Такой человек или группа людей автоматически становятся неприкасаемыми в самом худшем смысле этого слова. Русских не спасли даже деньги, я сам видел, как перед вторжением военная полиция выводила арестованных офицеров и солдат, чьи родственники оказались выходцами из России. Тогда «Билль о благонадёжных» ещё существовал в качестве секретной директивы, и не было никакой истерики, поскольку в войсках чистка уже давно

проводилась, а неудобные брались на карандаш. Русских и так теснили по службе, стараясь не допускать на командные посты, но после директивы от них избавились в течение двух суток. У нас в отряде максимум кого можно встретить, это чёрного или мекса, русских брали только в пехоту и во всякие вспомогательные части, так я слышал. На экране закончилась нарезка из игр прошлогодней серии, я выключил «ящик», подоткнул подушку и прикрыл глаза. Нужно обязательно выспаться и отдохнуть, после приземления я ни разу не присел, если не считать брифинг у Трентона, а потом садиться за

планирование первого боевого выхода. Основное оборудование и часть припасов прибудут только завтра, поэтому потеряем как минимум сутки-двое на развёртывание, налаживание взаимодействия с ротой охраны и размещённой тут же на базе десантурой. Командир последних, капитан Райли, был мне знаком ещё по первым дням войны. Толковый, но слишком прямолинейно мыслящий офицер, он может помочь и поддержать, когда придёт время, но на большее рассчитывать нельзя. Снова придётся полагаться только на самого себя... Ах, как не вовремя Кодьяк слёг на больничку, совсем не

вовремя!..

* * *

*Россия, 27 сентября 2011 года.
12.35 по местному времени. Юго-
восточный Салаир, реликтовый
пещерный комплекс в районе горы
Пихтовой. Примерно 638
километров от ближайшего
населённого пункта и около 580
метров над уровнем моря. Район
постоянного базирования
партизанского отряда. Антон
«Ропша» Варламов. Новое задание,
старые друзья и таинственный
незнакомец.*

...Удивительная штука чувство — личного комфорта: сейчас тебе кажется недостаточно мягким кресло с ортопедической спинкой и подогревом, ну не сидится в нём удобно, как ни ёрзай. И вот спустя всего пару месяцев в грязи, под пулями да с лишней парой дырок вдобавок к уже имеющимся в организме от природы условия жизни кардинально влияют на систему ценностей. Горячая вода и кусок хозяйственного мыла кажутся верхом цивилизации и действительно способствуют улучшению настроения. Вода была очень горячей, однако избитое и продрогшее тело требовало именно

тепла. Жаркого, поглощающего всё существо живого тепла. Может быть, оно выгонит стужу, ощущение которой наравне с иссушающей жаждой были и остались моими главными спутниками на войне. Эту разновидность озноба и жажды не излечить, настолько глубоко они въедаются в тело, вплоть до костного мозга. Скорее всего это не физические, а психологические симптомы особого военного невроза. На уровне сознания ты уже ничего толком не ощущаешь, даже такое сильное чувство, как страх смерти, кажется, уходит. Остаются только жажда и озноб, природу не обманешь.

Зажмурившись, я оттолкнулся от отполированного проточным течением края просторной каменной чаши и, присев на корточки, погрузился в исходящую паром воду. Снова звуки стали гулко отдаваться в ушах, тёплая темень в который раз вызвала прилив тихой радости. И на данный момент действительно повод был: живым до подгорных пещер добрался отряд Леры, потеряв четверых бойцов, что для совершенно пикового расклада было хоть и горько, но приемлемо. Также благодаря почти фанатичной вере в мой военный гений Варенуха, торчавший у подошвы горы почти неделю без смены, навёл нашу

сбившуюся с дороги группу на второй вход в катакомбы. Мы, таким образом, не блуждали в поисках точки входа, рискуя или нарваться на американцев, или быть обстрелянными своими. Это было фантастическое везение, однако я не обольщался удачей, которая, как известно, дама капризная.

Столь удачному стечению обстоятельств способствовала, как мне думается, общая неготовность амеров к тому, что у них в тылу оказался способный к сопротивлению отряд. Плюс выбранный мной район как нельзя лучше подходил для укрытия, в придачу про пещеры никому из

официальных властей даже в мирное время известно не было. Район Салаира – это старые, рыхлые горы, изрытые заброшенными выработками, тоннелями без начала и конца, в которых затеряется любое количество людей: как небольшой отряд беглых страйкболистов, так и хоть целый полк, посланный на их поиски. Выходов на поверхность существует масса, однако все они в такой чашобе, что найти дыру в земле или трещину в скальной породе очень маловероятно, даже если знаешь, что вход где-то поблизости. Подошва и склоны Салаира – сплошняком чернолесье, густой частокол из деревьев и

кустарника, войдя в который, можно остаться там навсегда.

...После отчаянного налёта на КП амеровской части нас на удивление вяло преследовали. Пару дней разрозненные поисковые группы выходили на наш след, но мы, всякий раз уклоняясь от их попыток завязать бой, уходили. Наконец на шестые сутки безостановочного бега мы вышли к неглубокой ложине ведущей к юго-восточному склону горного хребта. Мы остановились, укротив мерный темп бега, и почти сутки, сменяя друг друга, отсиживались в отвалах старой породы, заросшей кустарником и сосняком. Отдежуририв свои три часа

перед самым рассветом, я тогда забылся тяжёлым, чутким сном, который пришёл тотчас, как только голова коснулась нарубленных Алексом пихтовых веток, служивших нам постелью. Спальники и многое другое я приказал схоронить до лучших времён ещё перед самым началом акции, чтобы уходить налегке. И если быть откровенным до конца, не особо верилось, что получится вырваться из вражеского логова живым. Мы все страдали от промозглой погоды, а из еды были только корни и грибы, да однажды мне удалось поймать в силки двух рябчиков, которых мы съели практически сырыми. Усталость как

ощущение уже давно существовала где-то отдельно: все мы представляли собой компанию грязных, отощавших существ, с неотвратимым упорством двигавшихся к одной, известной только нам, цели. Ирину мы подкармливали ягодами, которые удавалось собирать на ходу. Но девушка хоть и принимала знаки заботы о себе, однако тайком делилась с тем из нас, кто оступался и падал, ослаб сильнее остальных. Такого приходилось подхватывать под руки и тащить на себе какое-то время, но в целом выдержали все. Поэтому на седьмые сутки группа уже потеряла остатки боеготовности,

и случись напороться на реального противника, думаю, что всё решилось бы не в нашу пользу и в довольно короткий срок.

В сон вкрался запах сырой одежды, пота и оружейной смазки, кто-то тянул руку, чтобы потормозить меня за плечо, однако рефлекс оказался сильнее усталости и я поймал за узкое запястье осторожно подползшую ко мне Ирину. Та вздрогнула от неожиданности, но прежде чем девушка попыталась освободиться, я уже разжал пальцы и, глядя ей в глаза вопросительно, мотнул подбородком. Знаками девушка дала понять, что впереди есть кто-то чужой.

Осторожно, чтобы не делать лишнего шума, я перекатился на живот и, сгруппировавшись в полуприседе, поманил Иру, чтобы поговорить. Присев и склонившись головами почти лоб в лоб, мы наконец смогли начать перешёптываться:

— Командир, — голос девушки звучал с шипящими интонациями: простуда, как и у всех нас, — впереди чужой. Идёт по сухому руслу, вооружён, но «ствол» не американский. Идёт осторожно... Всё время смотрит по сторонам, похоже, что-то ищет.

Чтобы окончательно отогнать сон, я провёл ладонью по росшим вокруг низким кустам, собирая

повисшие на стеблях и круглых листьях холодные капли дождевой воды. Из-за постоянного ощущения холода кожа лица совершенно задубела, и холодная вода только слегка обожгла веки, но в голове немного прояснилось, и я кивнул девушке, предлагая вместе идти на облюбованный ею передовой НП. Это была груда замшелых камней на правом, северном склоне лощины, к которой со стороны места, избранного нами под стоянку, вела неглубокая извилистая промоина, поросшая кустарником, совершенно не видимая с противоположной стороны той части русла, откуда только и можно было пройти со

стороны гор в лес. Поэтому мы незамеченными пробрались на позицию Ирины, и она жестами указала на еле заметную невооружённым глазом едва перемещающуюся серо-зелёную точку среди валунов и невысоких деревьев которыми было усеяно сухое речное русло. Мой трофейный прицел тут снова был бесполезен, поэтому девушка осторожно передала мне свою винтовку. Оптика, конечно, была отменная: приблизив глаз к обрезиненному окуляру, я увидел в сетке прицела слегка неуклюже скачущую по камням крупную фигуру в знакомом самодельном костюме, вроде того,

что в своё время я шил для себя и
обоих артельщиков. Но от
приветственного крика удержало то,
что Семёныч, а это без всяких
сомнений был он, шёл не один.
Следом за бывшим дальнобойщиком,
на расстоянии десятка метров
шустро прыгал по камням невысокий
мужичок в вылинявшем дождевике с
полноразмерной мосинской
«трёхлинейкой» на плече, грамотно
повёрнутой стволом вниз^{7}. Человек
имел загорелые до черна лицо и
руки, короткая, ухоженная седая
борода и такие же усы скрывали
лицо до половины. Волос не было
видно из-за надвинутой на глаза
серой кепки, а дождевик скрывал

фигуру почти до пят. Про себя я отметил, что лет человеку может быть не так уж и мало, скорее всего пенсионер — шестьдесят, может, шестьдесят пять годков. Уж слишком шустро этот гражданин поспешал за нашим пятидесятилетним партизаном. Появления Семеныча совершенно не ожидал и был искренне рад увидеть знакомое лицо. Неожиданно случилось то, чего никак нельзя было ожидать: «пыльник», как я про себя окрестил спутника Варенухи, остановился и негромко что-то сказав тоже замершему почти мгновенно Семёнычу, снял с головы кепку и помахал ею над головой, словно бы

смотря прямо на меня. Мысль о засаде пришла в голову почти сразу же, поэтому, наклонившись к девушке вплотную и передав ей винтовку, я тихо приказал:

– Ира, тот старый гриб-боровик наверняка нас не заметил, однако присутствие людей каким-то образом почувствовал. Иди в лагерь, буди ребят – пусть займут оборону с вектором прорыва на северо-восток. Там длинный овраг, он идёт в сторону двух низких сопок, в тайге легче будет затеряться. Сама возвращайся обратно, осматривайся по секторам, когда я выйду им навстречу. Если это ловушка, противник так или иначе себя

выдаст...

— Без тебя мы не уйдём.

— Отставить! — Я, пусть и шёпотом, но чутка надавил голосом. — Просто прикрывай меня, сколько сможешь. Но только после того, как я упаду и начну палить. Если всё будет ровно и дед этот безвредный, откину капюшон и подтягивайтесь сюда.

Девушка упрямо мотнула головой, но послушалась. С дисциплиной у бывших поклонников импортного аналога «Зарницы» всё же получше, чем в нашем невеликом отряде народных мстителей. Костюм, доставшийся мне в наследство от некоего покойного «туриста», уже

притёрся по фигуре и почти не стеснял движений. Однако за время, проведённое в «секрете», роса и мелкий морозящий дождик сделали ткань сырой и тяжёлой. Проверив, как вынимается из левой нарукавной петли нож, и расстегнув кобуру, чтобы в случае чего сразу выйти на парную серию из двух выстрелов, я пристегнул автомат карабином к поясу сзади и поднялся из укрытия, держа руки чуть расставленными в стороны. Дед уловил мое движение в тот же миг, когда я только ворохнулся, что говорило об отменном зрении и реакции престарелого аборигена. Он, ещё раз помахав кепкой, ринулся мне

навстречу, даже обогнав Варенуху, и совсем уже было разогнался, но Семёныч, увидев меня, удержал старика на месте и сам вприпрыжку поскакал по камням в мою сторону. По мере приближения водилы я понял, что старик каким-то образом сумел завоевать его доверие: Семёныч своего спутника несколько не опасался. Я шёл навстречу, осматривая попутно скаты узкой, заросшей кустарником теснины. Сиясь разглядеть движение за низкорослыми стволами деревьев или в зарослях боярышника, обшарил всё, но ничего не уловил. Чувства молчали, и теперь уже трудно было различить причину этой немоты. Тут

одно из двух: или всё реально чисто, или я настолько загнал организм, что кроме навязчивой паранойи ничего вообще ощущать не способен, покуда не выплусь и не отогреюсь...

— Командир!.. — Варенуха добежал-таки первым, но, видя моё напускное спокойствие, замер в трёх метрах — Мы... я... Лера сказала, чтобы я искал, она отправила ещё три группы. А я... мы с Андрей Ивановичем... Он сказал...

Продолжая осматриваться, я только кивнул, не убирая рук далеко от пистолета и ножа. Кругом было обычное туманное утро, пахло сыростью и над всем стоял особый запах мокрого замшелого камня,

который ни с чем не спутаешь. Подстава или нет, но придётся рискнуть. Опустив руки и расслабившись, я шагнул навстречу бывшему водиле, и мы крепко, до костяного хруста обнялись.

— Здоров, Виталий Семёныч!..

Голос мой проскрежетал с непривычки особенно громко, так что я не узнал сам себя. Во время рейда всё больше говорили шёпотом и знаками, ловя звуки окружающего нас леса, слушая, не проявится ли жужжание беспилотника или стрёкот мощных винтов вражеского вертолёта. Варенуха жестом позвал стоявшего чуть поодаль старика:

— Там, в лесу, в самой чащобе, я

на заимку лесническую набрёл. Вот, командир, знакомься: это местный егерь Чернов Андрей Иванович. Местные леса как свои пять пальцев... Он мне и подсказал, где искать вас.

Неожиданно Варенуха присел на ближайший валун и, сняв шапку-маску, уткнулся в неё лицом глухо простонал:

— Все вернулись ни с чем... Говорили, что ты и остальные погибли... Я один искал... не верил... Знал, просто знал, что ты живой, и всё.

После этих слов у меня словно что-то оттаяло внутри. Скинув капюшон, я присел рядом с бывшим

водилой и, приобняв его обширную тушу в свалявшейся мохнатой накидке, только и смог произнести:

– Нет пока моей пули ни у кого... Ждёт, не торопится. Ты не ошибся, проживём пока что.

– Хорошо, что девке своей не сказал стрелять, – подал голос старик Чернов. – Перетрухал я маленько, когда она оптикой меня щупала. Грамотно спряталась, не сразу найдёшь. А вон и твои архаровцы бегут...

Встав с камня, я увидел, что старик показывает мне за спину и повернул голову так, чтобы всё же не упускать нового человека из виду. Бросив взгляд через плечо,

обнаружил, что вся группа уже в полном составе цепочкой движется по левому скату лощины в нашем направлении. Дождавшись, пока заметно отдохнувшие и набравшиеся сил ребята дойдут, я внимательно рассматривал старика. К ранее увиденному мало что добавилось: одежда удобная, ношенная, сапоги шитые на заказ из твёрдой кожи на толстой резиновой подошве, скорее всего с подшипниковыми набойками, чтобы не скользить на камнях и по льду. Оружие ухоженное, прицел импортный, переменной кратности, не из дешёвых. На стволе у дульного среза характерный крепёж — винтовка специальная, на неё можно

поставить ещё и «тихарь». А судя по свежим царапинам, старик такое приспособление имеет и по крайней мере с неделю назад им пользовался. Когда все подтянулись, я отдал команду построиться, следуя указанному стариком направлению на юго-запад, где узкие скаты лощины расступались, переходя в густой лес, где, по словам нового проводника, есть неприметная тропка, ведущая «аккурат туда». Под этими словами Чернов подразумевал вход в пещерный лабиринт, откуда можно было пройти за трое-четверо суток к тем пещерам, где сейчас находился базовый лагерь отряда Леры.

Отправив знавшего маршрут Варенуху в голову колонны на пару с Ириной, я сам пошёл в хвосте, чтобы получше присмотреться к леснику, ненавязчиво пригласив его пойти рядом. Только идиот стал бы говорить на марше, тем более в лесу, где любой звук может быть услышан тем, кто умеет это делать. Поэтому следующие десять часов пути мы просто шли вперёд, пока к вечеру не вступили в лес. Всё это время только пару раз на севере и северо-востоке слышалась отдалённая канонада. Вертолётов и беспилотников ни разу засечь не вышло, думаю, оккупанты все силы бросили на усиление охраны железнодорожного узла и

авиабазы. Если поиски всё ещё ведутся, то южнее. Иными словами, не там, где потеряли, а там, где светло. Чёрная тайга встретила нас сухим полумраком и запахами готовящегося к спячке леса: хвойных иголок и коры, палых листьев и усыхающего кустарника, а также тонким ароматом грибов да перезревающих ягод. Тут было не так сыро, как у подошвы рыхлой плоской горы, сказывалась плотность смешанной лиственно-хвойной поросли. В таком лесу можно не бояться обычного осмотра с воздуха, но, учитывая шагнувшую вдаль технику, я особо не расслаблялся сам и предупредил по цепочке

остальных, чтобы в случае чего расходились под прикрытие самых больших сосен или пихт, чьи кроны может быть смогут затруднить визуальное опознание в нас людей. Когда мы прошли по петляющей звериной тропке километра два, Чернов показал мне спрятавшуюся в поросли молодых сосен замшелую скалу, в которой время высверлило довольно широкую выемку, образующую глубокую нишу с высоким трёхметровым потолком. Собрав немного хвороста, мы разбили лагерь. Выставив в охранение Алекса и Ирину, как самых опытных, я присел к костру на собранные в кучу палые листья, коих

в нише оказалось вполне достаточно, чтобы всем нам зарыться в них с головой. Собранные в стороне от маршрута грибы уже нанизаны на тонкие прутья и, сбрызнутые солёной водой, подрумяниваются на небольшом, но дающем ровное тепло костерке. Старик сел рядом, прислонив винтовку с зачехлённым прицелом к стене ниши, чтобы в случае чего сразу взять оружие. Оптика была пристроена таким образом, чтобы как можно меньше увеличивать силуэт стрелка, поэтому рамка крепёжной планки была хитро изогнута, и сделано это несомненно вручную. Вообще, «трёхлинейка» производила впечатление гораздо

более сильное, нежели снайперская «раскладушка» Ирины. В ней чувствовалась некая солидность, ощущалось количество вложенного владельцем труда и в какой-то мере, конечно же, денег. Тёмное, ореховое ложе, воронёный ствол и рычаг затвора с машинной гравировкой... Нет, непростой это дед с непростой винтовкой. Разгадывание шарад и кроссвордов — как раз тот вид деятельности, который я более всего не жалую. С одной стороны, Чернов ведёт нас уверенно, даже когда я два раза произвольно менял маршрут, чтобы проверить, как поведёт себя старик на местности. Не моргнув глазом, новый знакомец Варенухи

выбирал всякий раз самую удобную дорогу, только хитровато щурился, украдкой глядя в мою сторону. С другой стороны, ложе из орешника, в то время как наши отечественные «трёхлинейки» и карабины все из сосны и берёзы. Опять же гравировка на рычаге и хитрая планка под прицел — всё говорило о том, что винтовочка дорабатывалась в заводских условиях. Американский агент, из тех, что внедрялись заранее? Но тогда подгорная база тоже была бы раскрыта, и довольно давно. Варенуха из тех, кого можно обмануть, однако запугать человека, потерявшего всю семью... Есть идея! Встав от костра, я сделал

успокаивающий жест
встрепенувшемуся было Чернову:

– Пойду, перекинусь парой слов с боевым товарищем, не виделись давно, вы уж извините, Андрей Иванович.

Старик кивнул и на удивление спокойно улыбнулся в бороду, показав прокуренные жёлтые зубы:

– Ничего, я пока тут посижу, кости погрею.

Варенуха, до того с каким-то одержимым тщанием чистивший пулемёт, быстро собрал оружие и отошёл со мной метров на десять от костра. Я повёл бывшего водилу за южный выступ ниши, чтобы ветер не относил слова в сторону сидевшего к

нам спиной Чернова. Семёныч сильно изменился: движения стали более скупыми и расчетливыми, взгляд настороженным. Пулемёт он теперь держал более уверенно, видно, что привык к оружию, полюбил его. Но стоило нам заговорить, как я узнал прежнего, немного растерянного гражданского водилу, придавленного навалившимся вдруг грузом обстоятельств. Присев на корточки и пригласив артельщика сесть напротив, я спросил:

– Виталий Семёныч, расскажи, как добрались, как устроился на новом месте?

– Да нормально... ну почти так: три больших зала, есть спуск к речке

подземной и даже горячий ключ прямо из-под земли бьёт...

Варенуха, сначала сбивчиво, а по мере продолжения расспросов всё более последовательно и спокойно, рассказал про новый лагерь отряда. До описанного мной спуска в пещеру отряд добрался без помех, поскольку дезориентированные преследователи изначально отвели основные силы восточнее, сконцентрировав усилия на поисках в наиболее слабо проходимой части Шиковичей. Тактически это было верно – место глухое, для укрытия самое оно. Миновав открытое пространство и держась правой, северо-восточной стороны ущелья, отряд за три часа

быстрого марша сумел достичь подошвы довольно высокой горы. Группа, в которую входил и Варенуха, поднявшись на почти стометровую отметку, обнаружила неширокую террасу, с которой приметная расселина в виде трезубца оказалась доступна для спуска. Ещё спустя два часа трое добровольцев спустились по узкому проходу на дно расселины, где, к вящей их радости, действительно обнаружился искомый проход в целый подземный город. Подъём и последующий спуск раненых и наиболее выбившихся из сил членов отряда занял ещё порядка пяти часов. Амеры опомнились только к вечеру, а вернее, к шести

часам пополудни. В тот самый момент, когда последняя партия уже заканчивала подъём на карниз, по ущелью начала работать ствольная артиллерия, миномёты и авиация. Изшедших последними бойцов во главе с раненым Кэрри накрыло шестерых. Двоим удалось укрыться в складках расселины и спуститься ближе к полуночи. Сам Кэрри погиб одним из первых: спасая висящих на частично оборванной страховочной связке товарищей, он хладнокровно обрезал трос и упал вниз. Остальных накрыло уже после того, как первая пара начала спуск в расселину: люди оказались на открытом месте, чем воспользовался ведущий амеровской

вертолётной пары и расстрелял «туристов» из курсового пулемёта. В общей сложности выжило двадцать восемь человек из изначально составлявших отряд. Из этого числа две трети – раненые и даже трое, детей от шести до тринадцати лет. Однако спасшимся повезло: пещеры, служившие стойбищем для древних людей, оказались вполне пригодными для жилья, на местах старых костровищ люди вновь, как и тысячи лет назад развели огонь. Горячий источник, о котором я уже упомянул, оказался каскадным комплексом сообщающихся озёр, образующих три огромных, неправильной формы чаши, до трёх

метров глубиной в самой нижней точке. Горячей, бурлящим крутым кипятком, вода была только в озере, расположенном на уступе выше двух остальных, в нижние озёра вода стекала, когда переполнялся верхний резервуар, и поэтому в среднем температура воды достигала приемлемой, градусов до сорока по Цельсию. На вкус, по словам водилы, вода была чуть солоноватой, отдающей тухлятиной. Однако питьевую воду вскоре нашли ниже: несколько тоннелей вели к берегам подземной реки с довольно быстрым течением, там вода была совершенно чистая. Некоторые даже видели рыбу, но пока никто не ловил её.

Получалась довольно интересная картина: три больших зала на уровне двухсот-трёхсот метров сообщались между собой сетью узких и не очень коридоров. Как оказалось, гора, словно кусок сыра, была пронизана извилистыми коридорами, которые пробили здесь некогда речные потоки. Часто такие ходы никуда не вели, однако спустя несколько дней высланные на разведку поисковые группы обнаружили три выхода наружу. Так в лагере появилось топливо, которого первоначально сильно не хватало. Во время одной из таких вылазок Варенуха и встретил старика Чернова. Бывший дальнобойщик поделился

соображением, что старик выследил их точку входа, поскольку народ в отряде соблюдал осторожность довольно своеобразно, и опытному следопыту обнаружить, откуда приходят заготовители валежника, было проще простого. Нужно, однако, отдать «туристам» должное — сначала лесовику никто не поверил, однако тот пошёл с ними, не сопротивляясь, отдал винтовку и позволил завязать себе глаза. Но Варенуха снова высказался в том смысле, что старик даже в пещерах вёл себя так, будто находился тут не впервые. Когда я спросил, какова же была реакция Леры на пленника, то Семёныч, выказывая явное

благоволение девушке, с плохо скрываемым восхищением сказал, что Лера поверила Чернову только после долгой, двухчасовой беседы с глазу на глаз. Это меня несколько отрезвило, ибо, во-первых, я сам доверял чутью нового командира отряда и, во-вторых, Чернов действительно хоть и выглядел подозрительно, однако я не чувствовал в нём угрозы. Кроме того, было и одно практическое соображение: раз лесник так ловко ориентируется не только в труднопроходимом чернолесье, но и бывал в пещерах, у него много раз уже была возможность дать сигнал тем, кто нас так тщетно, но усердно

разыскивал. Как я уже заметил ранее, амеры очень сильно полагаются на всякие технические приспособления, и будь Чернов их креатурой, то церемониться с обнаруженными беглецами никто бы не стал. Американцы без колебаний пожертвуют даже ценным агентом, коли возникнет хоть малейший риск упустить партизан. Пещеры бы уже выжгли, а прилегающую к горе местность накрыли плотным артогнём. Всё указывает на простой вывод, сделанный оккупантами: прозевали незначительный отряд недобитков, поэтому давайте быстро решим эту мелкую проблемку самым простым способом. Пока нас

действительно держат за дурачка в чужом преферансе, на которого и так потрачено много лишних сил и средств. Громоздкая, пусть и современная, но всё же в целом неповоротливая армейская машина, что тот слон, просто покуда ещё не ощущала нашего мелкого укуса. Но всё изменится, стоит нам выжить и приспособиться, тогда в игру вступят совершенно иные силы, но пока что удача, а главное — время всё же на стороне слабейшего. Как бы то ни было, покуда информации к размышлению было вполне достаточно. Прокачку старика Чернова придётся отложить на некоторое время, если он друг —

попрошу прощения, если засланец... Ну тогда будем надеяться, что обезвредить его удастся прежде, чем он успеет причинить существенный вред отряду. Поднявшись и размяв начавшие неметь ноги, я вместе с Варенухой вернулся к костру и снова сел рядом со стариком. Семёныч же, напротив, отошёл от огня и, завернувшись в накидку, заснул, отвернувшись к стене. Чернов за время нашего с артельщиком отсутствия, казалось, ни разу не переменил позы, только глаза время от времени щурил, когда смотрел поверх пламени в темноту перед собой. Ночь тут была абсолютно чёрной, неба, как и везде в чащобе,

видно не было. Ветер гудел в верхушках деревьев, трепал ветки, вдали опять слышалась канонада, по звуку на юго-востоке работали тяжёлые миномёты. Теперь война была везде, от безмятежности первых недель ничего не осталось, скоро в любой глухомани будет небезопасно. Неожиданно захотелось закурить, да так сильно, что свело скулы.

— У меня табак есть, коли свой весь извёл. Будешь?

В руках старика оказался раскрытый золотой портсигар, украшенный богатой гравировкой, изображавшей сцены каких-то греческих побоищ. Вот и ещё один

сюрприз: золото отливало кроваво-красным оттенком, а клеймо на внутренней стороне верхней крышки говорило об авторской работе. Иными словами, вещь была опять с закавыкой, как и мудрёный «винтарь». Внутри лежали папиросы, но без заводского клейма, видимо, старик набивал их сам, что в принципе для такой глуши нормально – таким многие балуются, когда табак проще вырастить самому, чем покупать. Я не удержался и, втянув носом одуряющий аромат терпкого «зелья», с сожалением отказался:

– Благодарю, но, раз бросил, то более не начну.

— Разумно. — Спрятав диковинный портсигар, старик снова уставился в огонь. — А я вот не могу избавиться. Как в тринадцать лет пристрастился, так до сих пор и смолю. Ты, если чего спросить хочешь, то спрашивай, не дичись.

Вызов на откровенный разговор тоже может быть ловушкой: излагать легенду очень удобно, когда инициатива в твоих руках и контроль над нитью беседы перехватить очень сложно. Однако вариантов как баран чихнул, поэтому я только поощрительно кивнул:

— Хорошо, тогда расскажите, как и зачем вышли на контакт с отрядом, ведь с таким знанием местности и

припасами вы вполне могли просидеть тут сколь угодно долго.

– Просиде-е-еть! – Чернов с горечью мотнул головой и, снова вынув портсигар, выудил из него папиросу, сунул незажжённой в рот. – Вот именно, что просидеть! Все вокруг заладили: моя хата с краю, ничего не знаю. Я раньше по Амуру баржи водил, потом золото мыл, всякое видел. Сам знаешь, народ там рисковый да разный. Убивцы, жульё – всех видел, но хоть шкурного было много, такого, как теперь, не припомню. Бывало, возьмётся пал лесной или вода высоко подымется – все свои распри забудут и вместе спасаются. А

сейчас... тьфу, вспомнить противно! Я сам-то на заимке живу, радио на батарейках, да и ловит погано из-за сопок этих. Аккурат в воскресенье, двадцать восьмого... ну августа то есть, пошёл в посёлок Выриково, это вёрст триста отсюда, если по прямой. Прихожу, а посёлок пустой стоит, никого нету, и даже ни одна собака из-за забора не брешет.

— Каратели?

— Они, они самые. — Глаза Чернова превратились в узкие щёлочки, и меня передёрнуло, до чего тёмным огнём они сверкнули. — Только я сначала не понял ничего, пока за околицей костёр не запалили...

— Закапывать не стали?

— А чем они будут копать, коли тракторов всего два, и те без соляры ещё с весны? Продали соляру-то. Техника вся у фирмы, которая лес заготовливает, а это не ближний свет, почитай вёрст сто от посёлка, да и посёлок наш — одно название, десяток дворов и вся недолга. Так думаю, что оттуда ради трупов бульдозер никто не погонит.

Разгильдяйство оказалось и на сей раз на руку выжившим. Я уже догадывался, что услышу дальше, но не перебивал. Хотелось понять, почему Лера поверила старику так скоро, ведь история пока повода не давала. Перекинув пожёванную

папиросу в левый угол рта, Чернов с тихой яростью в голосе продолжил:

— Свалили всех в кучу за околицей в овраг, завалили дровами из поленниц да подожгли. А сами стоят возле ямы и добро их, выпотрошенное из изб, перебирают. Ясное дело, ценности искали. Да только чего там ценного у старух да пьяни, что в город не сбёгла? Ну пока оне там ёрзали, я обратно в сторожку — приспособа у меня к винтовке есть, чтобы без шума стрелять. Да знаешь, поди учёный, а я медвежью шкуру да флягу мёда за неё одному умельцу отдал... Как знал, что не только для охоты сгодится.

Пока всё было похоже на моё

первое знакомство с карателями, но, видимо, старик сделал нечто такое, отчего Лера сняла с него все подозрения, и я подтолкнул замолчавшего деда уточняющим вопросом:

— Андрей Иванович, а как вы поняли, что это не простые бандиты? Ведь край глухой, всякое может быть.

Чернов, не отрывая взгляда от пламени костра, кивнул и, разлучив ветку валежника на мелкие щепки, подкормил затухающий огонь.

— Опять твоя правда, солдат. Отморози всякой теперь не в пример прежним годам больше стало. Могли прийти, наехать по беспределу, это верно, даже пожечь всех тоже могли,

и никакая власть их не остановила бы. Оне теперь, — старик споткнулся на слове и, сощурившись, поправился, — до войны, то есть, и были настоящая наша власть. Как волки среди овец рыскали... да только волк это зверь, он такой жестокости над добычей, как человек, измыслить не может. Но эти всё чище делали: в посёлке три бабы-молодухи, да мужики, хоть и пьющие, но все с оружием — стрельба бы получилась, начни бандиты беспредел. А я бы услышал, чай, не оглох ещё. Но тихо всё было: баб никто не трогал, стрельбы и криков тож не слышать. Химией какой-то пахло, и запах незнакомый,

потравили, точно крыс, я так мыслю. Не будь огня за околицей, то и мы с тобой бы сейчас не беседовали.

Пока всё выглядело логично, я помаленьку начинал верить в рассказ лесника. Рассказ его, полный шероховатостей и мелких нестыковок — это именно то, что в реале называется правдой. Множество специфических слов неожиданно прояснило для меня возможное происхождение винтовки и портсигара: старик, скорее всего, долгое время был на золотоносных приисках, но не сидел, это совершенно точно. Старатели — народ по большей части авантюрного склада характера, с морем тёмных

пятен в биографии, но не обязательно это криминал, часто просто какая-то личная драма или склонность к приключениям. Лера тоже не вчера родилась — увидела атрибуты «вольного старателя» и, может быть, с этого и началось доверие. Тем временем Чернов продолжал, рассказ его выглядел всё интереснее и интереснее:

— Не стал я мешкать и назад, на заимку побежал. Душегубы эти на машинах приехали, а я короткую дорогу знаю, что вокруг грунтовки идёт. И хоть они на колёсах, да я их быстрее буду. Да и Белка... ну, кобылка у меня есть, по тропе быстрее пройдёт, а я как на грех

пешком в посёлок отправился.

— Догнали?

— А то как же, — старик впервые беззлобно, даже с гордостью улыбнулся в бороду. — Подловил их, когда оне через ручей переправлялись. Гать там, с тех пор как мост смыло, вот и застряли ироды. Одна-то было переехала, да, видно, растрясли гать, и вторая машина прям у берега и встряла в грязюку. Оне, правда, быстро лебёдку наладили, но, видно, нагрузили барахла грабленного, плохо дело спорилось. Я Белку привязал, приспособу на винтовку прикрутил и на скалу залез — тут часто камень старый, что те гнилые зубы из земли

прут.

Момент с грабежом зачищаемых деревень меня заинтересовал, вспомнились коробки с куревом, сваленные в командирской «бытовке» на аутпосте наёмников. До сих пор трудно взять в голову, зачем они это делают, поэтому я уточнил:

– Значит, ограбили магазин и сгрузили всё во вторую машину. Но зачем им палёная водка и консервы да катаное курево?

– А чёрт его разберёт, – Чернов вынул папиросу с размочаленным мундштуком изо рта и заложил за козырёк кепки. – Но вторая машина точно для барахла была

приспособлена, думаю оне не впервой так поступают. Подобрали всякую рухлядь: два самовара старых, иконы и ковров штуки три. Всё это помимо водки, сигарет и консервов. Да сноровисто так упаковали, я даже удивился.

Этот непонятный факт я оставил на потом, хотя вряд ли это что-то значимо меняет в общей схеме. Ну предположим, пристрадались оккупанты к нашей водяре и консервированным говяжьим хрящам, ну и что тут особенного? От ботулизма они вряд ли перемерут, ведь это наёмники — могут быть перебои со снабжением, кадровых частей это скорее всего не

касается. Тем временем лесник продолжал рассказ:

– Машины у них больно хитрые, что твой броневик: через стекло такой не взять, да, на моё счастье, прочности гати оне не знали, иначе так бы не нагрузились. А я помню, что по той тропке только порожняк пройтить может, гружёная машина в объезд ходит в посёлок. Да только оне-то эту заморочку не знали, вот и въехали в грязь по самое брюхо. Ну и... порешил я их всех.

– Лихо, – я подбросил в огонь пару толстых сучьев, ловя реакцию деда. – Шесть человек с автоматами так просто дали себя застрелить?

Чернов лишь шумно вздохнул,

полез в карман, вынул оттуда семь «собачьих жетонов» — так амеры и вообще люди в Забугорье называют медальоны с личным номером. Зажав их в кулаке, чтобы не звенели, лесник передал их мне, глядя мне в глаза:

— Главная ваша тоже не поверила, только ей, помимо этих побрякушек, потом ещё и головы предъявил. А что до мастерства... Я белку голыми руками ловлю, могу к сохатому на вытянутую руку подойти. Нешто каких-то живодеёров из ружья с приспособой бесшумной убить не смогу? Ну бегали оне сначала, потом стрелять взялись, а меня-то не видать, да не слышать! Машины

встали, антенну на крыше я отстрелил, короткая связь у нас не берёт далеко. Двое их осталось, сутки оне в кабине сидели, помощи ждали.

— И что, так никто и не появился?

— Отчего ж никто? — дед снова усмехнулся. — Приехал грузовик аккурат следующим днём, в нём ещё один водила. Только я его раньше энтих иродов услыхал, да встретил. Оне-то не знали, что я отлучился: сидят в машине и носа наружу не кажут! А я вокруг обошёл и прямо на просеку вышел, откуда шум слышал. Сел у съезда на тропку, что к переправе вела, да и подкараулил

машину. День жаркий выдался, гад этот смотровую щель в водительской двери открытой держал. А там поворот больно незаметный — скорость нужно сбросить... Ну я его и подстрелил.

— А не было мысли, Андрей Иванович, что в машине народу много?

Снова вздохнув, старик приоткрыл полы плаща и показал длинный чехол из коричневой кожи, притороченный справа у пояса. Потом отстегнул широкую кожаную лямку-фиксатор, вынул и передал мне грамотно укороченный обрез охотничьего ружья — «вертикалки». Двенадцатый калибр, скорее всего какой-нибудь особо заковыристый

боеприпас вроде «гусянки». При умелом обращении, да на дистанции метров пятнадцать — это как карманная мортира. Чуть опомнившись, я спросил:

— Чем начиняете это... ЭТО?

— Порох бездымный, да по десять картечин, на гитарную струну нанизанные. Поди, сам догадался?

Признаюсь, покуда не появился у меня нарезной карабин, в хозяйстве я имел обрез найденного в тайге одноствольного ружья, снаряженный подобным «гостинцем». Применять на живом материале, слава богу, не приходилось, однако при испытаниях в ключья порвало старую самодельную боксёрскую грушу,

созданную на базе пары матрасов и соснового чурбака. Шесть таких патронов и обрез я всегда носил в походах за орехово-ягодным житом, поскольку в тайге уроды тоже попадают. Без слов вернув оружие владельцу, спросил:

— Как думаете, почему один всего приехал?

— Ну, — кряхтя, старик пристроил обрез в самопальную кобуру и задумался, — ихних уставов я не знаю, может, и положено гуртом ездить, но сам знаешь: человек существо странное. Может, лень было остальным в такую даль тащиться, может, перепились все водярой краденой. Точно тебе никто не

расскажет. Смекнул я, что энти черти ещё долго в машине просидеть смогут, потому отогнал грузовик в кусты да пошарил в нём маненько. Нашёл канистру пустую. Слил бензина, сколько унести смог, и пошёл обратно к переправе. Душегубцы всё в кабине сидят, да помощи ждут. Ну... вытряхнул из полиэтиленовых пакетов жратву, что оставалась, наполнил их бензином, на верёвку приладил да изловчился и на крышу машины забросил. Те, что в кабине, сразу ничего не поняли, только когда бензином запахло, из машины наружу полезли. Ну и они это затеяли одного, что спереди, на пассажирском сиденье сидел, я сразу

убил, а второму обе ноги перебить изловчился.

– Допрос что-то прояснил?

– А чего там яснить-то? –

огладив бороду правой морщинистой ладонью, Чернов усмехнулся. – Сказал он про войну, что, мол, нету больше державы, а есть Сибирский протекторат. А нас, ну то есть русских, оне все в расход определили. Он красиво как-то сказал, но смысл я ухватил. Стаскал я всех в кучу, машина уже догорала тогда, да и дело к вечеру клонилось, и пожар трупы и энтого, говоруна.

– Живьём?

Старик, сверкнув чёрными глазами, рубанул ладонью по горлу,

показывая, что сделал с пленным. Этот интернациональный жест был понятен и так, но Чернов тихо добавил:

— Мы не они, хоть глотку я ему и перерезал. Само собой, бить это зверьё надо жёстко. Однако мыслю так, что им уподобляться не следует. Вижу, ты не согласен, но скоро и ты всё поймёшь, оно с возрастом приходит. Чую, нахлебаемся кровушки и своей немало прольём, но когда есть возможность, лучше без жести.

Тут я ничего старику не сказал, спорить не хотелось, тем более, что со вторым тезисом, о кровавой похлёбке, он был совершенно прав.

Но знал я и другое: когда умирает сразу столько близких тебе людей, умираешь и ты сам. Вместе с погибшими уходит из души что-то важное, и гаснет часть светлого огня в душе. Остаются только щемящая боль утраты и злость. Нельзя забыть, нельзя простить. Кого-то лечит время, встречал я и такое, однако на личном примере могу сказать, что по-настоящему можно заставить боль утихнуть, только если устранишь пускай даже косвенную причину в лице пары-тройки «духов». Я не умею прощать убийц, грабителей, насильников и дураков. Возможно, по этой причине до сих пор боль не стихает, злыми толчками она гонит

вперёд, на поиски первопричины, и вот с мыслью, что эти поиски будут длиться весь остаток жизни, мне худо-бедно удалось примириться. Сыпанув на тлеющие угли земли, принесённой загодя, я пошёл к стене и, оглянувшись к старику, подвёл черту под бесполезным для нас обоим спором:

— Вот что я вам скажу, Андрей Иванович, — дед вскинул голову и выжидательно посмотрел мне в глаза, открыто, с искренним интересом, — пока что у нас нет выбора. Гуманно поступают победители, поскольку поверженный враг им уже не слишком опасен. Расклад не тот для гуманизма, нужно

заставить их бояться, пробудить желание уйти... побежать, поджав хвост. А для этого жестокость – самый подходящий инструмент, поэтому если я увижу, что вы миндальничаете с врагом или, не дай бог, помогаете ему – зарю в землю живьём, своими собственными руками. Сейчас у вас есть выбор: идти с нами, но тогда расклад простой – подчиняться мне и командиру отряда, или вы тихо, прямо сейчас уходите и нам на глаза никогда не попадаетесь. Так как оно будет?

Чернов досадливо крякнул и пошёл в противоположный угол пещеры, где и зарылся в листву. Лишь

когда я, закрывая глаза, приказал себе уснуть и свернулся у стены, услышал тихий ответ:

— У каждого своя правда, но вражинам-то плевать. Не поняли мы друг друга, но время ещё будет. Я два раза не выбираю — будем воевать потвоему, лишь бы сквитаться, лишь бы одолеть...

...Лёгкие ожгло от большой задержки дыхания, я вынырнул и встал в чаше горячего источника, глотнул прохладный сухой воздух. Осторожно ступая по неровному дну и вытирая распаренное лицо пятернёй, выбрался наверх и стал одеваться. Свет самодельной коптилки неровными бликами

освещал стены пещеры, расписанные сценами охоты. Один рисунок притягивал взор помимо воли: трое схематично нарисованных людей с палками затаились в кустах, пропуская идущего вальяжной походкой саблезубого тигра. Старый рисунок, потускневшие краски, но что удивительно — художник с анатомической точностью нарисовал прильнувшего мордой к земле тигра. Чем дольше я смотрел на картинку, тем явственней представлял нервно раздувающиеся ноздри хищной кошки, пытавшейся унюхать так внезапно сбежавшую добычу. В позе зверя чувствовалась сила и мощь уверенного в себе охотника, но вот

сейчас слабой и лёгкой добыче в лице троих людей, вооружённых лишь обожжёнными на костре палками, удалось его обмануть. С досадой хлеща себя по бокам длинным хвостом, саблезубый готов среагировать на любой шорох, малейшее движение. Но страх и желание выжить спасли людей по прихоти Судьбы из охотников ставших чьей-то добычей. Оторвав взгляд от картины и быстро одевшись, я спустился по полустёртым ступеням вниз, прихватив с собой коптилку. Как и людям на картинке, мне и выжившим по прихоти той же Судьбы людям в который раз предстояло пройти

испытание на право жить, и что
гораздо важнее — заманить сильного
и уверенного в себе врага в ловушку.

* * *

*Россия. 3 октября 2011 года.
Юго-западный участок Центрально-
сибирской оккупационной зоны.
319 км юго-восточнее предместий г.
Кемерово. Участок Шишиковичского
лесного массива, 16.37 по местному
времени. Лейтенант Зак «Фрости»
МакАдамс, командир отряда SOCOM
«Варлок». Превратности войны, или
Что такое ирландская удача.*

...Земля, вымоченная

зарядившим пару недель назад дождём, не сохранила чётких следов пресловутого Сасквотча и его спутников. Наш единственный потомственный проводник — Джош Хардин, от которого не уходили даже матёрые афганские моджахеды, зло матерился сквозь зубы. Хардин попал к нам из армейских рейнджеров, где выделился именно своим исключительным чутьём, за что его так и прозвали — Нюх. Везде, будь то иракский песок или лысые афганские горы, Нюх отыскивал вражеский след. Джош приводил группу ровно к тому самому месту, где скрывался враг — словно бы по запаху, как это делает хорошая

гончая. Но в данный момент сержант Хардин вот уже шестые сутки кряду кружил меж трёх плоских холмов, поросших огромными соснами и колючим кустарником, так и не найдя ни единой зацепки. Ровно в сорока километрах южнее начиналась совершенно непроходимая чаща, которую жившие тут русские называли «тэйг» или «тайгие», я пока ещё не слишком вник в эти тонкости. Взобравшись на подходящее дерево, я осмотрелся сначала просто так, а потом внимательно оглядел всё вокруг через двадцатикратную оптику. В левом углу дисплея постоянно мигала тревожная надпись «ошибка

подключения», но я уже привык. Вся техника была заточена под новый стандарт, согласно которому бинокль, электронный гибкий карта-планшет и тактический компьютер объединялись в одну сеть, быстро показывая офицеру, в каком точно районе он находится, и по нажатию кнопки на небольшой боковой панели бинокля можно пометить позиции наблюдаемых вражеских войск и техники. По идее, это всё должно отобразиться на карте и через спутник попасть в штаб армии. Так любой штабной мудака, имеющий доступ к нашим операциям, сможет в реальном времени увидеть то, что вижу я. Но на практике система

барахлит и если сейчас подключить всё как положено, то через пару секунд на нашего полковника посыплются тревожные запросы, почему с секретным подразделением потеряна связь и нет чёткой картинки. Но бинокль всё же отличный, а компьютер таки нужен для управления беспилотником и для вызова артиллерии и «вертушек» в случае чего, поэтому мы их пользуем отдельно, так гораздо меньше суеты и проблем с начальством. Хуже всего обычной пехоте и прочим уставникам — они вынуждены работать с этой пока ещё далёкой от совершенства системой как положено. Однако все знают, что

чаще всего офицеры пользуются обычными бумажными картами, предпочитая новомодным гаджетам старую добрую радиосвязь...

Лес вокруг простирался, словно бескрайний океан, из которого мощными громадами выступали части заросшего лесом горного хребта, именуемого Салеи-ир или как-то так. Плёнка дождяной мороси свинцовой дымкой окутывала всё в радиусе трёх километров окрест, сплюнув про себя от досады и определив направление нового маршрута, я быстро спустился на землю. На общий вызов по рации отозвались все, кто осматривал окрестности, спустя двадцать минут

группа, кроме троих бойцов охранения собрались на крошечной полянке, где едва-едва хватило места, чтобы расположиться на привал. Осмотрев вновь прибывших, я заметил, что не хватает ещё и Сэма Прескотта по прозвищу Фонарщик. Сэм у нас в группе был лучшим снайпером и по совместительству слыл знатоком всего русского. И если Нюх мог по запаху учуять врага, то Фонарщик, пожалуй, единственный, кого я знаю, кто сможет его подстрелить даже в глухую безлунную полночь. Сэм наверняка забрался дальше всех и сейчас спешит как может. Остальные бойцы имели уставший вид, в глазах и

движениях сквозило раздражение: пошли седьмые сутки безрезультатных поисков. Все сроки, отпущенные Трентоном, вышли ещё позавчера, у Майка и его головорезов судя по сводкам дела обстояли не лучше. Бигфут затаился, это ясно. Ставя себя на его место, мне виделось не так много вариантов его поведения. Скорее всего, всё это время ушло на перегруппировку, и в лесу находятся лишь передовые малочисленные дозоры. Если это так, и район базирования мы определили верно, то, даже вскрыв позицию наблюдателей, мы ничего не добьёмся. Единственный вариант, при котором есть реальный шанс

уничтожить партизан, это выявить объект их оперативного интереса и взять в момент выхода к нему. Воздушная разведка пока молчит, что косвенно подтверждает мою гипотезу. Но штабным начальникам этого не объяснить. Трентон единственный, кто воспринял мои аргументы как профессионал, однако его голос тоже не решающий. От нас требуют скальпы партизан... я даже подозреваю, что сгодятся любые, лишь бы быстро доложить в мюнхенский оперативный центр о победе. Диверсионный отряд, наносящий реальный, пусть пока и незначительный ущерб, это ЧП вне концепции «ассиметричной войны».

Поэтому кто-то решил, что двух недель на устранение угрозы будет вполне достаточно, и теперь сучит ножками, когда всё повернулось иначе. Само собой, район никто выжигать не станет — слишком много ценной древесины пойдёт в распыл, слишком большие деньги уже вложены в эту землю.

Преодолевая усталость, я всматриваюсь в карту и попутно слушаю Гарри Чеймберса, прозванного просто — Крюк. Прозвище он получил из-за своего страстного увлечения боксом: едва не уволился, чтобы уйти в профессиональный спорт, но я уговорил его остаться. Гарри у нас

классный сапёр, а его способность распутывать чужие «подлянки» уже стала легендой в войсках. Сейчас он с таинственным видом отмалчивался, и я несколько оживился, зная дурацкую привычку Крюка огорошить какой-нибудь новостью в последний момент. Жестом прервав вяло бубнившего сержанта Паркера, киваю Крюку и, поняв, что тот опять затеял прикол, оборачиваются к сапёру:

– Крюк, что у тебя на уме? Не томи, поделись впечатлениями.

– Хе! – Чеймберс поелозил на корточках и ухмыльнулся. – Обломал, Фрости, обломал! Смотри-ка, какие фрукты растут в этом лесу...

На траву, прямо мне под ноги, выкатилось два рубчатых кругляша. Две русские оборонительные гранаты, кажется, называются «филька»... Нет — «фенька», да, точно так. Крюк не в первый раз выкидывал такой трюк с обезвреженными гранатами, а однажды это была оболочка миномётной мины, с вынутыми потрохами. Её Гарри положил в бак с уже почти сварившимися кукурузными початками и поставил на костёр. И всё бы ничего, однако в то время комроты со своими ближними выборочно инспектировал подразделения и увидел, как в баке варится 122-миллиметровая «чушка».

Было шумное разбирательство, мне еле-еле удалось уговорить красного как рак капитана Мастера ограничиться взысканием. Сейчас никто из парней даже не привстал, настолько приколом сапёра всех достала своей банальностью. Взяв в руки скользкий от дождевой влаги рубчатый кругляш, я вопросительно посмотрел на разочарованного сапёра:

— Гарри, твои шутки уже приелись. Хочешь успеха у публики, тогда работай над репертуаром. — Под тихие смешки парней Крюк с вытянувшимся от досады лицом как-то съёжился. — Больше спецэффектов, можно секса

добавить.

Тут народ оживился, слышались экстравагантные предложения, обстановку удалось разрядить. Крюк, умоляюще глядя на меня, поднял руки, обращаясь уже ко всем:

– Ой, да я вас ещё так приколю!..
Элти, это было жестоко, босс!

– Гарри, давай уже по делу, – я жестом остановил разгоравшееся веселье. – Где ты снял эти «фрукты»?

Согнав разочарованную гримасу с раскрашенной в чёрно-зелёный цвет физиономии, Крюк развернул свой планшет и кончиком узкого кинжала указал место:

– Северо-восточный квадрат

сектора «Матильда», босс. «Растяжки» свежие, им не больше семи дней, ставил дилетант, но замаскировано всё тщательно. Думаю, что не при отходе ставили, слишком уж долго возились. Как вы и приказали, я снял «сюрпризы» и оставил наши сигналки, но дальше по сектору не продвигался. А потом была команда на общий сбор, но место я запомнил, маскировку вернул на место. Для отличия поставил красные и зелёные «сигналки», русским понравится.

Это было первое сто́ящее сообщение за две недели бесплодных рысканий по непролазной чаще. Сверившись с ориентирами,

указанными сапёром, я чуть было не хлопнул себя по колену — это в сорока километрах от входа в узкую ложину, ведущую к горному кряжу. Раз закладки сделаны не для прикрытия отхода отступающей группы, значит, где-то там сторожевой аутпост, или, как говорят русские — «секрет». Теперь осталось только дать заявку на спутниковое наблюдение, беспилотники туда посылать ни в коем случае нельзя, враг, нащупанный с таким трудом, может улизнуть, однако кое-какие меры принять следует. Тронув переключатель рации, я тихо приказал:

— Нюх, Фонарщик — здесь

Фрости, сворачивайтесь. Ситуация шесть-три один, код красный. На приёме...

Наушник мурлыкнул тоном входящего отклика, слышались отдалённые голоса оперативников:

– Фонарщик принял шесть-три-один, «красный»... иду.

Чуть погодя раздался совсем близкий флегматичный, до зевоты бас Джоша. Этого увальня никогда толком не поймёшь, слишком уж он заиклен на своей работе. Сутками может сидеть в засаде и караулить добычу, словно паук.

– Нюх принял шесть-три-один, «красный»... уже в пути.

Глянув на часы и прикинув

расчетное время подхода отстающих, я прикинул, как удобнее будет начать поиски. Развернул свой командирский «ровер»^{8} и включил оперативный канал обмена данными. Вызвал на небольшой, четырнадцатидюймовый экран карту района. Засветились значки курсирующих на северо-востоке двух вертолётных, облетающих дорогу от базы к станции. Появились иконки нашего отряда, а также медленно ползущей по дороге на станцию транспортной колонны. Теперь все грузы сопровождали усиленные бронегруппы из состава охранной роты базы или железнодорожного узла. Светло-голубыми, в отличие от

армейских тёмно-синих,
обозначались многочисленные
подразделения контракторов. Они
также шарили где-то на северо-
востоке, где было оборудовано
несколько новых аутпостов
«Блэкстоун Сауз». Квадрат,
обозначенный плавающей красной
штрихованной линией,
охватывающей весь юг района,
обозначал примерную зону нашего
поиска. Место, где Крюк снял
«растяжки», было почти на самом
краю зоны, дальше начиналась
территория головорезов Майка.
Введя поправку, я увидел, что идти
до места примерно шесть часов, а
начать плотное прочёсывание

получится только завтра, к рассвету.

— Эл-Ти, мы в часе ходу от вашей позиции, ждём указаний.

Я выключил «ровер» и ответил Фонарщику, чтобы остались на месте. Компьютер чётко показал их положение, считывая информацию с индивидуальных маяков слежения. Не всегда они работают как надо, однако лучше, когда они есть. Сделав знак парням выдвигаться, я двинулся вперёд, чтобы встать замыкающим. По еле видимой тропе мы колонной по одному стали спускаться с поросшего высоким кустарником склона холма, чтобы выйти как раз в точку, где уже ждали нас Фонарщик и Нюх. Сейчас важно незаметно

подойти к «секрету русских и проследить время смены поста. Не надеясь на скоро входящий в нашу зону ответственности спутник, я всё же предпочитал увидеть русских своими глазами, чтобы потом организовать выходящим на акцию диверсантам достойный приём.

Лес тут, в Сибири, совершенно не такой, как даже в центре подготовки на Аляске: деревья стоят плотно, трава и кустарник на треть больше своих ближайших родственников, и заросли местами совсем непроходимы. Несмотря на постоянно льющий дождь, воздух не такой влажный, это с непривычки напрягает. Трижды нам пришлось

менять маршрут, потому как злобно шипящий от досады Нюх терял направление, и даже навигационные приборы помогали не особо: погода портилась, шквалистый ветер гнул верхушки деревьев, данные наручных приборов GPS обновлялись как-то неохотно, пришлось ориентироваться исключительно по обычному, магнитному. Но тут возникла ещё одна трудность — вблизи горного кряжа стрелка самого простого и надёжного компаса вертелась как сумасшедшая. Выручало то, что Нюх загодя определил ориентиры и теперь вёл группу исключительно по оставленным приметам. Местность пошла под уклон, группа

перестроилась левым уступом, бойцы разошлись на рабочую дистанцию. Оставалось надеяться, что в эти три-четыре часа нам удастся обнаружить русский патруль и не засветиться самим. Лес неожиданно поредел, почва стала сухой и каменистой, уровень маскировки существенно снизился, теперь вражеский наблюдатель имел шанс засечь нас по движению. Неделю назад полученные комплекты лесного камуфляжа, обшитые нитяной бахромой с цифровым пиксельным общим фоном, подходили идеально для местных условий. Однако, побегав в них на полигоне в окрестностях

базы, я убедился, что движение и силуэт он маскирует пусть и хорошо, но три раза из пяти я находил бойцов на любой дистанции. То обстоятельство, что против нас будут играть в основном неумелые дилетанты, как фактор преимущества над противником, я отмёл сразу. Противника лучше переоценить, нежели вести себя небрежно с загнанными в угол людьми. Каратели часто несли потери именно потому, что с презрением относились к беженцам, прятавшимся по лесам в странных, вырытых, похоже, очень давно бункерах. Порой те преподносили ученикам Майка неприятные

сюрпризы в виде ловчих ям с кольями на дне, либо неуправляемых минных полей, состоящих из самодельных фугасов, развешенных на деревьях и прикопанных в грунте. Нередко поисковые группы гибли в полном составе, но всё же это были скорее исключительные эпизоды. Однако я никогда не позволяю себе с небрежностью относиться к своим людям, ведь, недооценивая врага, я прежде всего ставлю под удар именно их. Помню, капитан Макнайт, мой первый командир заставил меня побывать вместе с ним у вдовы его подчинённого, человека, мне совершенно не знакомого. Лицо побледневшей, небогато одетой

пожилой латиноамериканки – матери погибшего, я никогда не забуду.

Наконец, когда сумерки вынудили отдать приказ об использовании приборов ночного видения, Джош вызвал меня по короткой связи.

– Фрости, здесь Нюх, есть визуальный контакт на два часа, удаление сорок метров.

Момент встречи, даже если ты к ней готовишься, это всегда неожиданность. Доклад Джоша вызвал эхо нервной дрожи, пробегавшей по телу в тот первый раз, когда я ещё неопытным новобранцем в первый раз наткнулся на сидящего в засаде серба. Тогда

адреналин затопил сознание, глуша вбитые на тренировках инстинкты, хотелось просто рефлекторно выстрелить... Сейчас – только эхо того волнения, но азарт остался. Плавно вскинув автомат, провожу слева направо по сектору перед собой... Ага, вот овраг и скрючившиеся тела русских. Они почти не шевелятся: один прислонился к дальней стенке окопа, голова опущена на грудь... дремлет. Второй – девушка или подросток – замер в противоположном углу окопа, смотрит в темноту через оптику оружия... Идиот включил активный режим, вот как Нюх его нашёл!

— Фрости всем игрокам: предельное внимание. — Говорю шёпотом, но ларингофон рации чётко ловит каждое слово. — Рассредоточиться, работать мягко... Дистанция до игрового стола — восемь щелчков. Ждём новую раздачу, потом работаем выбывших игроков. Нюх, постарайся вычислить дилера, он нужен обязательно.

Теперь мы дождёмся пересменки, и часть группы пойдёт за уставшими часовыми, чтобы проследить их маршрут, а оставшиеся после первого доклада новой смены о том, что всё спокойно, берёт и их. У одного из дозорных я заметил радиостанцию,

значит, это старший. Среди вновь прибывших тоже будет кто-то подобный, кого-то из них обязательно нужно взять живым. Пока что группа рассредоточилась по склонам оврага, нас от наблюдательного поста русских отделяет метров восемьдесят. Место для такой чащобы почти открытое: просветы между хилыми деревцами достигают пяти-шести метров. Кругом заросшее кустами каменное основание, деревья растут плохо, но вокруг море колючего кустарника, иногда полутораметровой высоты. Но это в идеале. Пока мы не выясним способ связи с основным отрядом, русских трогать нельзя, чтобы не

спугнуть. Присев возле ствола старой сосны, я осторожно пристроил автомат в развилку нижней ветви и, ещё раз глянув на русский «секрет», замер в ожидании.

Лежать неподвижно любой, даже прошедший тренировку разведчик сможет не больше пары часов, это целое искусство — двигаться так, чтобы сохранять внешнюю статику и в то же время разминать мышцы. Враг не будет ждать, пока ты разотрёшь затекшую конечность или разработаешь одеревеневший от напряжения палец. Само собой, есть препараты, помогающие снять усталость, двигаться плавно даже спустя шесть-

восемь часов неподвижного сидения в засаде, но после таких пилюль или уколов резко садится зрение. Лично у меня потом пару дней жутко ноют почки. Поэтому я сам и все парни из отряда тренируемся в «змеиной гимнастике». Поочерёдно напрягая и расслабляя разные группы мышц и меняя опорные точки раз в два часа, можно сохранять внешнюю неподвижность почти сутки. Мой личный рекорд составил восемнадцать часов, после чего, как обычно, прохождение полосы препятствий, стрельба и спарринг врукопашную. Парни в отряде отличные, группу я подбирал пять лет, уверен в каждом на пятьдесят

процентов (поскольку даже на себя смогу положиться только на пятьдесят один). Ветер уже стих, дождь всё ещё накрапывал капли оседали на ветках деревьев и листьях кустарника тяжёлыми, тускло поблескивающими в неярком лунном свете бусинами. Глянув в прицел винтовки, я ещё раз всмотрелся в хорошо различимую позицию русских. Там всё было спокойно, один задремал, зарывшись в накидку, какие у нас выдают армейским рейнджерам... чёрт, так это она и есть! Видимо обдирая трупы, эти твари забирали всё, чему они смогли найти применение. Второй русский что-то жевал, перерываясь на

затяжки из мундштука заплечной фляги-«ме дузы», тоже, скорее всего, трофеей. Нет, полковник прав: этих так просто не взять, подобная экипировка была только у исчезнувшего на севере отряда разведчиков, каждый там не новичок — завалить сорок человек так, чтобы остаться в плюсе, это не может оказаться простым везением. Решено: как только приходит смена, живьём нужно брать только двоих, для этих, что в овраге, я сам не пожалею пули. Неожиданно ожила рация, последовал доклад от тылового охранения, там сидело двое: Нэд Кахил, по прозвищу Кабан и Райли Дэвис, которого все звали

Напёрсток за пристрастие к игре в три золотника. Райли был мастером — виртуозно вертел напёрстки, благодаря его умениям и азарту помощника интенданта базы мы теперь имеем годовой запас душистого мыла и мягчайшей туалетной бумаги.

— Фрости, новые игроки на шесть часов. Три клика от твоей позиции, прошу подтверждение по протоколу опознания...

Кабан, как и его реальный звериный прототип, отличался острейшим слухом и мог засечь даже комариный пердёж на расстоянии полумили. Нет сомнений, что раз он говорит, то засёк гостей ещё задолго

до того, как те покажутся в оцепленной зоне. По правилам, сейчас я должен запросить оперативный центр в Нортвуде, чтобы определить, кто это тут шарится. Но все эти новомодные штуки опять же хреново работают, плюс это могут быть наёмники, ничего про нашу операцию не знающие. Отношения с контрактниками натянутые: они не сообщают ничего нам, а мы, как можем, ставим наймитам палки в колёса при любом удобном случае. Сейчас эти сволочи реально срывают нам операцию, а запроси я всё по протоколу – новички непременно тут же узнают, что в квадрате работает

армия. Русские улизнут, и вся работа пойдёт псу под хвост.

— Отставить протокол, если полезут в ваш сектор — срубите их по-тихому, но не наглухо. Напёрсток, твоя волшебная дубинка ещё не обтрепалась?

Райли у нас отличался способностью вырубить противника любой комплекции с одного удара. Для этой цели ирландец применяет фамильную карманную дубинку из лиственницы, в сердцевину которой помещен свинцовый шар. Шар мягко и совершенно бесшумно перекачивается в выдолбленной внутри дубины полости во время удара, усиливая его. Напёрсток

говорил, что это орудие досталось ему в наследство от прадеда-конокрада, который в свою очередь получил его от отца, главаря уличной банды где-то в Нью-Йорке. Семейная реликвия носила прозвище «Кормилица», что, надо сказать вполне оправдано: две трети взятых живыми врагов на счету отряда, это работа Райли и его фамильного орудия труда. Должно быть, в оные времена предки мастер-сержанта Дэвиса обобрали не один десяток подгулявших прохожих и не слишком трезвых бизнесменов средней руки.

— Копи... — Голос Напёрстка радостно дрожал от предвкушения — Эл-Ти, их всего трое, сработаем в

лучшем виде, босс...

То, что случилось в ту же секунду, как прозвучала последняя фраза доклада, никакими словами описать нельзя, поскольку всё произошло чертовски быстро. В доклад вклинился тревожный шёпот Нэда:

– Эл-Ти, воздух! Групповая цель точно над нами: высота четыреста метров, скорость!..

Спустя ещё доли мгновения весь эфир забил треск жёстко наведённых помех, я не успел толком среагировать, как всё вокруг озарилось серией белых вспышек. Последнее, что я успел различить сквозь гаснущий ноктовизор, это как

русские пытаются выскочить из окопа, но что-то тёмное стремительно накрывает обоих... Может быть, это ловчая сеть.

— А-а-ах! А-а-ах-х!..

Щиток «ночника» сработал чётко, и действие светозвуковых гранат особого вреда зрению не нанесло. Реле вырубilo режим ночного видения, на пару мгновений наступила полная темнота. Но это пустяки, такой вариант всегда отрабатывался на учениях, я просто откатился метра на три вправо и резко опустил подбородок к груди. Ноктовизор тут же сполз вниз, зрение больше ничто не блокировало. Однако на какое-то

время меня поразила полная глухота, та её мерзкая разновидность, при которой, кроме отвратительного писка, вообще ни черта не слышать. Ещё спустя пару секунд над окопом русских взвилась осветительная ракета, и всё в радиусе двух десятков метров словно бы отделилось от окружающей темноты куполом бело-жёлтого мерцающего света. В наушнике по-прежнему тревожно пищал тоновым сигналом передатчик, давая знать, что рабочие и аварийная частоты накрылись или их кто-то плотно глушит. Я начал осторожно отползать назад и влево, чтобы оказаться за толстым стволом старой сосны, когда от позиции

русских слышался вскрик, а затем звук падения чего-то тяжёлого. Писк радиации неожиданно стих, и в наушнике отчётливо прозвучал голос Майка:

– Варлок старший, здесь Синяя Борода!.. Отзови своих парней, Зак, и прикажи своему бешеному ирландцу отпустить моих людей. Одно дело делаем, парни, не надо бодаться!..

Родственничек нарисовался, да в придачу обозвался своим старым позывным!.. После секундного ошеломления пришла злость: само собой, этот ублюдок использовал нас как гончих собак. Я слышал, что у контракторов своя служба радиоразведки и они, словно

обычное радио, слушают наши кодированные переговоры. Этот гад дождался, пока мы всё разнюхаем, и вот решил снять все сливки! Поднявшись из укрытия, я тронул переключатель передатчика, тут же, перебивая друг друга, отозвались мои парни. Райли и Нэд спеленали троих наёмников и, судя по отборной брани Напёрстка, он собирался порезать на ремни наиболее приглянувшегося из них. Нюх, занявший господствующую по высоте позицию на одном из деревьев, в третий раз вызывая меня, докладывал, что он из своего «ремингтона» приложил одного из наёмников, высадившихся очень кучно в районе позиции русских.

Уже спускаясь на дно оврага и отряхивая палую листву, я отдал группе приказ:

– Всем игрокам – пас, дилер пьян. Фонарщик, Кабан и Напёрсток – держите внешний периметр, шулеров отпустить. Остальные ко мне, я подхожу к столу. В игре свои, карты на стол.

С явной неохотой парни доложились о том, что выполняют. Я же не спеша подошел к месту где располагался секрет русских. Догадка оказалась верной: люди Майка прыгали с «Призрака» – так ещё с времён иракской компании называют борт поддержки АС-130. Он же и обстрелял место высадки

светозвуковыми гранатами из бортового станкового гранатомёта. Одновременно наймитам ворожил самолёт радиоразведки, отрубившей нам связь... Шикарный план, что и говорить. Свет от ракеты потускнел и погас, но кто-то из людей моего шурина тут же запустил новый фонарь. Двое наёмников оттаскивали от края окопа русских одного из своих, это был тот, о ком докладывал Нюх. Зрение меня не подвело, ещё двое бойцов Майка в непривычно мерцающих мешковатых комбинезонах выволакивали из оврага обоих запутавшихся в ловчей сети. Такую используют в полицейском спецназе — волокна, из

которых такая сеть состоит, сотканы из прочной нити, которую невозможно разрезать или разорвать. Жертва запутывается, пытаясь освободиться, сетка еще сильнее опутывает брыкающуюся добычу. Армейский нож вполне сможет распороть сеть, но для этого нужна сила и, что самое главное – время. Русские, однако, уже не сопротивлялись, только один из них, тот, что выглядел покрупнее, вяло разводил руками. Сеть тут же выволокли на открытое место и подвесили над землёй, перекинув через толстый сук старой лиственницы. Странного вида кокон повис в полутора метрах над землёй,

я остановился, ожидая когда вниз спустятся мои люди, родственничку придётся многое объяснить, просто так я ему свою добычу не отдам. Майк встал рядом с коконом, из зарослей позади вышло ещё трое его людей. Слов нет, своих шакалов частники снабжают очень хорошо: полевые комбезы прошиты термооптическим волокном, лёгкие карабины «ремингтон» покрыты каким-то поглощающим тепло составом, полимерные шлемы и новые приборы ночного видения почти таких же габаритов, как обычные тактические очки. Почти одновременно рядом со мной нарисовались Нюх с Крюком, а почти

из-под ног наёмников вынырнул, не потревожив ни один лист, наш док Лем Питерсон. По штату Лем у нас полевой врач, однако больше, чем пластать чью-нибудь задницу скальпелем, док любит прятаться. Но от клейма профессии не уйдёшь, и его так и так прозвали Дулиттлом в честь чудаковатого ветеринара из фильма, который понимает язык всякого зверья. Отсалютовав немного напрягшимся наёмникам, Лем подбежал к нам. Теперь все были в сборе и следовало начать говорить, поскольку шанс выследить партизан безнадёжно упущен, следует отстоять своё право на добычу. Майк двинулся мне навстречу, я успел только раз

шагнуть вперёд, что, в конечном итоге, и решило всё впоследствии.

— Вышел бардак, родственничек... — Голос шурина так и сочился самодовольством. — Но приз наш! Думаю, спишем всё на партизан, я не хочу разборок между армией и моими...

— Ты сука, Майк. — Я как мог сдерживался, но раздражение прорвалось наружу. — Мы выслеживали русских две недели. Теперь они затаятся, а потом снова вылезут там, где их не ждут. Ты перепутал своих неумелых фермеров, вооружённых дробовиками, с солдатами, эти люди скорее всего хорошо проинструктированы, и

простой допрос ничего толком не даст... Две недели работы, ублюдок!

– И это ровно на две недели больше того срока, который нам озвучил полковник. Зак, очнись!

Майк, резко развернувшись, пошёл к сети и, набрав комбинацию на видимой только ему сквозь наглазный визор виртуальной клавиатуре, освободил замок сетки, в которой уже затихли пленники. Эта сеть имеет свой аккумулятор, замыкающий звенья по принципу электромагнита. После подачи управляющего импульса сеть расправляется, подаётся разряд тока, жертва парализуется на то время, которое нужно, чтобы сковать её

наручниками. Оба пленника вывалились и упали на землю, словно два мешка с кукурузными початками. Ракета, висевшая над нами, стала прогорать, но, видимо, у команды моего родственника процедура была уже отработана, потому что в тот момент, когда яркий белый свет, льющийся сверху, потускнел, на пленниках скрестились лучи мощных фонарей, закреплённых на поясах двух стоявших на противостоящих склонах оврага наёмников. Практически в тот же миг те двое, что встали рядом с Майком, бросились на парализованных людей, ловко их обыскивая, попутно

сортируя трофеи в две небольших кучи. Отдельно положили оружие, которое я решил рассмотреть поближе. Не спрашивая одобрения всё ещё пыжившегося от самодовольства шурина, присел на корточки в паре метров от источников света. В темноте я вижу плоховато, поэтому по старой привычке взял в зубы маленький светодиодный фонарик-«карандаш», дававший узкий, но довольно чёткий конус света. Оружие опять оказалось нашим: пара штатных рейнджерских карабинов Mk.18 CQBR^{[9](#)}, два девятимиллиметровых P226^{[10](#)}. Были ещё два ножа, но эти, скорее всего, принадлежали русским изначально,

слишком дёшево для рейнджеров, плохая сталь, в руке лежат неудобно. Всё оружие в комплектации для ближнего боя в лесу – карабины с коротким стволом, пистолеты с резьбой под глушитель, зелёно-коричневое теплопоглощающее напыление на карабинах. Чтобы окончательно убедиться в верности собственных предположений, я взял один М-4 и отогнул ткань кевларовой вставки на ремне возле самого крепления к кольцу антабки. Так и есть: на зелёной ткани несмываемым маркером выведено прозвище – «Бобёр». На втором тоже обнаружилась метка с инициалами: по крайней мере, теперь точно

известно, куда делось оружие. Отдавать русских наёмников точно нельзя, всё оказалось куда сложнее, чем кажется Майку. Неприятный холодок пробежал по спине, словно кто-то прошёлся по моей могиле в подкованных сапогах. Поднявшись на ноги, я пошёл к кучкам снаряжения, снятого с пленных. Теперь без помех можно их разглядеть: оба одеты в обтрёпанные охотничьи полувоенные костюмы расцветки «осень», разгрузочные жилеты, сложенные в отдельную кучу, при ближайшем осмотре — явно снятые с убитых рейнджеров. Я различил бурые пятна засохшей крови, в некоторых местах видны следы починки. На магазинах

к карабинам видны личные метки бывших владельцев.

— Видишь, Зак, эти вонючие крысы замесили наших братьев, ободрали их трупы и бросили гнить в этих лесах...

Громкое восклицание Майка оторвало меня от работы, а смысл сказанного только усилил раздражение. Присутствие брата жены становилось непереносимым. Сквозь стиснутые зубы я только и смог проговорить:

— Солдат никогда не назовёт братом продажную шкуру вроде тебя, Майкл. Этот разговор опять приведёт к тому, что я надеру твою прыщавую жопу, и ты побежишь жаловаться

Кори. Эти парни погибли в бою, а ты со своей бандой трупоедов, словно шакал, травишь газом гражданских да режешь плохо обученных фермеров и детей, не знающих, как правильно держать в руках оружие!..

В следующий миг произошло сразу несколько событий, сменявших друг друга со столь поразительной быстротой, что я едва успел отреагировать лишь на одно из них. Майк, как и положено, завёлся с полоборота и ринулся на меня. Оба его бойца отвлеклись от обыска пленных, что и стало для одного из них, что был поменьше, поводом, чтобы попытаться сбежать. Пленный сдвоенным ударом ещё не связанных

ног ударил отвернувшегося наёмника в лицо, отчего тот ослабил хватку и откатился вбок. Юркий парнишка поднялся и что есть духу припустил вдоль дна оврага, туда, где начинались густые заросли кустарника. Майк среагировал мгновенно: шурин вскинул автомат и стрекотнул короткой очередью вслед беглецу. Три пули попали парнишке в середину спины и шею, а одна вгрызлась в затылок и вышла из левого глаза. Беглец упал на землю нелепым комочком тряпья уже мёртвым. Майк уже опускал автомат, когда какая-то неведомая сила заставила моего родственника выпустить оружие и, нелепо откинув

голову, осесть в шаге от меня на землю. Следом раздался булькающий звук у меня за спиной. Уже падая и перекатываясь в небольшую промоину рядом, я успел заметить, что у второго пленника разворочена шея, и чёрная кровь сильными толчками бьёт наружу, заливая русскому всю грудь. Потом началась пальба, люди Майка, видимо, полагаясь на баллистические вычислители, встроены в их шлемы, били короткими очередями в том направлении, откуда, как им подсказывал компьютер, вёлся огонь. Не обращая внимания на наёмников, я сдавил тангенту общего вызова:

— Всем: Зверобой! Зверобой в

секторе!...

Это было как раз то, чего я опасался: где-то с фланга наблюдательный пост стерегла снайперская пара. Выстрелы прозвучали с минимальным разрывом, стрелков определённо двое. Сейчас дело за малым: мои парни или наёмники без труда засекут направление через спутник, Фонарщик не мог зевнуть стрелков...

— Эл-Ти, здесь Фонарщик! Всё по нулям, я его не вижу!.. Нет засветки, спутниковое сканирование тоже мимо, вызываю «погремушку» в сектор два-шестьдесят, два-шестьдесят три и три-пятьдесят один.

Чёрт! Я не мог ошибиться: входное отверстие от обычной пули. Если бы у стрелков был пятидесятый калибр, голова Майка лопнула бы как тыква, а русскому просто оторвало бы голову. Значит, стрелки где-то на северном склоне горы, но Фонарщик не дурак, да и наёмники палят куда-то в чащу в совершенно противоположном направлении.

— Варлок главный, здесь Ассасин старший! — в наушнике отозвался голос с позывными звена штурмовиков прикрывающего. — Подтвердите заказ на обработку.

Выхода нет, если с земли мы снайпера не видим, то, скорее всего, позиция пристреляна. Но увидел он

нас только после начала
иллюминации, устроенной
наёмниками. У него нет прибора
ночного видения!..

— Вз-зз-ум!

Звук пули, пролетевшей рядом, я
точно узнаю, когда его слышу. Нет,
значит, дело не в прицеле...

— Вз-зз-ум! Вз-зз-ум!

Ещё пара пришла откуда-то с
северо-востока: одна вошла в землю
всего в паре сантиметров над правым
плечом, вторая ушла левее и
отщепила кору дерева, за которым я
укрылся. Тянуть дальше было нельзя,
охота теперь безнадёжно испорчена,
и мы все превратились в дичь.
Охрипшим от напряжения голосом я

проговорил:

— Старший Ассассин, здесь Варлок главный! Заказ подтверждаю, работайте по указанным координатам. Заказ подтверждаю!..

...Спустя полчаса начало рассветать, синие сумерки сменились серым тусклым утренним светом. Туман осел в складках оврага и не мешал ориентироваться. До точки эвакуации мы шли двумя группами, наёмники Майка ушли на восток, забрав его и тело убитого им русского с собой. Второго взяли мы, как и снятое с него снаряжение и оружие. После того, как штурмовики отбомбились по склонам сопки, обстрел нашей группы прекратился,

однако Фонарщик и Нюх всё ещё бродили впереди и в тылу, то и дело щупая местность оптикой винтовок. По нервному возбуждению и отрывистости докладов я понял, что в смерть русских стрелков от бомб они не верят ни на грамм. Спустя ещё час мы добрались до лысой вершины плоского холма, и я включил навигационный маяк. Транспортная «вертушка» пришла в сопровождении пары «апачей» через двадцать минут и осторожно опустилась на небольшой участок ровной каменистой почвы, отошла аппарель, и бортстрелок лихорадочно замахал свободной рукой, мол, быстро внутрь. Похожие на голодных

пресноводных акул, штурмовые вертолёты описывали круги вокруг приземлившегося транспортника, от волны разгоняемого «вертушками» сырого холодного воздуха деревья вокруг гнулись к земле. Я ждал, пока все зайдут внутрь, и вошёл в гулкое нутро транспортника последним. Смерть шурина всё ещё тяжёлым грузом лежала на сердце. Кори и особенно его практичной жене, скорее всего, сообщат через неделю, когда юристы нанимавшей его конторы составят все бумаги. Всё упрётся в страховой бонус, но жена Майка своего не упустит, тут я спокоен. Лишь бы Кори не слишком заиклилась на том, что случилось.

Всё же брат есть брат, но я-то знаю, что теперь она прежде всего будет думать обо мне. У ног лежал завёрнутый в брезент труп русского, край ткани трепал восходящий поток воздуха, покуда аппарель не захлопнулась, Райли сидящий напротив с автоматом, зажатый между колен, что-то сказал, но из-за шума винтов я его не расслышал и наклонился вперёд, чтобы переспросить.

— Нас сегодня посетила ирландская удача, Эл-Ти, — Райли криво усмехнулся показав пальцем на труп партизана. — Вроде как при своих, но главный банк сорвал кто-то другой... Паршиво, босс!..

Я кивнул в ответ, в сжатом до хруста кулаке лежала русская пуля, вынутая из ствола сосны. Какие-то доли дюйма отделяли меня от смерти, стрелок промахнулся и смерть только показала зубы. Этакое напоминание о том, что в следующий раз может выйти совершенно иначе, и в брезенте будет лежать мой собственный труп. Мигнули лампы дежурного освещения, вертолёт тряхнуло, когда он входил в разворот. Мы возвращались в Нортвуд, однако больше чувства потери, я ощущал изматывающую усталость, какая бывает только после того, как точно знаешь, что кропотливо проделанная

работа пошла прахом.

* * *

Россия, 3 октября 2011 г.
Приблизительно 200 км от г.
Углегорск. 06.23 по местному
времени. Штабной ЗКП 182-го
гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Временный командный центр юго-
восточного фронта. Бывший
командующий Восточного ОСК, ныне
действующий командующий
фронтом генерал армии Алексей
Макарович Широков.
Стратегический замысел и

воспоминания.

...Жёлтый свет лампы аварийного освещения уже не раздражал, чай в выщербленном гранёном стакане остыл, осталась где-то треть. Тесное помещение комнаты в глубине подземного бункера, где разместились все службы штаба, теперь стали моим домом. Странно, однако: о том, что стало с нашей городской квартирой в разорённом теперь Хабаровске, думалось без боли, словно отчаянье и злость первых трёх суток после нападения кто-то ампутировал. Ассоциация тут же вызвала боль настоящую – отрезанная под коленом левая нога ныла... Почему-то болел

большой палец, хотя на его месте сейчас пустота. Нужно занять себя работой, не думать о себе, люди равняются по тому, как уверенно я держусь с ними, каким голосом отдаю приказы. Им кажется, что я один знаю какой-то секрет, чудесный способ спасения остатков войск округа и тех, кому удалось с боями отойти от Владивостока, или вырваться из Мурманского котла. Некоторые части имели до четверти личного состава, от других осталось лишь несколько офицеров. Без документов, часто даже без знаков различия, остатки разгромленной армии шли к нам почти по наитию. Адова работа для особых отделов и

филтрационных комендатур. Люди работали на пределе, развёрнутых полевых госпиталей и просто городских и сельских больниц не хватало: пока не так холодно, дополнительно было развёрнуто шестнадцать полевых лагерей, в которых размещали раненых. Американцы к нам не совались после организованных на юго-западном и юго-восточном направлениях нескольких контрударов. Как только противник терял взаимодействие с прикрывающим его наступление артиллерией и авиацией, он сразу же отступал, не ввязываясь в сколько-нибудь серьёзные перестрелки.

Общими усилиями на данный момент фронт удалось стабилизировать, все должна была решить операция по освобождению Видяево. Там сейчас всё разгромлено, авиация и ракетчики противника постарались на славу, но часть кораблей 67-й дивизии стратегических подводных ракетных крейсеров и остатки флота успели выйти из владивостокской и мурманской баз. Экипажи вместе с местными жителями и персоналом местной базы подплава Порт-Владимир, а также остатками разбитых сухопутных частей организовали оборону. Американцы два раза пытались применять новое

оружие, но тамошний новый
командующий контр-адмирал
Никифоров отдал приказ отработать
по окинавской авиабазе ракетой с
ядерной БЧ. Ракету сбили, однако
продвижение вражеских войск было
остановлено. База заблокирована со
всех сторон, и, думаю, что у нас есть
дня два, пока американцы не
подтянут своё новое оружие, запасы
которого, по данным разведки,
вышли во время августовской
операции. Тогда земля и воздух
буквально горели, американцы
высадились на оплавленную до
стеклянной корки землю и
продвинулись вглубь местами на
сотни километров. Спасло нас

только то, что части округа находились в движении к новым пунктам дислокации, большая группа войск так же вышла из-под удара — проводила совместные тактические учения и боевые стрельбы. Наши потери были несопоставимо меньше тех, которые понесли ОСК «Запад» и «Юг». В последнем случае войска бывшего Северокавказского округа оказались расчленены согласованными ударами регулярной турецкой армии, развить успех которой в немалой степени помогли хорошо обученные боевики, скрывающиеся в горах а также в городах и сёлах национальных республик.

Свет ещё раз мигнул, видимо подключился новый резервуар от которой питалось всё оборудование КП. Скоро должны прибыть командир пограничной зоны полковник Басаргин, начштаба и командиры вновь созданных ударных армий. Эх, только бы лекарство от боли не перестало действовать ещё часа два, проклятая ступня, которой нет, всё так же ноет!.. Боль в ноге стала нарастающими волнами отдавать сначала в поясницу, потом огненной стрелой врезалась в мозг, сразу же пришли воспоминания того первого дня, когда стало понятно, что нас всех ожидает...

...— *Товарищ генерал,*

подъезжаем, вы просили перед КПП разбудить!

Чёрт, опять задремал, эти поездки в последнее время стали порядком надоедать. Лес кончился, впереди слева виднелись плиты бетонного забора, чуть дальше я увидел покатые крыши каких-то ангаров. База была на удалении трёх сотен километров от космодрома, добраться сюда, по словам моего нового начштаба, было всегда проблемой. Дорога ухабистая, асфальт давно распался на неряшливые пласты, штабной «УАЗ», или, в просторечье, «козёл», трясло, но я привык и к этому. На авиабазе я планировал просить у

комполка вертушку, чтобы
подбросил в Норск, где предстояло
принимать поступающие
боеприпасы, которые свозили в том
числе и на местные артсклады. С
момента преобразования
Дальневосточного округа в
трескучий, на американский манер
ОСК, пока что лишь тыловики
справлялись лучше остальных. Но, по
старой русской традиции, всё же
случались накладки: что-то могло
потеряться по дороге или сгореть
при очень туманных
обстоятельствах, поэтому я и
спешил проконтролировать процесс
лично. Так и так своруют, но,
может статься, поймаю кого за

руку, пугану маленько – и то хлеб. А что: нагнать официоза, взять сейчас у полковника Шевардина транспортный самолёт, прихватить половину штаба в качестве свиты. Само собой, взять японский джип, вроде как положенный мне по должности... Но мягкий велюр салона напоминал о последней московской командировке за назначением. Звание обязывало либо увольнять, либо дать соответствующее место в той новой структуре, которую штатский министр лепил словно по образу хилого банковского филиала. Не раз высказываемое мной неприятие его методов сыграло

свою роль: после присвоения звания
пришёл приказ прибыть из Выборга в
Москву, пред светлые очи, так
сказать. Столицу никогда особо не
любил, даже во времена учёбы во
«Фрунзенке», слишком тут много
интриг да особо утончённого
столичного хамства. Но прибыл в
срок – ничего не поделаешь. Уровень
безразличия и цинизма коллег в
Генштабе всё же поразил,
некоторых открытым текстом
приходилось посылать по
известному адресу за сделанные в
полный голос предложения о купле-
продаже техники, горючего и
обмундирования. Видимо, зная мой
характер, полагая совершеннейшим

солдафоном, решили действовать прямо, но обломались. А потом – это назначение, фактически – ссылка неугодного в самую глушь, за Уральский хребет. Дальневосточный округ всегда был именно таким местом, тут до меня перебывали все, кто чем-то не угодил генштабистским чинушам. А могли и на пенсию, возраст уже позволяет, в декабре стукнет шестьдесят пять. Но что-то помешало убрать меня насовсем, видимо, боялись скандала в прессе, а может быть, не решались повторить вариант с командующим Северокавказским округом: того сначала тоже отстранили, потом выперли взащей, а тут и грузины

*полезли восстанавливать
«государственную целостность». Новый командующий, по слухам,
близкий родственник нового «партикулярного» министра
обороны, обоссался и всё ждал, пока из Москвы скажут, что делать. А грузины тем временем уже входили в разрушенный Цхинвал, убивая
любого, кто попадался им на пути. Тогда-то парламентёры из свиты
министра, «реформатора», и кинулись на поклон к Старику. Тот
поступил благородно, пожалел солдат и вновь взял дело в свои руки.
В последний момент удалось перехватить инициативу, сбить
темпы наступления врага и*

опрокинуть его передовые части. Было много ошибок, но тогда удалось показать и самим грузинам, а также тем, кто стоял у них за спиной, что мы по-прежнему умеем правильно воевать. Потом было много разговоров, что организации не было, связь отключили и вся победа свелась к простому численному преимуществу. Но это лишь болтовня тех, кто рассчитывает на слабо разбирающихся в ситуации обывателей. Я, как и многие, кто вынужден был наблюдать за ситуацией со стороны, видел, что, будь дело в количестве, война с Грузией продлилась бы ещё минимум

месяца три. Маленький театр военных действий, ничтожные для маневрирования расстояния – всё это не позволяет реализовать численное преимущество, в таких условиях нужны навык и опыт. Так и вышло: не подготовленные к столкновению с равным по силе противником, выдрессированные для новой, бесконтактной войны, грузины бежали. Но урок наши чиновные хапуги вызубрили, поняв, что кроме отставки есть множество других способов убрать пока что не нужную переменную из уравнения. Видимо, моя ссылка и явилась таким своеобразным компромиссом: неугодного генерала

убирают в шкаф, пересыпают нафталином, а в случае чего — пожалуйста бриться. Умно, по-иезуитски коварно...

Машина скрипнула тормозами и встала, Костя Ларионов, — мой бессменный адъютант, обернулся ко мне с переднего сиденья. Обычно спокойное, чуть ироничное выражение сменилось на его лице озабоченной гримасой, отчего смешливые серые глаза словно подёрнулись ледяной корочкой:

— Товарищ генерал, Алексей Макарович, на КПП шлакбаум снесён, дорогу перегородила бортовая машина, по виду — продуктовая... стёкла в караулке

выбиты. Дежурного не вижу, бойцов из наряда дежурной смены тоже нет на посту. Похоже, в части ЧП, вы останьтесь в машине с сержантом, я пойду всё узнаю.

После случаев нападения на военные части в любой штабной машине есть оружие, я сам никогда без лично отобранного на складе и пристрелянного ПМ на инспекцию не выезжаю. Само собой, можно делать как принято: блестящий джип, шитая на заказ форма с золотым шитьём и лампасами, но я не ряженный попугай, хотя гордиться есть чем. Всегда одевался запросто и удобно, поэтому узнавали всегда не сразу, что и есть самое главное в

нелёгком деле поддержания репутации эдакого всевидящего Ока.

– Добро, только далеко не ходи, попробуй вызвать дежурного по внутренней связи из караулки. И возьми автомат на всякий случай – мало ли что случилось.

Вглядываясь через запорошённое пылью лобовое стекло, я увидел только раскрытые ворота КПП, а чуть дальше действительно виднелся кунг продуктовой машины. Автоматически, следуя старой привычке, я глянул на чёрный циферблат старых «командирских» часов: без четверти одиннадцать. Машину остановили для досмотра

и... А что же потом: могли какие-нибудь забубённые террористы вломиться в часть? Бред, всё, что можно, они сейчас покупают, порой за фальшивые деньги. Значит, остаётся: пьяный водитель, ударивший со всей хмельной удали по педали «газ», попутав её с точно такой же, но с другим названием – «тормоз». Допустим, но тогда откуда выбитые стёкла в окошке помещения КПП и дырки от пуль в стенах «караулки»? Да и по машине стреляли – правый задний скат продуктового «ниссана» пробит, машина осела набок. Нет, нужно на всякий случай осмотреться самому. Вынув пистолет, сдвинул флажок

предохранителя и привычным движением передёрнул затвор. Ободряюще улыбнулся встрепенувшемуся было на знакомый звук молодому белобрысому водителю:

– Сержант, сиди в кабине, грей мотор, оружие достань, положи рядом...

Договорить мне не дал звук перестрелки. Сначала раздался звонкий треск костинного АКСУ^{[11](#)}, ему ответил незнакомый глуховатый лающий голос оружия, которого я не узнал. Потом включилось ещё несколько похожих «незнакомцев», один из которых точно был ручным пулемётом, судя по частоте

стрельбы. Потом снова заговорил костин «чебурашка», но второй короткой очереди вдруг осёкся, а дальше я уже не слушал, на ходу приказав вцепившемуся в руль побелевшими от напряжения пальцами водителю:

— Из машины не выходи, сдай назад и развернись, будь готов газануть, как только мы с капитаном в машину залезем.

— Това... товарищ генерал, — парнишка растерялся, его светлые, округлившиеся от страха глаза были одним немым вопросом. — А что...

— Отставить! Соберись, сержант, выполнять приказ!

Часто только так можно

привести людей в чувства. Не люблю брать на голос, но в данном случае другого выхода просто не было. Ситуация непонятная, и что-то мне подсказывало, что дальше вопросов только прибавится. Окрик на водителя подействовал как надо: ощутив себя в знакомой стихии, когда есть приказ и понятно что делать, паренёк очень грамотно сдал назад и с ювелирной точностью развернул «козла» на дороге. Выпрыгнув на недавно положенный асфальт (видимо, кто-то всё же знал, что едет начальство — подсуетились), я побежал к дверям караульного помещения. Боковая дверь была сорвана с петель.

Помянув недобрым словом прошедшие на штабной работе годы, я резко выглянул из-за угла, чуть присев при этом. У дальней стены, за перевёрнутым на бок столом я заметил то, что сначала показалось кучей тряпья. Встав в полный рост и не выпуская из поля зрения дверной проём комнаты, ведущий в узкий коридор проходной, присматриваюсь к непонятному предмету — и по спине бежит неприятный холодок. Дежурный офицер и трое солдат свалены в кучу, друг на друга, видимо, двоих застрелили снаружи, капитана с повязкой дежурного по части застрелили тут, когда он вставал

из-за стола. Третьего солдата убили в коридоре, когда тот вошёл в комнату, может быть, он вошёл на звуки выстрелов. От осмотра меня отвлекла новая серия выстрелов снаружи: огрызнулся автомат адъютанта, а ему ответили сразу три «ствола», чьих голосов я так и не смог распознать. Выручило то обстоятельство, что нападавшие торопились и не обыскали помещения тщательно: автомат солдата валялся на полу в коридоре. Обычный АК74 лежал стволом к выходу, я случайно заметил фрагмент ремня и краешек приклада с того места, где стоял. Сунув пистолет в кобуру и подобрав

«калашников», я быстро проверил, чем теперь располагаю. Подсумков ни у кого из трупов не оказалось, но «рог» трофейного автомата был набит патронами полностью. Присоединив магазин и переведя оружие в режим полуавтоматической стрельбы, я прислушался к звукам перестрелки снаружи, и через какое-то время картина прояснилась. Костя стрелял от крыльца помещения комендатуры, что в сорока метрах от КПП, дальше ему пройти не удалось. Бандиты сидели метров на сто далее, в двухэтажном кирпичном здании, их позицию я украдкой разглядел через проём окна

второй комнаты «караулки», оно выходило на дорогу, ведущую к гаражным боксам, судя по высоте ворот. Дальше и правее виднелся бетонный забор, за которым, как я точно знал, располагались топливохранилище и ремонтные мастерские. Согнувшись и матерясь сквозь зубы, я подкрался ко второму разбитому окну и прикладом автомата выбил непрочную деревянную раму с остатками стекла. Не мешкая прыгнул следом и не слишком удачно приземлился на поваленный стенд с каким-то плакатом из истории части. Шуму было достаточно, поэтому, несмотря на резкую боль в левом

колене, я откатился вбок и вправо. Острая каменная крошка, которой тут посыпают дороги, вгрызлась в щёку и затылок. На грани слышимости прозвучал звук, который я узнал – так шипит струя реактивной гранаты, а спустя ещё пару мгновений за спиной раздался глухой взрыв. Жаркая волна ударила по ушам, но давний набор навыков заставил вскочить и короткими перебежками метнуться влево, где стоял припаркованный на небольшой заасфальтированной площадке грузовой ГАЗ-66. Пара коротких пулемётных очередей вздыбила каменное крошево перед грузовиком, пули отбили длинную щепу от его

борта, однако мой адъютант не упустил момент — два выстрела заставили пулемёт захлебнуться на полуслове. Тут же второй этаж огрызнулся сразу из четырёх стволов, пули выщербили кирпич из кладки крыльца, от чего образовалось целое облако пыли. Рельеф вокруг нам не благоприятствовал: особняк, где засели бандиты, расположен на возвышенности, возле плаца, обсаженного высокими елями, к тому же левее располагалось длинное трёхэтажное здание штаба части, займи бандиты и его — нам уже ничто не поможет. Окна штаба тоже большей частью

оказались разбиты, первые этажи носили следы недавнего пожара, кое-где всё ещё струился дым, но выглядело всё так, будто бой шёл тут часов шесть назад, то есть ранним утром. Стрельба снова прекратилась, я воспользовавшись передышкой, перебежал вперёд, укрывшись за бетонной тумбой постамента, на котором крепилась мемориальная плита с именами погибших во время Великой отечественной войны. Теперь от крыльца комендатуры меня отделяло каких-то десять метров. Как я и предполагал, адъютант был ранен в ногу, от мгновенной смерти его спас только случай: Костя успел

откатиться за крыльцо, но тут его и прижали. Шёпотом я окликнул Ларионова, он с обычной своей укоризной проговорил в полголоса:

— Алексей Макарович, нужно было вам уезжать, тут чёрт-те что творится...

Иногда Ларионов перегибает с опекой, но за десять лет совместной службы мы почти срослись, я относился к капитану как к родному сыну, своих детей нам с женой Бог не дал. Поэтому я тоже вполголоса шикнул на адъютанта:

— Но-но, раскомандовался! Кто из нас двоих генерал, а, Константин, ты или я? Вот сейчас выберемся. Я до штаба дозвонюсь и выясню, что

тут творится...

Неожиданно слева раздался какой-то скрежет, и следом я услышал совершенно знакомый звук:

– Ба-ум-м!..

Стена белого домика, откуда в нас стреляли, окуталась клубами белого дыма, дрогнула, затем, словно бы нехотя, стала оседать вниз. Дом повело, и перекрытия обоих этажей, устремившись в одну точку где-то по центру здания, обрушились вниз, образовав почти идеальный прямой угол. Из-за левого угла здания погоревшего штаба резво выскочил на плац запылённый «восемьдесят пятый»^{12} и, чуть скорректировав поворотом гусениц корпус с башней,

стал методично обрабатывать развалины из пулемёта-спарки. Улучив момент, я как мог резво вскочил и перебежал к Косте, присел с ним рядом. Руки сами собой рванулись к рукаву куртки, рефлексy снова не подвели: мотнув ткань возле шва, мне удалось оторвать его почти целиком. Не обращая внимание на протесты адъютанта, я наложил жгут выше раны, кровь из дырки в ляжке перестала сочиться. Оставив раненого, осторожно выглядываю из-за укрытия. Тут продолжает твориться что-то непонятное. Из крайнего левого окна первого этажа пустого, как мне казалось раньше,

здания штаба стали неуклюже выпрыгивать солдаты. Судя по форме, это были бойцы роты охраны и сопровождения, или, может быть, «комендачи»: все в тяжёлых общевойсковых бронежилетах старого образца^{13}, их я узнал по нашим спереди подсумкам и зелёному цвету капронового чехла. Вооружены все полноразмерными «калашами», обтянутые брезентовыми чехлами круглые шлемы падающие на глаза... наверняка «срочники». Они скопились возле левого борта танка, укрываясь за ним построившись в колонну по два, и замерли. Немного погодя из окна выпрыгнул офицер в изорванной

офицерской «повседневке», без фуражки, голова замотана серо-чёрными от копоти и пыли бинтами. Поверх кителя у офицера был довольно умело натянут разгрузочный жилет с подсумками, в левой руке он держал такой же, как и у моего адъютанта, «чебуран». Рваные брюки, форменные ботинки. Это явно был кто-то из офицеров штаба, погоны скрывали широкие лямки «разгрузки», но, судя по резвым движениям, это точно не комполка, того я бы и с такого расстояния узнал. Офицер, полусогнувшись и то и дело оскальзываясь на щебне, подбежал к танку и два раза грохнул откинутым

прикладом автомата по броне. Люк мехвода открылся, и после каких-то переговоров танк двинулся к порушенному дому, а трое бойцов и офицер отделились от основной группы, бежавшей следом за рычащей машиной и направились в нашу сторону. Подняв прислонённый к крыльцу автомат, я тихо сказал адъютанту:

— Костя, кажется, всё закончилось. Вон к нам кто-то из штабных бежит...

Но говорил я в пустоту, Ларионов потерял сознание, лицо его побелело, и голова свесилась набок. Приспустив ремень автомата так, чтобы оружие было на уровне пояса,

я повесил его себе на шею, автомат адъютанта повесил на плечо. Потормошив Костю и поняв, что тот прочно отключился, я взвалил его на загривок и кряхтя поднял. По весу стало понятно — парень выживет, мертвецы столько не весят. Непонятно, кто были эти бойцы с офицером. Ларионова следовало отнести в машину и связаться со штабом в Хабаровске, я уже предвидел толпы чинуш из Генштаба, комиссии и прочие последствия непонятного инцидента, самым меньшим из которых будет возмещение ущерба, нанесённого части. Сделать мне удалось только пару шагов —

прыткий перевязанный офицер уже был рядом, как и трое запыхавшихся бойцов, чьи лица наполовину скрывали ниспадающие на глаза шлемы, а вся амуниция сидела как-то криво. Остановившись в трёх шагах от меня, офицер доложил:

— Товарищ командующий округом, разрешите обратиться! Майор Павлов, замначальника особого отдела гвардейского сто восемьдесят второго авиаполка. Силами сводной роты нападение вражеского десанта по всей территории отбито, остаточные очаги сопротивления в районе складов РАВ локализованы... Комполка полковник Шевардин убит,

командование принял начштаба полка подполковник Ярцев...

Всё сказанное офицером показалось мне каким-то бредом. Возможно, парень повредился умом от контузии, смысл его короткого рапорта заставил всё внутри похолодеть, сердце комком подступило к горлу. Опустив раненого Костю на руки подоспевшим бойцам, я только и смог произнести:

— Какой ещё десант, майор? Вы что, учения затеяли?!

Все вокруг, даже солдаты замерли, один поправил шлем, съезжающий на глаза, и я увидел пару серых испуганных глаз,

неестественно блестящих белками на чумазом молодом лице. Форма и оружие у всех бойцов носили следы многочасового боя: каждый был легко ранен, кто в руку, кто в ногу, у одного были туго перебинтованы шея и обе руки. Все они были щедро присыпаны кирпичной пылью, отчего казались ожившими каменными барельефами. Майор, чьё лицо всё в кроваво-чёрных бинтах было не разглядеть, тихо, но твёрдо ответил:

— Никак нет, товарищ генерал армии, нету учений... Война началась, уже двадцать часов, как десант выбросили. Танковый взвод и рота охраны... ещё комендантский

взвод и офицеры штаба... Сначала порознь бились, потом очухались и вломили америкосам как положено. Есть пленные, они подтвердили, что являются военнослужащими какой-то Коалиции, двое американцы-десантники, один офицер связи из какой-то канадской особой роты егерей. Мои следователи сейчас с ними работают. Связи с Хабаровском нет, на уровень Генштаба или ОСК «Запад» по спецсвязи тоже выйти не удалось, пока мы отрезаны. Периодически удаётся связаться по радиоэфирным каналам с отдельными частями округа, все связаны боем, подвергаются интенсивным

налётам вражеской авиации и ракетным обстрелам, скорее всего с кораблей... Пойдёмте на КП, у меня приказ доставить вас, как только отыщу, там всё узнаете подробней.

Я был в смятении: майор не походил на шутника, а пуля, которой был ранен Костя, точно самая настоящая. Ещё раз внимательно присмотревшись, я увидел, что Павлов обожжён, китель и брюки местами сильно истлели, из дыр проглядывают запylённые повязки. Ещё кисть левой руки майор неловко прятал, она вся почернела, ребро ладони обуглилось, белела кость. Молча кивнув ему, я пошёл следом, каждый шаг давался мне с

невероятным трудом, в
происходящее вокруг сознание
отказывалось верить, однако лицом
тогда и теперь я никогда старался
не выказывать неуверенности, хотя
только постоянными усилиями воли
удаётся отгонять желание
заглянуть за край открывшейся
бездны...

...Тяжёлая бронеплита двери
бесшумно ушла в стену, и в комнату
вошёл осунувшийся за последние
недели Костя. Адъютант мотался
вместе с начальником штаба фронта
полковником Пашутой по участкам
формирования частей, но про
внешний вид не забывал: всегда
подтянут и гладко выбрит, вот только

руки, обветренные, с парой сорванных ногтей, выдавали характер повседневных занятий. Обозначив стойку «смирно», как это умеют только опытные ординарцы, Ларионов доложил:

— Товарищ командующий, прибыли командир особого маньчжурского погранокруга полковник Басаргин, начштаба фронта генерал-майор Пашута и командующие спешным порядком формируемых армейских корпусов генерал-майор Греков и генерал-лейтенант Афанасьев. С ними прибыли командир первой воздушной армии генерал-майор Примаков и двое штатских, вроде

учёные...

Я, с трудом расцепив челюсти и, подавляя болевые импульсы, кивнул, давая знак впустить участников совещания. То, что мы собирались обсуждать, можно называть по-разному: жестом отчаяния, судорогами и агонией. Так сказал бы человек штатский, раздавленный тем тотальным ужасом, который гнал людей на пулемёты китайских пограничных кордонов. Но я и те офицеры, которые сейчас собирались в тесном бункере с низким потолком и сырыми стенами, назвали это контрнаступлением. Долгие годы учёбы и теоретических штабных игр наконец-то обрели практическое

воплощение. Страшное, почти катастрофическое положение предстоит обернуть победой, об ином исходе ситуации я запрещал себе даже думать. Те же, кто сдался, скорее всего поголовно мертвы. Враг боится и презирает нас до такой степени, что не принял в расчёт возможность капитуляции. Американцы невольно оказали нам услугу своими действиями, лишив даже завязтых интеллигентов и пацифистов иллюзий на свой счёт. Одним из центральных вопросов была проблема беженцев, коих в приграничной зоне скопилось почти полторы сотни тысяч человек. Люди, а это большей частью жители

области и небольшое количество выживших из Приморья, шли на любые уловки, чтобы пробраться в сопредельный Китай. Сначала соседи просто передавали беженцев нашим пограницам, но теперь ситуация обострилась: в приграничье появились вооружённые банды непонятных граждан, они нападали на пограничников, грабили и убивали беженцев. Сводная дивизия внутренних войск, сформированная две недели спустя, уже начала развёртывание в приграничной двухсоткилометровой зоне. На линии Благовещенск — Биробиджан — Хабаровск уже налаживалась режимная зона,

выставлялись блокпосты, вдоль границы налажено совместное с нашими пограничниками и китайцами патрулирование территории, но положение всё ещё сложное. Основной реальной силой была 38-я сретенская мотострелковая бригада. Гвардейцы, перебазированные под Тынду три месяца назад, взяли на себя обеспечение порядка в городе и окрестностях, как только дали дёру почти вся местная администрация в полном составе. Неприглядную роль повсеместно играла реорганизованная в начале года милиция. Сотрудники райотделов занимались открытым грабежом населения, убивали тех, кто пытался

оказать сопротивление. Однако нельзя сказать, что вся милиция-полиция оказалась совершенно бесполезной: части отрядов особого назначения — бывшие ОМОН и СОБР — в подавляющей массе подчинились военным и оказали помощь в нейтрализации действий своих бывших коллег. Комбригом мотострелков и командиром сводного отряда милицейского спецназа была разработана очень действенная схема работы с подозреваемыми в условиях военного положения. Всех полицейских и сотрудников автоинспекции фотографировали, снимали отпечатки пальцев, поскольку

документация и компьютерная база данных старого образца уже была недоступна. Их предупреждали, что в случае задержания за нарушение режима зоны ЧП они будут расстреляны на месте. Более того, ввиду крайней неблагонадёжности новое положение запрещало бывшим сотрудникам вступать в ряды ополчения, иметь огнестрельное оружие. Меры, не скрою, очень жёсткие, но до их принятия были повсеместные случаи появления организованных полицейскими вооружённых банд, грабивших беженцев, шедших к границе, совершавших налёты на продовольственные и вещевые

склады. То же самое в полной мере коснулось и сотрудников частных охранных фирм с лицензией на огнестрел, однако, ввиду наличия в их рядах бывших кадровых военнослужащих, там были некоторые послабления, не затронувшие только бывших сотрудников МВД и системы исполнения наказаний. Отдельной головной болью стали исправительно-трудовые колонии, городские тюрьмы и изоляторы временного содержания. Полиция, а также сотрудники внутренней охраны изоляторов временного содержания и внутренних тюрем, повсеместно бросали свои

служебные обязанности, вскрывали оружейные комнаты и шли грабить банки, продовольственные магазины и автосалоны. Некоторые шли грабить военные части, но за редким исключением такие попытки жёстко пресекались. Часто между такими бандами возникали конфликты, следствием которых были ожесточённые перестрелки. В Биробиджане и Благовещенске так выгорело до сорока процентов городских построек: возникающие пожары некому было тушить, пожарные расчёты, прибывающие на вызов, и врачи службы «скорой помощи» гибли от пуль конкурирующих банд. Мотострелкам

и бойцам спецназа удалось переломить ситуацию в Тынде и близлежащих населённых пунктах только спустя две недели после начала войны. В Биробиджане и других крупных городах это удалось сделать чуть быстрее — помогла близость действующих военных частей и оперативно развёрнутые комендатуры. Уголовный элемент, вопреки ожиданиям, больших неприятностей не доставил, так как основные колонии и поселения находились на северо-востоке — в Якутии и Байкальском регионе. Там эту проблему решили довольно радикально: после того как сотрудники охраны лагерей стали

разбегаться, на отлов вырвавшихся на волю преступников бросили специально обученные части внутренних войск и вертолёт с навесным вооружением. Согласно закону о ЧП, беглых расстреливали на месте. Ну, а тех, кто не сбежал и сдался военным патрулям, отрядили на восстановительные работы в городах, так что нехватки в рабочих руках не было. Кроме того, преступники носили старую лагерную форму, под страхом немедленного расстрела им запрещалось переодеваться в гражданскую одежду. Для тех, кто не желал подчиняться, грань между жизнью и смертью предельно

истончилась. А получившее известность изобретение тындинских коллег помогло повсеместно: бандиты и мародёры постепенно вытеснялись из наспунктов, где, совместно с полевыми частями их, как правило, уничтожали с воздуха, либо накрывали артогнём. Огромную помощь оказывают отряды народного ополчения, костяк которых составляют не способные к воинской службе мужчины, женщины и даже подростки. К моему удивлению, там же оказывались те из бывших полицейских, которые хоть и подпадали под положение ЧП, однако были честными,

порядочными людьми. Впрочем, таких были единицы. Переименование не пошло на пользу: криминальные замашки активно культивировались ещё в учебных заведениях, и из стен академий выходили часто не только сотрудники правоохраны, но иногда и профессионально подкованные уголовники.

Плохо то, что в формируемых частях дивизии менее трети личного состава оказалось из контрактников — людей с опытом. Пока их было всего около восьми тысяч человек, штатное недоукомплектование — почти четырнадцать тысяч по нашим потребностям. Однако сейчас это

общая проблема: все части понесли серьёзные потери, плюс две трети в них — только что прошедшие «учебку» новобранцы и те, кто прошёл проверку особого отдела и вышел из окружения без ранений, мешающих возвращению в строй. Общая численность войск, собранных из остатков разрозненных частей округа, доходит до сорока девяти тысяч человек, и это без учёта формируемых частей ударных корпусов, на которые ляжет основная задача по прорыву американской блокады на северо-западном направлении. Если удастся освободить Ванино, а с ним часть северо-восточного побережья

Охотского моря, то вторым ударом следует выйти на южное направление и обеспечить флоту отставленные ранее базы, с выходом в Татарский пролив. Сахалин пока держится, но, согласно данным со спутника и отрывочным сведениям авиаразведки, через трое суток в Окинаву прибудет транспортный конвой с новыми боеприпасами, и американцы не станут больше медлить. Если так, то сахалинский плацдарм мы точно потеряем, и нужно спешить.

Дверь снова открылась, и в комнату парами и по одному стали входить люди, комната заполнилась новыми запахами и приглушёнными

разговорами. Все вновь прибывшие имели усталый вид, Басаргин так вообще был чёрен лицом от усталости, его зелёные, кошачьи глаза словно два негасимых светильника поблёскивали в рассеянном свете ламп. Все расселись за столом, я обратил внимание на двух относительно молодых людей, лишённых армейской выправки, оба были одеты как городские жители, выехавшие на природу: короткие тёплые куртки сине-красной расцветки, тёплые штаны с большими накладными карманами, матерчатые кепки-бейсболки с непонятными логотипами. Тому, что помоложе,

можно было дать не более сорока лет: короткая стрижка, каштановые с проседью волосы, обветренное узкое лицо, умные карие глаза за стёклами бифокальных очков в тонкой стальной оправе. Второй вполне мог быть на десяток лет старше своего коллеги, имел совершенно невыразительное круглое лицо никакой растительности на голове. Казалось, что все волосы эмигрировали ему на подбородок и щёки: штатский носил окладистую роскошную курчавую с проседью бороду, доходившую ему до середины груди. Однако стоило взглянуть в его угольно-чёрные глаза и первое впечатление некой серости

пропадало, таким умом и лукавством светились они. Костя сказал, что они пришли с Примаком. Пётр Николаевич или, как его прозвали за глаза подчинённые – Пётр Первый, слыл человеком дельным и вникавшим во все новации, касающиеся его рода войск. Помню, как он лично ругался с одним из младореформаторов, который подсунул тогдашнему президенту на подпись законопроект о ликвидации стратегической авиации и продаже всего парка Ту-160 на Ближний Восток. Видимо, этих Пётр Первый привёл не просто так, нужно будет его послушать, но сначала следует отпустить пограничника, уж

слишком не нравится мне его состояние. К тому же сейчас мне очень нужны его ухорезы – пожалуй, лучшие разведчики, которых я смогу найти. Поздоровавшись, я кивнул Басаргину, чтобы тот начинал. Пограничник подошёл к развёрнутой на стенде электронной карте, несколько таких планшетов установили за месяц перед войной, штука оказалась крайне полезной. Специальной указкой полковник ткнул в заштрихованный синим хэнганский выступ на стыке 48-го и 49-го пограничных отрядов^[5], изображение поплыло и укрупнилось:

– На данных участках налажено

тесное взаимодействие с китайскими товарищами. Работают временные фильтрационные и контрольно-пропускные пункты. Активность вооружённых бандгрупп снизилась после размещения тут двух рот полка внутренних войск МВД. Территория охвачена сетью блокпостов и комендатур, налажено регулярное совместное патрулирование.

Голос пограничника звучит глухо, но вполне чётко. За скупыми фразами доклада я чувствую, какая работа проделана им менее чем за четырнадцать дней. Но всё же нужно уточнить кое-что:

— Андрей Емельяныч, как обстоит дело с китайскими

колонистами?

— После того, как вы дали советнику Чжану свои личные гарантии стабильности, нарушения границы китайскими гражданами прекратились, — Басаргин позволил себе довольно усмехнуться уголками рта. — Налажено снабжение наших частей продовольствием, китайцы берут расписки, определяем цены в юанях, по вполне умеренному курсу, всё идёт как в мирное время. Начальник тыла, генерал-лейтенант Леонов говорит, что в принципе ситуация в прифронтовой зоне и большинстве наспунктов в тылу нормализовалась: после введения карточной системы и особого

режима, показательных расстрелов спекулянтов и мародёров обстановка в Комсомольске-на-Амуре и уцелевших предместьях Хабаровска нормализовалась, в остальные поселения стали возвращаться беженцы. Сам Никита Олегович сейчас застрял в Комсомольске, туда стекаются беженцы из прибрежных областей, городская комендатура не справляется.

Генерал Леонов был до недавнего времени подполковником одной из ракетных частей. Находясь по делам в Благовещенске, оказался в центре возникшего бедлама, но не растерялся и, собрав вокруг себя сотрудников нескольких районных

комиссариатов и приданных им солдат срочной службы, организовал охрану размещённых в городской черте складов госрезерва. Поначалу лично отпускал интендантам новых частей и гражданским продовольствие и медикаменты, которые по его приказу свозили на территорию складов со всех частных аптечных пунктов, чтобы пресечь спекуляцию. Я не задумываясь подписал приказ о присвоении ему генеральского чина, так как понял, что по суворовской традиции на полгода его честности должно с избытком хватить. Война стала другой, теперь нет времени на выстраивание многокилометровых

линий обороны, всё решает серия быстрых ударов маневренных бронегрупп при поддержке авиации и артиллерии, и каждый такой удар должен быть смертельным, иначе противник тут же воспользуется твоей ошибкой и контратакует. Современный бой превратился в некое подобие боксёрского матча, где победит не столько самый выносливый, сколько тот, кто вовремя угадает момент для одного-единственного удара, способного отправить противника в нокаут. С китайцами мы быстро нашли точки соприкосновения: в сложившейся ситуации они, словно канатоходец на проволоке, могут идти только вперёд.

Если они решатся перейти границу, то получают проблемы с нашей пусть и ослабленной, но всё же современной армией. А если пойдут против американцев — те без лишних сантиментов спустят с поводка своих японских коллег и слабых, но чрезвычайно обидчивых южно-корейских подшефных. И вот тогда и появился невозмутимый товарищ Чжан, с которым мы встретились неделю назад в пограничной Кяхте. Он прямо, на вполне сносном русском языке, озвучил условия пока что тайного соглашения, которое он от имени китайского правительства заключал со мной, как с единственным представителем

власти в России. Отчасти китайский чиновник был прав: северо-западная группировка, состоящая из частей ОСК «Центр», «Запад» и её нынешний командир — генерал-полковник Самарин, признали меня верховным главнокомандующим, а гражданская власть фактически самоустранилась. Были попытки некоторых губернских владык начать переговоры, они присылали своих гонцов в Читу. Однако на такой шаг я пойти не мог, люди слишком озлоблены на тех, кто допустил врага в страну. Население пусть и с опаской, но доверяло нам, и с каждым днём доверие крепло, поскольку армия защищала людей,

дала работу и еду. В города пришёл жёсткий, но совершенно чёткий порядок военного положения. В пропаганде не было необходимости, каждый второй на себе испытал ужасы войны и знал, что оккупанты несут только смерть. Как это ни парадоксально, но после более чем четверти века хаоса и неопределённости появился чёткий ориентир — все хотели выгнать незваных гостей, подавляющее большинство готово было рвать захватчиков зубами. Вновь позвать вороватых чинуш и поставить их над собой означало убить надежду на перемены, на саму возможность победы. Поэтому при сохранении

внешней атрибутики решено было обходиться без гражданской власти, и пока схема сбоев не даёт. Китайский эмиссар всё это прекрасно знал, поэтому было заключено несколько тайных соглашений, по которым они поставляют российской армии обмундирование, некоторое количество технического оборудования, станки, также помогают нам с продовольствием и снабжают разведданными. Однако это всё, на что Китай сейчас мог пойти, избегая прямой конфронтации с силами Коалиции. В дальнейшем Чжан упомянул о более тесном сотрудничестве, при этом как бы невзначай коснувшись дужкой

снятых очков в тонкой золочёной оправе контура Тайваня. И в тот самый миг я ещё больше уверился в существующей возможности переломить американский сценарий компании. Тогда же зародился план прорыва на Запад, к осуществлению которого мы сейчас и приступали.

Басаргин закончил доклад и теперь вот уже долгих тридцать секунд выжидательно и с тревогой ищет мой взгляд. Нужно собраться, не подавать виду, что мне больно. Прячу взгляд и отхлёбываю чуть тёплый чай из железной эмалированной кружки:

– Хорошо, я рад, что моё слово так дорого стоит, Андрей Емельяныч.

Однако звал я вас, полковник, не только поэтому. Сколько у вас в подчинении подразделений специальной разведки?

— Батальон, если собрать вместе подразделения, приданные погранотрядам. Ещё само собой ОГСР «Сигма», это кадрированная часть [14](#), но сейчас они задействованы...

— Знаю, Андрей Емельяныч. Но всё же прошу выделить в распоряжение Ставки группу из двенадцати человек. Подберите самых толковых, опытных и... везучих. Для того, что мы собираемся им поручить, одного профессионализма недостаточно,

многое будет зависеть именно от везения. Есть у вас в подчинении везучие, полковник?

— Только майор Раскатов, товарищ командующий. Он самый отчаянный и, как вы точно подметили, один из тех, кому боги войны ворожат.

— Вот и договорились. — Я жестом разрешил Басаргину садиться, приглашая комкора-один к планшету. — Василий Палыч, доложи план операции по деблокаде побережья.

От стола поднялся генерал-майор Греков, тяжело ступая, прошёл к планшету. Если брать чисто внешние данные, то комкор-один

более всего подходил под те клише, которые ещё со времён Салтыкова-Щедрина укоренились в народном сознании: дородный, с венчиком белых седых волос, окружавшим словно бы редким частоколом, блестящую от перманентной испарины плешь. Круглое лицо, вислые брылья щёк и маленькие голубые глазки, почти скрытые под набрякшими мясистыми веками. Однако за внешней флегматичностью скрывался холодный и коварный ум. Когда-то Греков преподавал в Новосибирском военном институте, а ещё раньше долгое время был военным советником в разных дружественных СССР странах. После

перестройки его задвинули преподавать. Война застала старого вояку в Иркутске, где он гостил у внучки и её семьи. Несмотря на возраст, он сразу же явился в военный комиссариат. На командную должность я назначил Грекова не задумываясь, слишком уж хорошо помнились разработанные этим несуразным на вид стариком методические пособия по теории применения оперативно-тактических соединений. Планы, которые рождались в его голове, отличались коварством и неожиданными решениями. Дерзость и способность удивить противника — только эти два качества могут помочь в очередном

стратегическом цейтноте, в котором Россия в очередной раз очутилась.

– Деблокирование портов и баз на направлении Гроссевичи – Нельма – Ванино возможна при условии нанесения отвлекающего удара на северо-восток по вектору Пивань – Гурское – Высокогорный.

Короткий красный палец докладчика описал дугу и упёрся в точку на карте, изображение вновь приблизилось. Шагнув немного вправо, Греков ткнул пальцем в левый нижний угол планшета, и поверх карты появились таблицы и изображения техники, сделанной явно обычным цифровым фотоаппаратом довольно

посредственного качества. Третью
экрана заняли изображения новых
боевых машин пехоты и уже
знакомые низкие силуэты танков,
одетых в угловатую броню навесной
активной защиты. Потом докладчик
снова произвёл нужные
манипуляции, и появилось
масштабное изображение
стокилометрового участка, где
красные стрелы дерзко устремились
к исчерченным синим
оккупированным портам и городам.

— ...Нанесение главного удара я
планирую поручить 149-й
мотострелковой бригаде полковника
Нефёдова, она полностью
сформирована и имеет в своём

составе две усиленные танковые роты. Броне-группы при поддержке штурмовой авиации выйдут группировке противника во фланг. Отвлекающий удар в районе Ванино и Совгавань будет наносить вновь сформированная 164-я танковая бригада корпусного подчинения, в её состав включены новые основные машины Т-90 и модернизированные Т-85. Командовать будет подполковник Чернов, он местный, родом из-под Кемерово, вышел из окружения под Новосибирском с шестью танками, сохранил знамя батальона, достойный храбрый офицер. Одновременно мы опробуем новую систему управления войсками,

чьи элементы мы внедряем уже на стадии формирования всех частей и соединений фронта.

— Ванино и Советская гавань сейчас хорошо укреплены, Василий Палыч.

Вспомнился приказ о присвоении внеочередного звания некоему капитану Чернову и те весьма лестные рекомендации, которые Греков дал этому двадцатилетнему офицеру. Однако это пришло мимолётно, усилием воли я постарался сосредоточиться на докладе. Теперь замысел операции хоть и прояснялся, однако нюансы всё ещё туманны, американцев ждёт сюрприз, в

предвкушении все даже слегка подались вперёд. Моё замечание заставило докладчика дёрнуть щекой, но флегму старика было не пробить столь слабым аргументом, Греков лишь едва кивнул и продолжил:

— Шестиуровневая эшелонированная оборона, товарищ командующий. Плюс — с моря район прикрывает авианосная группировка, ядром которой являются флагман второго флота США «Нимиц» и ракетный крейсер «Айова». В случае угрозы нападения они постараются реализовать численное и техническое преимущество. Однако это при условии, что нет угрозы ракетной атаки, которую мы сможем

продемонстрировать с помощью капитана второго ранга Синельникова и его дивизиона мобильных «Редутов». Боеприпасы они расстреляли во время нападения месяц назад, однако с помощью наших подводников удалось переправить на Сахалин две противокорабельных ракеты. Этого должно хватить, чтобы вывести из строя «Нимиц», остальная группа в ходе нарастающего темпа нашего наступления скорее всего выйдет из боя. С потерей авианосца американцы останутся в меньшинстве и под угрозой блокады в проливе, к тому же не зная количества боеприпасов береговых

батарей, они будут ждать угрозы и с этой стороны. Поэтому, без всяких сомнений, выйти из боя и устремиться под прикрытие береговых укреплений архипелага — их единственный шанс избежать разгрома. Когда же завершится фаза операции по деблокаде Нельмы, наступление поддержит группа кораблей контр-адмирала Никифорова, которой выйти на оперативный простор мешают мобильные противокорабельные комплексы, дислоцированные в Ванино и той же Нельме. Это комплексная задача, и её решение большей частью ляжет на диверсионные подразделения.

Одновременно с развёртыванием ударных групп в тылу американцев, а конкретно – в районе Ванино и Нельмы будут действовать две группы боевых пловцов 311-го отдельного противодиверсионного батальона и два разведвзвода приданной нам сводной бригады морской пехоты. В задачу спецназа входит захват и выведение из строя командного пункта управления обороной ПВО и уничтожение штаба двенадцатой бригады «Страйкер», части которой и составляют костяк обороны. По моим подсчётам, боевые пловцы в течение часа после утверждения плана операции смогут высадиться на берег и через два часа

выйдут на исходный рубеж для атаки. К подходу основных сил передовой ударной группы американцы гарантированно окажутся без связи и зенитного прикрытия, что позволит существенно снизить сопротивление в узловых точках первого и второго эшелонов обороны противника. Если авиация сработает как договорились, то наши потери в ходе наступления будут ниже обычного два к одному.

— Товарищ командующий, — подал голос Комкор-Два, Афанасьев, — разрешите вопрос к товарищу генерал-лейтенанту?

Генерал-майор Афанасьев не то чтобы был противоположностью нескладному внешне Грекову, однако

по стилю командования и личностным качествам это точно две противоположности. Афанасьев из более молодых, звание получил всего пару лет назад и ничего особо выдающегося я за этим человеком не помню. После академии Генштаба был на административных должностях в Ленинградском военном округе, потом чем-то не угодил заместителю нового министра обороны и был сослан ко мне в хозяйство и всё это время исполнял функции заместителя начальника штаба округа. Для офицера в таком чине должность более чем скромная, однако пока ОСК только формировался, и в дальнейшем я

планировал доверить Афанасьеву курирование окружных учебных центров. В свои сорок семь лет он выглядел неплохо: сухощав и высок ростом, но уже начинал грузнеть на сидячей должности. Комкора-два отличали глубокий, хорошо поставленный баритон и весьма недурная внешность. Говорил он толково, часто демонстрируя неординарное тактическое мышление, это и сыграло решающую роль в его теперешнем назначении. Вот и сейчас Александр Александрович что-то заметил и вклинился, но я разрешил высказаться. Глянув на Грекова и увидев, что старый хрыч только рад

приземлить очередного выскочку, я молча кивнул в знак согласия. Боль снова резкими злыми толчками оккупировала мозг, усилием воли удалось подавить стон, готовый прорваться сквозь стиснутые зубы. Но вот темнота отступила, я снова увидел, как комкор-два встаёт и немного рисуясь начинает говорить:

— Сахалин непрерывно бомбят, пункты обороны, занимаемые частями 465-го мотострелкового полка и 33-й мотострелковой дивизией, находятся под непрерывным обстрелом, в том числе и дальнобойными орудиями, дислоцированными на Окинаве. Новая ракетная атака вызовет

немедленную реакцию кораблей авианосного соединения и той же окинавской сухопутной группировки противника. По позициям ракетчиков и по острову в целом совершенно очевидно будет нанесён интенсивный бомбово-штурмовой удар. Даже если удастся произвести пуск ракет, силам обороны Сахалина будет причинён уничтожающих размеров ущерб. Мы рискуем раскачать положение: американцы потеряв боевую единицу такой величины, как «Нимиц», наверняка забудут про едущие морем боеприпасы и ударят по Сахалину всем, что у них будет в тот момент под рукой. А потом высадят десант,

не считаясь с возможными потерями, и островная группировка будет сбита со своих позиций однозначно. Если целью избрать именно авианосец, то мы со всей очевидностью лишимся сахалинского плацдарма в дальнейшем.

Афанасьев замолчал, выжидательно глядя на вытиравшего лысину клетчатым носовым платком оппонента, который, в свою очередь, неопределённо хрюкнул и пожал плечами. Потом Греков выждал ещё пару секунд и поняв, что жертва увязла и готова для последнего заклания, прочистил горло и вновь принялся объяснять, водя по планшету зажатым в пухлом кулаке

огрызком карандаша:

— Это было бы верно, товарищ генерал-майор, — старик особо ядовито выделил голосом звание Афанасьева, — если бы не то обстоятельство, что противник не ожидает от нас каких-либо активных действий в течение как минимум шестидесяти часов. К моменту, когда они решат нанести ответный удар, в Татарский пролив уже войдут корабли контр-адмирала Никифорова. Это ракетный крейсер, два больших противолодочных корабля и пять эсминцев. Фактически это все боеспособные корабли, которые есть в нашем распоряжении. Однако, как я уже и

говорил, с потерей авианосца перевес окажется на нашей стороне. Безусловно, риск быть опрокинутыми есть: на флоте, как, впрочем, и у нас, серьёзный недокомплект экипажей, нехватка горючего и запчастей. Эскадра сформирована и оснащена на пределе возможностей. И всё же я не предполагаю нанесения немедленного контрудара, а только он способен изменить картину боя. Если американцы не ударят тотчас же, в дальнейшем их усилия будут напрасны: с эскадрой тихоокеанцев идут два транспорта с боеприпасами, и отдельный корабль доставит на Сахалин дивизион новых

«Триумфов»^{15} из резерва обороны космодрома Свободный, а также сводную бригаду войск ПВО. Кроме того мы планируем придать зенитчикам десять истребителей и семь ударных вертолётов Ми-24. Таким образом, остров станет американцам не по зубам, его взятие дорого встанет янки, не думаю что они решатся на контрнаступление. Слава богу, есть и у нас немного удачи и надо её использовать. Единственное, в чём мы и моряки не испытываем стеснения, это боеприпасы: в распоряжении фронта одиннадцать арсеналов и хранилищ разного назначения. Есть и весьма новые боеприпасы, американцев

подвела их видимая осведомлённость о передислокации наших войск и баз снабжения. Вся мощь первых ударов пришлась по местам предполагаемого размещения матчасти и обеспечения, в то время как действительное положение большинства хранилищ и арсеналов осталось прежним. Разгильдяйство тыловигов сработало в нашу пользу, подобно тому, как сломанные часы хотя бы два раза в сутки показывают точное время. С юго-востока выйдет группа атомных подводных крейсеров и нанесёт упреждающий ракетный удар по Окинаве. Думаю, что церемониться особо не стоит, ударим тем, что есть в закромах. Да

и синоптики говорят, что роза ветров благоприятна, выхлоп пойдёт в сторону японских островов... это должно ещё больше затруднить положение японского военного кабинета. Предвидя ваши новые возражения, Александр Александрович, замечу, что у нас есть ещё один туз в рукаве, но эту часть изложит более подробно уважаемый Пётр Николаевич и его... э, сотрудники. У меня всё, Алексей Макарович, прошу дать слово для доклада генерал-майору авиации Примаку, его летуны сыграют одну из главных партий в предстоящем представлении.

«Пётр Первый» стремительно

поднялся и, едва дождавшись моего разрешительного кивка, устремился к планшету, попутно дав что-то дежурному офицеру-планшетисту. На экране вновь сменилась картинка, и теперь треть экрана заняло изображение самолёта с хищными обводами, он чем-то напоминал мне сокола, кидающегося на добычу. Само собой, раньше приходилось видеть прототипы на полигоне, но Примак был не тем человеком, который бы стал делать доклад о новинках в своём хозяйстве без веских на то причин. Изображение пропало, и, слегка качнув совершенно седой шевелюрой, лётчик заговорил хрипловатым

басом:

— Товарищ командующий, разрешите представить вам наш козырной туз — истребитель пятого поколения Т-50^{[16](#)}. Так получилось, что в нашем распоряжении на данный момент четыре машины, полностью укомплектованные оборудованием, сменными экипажами и даже некоторыми видами экспериментального вооружения. На Светогорском авиаполигоне опытные образцы проходили лётные испытания, двадцать четвёртого июля их должны были перегонять в Новосибирск. Но по метеоусловиям отправку решено было перенести, что, как теперь

выясняется, только на пользу. Американцы думали, что машины базируются в районе Владивостока, тамошняя авиабаза была атакована силами спецназа морской пехоты США. Сотрудники секретной части, сопровождавшие учёных и самолёты, смогли вывезти пилотов и документацию, которая оставалась на базе. Ангары, где стояли старые, подлежащие списанию МиГ-21, секретчики взорвали. Пока нет достоверных данных о том, поверили американцы в уничтожение машин или нет, однако конструкторская группа и экипажи перебазировались на Афанасьевский полигон под Светлогорском ещё в первых числах

июля...

Вот он, сюрприз! Однако мне трудно представить, как четыре, пусть и новейших самолёта смогут кардинально помочь победе над противником, у которого таких машин в десять раз больше. Безусловно, сейчас Примак расскажет, как он использует выпавший на его долю шанс сразиться с американцами практически на равных. Вопрос вертелся на языке, но я сдержался и, как потом выяснилось, не зря. Лётчик с горящими боевым азартом глазами увлечённо продолжил, обветренное лицо его с крупными выразительными чертами словно

засветилось изнутри:

— Товарищ командующий, в продолжение слов Василия Павловича хотелось бы сказать, что танкистов Чернова будут поддерживать штурмовики Су-25 и две вертолётных пары Ка-50. По итогам последних боёв на северо-западе и под Кемерово, я могу уверить вас: в данном случае группировка воздушного прикрытия атакующей группы войск имеет паритет с наличными воздушными средствами противника. В первой фазе операции мы сумеем нейтрализовать имеющиеся в распоряжении янки штурмовики А-10 и вертолёты «Апач». На случай

подключения палубной авиации с «Нимица» я выделил ещё четыре истребителя МиГ-29 и два Су-27. Но это всё, чем мы располагаем на данный момент, остальные машины задействованы на направлении главного удара...

Пока план выглядел слишком рискованным, американцы, с учётом морской авиации и базирующихся на Окинаве сил, имели над атакующими более чем трёхкратное превосходство. Однако, зная авторов задуманного, с каждым словом Примака у меня крепло чувство, что и это учтено. Поскольку козыри уже лежали на столе, я догадывался, на что именно делают ставку старый

лис и этот последователь греческого Икара, но решил не портить людям сюрприз. Тем временем Примак переключил планшет, и на экране возникла трёхмерная карта побережья, где синими пятнами отражались скопления вражеских войск. Словно невиданная чужеродная плесень, пятна покрывали землю, затопив названия прибрежных городов.

— ...Нами сформировано ударное оперативно-тактическое соединение, ядром которого являются два истребителя Т-50, один самолёт дальней радиоэлектронной разведки и управления А-50^{17}. В качестве прикрытия, из личного

резерва я планирую выделить эскадрилью Су-27. На данный момент в подразделении десять самолётов, все они полностью довооружены и укомплектованы самыми современными средствами ведения боя. Пилоты опытные — большинство с боями вышло из окружения под Новосибирском, есть лётчики-испытатели, в частности — с иркутского авиазавода. Главной задачей для Су-27 является прикрытие Т-50 и самолёта управления. После получения сигнала от диверсионных групп о захвате вражеских пунктов управления и нейтрализации зенитного прикрытия в районе

наспунктов Гроссевичи – Нельма – Ванино группа занимает эшелоны для прикрытия наступления мотострелков полковника Нефёдова и морской эскадры контр-адмирала Никифорова. А-50 устанавливает связь с одним из имеющихся в нашем распоряжении спутников шестого эшелона ГЛОНАСС. Возможности космической группировки – лишь тридцать процентов от расчётной, подавлять американские командные радиочастоты мы сможем лишь около сорока минут. Но на первоначальном этапе это должно создать видимость традиционной схемы атаки, к которой противник совершенно готов. Всё это время

Т-50 и группа истребителей прикрытия держится вне зоны действия американских систем дальнего обнаружения, пока наземные войска не преодолеют первый и второй рубежи обороны и не выйдут на восточную окраину Нельмы. После подтверждения преодоления ударными группами наземных войск первой линии обороны звено Т-50 оставляет истребители прикрытия и выходит на позицию для атаки, по полученным с самолёта управления координатам производят пуски противоспутниковых ракет. По данным разведки, управление войсками обеспечивают всего шесть

спутников, два из которых являются основным звеном коммуникационной цепочки. Задача специалистов РЭБ – отследить их траекторию полёта и передать координаты истребителям. Ракеты, которыми оснащены Т-50, имеют маскирующее антирадарное покрытие, собственно, как и сами истребители. Основная задумка в том, чтобы уничтожение спутников как можно дольше осталось для американцев загадкой. В последующем мы планируем скрывать наличие новых истребителей всеми силами. Думаю, что нам на руку сходство следа Т-50 и Су-27, по которому противник

классифицирует воздушные цели. Без прямой утечки информации американцы ещё долго не разберутся, кто и как заставил их ослепнуть...

Дерзость плана поразила даже меня. Применить в реальном бою слабо опробованную систему управления войсками Т-3^{[18](#)} и экспериментальные истребители в совокупности с опять же чисто теоретической тактической схемой — это огромный риск. Про ракеты, способные сбивать спутники, я знал давно, только не знал, что есть возможность перевооружения ими такой новинки как Т-50. Тем временем Примак пригласил к планшету своих штатских спутников.

Бородатый производил впечатление типичного кабинетного работника — он всё время характерно щурил глаза и сутулился. Его более молодой коллега выглядел спортивно: шёл широким пружинистым шагом, спина прямая, плечи расправлены. Лётчик представил обоих, указав широкой «клешнёй» на каждого:

— Товарищи, перед вами ведущий конструктор Т-50 Валентин Петрович Поповских и главный инженер системы управления «Созвездие» Роман Фокич Ландышев. Если есть вопросы относительно их разработок — задавайте. От себя скажу только, что я лично возглавляю координацию

воздушной составляющей операции с борта А-50.

Я перевёл взгляд на худощавого учёного в бифокальных очках, со спортивной походкой — Ландышева. Насколько я понял, именно с ним я разговаривал по поводу выделения для испытаний мотострелковой роты и батальона ПВО. Было это прошлой весной, но на удивление всё обставлялось без обычной помпы: отсутствовали тележурналисты, газетчиков тоже не пригласили. Как мне докладывали позднее, система пусть и с оговорками, но показала себя хорошо. Однако нужно выяснить что и как.

— Роман Фокич, мы с вами

говорили по поводу вашей системы полгода назад...

Глаза за стёклами очков блеснули удивлённо, видимо, учёный не привык к подобному отношению человека в чинах, он скрипучим от волнения голосом уточнил:

— Это было тринадцатого апреля, товарищ командующий... Спасибо, что помогли тогда.

— Рад, что так случилось. — Я предупреждающим жестом не дал Константину поправить учёного. — Тогда мы лично не встречались, но с результатами испытаний я знаком. Что изменилось на данный момент?

Ландышев начал было открывать папку, которую всё это время держал

в руках, но, передумав, положил её на стол, подошёл к планшету и принялся объяснять:

— На данный момент мы устранили основные проблемы в программном обеспечении, а возникающие проблемы устраним в процессе работы «Паутины»... ну, мы называем всю систему «паутиной», ведь по сути так оно и есть. Проблема только одна: нехватка индивидуальных комплектов и промежуточных командно-управляющих станций, а также недостаточные навыки солдат и офицеров при обращении с ними. Те четырнадцать дней, которые нам были отпущены... Нет полной

уверенности, что навык отдельно взятого пользователя достаточен для уверенного обращения с комплексом.

– С нехваткой, думаю, придётся обождать, – вклинился Примак. – В Биробиджане и Чите, при содействии китайских товарищей, развёрнуты цеха по производству индкомплектов Т-3 «Паутина» и некоторых компонентов ракетного вооружения. Производство максимально секретим, но, сами, понимаете когда своих квалифицированных рабочих кадров нет...

– Я думаю что опыт придёт, – Ландышев поправил очки и улыбнулся краешками губ. – Сейчас мы в таком положении, что опасно

лишь бездействие.

Тут пришлось согласиться с обоими: страну двадцать лет отучали работать, кроме спекулятивной торговли и сутяжничества новые поколения ничего не умели. Со временем это пройдёт, но пока... чёрт! Скажи мне кто, что в новой войне крепкий тыл нам будут обеспечивать китайские рабочие и инженеры, дал бы в морду. Однако вот оно, реальное положение вещей: мы едва-едва живы, а китайцы нас кормят и почти что вооружают. Ландышев и его коллега-авиатор ещё некоторое время рассказывали, как им удалось буквально на пустом месте создать действующую и

полностью управляемую группировку войск, связанных единой сетью управления. По сути, сейчас, при нехватке всего и вся, ценой огромных потерь возникает та армия, которая сможет воевать с агрессором на равных. Нас опять спасла наша Родина, своими полями, лесами и океанами прикрыла беспечных сыновей от окончательного уничтожения купив несколько драгоценных месяцев времени. Враг всё-таки растёкся по просторам, увлёкся грабежом и отяжелел от сытости.

Дождавшись, пока Греков снова займёт место возле планшета, я обратился к нему с последним

вопросом:

— Василий Палыч, план ваш я утверждаю. Общее руководство осуществляете непосредственно вы, при поддержке контр-адмирала Никифорова и генерал-майора Примака. Части ПВО и фронтовая разведка также передаются под ваше командование на всё время проведения операции. Остался только один вопрос: как мы назовём наше первое серьёзное знакомство с главным противником?

Греков, хрюкнув с совершенно простецким выражением лица, положил передо мной на стол расчерченную кальку карты, на которой красными трафаретными

буквами было написано:
«ОПЕРАЦИЯ „СНЕГОПАД“».

– Почему «снегопад», Василий Палыч?

Чуть пожевав губами и прищулив водянистые, в красных прожилках, глазки, Греков только пожал плечами и буднично пояснил:

– Осень, хошь и календарная, а кости ломит... снегу быть на днях. Вот как всыплем америкашкам, так он и зарядит. Сами знаете, товарищ командующий, первый снег – это всегда неожиданность. Кому приятная, а кто и взвоят.

Снова со своего места поднялся «Пётр Первый» и, немного смущаясь, но совершенно твёрдым голосом

попросил:

— Товарищ командующий, у меня как командира воздушной армии есть просьба. В масштабах происходящего, может быть, и не слишком важная, однако более чем своевременная...

Зная, каким прямолинейным может быть этот крупный, богатырского сложения человек, я кивнул, поскольку так и так выслушать Примака следовало — за пустяком он бы не стал обращаться под самый занавес. Дождавшись моего одобрения, лётчик продолжил:

— Согласно последним предвоенным установкам, опознавательные знаки на боевых

машинах были окрашены в цвет... — Секунду Примак боролся с крепким словом, отчего на скулах его вспухли желваки. — В триколор приказали окрасить. В повседневности трёхцветная звезда часто похожа на опознавательный знак противника... сливается всё. Товарищ командующий, я от лица всех лётчиков прошу...

Закончить фразу я Примаку не дал, Костя, повинувшись моему знаку, вывел на планшет только что свёрстанную таблицу знаков отличия подразделений. Все встретили увиденное по-своему: ученые переглянулись и, пожав плечами, углубились в какие-то свои расчёты,

генерал Греков одобрительно хрюкнул и одобрительно замотал головой, генерал Афанасьев, раздражённо наклонив голову, спрятал взгляд, в котором я без сомнений прочёл бы горячее возражение. Этот карьерист новой волны, подозреваю, искренне верил в реформы, проводимые бывшим партикулярным министром обороны. Однако же в личных командирских качествах комкора-два до сих пор сомневаться не приходилось, и, покуда армии формируются, ещё будет время проверить, чего он стоит как полководец. Примак, впившись в планшет взглядом, тоже кивнул и сказал:

— Спасибо, товарищ командующий. Думаю, эти изменения солдаты оценят.

Как только лётчик сел на своё место, я, преодолевая боль и опираясь на костыль, поднялся из-за стола. На какое-то мгновение в глазах потемнело, но, загнав боль куда-то внутрь, я ровным голосом пояснил:

— Победы царской армии остались в далёком прошлом. Их было не много и большинство результатов войн спорны в плане выгод для России. Однако безоговорочная победа Красной армии над фашистами жива в памяти даже тех, кто родился много позже.

Современная молодёжь считает чудом то, что явилось лишь суммой личного мужества и веры в идею, ради которой не жаль отдать жизнь. Многие как были, так и остались атеистами, крестить солдат, идущих в бой сейчас, бессмысленно. Следуя примеру руководства Советского Союза, я отдаю приказ о возвращении красных знамён старого образца, благо они есть в наличии. Также на крылья наших самолётов, на броню танков и штандарты боевых кораблей возвращаются красные звёзды, а особо отличившимся подразделениям будут присваиваться гвардейские знаки отличия. Также возвращается вся номенклатура

советских военных орденов и медалей, кроме памятных — за взятие вражеских городов будем награждать отдельно...

Боль снова вернулась, вся левая половина тела онемела. Не чувствовал я и левой руки с костылём, на который приходилось опираться. Но, собравшись с силами, я продолжил, хотя голос стал предательски подрагивать:

— Красное знамя по-прежнему ассоциируется с чудом, современным солдатам пока что трудно понять, почему их предки победили самую сильную армию мира почти семь десятков лет назад. Но знамя — это всегда символ, а знамёна победившей

армии — священная реликвия, и никак иначе. Им и нам с вами, товарищи полководцы и учёные, нужна пока только надежда на победу. Сейчас этого будет вполне достаточно. С первой победой придёт и вера в то, что за ней придёт следующая. Пусть кровь из капель которой состоят знамёна победы, святая кровь победителей поможет и нам в этот трудный для Родины час. Пока надежда и упорство — это наши главные козыри в бою. Война не закончится завтра, товарищи, но в наших силах закончить её как можно быстрее и одолеть врага.

...Когда все разошлись, я едва смог доковылять с помощью

Константина до походной раскладушки, стоявшей тут же в комнате за ширмой. Американцы время от времени щупали оборону вокруг авиабазы, два раза вылавливали и диверсантов. Поэтому теперь всё время приходилось сидеть в бункере. Через полчаса ушёл вызванный адъютантом врач, сделавший сразу два болючих укола, боль мало-помалу стихла. Странно, но после упомянутой Грековым особенности местного климата мне вдруг ясно увиделся журавлиный клин, вытянувшийся на десяток-другой метров в осеннем небе. Это было давно, ещё в детстве. Отец тогда только-только перевёз нас с

мамой на новое место службы, под Кишинёв. Журавли летели на юг, но совершенно молча. Тогда самой большой тайной было именно это величавое молчание, которого я до сего дня так и не смог разгадать.

* * *

Россия. 4 октября 2011 г. 22.34 по местному времени. Центральный участок Сибирской оккупационной зоны. Юго-восточный Салаир, реликтовый пещерный комплекс в районе горы Пихтовой. Примерно 638 километров от ближайшего населённого пункта и около 580

*метров над уровнем моря. Район
постоянного базирования
партизанского отряда. Антон
«Ропша» Варламов. Опасная рутина
и старые знакомые.*

...Солнечный свет стал каким-то тусклым, утренний туман, рассеявшись, забрал с собой всю серость с неба, и оно опять стало бледно-голубым. Северовосточный ветер принёс уже ставший привычным запах гари, это амеры выжигали участки тайги, сгоняли к предместьям Кемерово строительную технику. Видимо, помимо базы собирались строить ещё что-то, но без разведки пока трудно сказать что-либо конкретно.

Заготовки пищи шли трудно: пуганое частыми артобстрелами зверьё разбегалось, сети, привезённые Черновым, часто приходили из глубоких проток полупустыми. Обычно скапливавшаяся там сонная рыба, словно оправдывая поговорку, уходила под коряги, не желая попадать в котёл к людям. За последние десять дней умерло шестеро тяжелораненых, но все они были из эвакуированных, пока на новом месте удалось обойтись без боевых потерь. Лесник оказался действительно очень полезным бойцом. С его знанием местности, всяких лечебных и съедобных трав да корней от верной смерти Лера и её

помощницы Аня и Вера поставили на ноги троих вполне толковых ребят. Теперь потери, понесённые в результате памятного рывка в нынешнее укрывалище отряда удалось хоть отчасти компенсировать. Всего мне удалось сформировать три боевых группы не считая моей, так хорошо показавшей себя во время налёта на командный центр управления американцев. Страйкбольная дурь и всякие вредные идейки, проросшие ещё со времён начальствования Краснова, мало по малу изживём, но времени для нанесения удара по авиабазе совершенно не хватало. С каждым часом американцы укрепляют

оборону, осваиваются на новом месте и привыкают к местным условиям. Нанести внезапный удар имеющимися силами и так будет непросто, а ещё через месяц и вообще невозможно, даже если пойти на полный отказ от вариантов отхода с места акции. Всего в боевых группах сейчас по пять бойцов, но реально я всё ещё могу в какой-то степени спокойно положиться лишь на тех, с кем громил амеровский штаб. Налёт на базу хоть и стал чем-то вроде идеи фикс, но не затмил другие нужды, не менее важные для выживания и работы отряда. Две из трёх групп я по согласованию с Лерой ориентировал строго на

должные начаться уже завтра рейды за медикаментами и обмундированием. Грядущие холода вполне способны парализовать работу отряда, поэтому первая группа, состоящая из ребят более молодых и выносливых, сейчас щупала восточные отроги Салаира, с тем, чтобы выйти на маршруты снабжения наёмничьих аутпостов. Также по отрывочным данным радиоперехвата удалось нащупать примерную структуру передовых баз, как амеры называют небольшие укреплённые пункты, по своим боевым свойствам и функциям идентичные нашим блокпостам. Всего нам известно о трёх крупных

аутпостах: Джинджер Альфа – на севере, этот разместился на месте турбазы в районе горы Золотой; второй Джинджер Bravo – южные предместья уничтоженного ныне Новокузнецка и самый новый Джинджер Чарли – он северо-восточнее новой переправы через Томь. Амеры навели собственную переправу, сейчас строят дорогу. Наёмники там появились только после известных событий. Видимо новые хозяева опасаясь за свои инвестиции решили подстраховаться. Думаю, что не стоит с нашими возможностями соваться непосредственно на один из трёх означенных блокпостов. Местность

связана вполне сносной дорожной инфраструктурой, и напади мы там на какой-то конвой – раздавят. По опыту знаю, что сеть крупных блокпостов обеспечивается несколькими более мелкими временно-постоянными кордонами. Думаю, это до полувзвода наёмников с лёгким стрелковым оружием и несколькими джипами оборудованных чем-то потяжелее. Как правило это единый либо крупнокалиберный пулемёт, может быть автоматический гранатомёт. Вот тут вполне можно будет реализоваться и может быть кормиться так некоторое время. Но без информации, когда и что повезут,

есть серьёзный риск с боем взять на саблю, скажем, груз фаянсовых изделий или железного профиля. Ах, как некстати молчит Матинелли!.. Неожиданно мой взгляд зацепился за мерно колышущуюся не в такт ветру еловую ветку. Руки уже подносили автомат к плечу, когда я невольно прервал движение и снова замер. Под деревом стоял молодой, уже подросший за лето оленёнок. Голенастость почти полностью ушла, но глаза всё ещё блестели любопытством. Перебирая губами зверь жевал листья кустарника, прядая нервно ухом, от чего слегка задевал колючую ветку дерева. Раз тут этот пугливый телок, то людей

рядом точно нет: я сижу неподвижно уже почти двадцать минут, и за это время ветер переменялся два раза. Зверь бы точно почуял человека, даже самого осторожного. Меня олень не чувствовал только потому, что ход в толщу горы уходил почти вертикально вниз, сужаясь до такой степени, что метров пять приходилось ползти, а потом снова карабкаться по естественным выступам в породе. Воздух из пещер не выходил тут наружу, в норе всегда пахло сырым камнем и гнилыми листьями, случайно заносимыми ветром. На этом фоне человеческий запах ощущался не так сильно. Не случайно я завёл традицию, чтобы

замыкающий всегда дежурил у входа, через который группа вошла с поверхности. Если враг идет по пятам, то непременно проявит себя, захочет проверить лаз или расставить метки, или, может быть, какие-то датчики слежения. Пока эта мера предосторожности не дала результатов, что, по моему убеждению, тоже хорошо. Однако по поводу подготовки «туристов» я никогда иллюзий не питал: играть в войну это далеко не то же самое, что реально воевать. Вспомнилась первая неделя после того, как мы с ребятами и лесником Черновым вернулись в новую базу отряда. Старик тогда сразу же ушёл в лес, взяв в

помощники двоих совсем ещё молоденьких девушек. Они, видимо, попали в отряд случайно, поехав за компанию со своими молодыми людьми, так сказать, отдохнуть на природе. Можно сказать, что им очень сильно везло: сначала они выжили в первые дни войны и в последующее непростое время, когда в отряде верховодил предатель Краснов; потом Лера привлекла их к уходу за ранеными и в боях им участвовать не довелось. И вот теперь опять удача: старик брал девушек с собой в качестве заготовителей провизии и всяких лечебных корешков. Я только радовался такому повороту событий,

всегда стремясь оградить детей и особенно девушек от участия в боях. Нет, это не по причине моей жалостливости к слабым и беззащитным, просто в случае с девушками им легче всего ожесточиться, потерять чувство меры. Из опыта я знаю, что женщины и подростки чаще воюют лучше зрелых мужиков, они жёстче, изобретательней в острых ситуациях, но у этих качеств есть и неприятный довесок. Раз попробовав на вкус убийство врага, женщины и дети уже не могут остановиться, отсюда проистекает боевая истерия, психоз. Поэтому я старался, чтобы эта часть личного состава входила в боевые

действия постепенно, чтобы пролитая собственноручно кровь, отнятая в бою жизнь не легли на психику тяжким грузом. Само собой, было много обид, когда, вопреки ходатайствам Вовки Саблина, я снял с боевого дежурства всех, кто был моложе шестнадцати или имел сиськи. Редкое исключение сделал лишь для Ирины и девушки с красивым именем Нинель. Последняя, несмотря на экзотическое имя, была с виду совершенно славянского типа, в противоположность смуглокожей миниатюрной черноволосой Ире. О себе девушка рассказывала, что имя досталось ей в наследство от какой-

то бабушки с материнской стороны. И впрямь, глядя на коротко обрезанные светло-русые волосы, курносый нос, высокие крупные скулы и удивительно тёмного колера голубые глаза, мне скорее приходило на ум что-то простое, типа Дарья или Ольга. Ничем выдающимся Нинель не владела, однако обладала отличными бойцовскими качествами: она хорошо знала пять систем автоматов, включая наш «калаш», американские винтовки SCAR и M-16, а также германские MP-5 и G-36, хорошо разбиралась в пулемётах и на зубок цитировала российские военные наставления вплоть до устава гарнизонно-

караульной службы. Вообще, оказалось, что неожиданно для себя я обрёл ещё одного, или точнее одну вменяемую помощницу. В довольно долгой беседе по душам девушка рассказала, что долгое время работала в каком-то частном новосибирском тире, там и набралась. Я не особо поверил, однако в душу лезть не стал, слишком уж ценными навыками обладала Нинель как солдат. Поэтому в тот же день она получила звание сержанта и должность инструктора по боевой подготовке. От «боевых» её всё же пришлось на время отстранить, и я с удовольствием отметил, что девушка не проявила ожидаемого

раздражения. Как только из общей массы оборванных и усталых людей, ещё толком не осознавших, что они спаслись, нам с Лерой удалось сформировать некое подобие организованного воинского подразделения, я поручил Нинель занятия с новобранцами. Всё как будто было сотню лет назад, время в осаде тянется словно патока...

...Каменная крошка жёстко скрежетнула под подошвой вновь обрётённых итальянских берцев. Их сохранил Семёныч, преподнеся их вместе с комплектом демисезонной камки, вырученной предприимчивым водилой прямо из артельного схрона. Вообще, переодеться в свежее, не

пахнущее мертвяком, весьма приятно. Боты, вопреки моим опасениям, сильно от болотной воды не пострадали, водила сумел их правильно высушить, и теперь они вновь сидели на мне, как домашние тапочки. Сейчас передо мной стояла первая группа новичков, отобранная мной лично за совокупность физических данных и кое-какого боевого опыта. Всего пять человек, которых наравне со своими артельщиками я планировал натаскивать на главную акцию — диверсию на вражеской авиабазе. Это были парни среднего роста, но крепкие физически, умеющие стрелять и не так сильно топтать во

время движения в колонне. Кроме того все они побывали в ближнем бою, на что я сделал особый упор во время личной беседы с каждым. Это означало, что кандидаты убили хотя бы одного противника голыми руками, ножом или любым подручным средством. В искусстве побеждать не числом, а умением часто важно видеть глаза врага, суметь не спасовать перед необходимостью отнять чужую жизнь без применения огнестрела. Пистолет, автомат, а тем более снайперская винтовка делают этот процесс обезличенным, реакция на смерть другого человека, пускай и врага, приходит спустя долгое время.

Но обстановка диктует необходимость скрытного, подлого боя. И вот тогда каждому придётся не раз и не два посмотреть, как нож входит в такое по-особому податливое мягкое тело, и как жизнь утекает со дна чужих глаз вместе с ненавистью, страхом и удивлением. Поэтому важно было отобрать именно тех, кто уже видел это и не сломался. Отбор был жёстким, пытались хитрить и бахвалиться, но когда я предлагал поединок, многие отказывались, двоим даже пришлось оставить зарубку на память. И только эти пятеро так или иначе подходили, их можно будет отпустить и поставить

вполне реальную боевую задачу.

— Товарищи бойцы, — я говорил, глядя в глаза новобранцев, ловя каждое лишнее движение, — с этого момента все вы являетесь частью боевого подразделения в составе отряда вооружённых сил России. После прохождения курсов специальной подготовки вы принесёте воинскую присягу, получите личное оружие, воинское звание и учётную боевую специальность. Как только это произойдёт, любая ваша деятельность в бою и повседневной жизни будет строго регламентирована уставами и приказами командиров. А так как мы

на войне, то за тяжкую провинность, за трусость или предательство наказание будет только одно – расстрел. Могу лишь обещать, что просто так пулю тратить никто на провинившегося не станет. Будем разбираться и самосуд не допустим. Запомните это, потому что за ваши проступки отвечать придётся также вашим товарищам и друзьям. И опять же из-за особенностей нашего положения ваш проступок будет для них означать только смерть или увечье. Помните об этом при сдаче нормативов, помните об этом в бою и в карауле...

Чему можно научить человека

за две недели? Только азам воинской науки и дисциплины, остальное придётся постигать в бою. Это обстоятельство бесит, часто я еле сдерживаюсь, чтобы не делать за ребят их работу. Старая форма, доставшаяся мне от мертвеца, вся истрепалась в процессе беспрестанного лазанья по тактическому лабиринту, сооружённому в одной из небольших боковых пещер. К концу шестых суток парни уже не шатались толпой, более-менее научились правильно реагировать на учебные ситуации. Надо отдать молодёжи должное: никто особо не роптал, в мирное время всё было бы иначе.

Однако в этом нет ничего особенного, так обычно на войне и бывает – люди меняются, обретая внутреннюю собранность, легче воспринимают приказы, управление ими упрощается. Когда есть внешняя угроза, большинство разногласий, а порой и смертельная вражда часто уступают место крепкой дружбе. После окончания двухнедельного курса подготовки мы стали выходить в разведывательные рейды, где я, Алекс или Ирина выполняли роль инструкторов. Новички учились изживать свой страх перед врагом, и я чувствовал, как к парням приходит уверенность в собственных силах. Однако тут

возникала другая крайность: уверовав в свои силы, легко ошибиться насчёт противника. Именно на этот случай я наказывал ребятам внимательно следить за новичками и в случае чего страховать.

И вот пришёл «день выпуска». В главной пещере были зажжены факелы и большой костёр, горевший ровно на том самом месте, где древние люди поддерживали его десятками, а может быть, сотнями лет. Все, кто не был ранен или не находился в карауле, вышли на общее построение. Всего их было шестнадцать человек, включая жён, детей и приятелей тех, кто сейчас

стоял перед строем, замерев в трёх отдельных шеренгах. Тусклый оранжевый свет бросал на осунувшиеся лица людей багровые блики. Перед «выпускниками» стояли Лера и ещё несколько человек, назначенных ею начальниками подразделений. Не было только Ани с Верой, госпиталь не оставлял им ни капли свободного времени. Отсутствовал и Саблин, который теперь вызвался руководить внутренним гарнизоном. Пока бывший бизнесмен неплохо справлялся, однако ввиду возникшей между нами стойкой неприязни, он взял себе за правило игнорировать мои рекомендации. Но сейчас это

отошло на второй план, принятие присяги превратилось в праздник, пускай поводом служило обычное в армии событие. Люди отчаянно желали передышки, чего-то светлого, позволяющего на короткое время закрыть перед войной дверь, оставить её ужасы и собственные личные трагедии в стороне. Никто из нас не питал иллюзий по поводу судьбы родных и близких, радиосводка и редкие слабые передачи из Хабаровска через спутник оптимизма не внушали. И всё же, взглядываясь в лица людей, я не видел отчаяния, а только лишь усталость и даже улыбки — напротив в строю замерли чьи-то

мужья, братья или друзья. Заминка у нас была только со знаменем, однако Чернов, хитро улыбаясь в бороду, заверил, что не надо кроить его из доскутов, он-де кое-то имеет в запасе. И таки принёс нечто длинное, завёрнутое в вылинявший брезент. Когда мы с Лерой увидели, что это было, я с чувством пожал старику руку и обнял. Такая находка по нынешним временам — действительно настоящее чудо.

Перед строем чеканным шагом шли трое: Ирина, Алекс и Сергей. Выбор мой пал на них не случайно, все трое показали себя в экстремальных обстоятельствах с лучшей стороны. Я не без

удовольствия отметил, как трепет когда за час до церемонии вызвал их в штабную палатку и Лера озвучила решение доверить им быть в почётном карауле, а Ирине стать знаменосцем. В постсоветские времена обязанность эта осталась почётной лишь в боевых армейских частях, где принцип «Цело знамя – живо и подразделение» понимали очень хорошо. В народе же отношение к государственной символике нынче более чем равнодушное. И сейчас развёрнутое боевое красное знамя не произвело сколько-нибудь заметного эффекта. Лица людей в общем строю не дрогнули, в глазах большинства

застыло непонимание и всё та же тоска, которые я примечал ещё в начале знакомства. Все просто ждали, когда закончится официальная часть, чтобы завалиться спать или заняться чем-нибудь ещё. И пока это вполне нормально, я и не ожидал мгновенного преобразования обычных обывателей в идейных борцов с оккупантами. Сейчас важно внедрить в их сознание некие императивы, которые дадут всходы постепенно. Зная, как и любая реликвия, должно явить чудо, в нашем случае даровать осязаемую победу. Вперёд выступила Лера и, преодолевая хрипоту от недавней

простуды громко заговорила:

— Друзья! Мы через многое прошли, однако впереди ещё очень длинный путь. Враг силен, его армия хорошо обучена и вооружена. Мы же, напротив, разрозненны и практически ничего, кроме отчаянного желания выжить, не имеем. Нас мало, оружия, патронов и всего прочего почти нет. Однако это не новость, что враг застал нас врасплох и на первых порах, упиваясь безнаказанностью, грабит и убивает. Так уже бывало раньше, и тогда наши предки нашли в себе силы провести черту, дальше которой враг не прошёл. Мы все разные и можем спорить о том, что

лучше: монархия, демократия или коммунизм. Однако теперь совершенно точно мы с вами знаем одно: лучше спорить об этом в свободной от захватчиков стране. Почти семьдесят лет назад было так же... Некоторые ещё верили в приход царя. Многие желали западных демократических свобод, а большинство поверило во всеобщее равенство и справедливость. Однако враг решил, что не даст нам свободно выбирать, как жить, вычеркнет само наше существование из истории, засыплет солью руины наших городов!..

Лёгкий ропот пронёсся по рядам

собравшихся, но строй никто не нарушил, дисциплина уже пустила первые здоровые побеги, превращая компанию случайных людей в некое подобие настоящих солдат. Лера откашлялась и, глотнув воды из протянутой ей Черновым фляжки, заговорила снова:

– ...Все забыли прошлые распри и стали под знамёна, которые имеют цвет крови. Теперь вы знаете, почему этот цвет олицетворяет победу – кровь проливают за право выбора, за возможность говорить на родном языке, трудиться и воспитывать своих детей. Красный – это цвет свободы. Предки заплатили за нее и

счастливую жизнь своими жизнями и здоровьем. Они умерли надеясь что мы оценим их подвиг, их жертву... Но память поколений слаба, мы забыли о пролитой за нас крови, и вот сейчас враг об этом напомнил вновь. Но наши предки сквозь время протягивают нам руку помощи – вот зная 133-й стрелковой дивизии^{19}. Наши предки пришли из Сибири под Москву и пинками погнали врага назад, в его логово! И я верю... и вы должны верить, что под тем же знаменем мы сможем повторить это ещё раз. Сегодня зная несут лучшие из нас, это право они заслужили, пролив кровь врага. Так пусть каждый подойдёт и

причастится, ведь предки доказали своим примером, что главное наше оружие – это не только пушки и танки. Главное – это вера в то, ради чего мы рискуем жизнью – наша свобода. Достойным памяти победителей может быть только тот, кто находит в себе мужество самому стать им. Пусть бойцы, прошедшие курс подготовки, произнесут слова присяги. Мы докажем, что в России ещё достанет свободных людей!

Я вынул заранее заготовленный лист бумаги, на котором по памяти мы вместе с выздоравливающим Михасём и другими служившими в армии составили воинскую присягу.

Получилось довольно близко к тексту, хотя слова «Российская Федерация» мы заменили на просто «Россия». Старого государства уже нет, однако Родина во все времена называлась одинаково. Голос у меня не особо громкий, однако слова присяги эхом отражаясь от сводов пещеры звучали отчётливо. Нестройным хором, но очень старательно новобранцы повторяли за мной:

— Я, гражданин России, Махов Андрей... Карпенко Николай... Ромашин Олег... — свои имена новобранцы произносили разборчиво, каждое из них впечатывалось в мою память навсегда, — поступая на

службу в ряды российских
Вооружённых сил приношу
торжественную клятву верности...

Пускай слова мы произносили не совсем так, как положено, а сказанное Лерой чуть раньше кому-то покажется высокопарным и напыщенным, но что ещё нужно сказать людям, потерявшим почти всё и которых, может быть, завтра лишат ещё большего? Сказать: вперёд, нас ждут вооружённые до зубов янки, большинство из нас умрёт, но выжившие нажрутсся до отвала трофейного шоколада и мясных консервов? Или так: вперёд, зароемся поглубже, а как только стемнеет, пойдём грабить трупы

тех мудаков, кто всё-таки решился
дать амерам прикурить? Нет, с
такими установками в бой не идут.
Как по мне, то лучше сказать
молодым и тем что постарше,
правду. Я скажу этим сильно
напуганным и уставшим людям, что
их жизнь — не разменная монета в
какой-то большой игре. Что всё ими
сделанное имеет смысл и по-
настоящему высокую цель. Любой
свободный человек имеет
обострённое чувство собственного
достоинства. Однако за прошедшие
годы многие стали забывать об
этом. Большинство «туристов» —
люди, чьё детство и юность прошли
во время «перестроечной»

вакханалии, когда осмеянию подвергалось всё: дружба, любовь, бескорыстие и альтруизм. Потoki лжи, изливающиеся на россиян со всех сторон, почти стёрли из их памяти знание о том, кто они. И предки, выигравшие ту большую войну, кажутся им былинными героями, сокрушившими самую мощную армию мира с помощью непонятной магии. Ведь после стольких лет трудно поверить, что люд, верившие в такие «глупости», как всеобщее счастье и справедливость, вообще жили на свете. Хотя вот они, заводы, фабрики, промышленность, построенная не для вороватого

олигарха, а для потомков, чтобы те жили лучше, дольше и счастливее. Поэтому всё пришедшее из той эпохи, тем более в тот момент, когда всё рухнуло, обретает свойства средневековых реликвий. Позже, если удастся одолеть амеров и тех, кто им помогает, выжившие поймут, в чём истинная сила боевого знамени или простой бескорыстной взаимопомощи. Но сейчас пусть лучше поверят в легенду, для начала и это неплохо. А злоба, отчаяние и показной цинизм редко помогают выжить в бою и тем более победить. Всегда человеком движет что-то светлое, пусть и не каждый в этом потом

признаётся даже самому себе.

После церемонии я ещё раз вглядывался в лица расходившихся по своим постам и палаткам людей. Угрюмых лиц не убавилось, однако во взглядах исчезла тоска обречённых, её место заняло исконное российское упрямство. Чернов рассказал нам с Лерой, что зная он нашёл в разграбленном коттедже лет пять тому назад. Тогда обычный летний пал затронул посёлок элитных коттеджей. Щурясь и недобро ухмыляясь в бороду, старик рассказывал:

— Про этот посёлок много всяких слухов ходило: то баб из города привезут целый табун и

голыми скачут под музыку днями напролёт, то охоту затеют с вертолётов не в сезон. Нам туды соваться ни боже мой! Кодлу с автоматами, ну охрану то есть, привезут и кусок гектаров в двадцать оцелят. А потом травят дичь неокрепшую, да бывало, тут же и бросают убоину, возиться не хотят. Был там один... Кореш губернаторский, говорят, пять автомобильных рынков в Новосибирске держал. Забил он кучу всякого зверья, а главное, молодняк валил почём зря: ну какое мясо с двухнедельного телёнка? Нет, валит супостат оленуху с приплодом, голову отпилит с копытами, а туши

в ручей кинет! Но есть справедливость на белом свете: в ту пору пал не краем пошёл, а на усадьбы богатейские. Я тогда пожарным помогал, тропы короткие показывал, места, где вертолёт посадить можно. И вот дёргают по рации командира нашей «вертушки», мол, забери из посёлка людей, а то погорят все. Тот бы и рад, но подвоз воды на нас возложен, опять же своих надо высадить, а огонь-то рядом почти. Однако нас с пожарными высадил, да и полетел. Часа три прошло, огонь нас на сопку загнал, старшина расчёта матом в эфир кроет: забирайте нас, а то зажаримся. Короче, возвратился наш

летун, а потом всю дорогу оне с пожарником перебранивались. Мастера были оба ругаться – аж слезу вышибало. Так вот, из разговора ихнего я и узнал, что опасности-то никакой и не было, просто этот барыга губернатору позвонил, а тот на эмчезсовское начальство нажал, вот вертолёт за ним и отправили. Как обычно, «олигарх» этот машинный пяток баб прихватил, да ещё двух приятелей. Перепились, само собой, дым не скоро заметили. Еле-еле их всех погрузили, а попутно в хоромах осмотрелись. Гад этот коллекционером оказался, оружие всякое старинное собирал, ордена

разные и вот знамя это. Хвастался, что выкупил его в музее, а те в опись копию занесли. Не стерпел я тогда, обидно стало. Отец мой с братьевьями фашиста гонял, а этот упырь будет под боевым знаменем шлюх пользоваться. Сказался я больным и с аврала слинял. А сам вывел лошадку свою и в обход пала в усадьбу вернулся. Пал только через пять часов на участок этого барыги подошёл, можно было и на машине выехать, но струхнул, видать, «капитан бизнеса». Охрана вся тоже в город подалась, они даже дверь толком не заперли. Нашёл я знамя, гад этот над кроватью его повесил, вся спальня в шашках, оружие разное

на полках и стенах висит. Но только я ничего трогать не стал: железо это мне без надобности. Знамя снял, да под рубахой и спрятал, чтобы огнём не испортило, ежели что. Когда из дома выходил, свернул пук сухостоя и, подпалив, на крышу закинул. Ветер так и так искры носит, вдруг да не загорятся хоромы воровские?

Рассказ деда я помню так же хорошо, как и день, в который его услышал. Шедший рядом бледный ещё Михась спросил тогда старого лесника:

— И зачем ты дом поджжёг, старый? Знаю я этот посёлок, его часто «Рублёвка-мини» звали. Ну

ладно, хозяйева первостатейное ворьё, но там же по соседству персонал живёт, они-то не при делах!

Чернов упрямо мотнул головой, видно, о посторонних он тоже думал. Однако всё же в голосе его не было ни капли сомнения:

— Никого там не было, я участок проверил в оптику ещё издали. Сбежали все...

Старик, ускорив шаг, заторопился к выходу, таким образом прекращая неприятный для себя разговор. Однако уже на пороге второй пещеры, откуда вёл ход на поверхность, обернулся и добавил, глядя почему-то только на меня:

– Холуй, он не лучше своего хозяина, раз за «бабки» продан, то считай уже покойник. Без совести, да без души жить тошно. Но на мне невинной крови нету...

Глядя старику в глаза, я кивнул, но что-то заставило тогда сказать:

– Это всё до поры, старик... У Судьбы скверное чувство юмора.

У каждого из нас своя правда по жизни, мы до последней крайности отстаиваем её, даже когда подспудно понимаем, что в какой-то момент нас заносит. Вот и в тот раз мы разошлись, оставшись при своих...

...Опустив ветку, закрывшую щель между камнем и стеной лаза, я,

пяться, вышел в галерею, ведущую в небольшую засечную пещеру. Этот приём мне показал один старый приятель, долгое время служивший в Таджикистане. Там «духи» часто устраивают базы в горных пещерах, где их очень трудно достать. Обычно в сети пещер выбирается одна главная, где живут люди, и еще три поменьше под разного рода склады и хранилища. Входов в главный зал несколько, как правило три-четыре, и все проходят пещеры поменьше, где «духи» устраивают навалы из камней, держащиеся на каменных же или плетёных из камыша подпорках. Никакой взрывчатки, никакой электроники — максимум есть

стальная проволока на «растяжках». Такую западню не учует собака, натренированная на мины, сапёру не обезвредить, поскольку он слишком поздно понимает, что к чему. Если кто-то и обнаруживает отряд, то всегда есть шанс уйти, похоронив преследователей под завалами. Похожие ловушки мы наладили и тут, тем более, что шанс быть обнаруженными сохраняется постоянно. Работа занимала большую часть времени тех, кто по разным причинам оказывался не занят в караулах или на учениях. Даже малолетние ребяташки помогали нам с устройством прачечной: пуская кораблики, они

обнаружили что подземная река выходит на поверхность достаточно далеко от стоянки, и мыльная пена рассеивается настолько, что вряд ли по подобного рода следам можно будет определить наше местоположение.

Миновав последнюю проволочную растяжку, я поднялся по вырубленным в скале ступенькам на естественную галерею, ведущую во второй из основных залов. Попутно я не забыл мигнуть фонариком влево, где под грудой валунов размещался пулемётный расчёт. Секрет необходим на тот случай, если враг каким-то образом минует каменную ловушку или кто-то сумеет выбраться

из-под обвала. Глянув на подсвеченный дисплей наручных часов и поприветствовав дозорных, я пошёл дальше. Пройдя ещё метров двадцать по расширившейся галерее и уже привычно ведя рукой по стене, чтобы не пропустить поворот, я оказался в общем зале. Тут размещались спальные места, госпиталь и небольшой тренажёрный зал с огороженной мешками с песком площадкой борцовского ринга, где проводились занятия по рукопашному бою, а по воскресеньям устраивались бои между подразделениями. Призы мы делали сами, чаще всего это была вяленая рыба и редкое нынче

баночное пиво. Вообще, в качестве поощрения мы с Лерой старались выставлять нечто редкое, чтобы у людей был достаточный стимул к победе. Штанги, гантели и гири заменили камни, коих вокруг было в изобилии. Немного постояв возле ринга, где сейчас пыхтел Веня и один из его сменщиков, свободный от дежурства у радиостанции, я направился в лазарет. Это были две палатки, одна из которых выполняла роль больничной палаты и процедурной, а во второй, круглой, но достаточно высокой и вместительной, четырёхместной, теперь были операционная и реанимация. Тихо урчал

электродвигатель, от которого тянулись провода к обеим палаткам, пожалуй, это было единственное место, где практически всегда горел свет. Лесник помог распотрошить освещение на брошенной теперь пушной ферме, где нашлись несколько метров электропровода, лампы накаливания и небольшой электрогенератор, который мы запитали от оригинальной конструкции, придуманной Вениамином и его приятелем Марком Красовским. Веня заметил, что в верхних узких галереях постоянно сильный сквозняк. Ветер дул независимо от погоды снаружи, причём тяга оказалась довольно

приличной. Из обломков и всякого
алюминиевого хлама парни собрали
нечто вроде воздушной турбины,
лепестки которой вращались с
большой скоростью. Закреплённые в
четырёх узких сквозных коридорах,
эти турбины давали достаточно тяги,
чтобы постоянно горело шесть
шестидесятиватных лампочек и
станция по зарядке аккумуляторных
батарей. Теперь у нас всегда была
связь, а Лера как врач имела пусть
тусклый, но надёжный и безопасный
источник света. Однако
стерилизовать инструменты всё ещё
приходилось на костре, вода из
горячего источника Лерой как
полностью безопасная не

принималась. Пройдя мимо маленького складного стульчика, на котором дремала Таня — одна из помощниц нашего командира, я пробрался в дальний угол палатки для обычных больных. Там на раскладушке, уткнув слабый лучик карманного фонаря в какую-то тонкую брошюру, лежал Михась. Напарник осунулся, похудел. Лицо его, раньше всегда светившееся румянцем, теперь было бледным, щёки ввалились, а глаза лихорадочно блестели. Увидев меня, он улыбнулся, отчего стал похож на узника концлагеря в последней стадии измождения. Скользнув взглядом по обложке, я заметил, что это

наставление по применению
противотранспортных мин.
Несколько штук мы перенесли сюда
во время тренировочной вылазки с
новичками, это были вполне
надёжные, но уже устаревшие
«вербы»^{20}. Михась восполнял
пробелы в образовании, хотя раньше
я часто находил его просто
глядевшим в потолок, либо спящим.
Раненые всегда ведут себя примерно
одинаково: сначала радуются, что
остались живы, потом переживают,
что не сразу могут вернуться к
нормальной жизни, а на последней
стадии ищут компромиссы со своими
болячками. Мишка уже смирился с
мыслью, что он еще нескоро будет

скакать по лесам и играть с амерами в пятнашки. Теперь он вместе с Нинель натаскивал молодняк в перерывах между перевязками. В нем проснулся талант наставника, что в сложившемся положении было лучше для всех нас. Я взял стульчик от соседней койки, где в бреду метался парень, один из тех, кто недавно спасся во время рывка к пещерам, и присел возле кровати приятеля.

— А-а!.. Вернулись без потерь, я слышал уже.

Михась захлопнул брошюру, положив фонарик так, чтобы было немного светлее. В палатке царил полумрак, электричество горело только в процедурном отсеке. На

одном из нескольких уцелевших ноутбуков проснувшаяся Таня заполняла медкарты больных.

— Три раза стукни по дереву, брат, вроде не наследили. Вот принёс тебе презент из леса.

Я вынул из похудевшего за время рейда «сидора» котелок и пересыпал в пластмассовую чашку, стоявшую на плоском камне у изголовья, несколько горстей брусники. Крупные тёмно-бордовые ягоды удалось собрать в распадке за два десятка километров от подошвы горы. Выход получился тем более удачным, что удалось засечь время доставки на небольшой блокпост наёмников запасы пресной воды и

ещё каких-то хозяйственных грузов. Мишка поднёс тарелку к носу, шумно втянул ноздрями запах ягод и блаженно прищурился.

— Ух, хороша!..

Взяв несколько ягод, он снова поставил тарелку на камень и, жмурясь от удовольствия, закинул их на язык. Осенняя ягода, схваченная заморозками, очень сладкая, до войны я часто делал довольно забористую наливку как раз из таких поздних ягод. Нужно только не выкидывать мелкие листья и веточки, тогда настой получается особенно приятным на вкус и после такой наливки не бывает похмелья.

— Завтра начнём готовить акцию.

Амеры на блокпосту получили запасы на месяц, может, найдём обмундирование зимнее. Самая пора пришла их пощупать за вымя. Как там новобранцы, хочу взять двоих на обкатку. Кого посоветуешь?

Мишка мгновенно стал серьёзным, рука его потянулась к изголовью, где лежала довольно толстая тетрадь с пожелтевшими страницами. Чернов указал нам несколько заброшенных участков, где, к нашему удивлению, нашлось довольно большое количество конторских книг. Многие отсырели и сгнили, но некоторое количество писчей бумаги удалось высушить и приспособить для разных нужд.

Шелестя страницами, с зажатым в зубах фонариком, приятель уточнил:

– Тебе кто нужен?

– На этот раз подрывник и стрелок. Нужно как можно быстрее навести шухер, а потом всё заминировать. Пусть разбираются, что сгорело, а что нужно унести как можно дальше. К тому же, людям не хватает реального боевого опыта. Учиться надо, пусть даже и по ходу дела.

Михась назвал имена двух ребят, которых я знал не слишком хорошо, однако приятель за них поручился, охарактеризовав обоих как подающих определённые надежды. Уточнив насчет кандидатов ещё несколько

незначительных мелочей, я уже собрался уходить, но Мишка удержал меня, тронув за рукав куртки.

— Антон, погоди. Я... Короче, наболело за время, пока валялся. Ты меня за тот наш разговор на старой базе прости. Растерялся, да и страх постоянно давил. Жить очень хотелось, а кругом пиковая масть выпадала.

Я снова присел у кровати и слушал не перебивая. Очень трудно порой бывает признаться в такой вещи, как страх или трусость. Однако, когда это наконец происходит, чаще всего человек уже принял решение, как ему жить дальше. Многие признаются, чтобы

потом продолжать лелеять свою слабость, но есть и такие, кто перемог страх. Михась несомненно относился к последней категории — сегодня был единственный раз за всё время его пребывания на больничной койке, когда он не просил меня взять его в настоящий рейд. Даже психовал попервости.

— Выздоровливай, брат. — Я крепко пожал ещё слабую руку приятеля. — Мне и Семёнычу будет спокойнее, если именно ты будешь прикрывать нас из своей берданки. Бывай.

Мишка оборвал свои путанные словоизлияния на полуслове и только чуть крепче, чем обычно, сжал мою

ладонь. Есть вещи, о которых нет смысла долго говорить. Для меня-то всё стало ясно ещё в тот момент, когда я увидел связанного итальянца и Мишку, синюшного от кровопотери. Трус бы просто сбежал, не в силах бороться за свою жизнь. Только настоящий боец выжил бы после того памятного забега по тайге и многочасовой операции при свете карманных фонарей. В таких обстоятельствах говорить ничего не нужно, после правильного поступка слова только мешают. Я все же собрался ещё что-то сказать, но клапан палатки распахнулся и в проёме показалась взъерошенная голова Вени. Заметив меня, студент,

округлив глаза, громко зашептал:

— Ропша, там Саблин командира в заложники взял, пистолем махает, из палатки не выходит. Ребята внутрь не заходят, все вас ждут!

Михась было дёрнулся, чтобы подняться, но я удержал его на кровати. Саблин выпросил для себя должность коменданта базы и, надо сказать, я с самого начала был против. Не лишённый организаторской смекалки, Саблин всё же слишком часто поступал опрометчиво. Девизом новоиспечённого коменданта было выражение «Крутые времена требуют крутых решений». С трудом мне удалось ввести систему боевых

дозоров и утвердить численный состав взвода охраны. Первое время Саблин порывался лично проводить занятия по боевой подготовке, однако, увидев, чему и как он учит бойцов, я отстранил его. Вспыльчивый характер, лёгкое отношение к мелочам и куча мусорных знаний, почерпнутых из интернета и перенятых у Краснова, могли привести к плачевным последствиям. Однако взять Леру в заложники... Наш Вовочка, должно быть, окончательно спятил.

— Лежи, Миша. Отдыхай пока. Завтра работаем по намеченному плану. С крикуном мы сейчас всё разрулим.

Махнув рукой Вене, я вышел следом, покинув душное нутро госпитальной палатки. Даже присутствие приятеля, с которым пережито так много, не помогало: больничка не то место, которое хочется посещать даже изредка. Люди, которых мы встречали по пути к второй по величине пещере, где размещались склады, арсенал и штаб отряда, выглядели обеспокоенными. Я ловил на себе их настороженные взгляды, но вопросов никто не задавал. Идти оставалось минут десять, поэтому я решил пока расспросить студента о причине очередной истерики нашего начитанного коменданта.

– Какая муха на сей раз тяпнула Вовку под хвост, к чему весь этот аттракцион с заложниками?

Веня удивлённо сверкнул очками в мою сторону и, выдавив из себя кислую улыбку, махнул рукой:

– Ты с рейда ещё сводку у дежурного не получал?

– Нет, ребят отправил отсыпаться, а сам зашёл к Михаилу, повидаться, чтобы не кис. А что, есть повод для бунта?

Студент глубже засунул руки в карманы штанов и, опустив голову, начал тихо излагать новости.

– У нас двое убитых, американцами вскрыт передовой наблюдательный пост на юго-

восточной тропе.

Неприятный холодок пробежал по спине, кишки сжались в тугой комок. Юго-восточная тропа вела к американской базе, и именно по ней я планировал выдвинуть две группы наблюдателей к её периметру. В голове сразу запустился механизм анализа, но пока информации для прокачки было маловато. Между тем Веня продолжал рассказывать, голос его дрожал от волнения, он явно чего-то опасался:

– Там Костя Аниканов и Валя Седых были. Уже под конец вахты, вчера ночью их вычислила американская разведка. Дед Андрей говорит, что их недавно обнаружили.

– Чернов тоже там был?

Это выглядело уже интересно: лесник ушёл вместе с нашей группой, взяв с собой Ирину. На развилке мы разделились, старик хотел показать Ирине местность, научить чему-то. Видимо, в какой-то момент пути американцев и двух наших лучших снайперов пересеклись. Кивнув, я попросил Веню продолжать.

– Дед говорит, что сначала заметил следы, но они шли сначала к посту, а потом обратно. Он решил не демаскировать ребят, к тому же связи у них не было. Но на всякий случай они с Иркой поднялись по склону чуть выше и решили понаблюдать за

постом. Сидели до сумерек, всё было тихо, и решили уходить. А ещё через час-полтора увидели вспышки, стрельба поднялась. Чернов решил вернуться, а там уже амеров как мурашей... Наших обоих повязали какой-то сетью, ракеты осветительные повесили над постом. Дед вальнул ихнего главного, потом Аниканыча, Валька побежал, а Ирине пришлось... ну, это она Валю, чтобы живым в руки амерам не дался, но там что-то не так пошло. Ну и...

Дальше можно было не слушать. Лесник в конце концов получил урок непростого выбора, когда так и так гибнут свои и размен один к одному

уже не выглядит как разумный тактический ход. С этими людьми он сидел у костра, делил пищу, нажать на спуск после такого ой как непросто. Ясно, почему так взъелся Саблин: для него гибель ребят от рук своих же это вредительство, он решил арестовать деда и Ирину, но Лера его послала. Однако показательного расстрела лучше избежать. Пусть и съехавший с катушек, но Саблин свой, людей катастрофически не хватает.

– Веня, убери людей от штабной палатки, я сам поговорю с бывшим комендантом. Главное сейчас – быстро замять ситуацию. Будем разбираться, почему секрет вскрыли.

Ошибка и двое погибших это большие потери в нашей ситуации.

— Да чё тут разбираться, командир, — Веня скрипнул зубами. — Саблин запретил колпаки из веток ладить, велел опять подходы к наблюдательной позиции растяжками заминировать.

Несмотря на полумрак в тоннеле, у меня основательно потемнело в глазах от ярости. Теперь всё становилось понятно и без разбирательства: амеры вскрыли расположение поста, скорее всего, обнаружив растяжки, а потом визуально выделили людей в открытом овраге. Я изначально настаивал на оборудовании

защитных колпаков, чтобы амеры даже с двух шагов не могли обнаружить «секрет». Человек, даже очень хорошо тренированный, в засаде не может сидеть, сохраняя полную неподвижность. Кроме того нужно время от времени менять сектора наблюдения, отдыхать. Для этого есть вполне пригодное средство — колпак, сплетенный из толстых прутьев, обмазанных сверху глиной, обшитый дёрном, который крепится на проволоке или гибких тонких веточках кустарника. Можно даже дерево сверху посадить. Такой холмик со смотровыми щелями на четыре стороны света накрывает овраг или вырытый окоп, позволяя

наблюдателям незаметно сменять друг друга и с относительным комфортом какое-то время скрытно вести наблюдение. На наиболее опасных направлениях, то есть севере и юго-западе, такие колпаки мы поставили сразу, но потом комендантом стал Саблин и, видимо, дело так и осталось незавершённым. Само собой, он психанул, когда задним умом сообразил, что его халатность вскрыется. В таких случаях поднять бучу — лучший способ отвести беду от себя на короткое время. На что рассчитывал бывший владелец продуктовых магазинов, я пока не понимал.

Мы наконец подошли к штабной

палатке, которая тёмным пятном выделялась на фоне двух разожженных костров, возле которых стояли трое вооружённых бойцов из взвода охраны, а также четверо женщин, прибежавших на крики. Я кивнул старшему наряда и приказал убрать всех от палатки, а сам, отдав оружие Вене, двинулся к палатке. Когда до поднятого вверх входного клапана оставалось три шага, из глубины отсека треснул одиночный выстрел, пуля выбила искры и каменную крошку возле моей правой ноги. Остановившись и вытянув вперёд руки с раскрытыми ладонями, я начал разговор:

— Это ты напрасно, приятель.

Так и так придётся сдать, но тогда уже разговор будет другой. Брось ствол и выходи, останешься цел.

— Дайте мне уйти, я так больше не могу!.. Хочу туда, где свет!..

Говорил Саблин довольно громко, однако голос его звучал монотонно, видимо, психоз назревал давно. Другое дело, что теперь его поведение непредсказуемо, человек с потёкшим шифером вместо мозгов никого не слушает. Сейчас Саблин спокойно может пристрелить девушку и вышибить себе мозги. Я сделал ещё один шаг вперёд и сумел разглядеть в темноте тускло блеснувший ствол пистолета и глаза коменданта. Лера, судя по смутному

силуэту, стояла на коленях в дальнем левом углу жилого отсека, а Саблин, прикрывшись ею, опирался спиной о стену пещеры. Важно было подойти как можно ближе, чтобы обезоружить психа. Когда-то в прошлой жизни мне пришлось в почти такой же ситуации вязать одного наркошу, устроившего шоу в торговом зале, который наша фирма охраняла. Благодаря своей плюшкинской натуре, я таскаю в карманах много всякой всячины, среди которой есть несколько свинцовых картечин, болтиков и гаек. Брось несколько таких железок в лицо противнику, и вот у тебя уже есть мгновение-другое для рывка на

дистанцию удара ногой или рукой. Важно только правильно научиться зажимать картечины или гайки между пальцами, но ладони лучше держать открытыми – сжатый кулак настораживает. Медленно я приблизился к входу в палатку ещё на шаг, при этом продолжая говорить.

– И куда же я тебя отпущу, Вова? Амеры тебя отловят, и ты нас всех сдашь...

– А мне плевать, – голос Саблина сорвался на крик. – Я устал от войны, пусть поймают... может быть, пощадят, если я вас сдам, а, лесовик?! Шерман говорил, что мы с ним оба уйдём...

– Сука! – Это сзади выкрикнул

кто-то из бойцов. — Так они вместе нас вломить хотели!

Ситуация приняла неожиданный оборот: о том, что у Краснова могут быть сообщники, я не подумал, однако это теперь казалось более чем логичным. В одиночку план по сдаче целого отряда действительно повернуть трудновато. Однако следовало перехватить инициативу, ребята вполне могли броситься на предателя и тогда всё мог решить случай. Повысив голос и одновременно делая ещё один шаг вперёд я приказал:

— Тихо! Всем оставаться на месте. Вова хочет поговорить, правда, Вова?

— Да нахрен разговоры, лесовик! — Саблин почти визжал. — Дай мне припасов, и я уйду, а эту правильную сучку забирайте тогда! Сниметесь и уйдёте в какой-нибудь другой вонючий угол, а я снова буду жить как человек!..

Дистанция для броска уже была подходящей. Белки глаз предателя отчётливо поблёскивали в неровном свете костра. Медленно отведя кисть, я без замаха швырнул ему в лицо три картечины и одну солидную гайку. Свинец не блестит. Но вот гайка сверкнула в воздухе на короткий миг, Саблин непроизвольно перевёл на неё взгляд, и в этот момент я прыгнул вперёд. Левой рукой мне

удалось попасть точно в лицо предателя, а правой перехватить пистолет, просунув большой палец под уже спускаемый курок. Резкая боль обожгла палец, но я не дал ей завладеть сознанием и, найдя пальцами левой руки нижнюю губу под жёсткой путаницей бороды Саблина, зажал её и дёрнул на себя. Предатель завыл, хватка его на пистолете ослабла в тот момент, когда мы уже валились влево на пол. Вырвав оружие, я продолжил движение, рукоять пистолета попала тыльным углом точно в висок противника. Хрустнула кость, Саблин дёрнулся подо мной несколько раз и затих. Через

мгновение время обрело свой
обычный ритм, вокруг вспыхнуло
сразу несколько сильных фонарей,
палатка наполнилась людьми. Двое
бойцов уже оттаскивали Саблина
прочь из палатки, но я знал, что
теперь он никого не побеспокоит:
проломленный череп и оторванная
нижняя губа — это не те раны, с
которыми можно выжить. Я
отмахнулся от Вени, пытавшегося
помочь мне встать, и отполз к стене,
переводя дух. Палец саднило, мясо
под ногтем почернело, сочилась
кровь. Однако прихват получился как
на тренировке, поэтому полностью
спуска предатель сделать не успел.
На какое-то время я отключился,

закрыв глаза, шум и блики синеватого света словно звучали откуда-то издалека. Очнуться заставило прикосновение к плечу чьих-то лёгких пальцев, потом я услышал голос Леры:

– Все ушли, дай посмотрю, что с рукой.

Через пару минут я сидел на раскладном стуле, а в воздухе резко пахло антисептиком. Руку ожгло холодом, боль притупилась. Я посмотрел на девушку, проверяя, всё ли с ней в порядке. На левой щеке неглубокая ссадина, волосы растрёпаны, а ворот куртки свисает длинным лоскутом с левого плеча. Видимо, без борьбы дело не

обошлось. Однако против пистолета едва ли можно было что-то сделать, если не учился этому. Девушка обрезала края пластыря и отстранившись, посмотрев на собственную работу, удовлетворённо кивнула:

— Кость цела, заживёт через неделю. Давно вернулся?

Девушка отошла за ширму, сделанную из куска ткани, раньше несомненно бывшего бортом палатки. Пока численность отряда только уменьшалась, поэтому несколько повреждённых взрывами двухместных палаток разобрали для разных нужд. Я подвинул стул ближе к поставленным друг на друга

тарным ящикам, выполнявшим роль стола. Тусклая электрическая лампочка давала рассеянный жёлтый свет, длинные тени отбрасывали даже разбросанные бумаги и выключенный сейчас ноутбук с откинутой крышкой-экраном. Через силу разлепив спёкшиеся от сухого воздуха губы, я ответил:

— Только что. Ребята пошли вперёд, я вот чуток задержался. Завтра вечером опять возьму новую группу из фуражиров, пощиплем наёмников. Судя по движухе, им завезли припасы, да и оружие собрать надо.

Лера вышла и, сев напротив, щёлкнула какой-то клавишей, экран

компьютера замерцал и осветил её лицо белым неживым светом. С того момента, как я стал начальником разведки, мы почти не виделись, однако помимо воли я часто украдкой разглядывал девушку. Она поймала мой неосторожный взгляд и тень лёгкой улыбки помимо её воли тронула губы. Через мгновение улыбка исчезла, лицо и глаза снова стали непроницаемо холодными.

— Не гляди на меня так, Ропша. — Голос Леры дрожал от напряжения. — Саблин взбесился после того, как Чернов вернулся и всё рассказал. Я на играх только как врач была, до этого в ханкалинском госпитале два года, вот и вся моя война! Ранения,

операции... В ваших военных делах я многого не понимаю. Как уследить было?

Мой пристальный взгляд девушка поняла неверно, поэтому пришлось откашляться, чтобы прервать ее оправдания. За всем действительно не уследишь, новые жертвы стали следствием компромисса, и виноват в этом был только я один. Но вслух сказал другое:

— Лера, виноваты амеры... Войну не мы затеяли. Вовка спятил и потому стал искать пятый угол, потянув нас за собой. Трудно сохранить трезвую голову, когда из хороших новостей только тёмная

пещера и отсутствие бомбёжек. Дурак этот убил двоих хороших парней, а не ты и не я. Оборону поправим, вместо Саблина назначим кого-то другого. Но главное сейчас — показать остальным, что мы с тобой точно знаем, что делать и как выжить.

— А мы знаем?! Ропша... или как тебя там, ты знаешь, как нам быть дальше? Я вижу только эту тёмную нору и новые трупы. Люди пока ещё не ворчат, но...

В такие моменты нужно подбодрить, если человек всего лишь устал. Отчаяние — это совсем другое, но в то, что Лера поддалась, панике я не верю. Отчего-то вспомнились

читанные от нечего делать книжки, в которых некие личности попадают то во времена Гражданской войны, а чаще всего их заносит на Великую отечественную. С разной степенью умения авторы, описывающие приключения своих героев, сходились в одном: зная, как по шпаргалке, что и как случится, вполне можно играючи переломить ход истории или, по крайней мере, неплохо устроиться среди предков. От чего-то предки всегда выставлены глупыми, необразованными и неумелыми, не видящими дальше своего носа. По себе знаю, что воевать без шпаргалок непросто, но по-иному бывает только в книжках.

Конкретно сейчас я бы не отказался узнать хотя бы примерный расклад по обстановке, так сказать, из первых рук. Ну, так, с цифрами, номерами частей, схемами осенне-зимней компании. Однако чудес не бывает и прозорливые всезнайки пока на огонёк к нам не забредают. Придётся, как дед и его братья, воевать и побеждать с тем, что умеем. Каждый неверный шаг, любая оплошность станут роковыми, если подведёт чутьё, изменит военная удача. Опыт, накопленная сумма знаний и все прошлые победы проверяются на прочность всякий раз, когда я вот так делаю морду кирпичом и веду за собой тех, кто менее успешно

скрывает собственную слабость. На войне страх поселяется в каждом, просто у некоторых не получается с ним договориться. Если люди соглашаются идти за тобой, то происходит малоприятное превращение: вместо одной жизни ты отвечаешь сразу за три, четыре или сотню и вместе с ответственностью теряется право на слабость, сомнение, случайный промах. На данный же момент нужно просто успокоить храбрую, но очень уставшую от войны девушку. Утвердительно наклонив голову, я сказал:

— Да, я точно знаю, что и как нужно сделать. И ты это тоже

отлично знаешь, просто этот бородатый прыщ тебя немного смутил своей выходкой. У нас есть чёткий план, мы обязательно выживем. Но это только в том случае, если будем воевать, а не просто прятаться. Ты хирург, военный врач, так?

Слова я произносил уверенным тоном, открыто смотря девушке в глаза. Стресс, накрывший её, постепенно сходил на нет. Лера утвердительно наклонила голову, соглашаясь. Значит, аргументы подействовали, и она действительно слушает то, что я ей говорю.

— Бывает так, что оперируешь, но в успех не веришь?

— Всегда есть надежда. —

Девушка видимо что-то вспомнила, быстро возражая мне. — Есть опыт, кто-то подскажет, я же там не одна режу... Тьфу на тебя, лесовик, опять разводишь! Но от фокусов твоих не легче, мы без боя троих потеряли.

— Двоих, Лера. Правда твоя, повоевать им не пришлось. Однако прежде, чем стрелять, нужно оглядеться, чтобы ударить наверняка. Я в курсе, что время поджигает и каждую минуту, пока мы тут, с базы амеров вылетают два, три бомбера и гибнут люди. Поэтому нужно подготовиться и потом помешать амерам ещё и ещё раз. Аэродром ведь восстановят, самолёты и

боекомплект подвезут другие. И когда это случится, мы должны оказаться там, и снова взорвём их к чертям. Ладно, займёмся рутиной. Ты поищи кандидатуру на вакантную должность, а я пойду натаскивать новичков. Мы не великаны и шагаем не по семь миль за раз. Пойдём потихоньку, ага?

Я поднялся со стула и, подхватив левой рукой сбрую, а правой автомат, повернулся к выходу. Девушка во время разговора отошла в дальний угол, я на неё не смотрел. Но сейчас в свете лампочки я заметил, что Лера отвернулась к стене, и плечи её мелко подрагивают. Любой, даже очень сильный человек время от

времени ищет опору, когда приходит край. Я снова положил сбрую и оружие на стол, шагнул к девушке и крепко обнял её за плечи. От прикосновения она сначала вздрогнула, потом повернулась и, спрятав лицо у меня на груди, беззвучно заплакала. Я бережно, но крепко держал её, не разжимая рук. Так мы стояли довольно долго, пока она не высвободилась и не скрылась за ширмой. Не помню, как я очутился снаружи, вещи и оружие потом нёс, прижимая к груди, до самого закутка в помещении общей казармы разведчиков. Это была довольно просторная ниша в восточном углу первой пещеры. Рядом разместились

каптёрка, арсенал и вещевой склад. Вход в нишу завесили куском палаточного оранжевого синтетика, эта штука шуршала от малейшего сквозняка. Я вошёл, когда все уже спали, только Алекс, чья койка была возле самого входа, напротив моей, протирал мягкой ветошью затвор своего автомата. Сапёр шурился, свет маленького налобного фонаря придавал его лицу мрачный вид.

— Хлопцы отдыхают, командир. Я вот дневалю, а чё за шум был у штаба? Очкастый сказал, что Вов ка Саблин чуть атаманшу не застрелил. Он чего, мухоморов переел?

Я решил тоже заняться оружием и снарягой. Усевшись на свою

раскладушку, на которой вместо матраса был спальник, я расстелил на полу походный коврик и стал вынимать из подсумков разгрузки автоматные магазины, бережно выложил две гранаты и, повесив сбрую в изголовье на альпинистский штифт, служивший вешалкой, начал разбирать автомат.

— Саблин психанул из-за того, что подстава у него не вышла. Они с Шерманом, оказывается, заодно были...

Как мог я рассказал Алексу обо всём, что случилось, кроме последнего эпизода, конечно. Тот слушал внимательно, время от времени хмурясь. Однако ловкие его

руки бестрепетно собирали оружие, и к концу моего короткого рассказа он отставил автомат, прислонив его стволом к стене. Обтерев руки сухой тряпкой и навинтив колпачок на баллончик со смазкой, сапёр тихо выругался.

— Опять небоевые потери. Амерам скоро не придётся даже патроны тратить, мы сами себя перестреляем!

— И что ты предлагаешь?

Алекс погасил фонарь, и его угол погрузился во мрак. Скрипнула раскладушка, и спустя пару долгих мгновений раздался тихий шёпот:

— Спать давай. Толкни, вон, Серого, его вахта до ноль шести.

Потом вдруг кровать снова скрипнула, и сапёр, выступив из темноты, оказался возле моей кровати. Поза была не угрожающей, но с опытным бойцом всегда нужно быть начеку. Внутренне я уже смирился с ещё одним силовым эпизодом, на этот раз твёрдо пообещав себе не выходить за рамки. Алекс хороший сапёр, и в рейдах я бы предпочёл, чтобы он шёл рядом.

— Ты толковый командир, Ропша, ребята тебе теперь верят, я тоже... Не обмани нас, сам же сказал как-то — война идёт. Что там задумал Саблин, теперь уже не важно, у мёртвого не спросишь.

— Не, пока есть чем заняться, а

ты дави на массу, дело хорошее.

Я с облегчением в свою очередь отёр ветошью руки и принялся за иглу, чтобы подновить разгрузку. Саблин, безусловно, невовремя устроил концерт, однако благодаря ему я теперь знал меру доверия бойцов, и это была хорошая новость. К тому же, запах волос девушки и её близость в такой неподходящей обстановке всё ещё не отпускали, в голову лезли какие-то левые мысли, которые удалось прогнать только большим усилием воли. Спустя ещё час я вышел из казармы, чтобы немного отдохнуть от чужого сапа и дыхания. Люблю время от времени оказаться в полной тишине, чтобы

мысли перестали бестолково роиться. Когда же внутренняя чехарда успокаивается, есть шанс найти некую светлую идейку, хотя на этот раз всё было просто: налетаем между ноль двумя и ноль тремя часами, когда наёмники будут наиболее рассеянными, собираем всё, что можно унести, и уходим в лес...

– Накаркал ты, паря.

Лесник подошёл совсем неслышно, но мне удалось не выказать удивления. Впрочем, старик и не хотел никого пугать, просто ходил так в силу привычки. Чтобы не будоражить людей, я пошёл в сторону тропинки, ведущей к развилке. В это

время суток тут мало кто ходил, можно было спокойно поговорить. Мы присели на большой плоский выступ стены, который немного походил на скамью. Дед уселся чуть поодаль, снял кепку в серо-чёрную крупную клетку и отерев пятернёй лицо продолжил:

– Сколько лет по грани ходил, а худого обычным людям ни разу не сделал. Браконьер там, даже медведь-подранок — всех без смертоубийства, миром или хитростью, а тут свой. Аниканов этот мне сети чинить помогал, такие песни пел задушевные! Всё говорил, что жена его в Австрии картины реставрирует, жива, наверное,

детишки там же. Радовался мужик, что семья не страдает... Боялся воевать, но не скулил, службу нёс, а я ему как отплатил!

— Тогда зачем стрелял, Андрей Ивановч? Думаешь, амеры его пожалели бы?

— Они-то бы точно не спустили, но это они, не я! Пойми ты, нельзя по своим!..

Старик коротко и с силой ударил крепко стиснутыми кулаками себя в грудь. Что можно сказать человеку, который сам определил меру собственной вины и будет казнить себя до конца жизни? Слова утешения его распалят ещё больше, заставив осуждать свой якобы

неверный поступок, однако же и промолчать с тем, чтобы остаться в стороне, тоже не получится. Поэтому я ответил так, как думал, а уж верно или нет... иногда лучше не копать глубоко.

– Не выстрели ты тогда, Костю бы пытали, он точно раскололся бы и наверняка уже сейчас амеры бомбили бы кряж. А потом травили нас газом, добивали выживших окрест с вертолётот. Костя рассказал бы амерам ещё и про жену с детьми тоже. Думаю, австрийцы без проволочек выдали бы их на расправу. А так он мёртв, и спрашивать его никто не может. Целы мы, возможно, не бедствуют и

его родные. Это, само собой, не идеальное решение, но... Банальную мульку про два неравных зла помнишь? Так это как раз наш случай: вместо «отвратительно» вышло просто «плохо». К сожалению, на войне это обычный расклад, чудеса случаются редко. Можешь принять как должное и воевать дальше, либо искать смерти. Никто тут чистеньким не останется, просто у нас есть выбор: ставить всё на победу, либо выйти и дать себя убить. Но если выберешь второе, не тяни с собой ребят, Иваныч. Ладно, я спать, а ты... выбирай сам, как поступить, но помни, что последствия и так и так не ахти.

Просто помни, что теперь ты не один.

Чернов молча выслушал, но с места не тронулся. В полумраке его фигура казалась частью стены, я поднялся и пошел в казарму, до подъёма оставалось минут сорок, и их хотелось провести исключительно наедине с пахнущим потом и дымом спальным мешком. Старика лучше не трогать, пусть сам решит, как жить дальше. Меня такие вопросы уже давно не беспокоят, наверное, привык, да и устал мучить себя бесполезными, по сути, обвинениями. Это цена, которую платит любой солдат, когда ему приходится делать работу, ради

которой, собственно, его и готовят.

...После ночного дождя и резкого похолодания тропу окутал такой плотный туман, что едва-едва можно было разглядеть спину идущих впереди. Местность всё ещё незнакомая, пришлось сбавить обычный темп, группа двигалась с черепашьей скоростью, выбиваясь из намеченного графика почти на шесть часов. На этот раз акция планировалась почти наверняка: расположение строений внутри периметра аванпоста наёмников удалось зарисовать весьма подробно ещё трое суток тому назад. Последние тридцать часов я провёл в

приготовлениях, инцидент с Саблиным лишь немного отсрочил время выхода. Новым комендантом базы Лера назначила уже знакомого мне бывшего радиоведущего — Миронова Сергея. Мужик он оказался совершенно штатский, однако с нормальным чувством обстановки. Он пришел было ко мне, да толком поговорить не вышло, поэтому я перенаправил его к Чернову. После событий у наблюдательного поста дед осунулся, отвечал односложно или вообще отмалчивался. В таких случаях нужно ломать ситуацию делом, поэтому я попросил его помочь новому коменданту с обустройством

наблюдательных постов, и это в какой-то мере нарушило утрюмое самоедство нашего старожилы. Весь вчерашний день мы готовились к акции, я проверил обоих присланных напарником ребят. Спору нет, Михась сделал всё, что мог, и показал азы работы с оружием и взрывчаткой, однако теперь всё решит именно первый бой. В рейд отправились двумя группами. Я с Алексом, Сергеем, Ириной и новичками Олегом и Николаем штурмуем аванпост. А вторая группа, состоящая из легкораненых и женщин с подростками, ждёт нас у северо-западного склона Пихтовой. Старшим напросился Михась, я

разрешил, потому что работа второй группы будет состоять только в том, чтобы разгрузить с машин привезённое нами добро и перенести его в пещеру. Вокруг сопки тайга непроходима, поэтому работа предстоит тяжёлая. Риск имелся. Однако с учётом того, что гарнизон противника ожидается рыл в пятьдесят и вертолёт вряд ли отправят в течение суток, то есть все шансы повернуть дело относительно тихо. Маршрут я прокладывал самостоятельно, места на северо-западе за кряжем ещё совсем недавно были довольно обжитыми. Для акции был намечен аванпост, прикрывающий базу Джинджер

Чарли компании «Блэкстоун Сауз». База прикрывала новый мост и переправу через Томь, гарнизон такого объекта никак не менее роты, то есть около ста пятидесяти человек. Судя по данным радиоперехвата, которые мы как могли разбирали с Веней и теми, кто владел амеровскими кодовыми фразами, гарнизон имел на вооружении легкобронированную технику и два вертолёт-разведчика. Ещё имелись в распоряжении две миномётных батареи и от шесть беспилотников, но последнее только на грани предположений и догадок. Контингент был пёстрым: поляки, венгры, румыны. Однако соблюдался

неизменный корпоративный принцип, и комендантом базы был англичанин Берс. Вообще, все командиры взводов, группа управления и снабженцы были либо американцами, либо англичанами. Всё это мы узнали благодаря тому, что наёмники часто трепались в эфире, часто забывая об осторожности, и использовали простейшие и общедоступные кодовые фразы и обозначения. Намеченный нами в качестве основной цели дорожный блокпост позволял контролировать основную дорогу, по которой с железнодорожной станции и иногда с авиабазы наёмникам шло

снабжение. Грузы обычно сопровождалась именно до «блока», откуда конвой принимало охранение с Джинджер Чарли – четыре броневедомости и до трёх отделений пехоты. Вооружение более чем солидное: станковые гранатомёты и крупнокалиберные «браунинги» на турелях броневедомостей, каждое отделение пехоты имеет в своём составе одного пулемётчика, как правило, вооружённого единым армейским SAW^{[21](#)}. Наёмники лучше тренированы и имеют большой боевой опыт, поэтому нам придётся действовать крайне быстро, чтобы враг не смог реализовать свои преимущества. Даже внезапность

атаки не гарантирует нас от потерь, а в первый раз очень важно обойтись совсем без них.

Я чуть приотстал и, вынув планшет, сверился с кар той: тропа шла по дну узкой расселины, пробитой в своё время ушедшим реликтовым ледником. Салаир изрыт такими трещинами, однако как правило две из трёх оканчиваются глухой отвесной стеной. В нашем случае помогли знания Чернова — лесник безошибочно показал тропку, ведущую напрямик к безымянному урочищу по ту сторону кряжа.

— Леший, я Кудряш! Впереди развилка. Два — три — семь!..

Ожила рация, в наушнике голос

Михася звучал чётко, но
отстранённо. Согласно
выработанной новой кодовой
таблице, он сообщал, что его группа
вышла на маршрут и через двое суток
должна достигнуть района
ожидания. С напарником пошли все,
кто так или иначе мог помочь с
переноской груза, на базе и на двух
наблюдательных постах осталось
всего шесть человек. Их задача
заключалась в том, чтобы
предупредить нас по короткой связи,
если амеры всё же вычислят
расположение основной базы. Тогда
отряд перебазировается на север, там, в
лесостепных районах Кузнецкой
котловины, полно старых шахтных

выработок, Чернов рассказывал о нескольких пригодных для запасной базы местах. Точки встречи были доведены до каждого из командиров отделений, поэтому амеры, скорее всего, получают лишь очередной головняк и, если повезёт, то десятка три-четыре трупов в придачу при попытке сунуться в пещеры. Там осталось только четверо тяжелораненых, которые находились в бессознательном состоянии, оставить их пришлось прежде всего потому, что нового перемещения ни один из них не выдержит. Перед акцией мы с Алексом и Михасём заминировали обе пещеры, однако взрывчатки было мало, не

использовать же древний аммонал, который неизвестно как поведёт себя при подрыве. Я отжал тангенту три раза, что означало «принял». За последние три часа пришлось уже сделать пару остановок из-за пролетавших амеровских беспилотников. Принадлежность их мы, само собой, определить не смогли, но на долгих полчаса всем пришлось укрыться под низким и длинным каменным выступом, который тянулся вдоль всей правой стены расселины. Из-за каменистой почвы. Деревья с кустарником не росли на самом дне, только благодаря этой особенности мы и шли вперёд, со страшно медленной

скоростью. Скоро бледное осеннее небо опять скрылось, его заслонили резко сомкнувшиеся стены расселины, поросшие сверху старыми кривыми соснами.

Впереди шёл Алекс, его способности сапёра сейчас пригодятся в первую очередь. Наёмники окружили блокпост несколькими контурами минных заграждений смешанного типа. Опасаясь диверсантов, они выставили только противопехотки, частью наши, трофейные, частью те, что привезли с собой. Подозреваю, что такой подход вызван как всегда мелким воровством: кто-то заложил в смету нормальный боекомплект,

однако две трети его скорее всего даже не отгрузили со склада. Однако же беречься тоже надо, а трофейные боеприпасы воровать легче – сколько заявил, столько и есть в наличии. В прошлое посещение окрестностей блокпоста я лично обнаружил закладку, целиком состоящую из наших советско-российских «гостинцев». Мы обнаружили обычные МОНки^{22}, которые в обиходе называются «плюха» или «девятка». Мины эти обычно ставятся при оборудовании заграждений на большом пространстве, так как убойная сила в них очень большая. Ролики, которыми они начинены,

разлетаются плотным роем почти на две сотни метров от эпицентра, при взрыве вполне могло достать и наёмников у насыпной стены. Само собой, сразу никто мины снимать не стал, однако сейчас Алекс повел нас вглубь плотно засаженного минами пространства, поэтому-то обратная дорога и оказалась такой долгой. Так мы прошли большую часть утра, на днёвку остановились всего раз и основательно перекусили, укрывшись под низким каменным карнизом. Тут ничего не росло, вода стекала мелкими ручейками, вымывая почву. Правда, сейчас было относительно сухо, к тому же пару раз мы слышали близкий шум

винтов. Но меня больше волновало, как мы будем уходить от погони, если бой затянется. Резкий восточный ветер налетал порывами, деревья гнулись, в скалах слышался низкий гул, словно сами они переговаривались меж собой. Я проглотил последний кусок вяленой кабанятины, хотя аппетита не было уже давно, ел абсолютно машинально, не чувствуя вкуса. Снова ожила рация, в левое ухо ворвался шёпот Ирины:

– Леший, здесь Коса. Три-три, «зелёный»... наблюдаю.

Ирина вышла вперёд и сейчас находилась метрах в двухстах впереди по маршруту. Оттуда, если найти

подходящее дерево, уже можно разглядеть блокпост. Доклад снайпера означал, что один из трёх патрулей наёмников только что вошёл в охраняемый периметр «блока», закончив обход своей зоны ответственности. Пока всё было так, как и три дня тому назад: график патрулирования не изменился, и девушка не заметила усиления постов охраны. Это первый признак, что наёмники не обнаружили наших следов, хотя это станет ясно, только когда мы нападём. Вполне может случиться и так, что это засада, однако вероятность такого развития событий не слишком велика. Я отжал тангенту дважды, пусть наблюдает

пока мы не подошли. Осторожно выкатившись из-под карниза, я тронул за плечо одного из новичков, которого пока держал рядом для страховки, и жестом отдал команду, которую он, кивнув, передал дальше по цепочке. Все четверо тоже выкатились наружу и, построившись в колонну по одному, вновь двинулись вперёд. Скоро проход снова стал сужаться и последние сто метров нам уже пришлось протискиваться между стенами расселины боком. Новичок впереди вскинул руку, призывая остановиться, это означало, что мы добрались до противоположного края расселины. Я машинально глянул на

циферблат, отметив, что до спуска мы прошли за десять с четвертью часов, лишь на полчаса отставая от графика. Расселина выходила на противоположную от базы отряда сторону Салаира, на высоте двух десятков метров от земли. Однако благодаря высоким старым соснам, стоящим к скале практически вплотную, мы по очереди спустились до уровня средних ветвей кроны поросшей мхом раскидистой сосны и без страховки спустились на землю, не оставив слишком явных следов. Конечно, опытный следопыт всё поймёт, однако, как показала практика столкновений с противником, будь то наёмники или

крепкие профи из армейского спецназа, они довольно небрежны, поскольку не воспринимают нас всерьёз. К тому же местные условия резко отличались от всего, что им известно, поэтому пока преимущество в скрытном передвижении оставалось за нами. Я спустился последним, земля мягко спружинила под подошвами. Густой кустарник скрывал нас. Осмотревшись, я дал отмашку и, построившись «ёлочкой»^[6], наш маленький отряд пошёл по еле видимой среди почти непроходимого подлеска звериной стёжке. Тропинка закончилась через сотню метров склоном в овраг, на дне которого

журчал хилый ручеёк. Алекс поднял руку, давая сигнал, что нашёл первый «гостинец». Сапёр склонился над небольшой кочкой, я жестом приказал остальным отойти на десять метров и присесть. Наушник снова отозвался тихим голосом Ирины:

– Здесь Коса. Четыре коробки, двенадцать карандашей и две избушки. По секторам «зелёный». Как принял Леший?

Снайпер из девушки получился знатный, причем амеров Ира истребляла с особой жестокостью. Ещё в бою у моста я отметил, что двое стрелков, убитых ею, умерли от ран не сразу, всё исполнено было так,

чтобы жертва испытала перед смертью сильную боль. Однако пока её злость на врага не мешает работе, я готов с этим мириться, тем более что квалифицированных стрелков у нас только трое – дед Андрей, Мишка и она. Наёмников в периметре блокпоста двенадцать душ, четверо из которых сидят в укреплённых ДЗОТах^[7], в наличии имеются четыре автомобиля. Блокпост окружён насыпным земляным валом и трёхметровой стеной, состоящей из армированной сетки, бетонных блоков, проложенных в два-три слоя мешками с землёй или щебнем. При необходимости такое укрепление

выдержит миномётный обстрел, однако против припасённых нами усиленных реактивных гранат скорее всего не устоит. Огневые точки стерегут грунтовую дорогу, по которой идёт снабжение от железнодорожного узла к большому опорному пункту Джинджер, и участок тайги на северо-востоке. Тайга в том направлении существенно прорежена строительной техникой, однако постоянной охраны там нет и в случае чего есть угроза для дороги, ведущей к аутпосту Джинджер. Поэтому второй ДЗОТ оборудован автоматическим гранатомётом и с той стороны штурмовать «блок»

невыгодно. С юго-запада, откуда подходим мы, наёмники выставили плотные минные заграждения, кроме того воздух стерегут лёгкие вертолёты с автоматическими пушками на подвеске. Однако пролетают они раз в три часа, а мины выставлены пусть и густо, но только лишь в двух сотнях метров от стен блокпоста. Ближе к подножью кряжа минами прикрыты только условно проходимые для пехоты участки тайги. Тропинку, по которой мы шли, амеры не знают, патрули их так далеко не заходили всё то время, что мы за ними наблюдали. Выбранный маршрут предполагает выход к стенам периметра именно

через два контура таких минных полей. Передний край одного из них мы как раз сейчас и зацепили. Отжав тангенту, я тихо ответил:

— Здесь Леший, принял. Два, три, ноль.

На снятие десятка обычных противопехоток уходит от двух до пяти часов, Алекс сказал, что управится за два с половиной. В сумерках я увидел, как он уже поднял вверх кругляш обезвреженной пластиковой ПМНки^{[23](#)}. Мины эти лёгкие, нажимного действия, часто их подкладывают под днище более тяжёлого «гостинца», чтобы сделать сапёру гадость, но, бывает, и раскидывают без довеска. Убить

такая пакостница не убьёт, но покалечит капитально. Раз Алекс её снял, значит эта конкретная «плюха» имеет механический взрыватель, мины с электроникой нам предстоит обходить дальней стёжкой. Механические тоже не фонтан, однако даже с поставленной на неизвлечение можно найти общий язык. Её достаточно нащупать и правильно окопать, чтобы снять бесшумно. Мне приходилось сталкиваться с такими закладками, но снимать тихо случалось только пару раз. Если такая хитрая заморочка попалась, лучше ее обойти или на крайний случай сдёрнуть с помощью верёвки с крюком.

Подождав, когда сапёр углубился на десяток метров, я дал отмашку, и группа осторожно двинулась следом за Алексом. Ветер тем временем крепчал, в верхушках деревьев поднялся низкий свист переходящий в завывание. Время от времени тучи закрывали тянувшееся на закат солнце, и тогда колонна замирала, поскольку идти в сумерках для плохо подготовленного человека тяжело, а по минному полю тем более. Я присел и осторожно поворошил палую листву под ногами, забрав в горсть немного бурой, с примесью песка земли. Почва пахла сыростью и немного озоном, дух шёл ровный и прохладный. Растерев комки между

пальцами, я аккуратно стряхнул грязь подальше в кусты, чтобы не бросалась в глаза. Самое позднее через сутки пойдёт снег, причём, скорее всего, ветер переменится и задувать будет с севера. Долго такая погода не продержится, однако внутренне я порадовался верно выбранному времени для реализации наших планов относительно блокпоста. Ко мне придвинулся новичок и знаками указал туда, где на склоне невысокого холмика копошился Алекс. Что-то у него пошло не так, как, впрочем, это всегда и бывает. Отмахнув парню сектора, в которые ему смотреть, я в полуприсяде пошёл вперёд и

довольно быстро оказался в голове колонны. Алекс сидел на корточках, глаза его под маской были совершенно белыми от ужаса. На вытянутых руках, в стиснутых ладонях сапёр держал побелевшими пальцами свинченный на треть взрыватель «ананаса»^{24}. Мина эта очень надёжная и применяется аж с конца тридцатых годов, один из немногих её недостатков – массивная чугунная «рубашка» с шипастой насечкой и быстро ржавеющий спуск пружины детонатора. Механизм там простой, как у обычной ручной гранаты, однако если пружина даст слабинку или заржавеет, то взрыв случится самопроизвольно либо

мина вообще промолчит. Найти «ананас» просто, корпус на миноискатель у неё очень отзывчивый, но вот извлечь правильно выходит далеко не всегда. Скорее всего, рука сапёра дёрнулась, и пружина лопнула, однако накола капсуля не произошло – боёк застрял. Дёрнуть сейчас детонатор или раскачать означает получить в лицо граммов триста тяжёлых осколков. Я быстро огляделся и, пошарив вокруг, аккуратно сломил веточку с куста, попутно вынув нож.

– Алекс, сиди как сидишь... – Я говорил шёпотом, хотя из-за воя ветра нас вряд ли кто услышит. – Пружина сорвалась?

Парень услышал и только утвердительно кивнул. Остругав несколько кусков ветки до толщины зубочистки и расщепив их, я подступил к сапёру, вырезав квадратный кусок дерна, начал рыхлить почву, пока не выкопал небольшую лунку глубиной сантиметров тридцать. Всё это время ошкуренные плашки гонял из одного угла рта в другой, пока они не стали скользкими. Фокус состоял в том, чтобы на пару мгновений заклинить пружину и вывинтить взрыватель. Отложив автомат в сторону, я лёг рядом с сапёром и внимательно присмотрелся: корпус мины основательно тронут ржавчиной,

взрыватель вывинчен из стакана на треть, а пружина бойка лопнула, но каким-то чудом застопорилась, не дав ему наколоть капсулю. Вынув из рта плашки, я осторожно просунул их одну за другой в узкую щель механизма взрывателя. Скользкие веточки с трудом проходили и в какой-то момент пружина дрогнула, издав оглушительный, как мне показалось, щелчок. Алекс вздрогнул всем телом, кончик плашки в моих пальцах прогнулся, но выдержал, взрыва не произошло. Теперь следовало действовать быстро. Нежно и вместе с тем крепко обхватив взрыватель пальцами правой руки, я в одно движение

крутанул кистью, потянув его вверх. Что-то снова хрустнуло, послышалось шипение, но я уже откатывался к вырытой лунке с зажатым в руке взрывателем и кинул его на дно, прихлопнув дерном. Приглушённо пшикнул запал, прогорел заряд детонатора, и из-под моих рук вырвалось несколько струек белёсого дыма. Рядом рухнул ничком Алекс, так и не выпустивший из рук чугунную болванку корпуса неопасной теперь мины. Я поднялся на колени и, легонько похлопав парня по плечу, показал ему глазами, мол, двигай вперёд, а потом выразительно ткнул пальцем в своё левое запястье, где под клапаном

рукава скрывались часы. Алекс мелко затряс головой и, положив тронутую ржавчиной шипастую чушку мины в сумку на поясе, спустился с пригорка, дав сигнал следовать за ним.

До кустарника, которым внезапно оканчивался лес, мы дошли через час с небольшим после инцидента с вредным «гостинцем». Тайга была вырублена широким полукругом, за которым открывалось пространство, тоже поросшее кустарником и сорной травой. Кустарник никто выкорчевать не потрудился, что правильно: мины в такой мешанине из колючих ветвей и жухлой листвы обнаружить очень

сложно. Дав бойцам возможность перевести дух, я пошёл вперёд, чтобы доразведать обстановку. Вынув из чехла счастливый трофейный монокуляр и взобравшись на небольшой холмик, осмотрелся. Чехол я самолично сшил из куска непромокаемой палаточной ткани с простеганным куском мягкого войлока. Со временем я притерпелся к импортной гляделке, так и не подобрав себе бинокля по душе. Отчего-то возникла уверенность, что если если осмотреть поле боя из трофейного прицела, то всё пройдёт гладко. В сгустившихся сумерках блокпост казался островком цивилизации: кое-где в блиндажах

горел свет, время от времени вырываясь наружу и короткими всполохами освещая полумрак. От жилья тянуло дизельной гарью, отходами и кухонными ароматами вперемешку с вонью пищевых отходов. Стена, напротив которой мы теперь оказались, почти не охранялась, только часовой на единственной дозорной вышке, стоящей от стены на расстоянии пятнадцати метров, время от времени поворачивался, чтобы оглядеть поле перед оградой. Я тронул тангенту рации, дал один длинный тон в эфир, потом произнёс шёпотом:

— Коса, здесь Леший. Один,

один, ноль. Приём... Ирина отозвалась почти сразу: связь вблизи блокпоста дело рискованное. Однако вероятность частого сканирования, да ещё во время ужина, почти равна нулю.

— Здесь Коса. Принято, отбой.

Теперь девушка знала, что мы добрались без потерь, и в силу вступает чётко разработанный план операции. В течение следующих двадцати минут бойцы разойдутся по заранее присмотренным позициям. Сергей со своим пулемётом отправится на левый фланг, чтобы взять под прицел участки открытых траншей, ведущих к ДЗОТам и стрелковым ячейкам на севере и

северо-западе периметра. Олег и Николай с гранатомётами, снабжёнными усиленными выстрелами, пойдут на правый фланг. Их задача проста — сдвоенным выстрелом проделать в стене достаточную брешь и детонировать участок минзага под стеной, чтобы мы с Алексом смогли пройти внутрь периметра. Ирина работает по своему усмотрению, с её «соло» и начнётся наше выступление. Ветер взвыл на высокой ноте, и в тот же миг пошёл дождь, скрывший тонкой дымкой все строения в периметре «блока». Ещё раз тронув тангенту радиостанции, я выжал переключатель, отчего на рабочей

волне прошёл длинный непрерывный тоновый сигнал. Пора было выдвигаться.

Алекс откатился на десять метров влево, остальные тоже задвигались, но я не отрывался больше от монокуляра, пристально наблюдая за перемещениями наёмников внутри периметра блокпоста. Как только пошёл дождь, все они разбежались по блиндажам. Я особо отметил землянку чуть ниже остальных: там, скорее всего, узел связи и управления, люди туда не заходили чаще трёх раз в сутки за всё время, что мы вели наблюдение. Кроме того, от него шло сразу четыре хода сообщения, в то время как от

казарм гарнизона тянулись только две глубоких траншеи. Да и низкая посадка говорила о том, что бункер укреплѐн сильнее, чем остальные помещения. Склады собраны из щитовых металлоконструкций, и там всё время торчит часовой. Оба вагончика забраны масксетью, для часового оборудован лёгкий навес. Я немного откатился на левый бок и отстегнул тесьму, освободив тем самым привязанный к спине одноразовый гранатомѐт, последний из того запаса, который мы берегли как зеницу ока с самого начала войны. Гранатомѐт «муха» имеет только одно достоинство — его не так неудобно таскать на хребте, в

остальном это крайне своенравное оружие, требующее большого терпения и сноровки. Вынув предохранительную чеку и разложив тубус, я положил «граник» справа под руку. В узкий дверной проём блиндажа я, конечно, не попаду, сто двадцать метров для «мухи» — это уже предел мечтаний, однако лишить наёмников связи можно и без особого героизма. Блокпост этот временный, поэтому рацию сняли с одной из бронемашин, а антенну вывели наружу, явно не далее пяти метров от блиндажа. Достаточно, чтобы граната разорвалась у входа в землянку, давления взрывной волны хватит, чтобы на короткое время

дезориентировать тех, кто будет внутри. Выстрел у «мухи» кумулятивный, поэтому много осколков не даст, но озадачить вполне способен, потому я и решился стрелять. Ирине задачу на поиск антенны не ставил, её позиция слишком уязвима для подавляющего огня. Южная возвышенность в шестистах метрах от стены находится в секторе обстрела пулемёта, стерегущего подходы к дороге. Амеры так и так через пару часов всё увидят, когда вертушки полетят через кряж обратно. Минут сорок на то, чтобы прихватить что-то полезное, у нас всё равно есть. Снова в наушнике слышались короткие тоновые

щелчки, ребята вышли на исходные позиции вовремя. Отжав тангенту с короткими перерывами четыре раза подряд, я дал таким образом сигнал к атаке. Ветер бесновался в верхушках сосен, тучи, нагоняемые из-за гор, быстро двигались в нашу сторону, и в какой-то момент стало совсем темно. Я взял в руки тубус гранатомёта, до рези в глазах всматриваясь в неподвижную фигуру часового на наблюдательной вышке. Вдруг из туч раздался низкий громовой раскат, и в ту же секунду часового словно порывом ветра бросило на боковое ограждение, и он обмяк, свесив руки. Не мешкая, я поднялся на колено и вскинул гранатомёт на плечо,

уверенно лова в узкую прорезь прицела едва видную в густых сумерках дверь низкого блиндажа. Отдачей привычно дёрнуло назад и вправо, я отбросил тубус и, взявшись за автомат, откатился на три метра вправо.

– Умб-ах-х!

Взрыв прозвучал глухо, почти неслышно за раскатами грома, однако в следующий момент к музыке природы прибавилась рукотворная: мощный сдвоенный разрыв потряс почву подо мной. Уши заложило, поэтому я уже не расслышал, как почти одновременно сработали потревоженные мины перед стеной. Сверкнула вспышка,

небо раскрылось от мощного электрического разряда, и я уже на бегу увидел дымящиеся кусты и большую, метра три в поперечнике, дыру в стене впереди. Алекс, обгоняя меня, уже стрелял в кого-то. Не обращая внимания на глухоту, я сдавил тангенту рации и проорал, перекрывая рёв огня и раскаты грома:

– Леший всем! Работаем по схеме «три», вперёд!

Судорожно сглотнув сухой комок, застрявший в горле, я услышал что отозвались все пятеро. Мы с Алексом миновали разнётанные взрывами кусты и, подобравшись к стене, почти

одновременно кинули вперёд две наступательные гранаты. Разрывов я не слышал, однако по ушам всё равно давануло, через ткань маски ощутимо щёлкнуло по лицу куском щебня. Алекс первым вскарабкался по разорванным мешкам наверх и сразу же прыгнул вперёд, дав две короткие очереди, поводя влево стволом автомата. В тот же миг в наушнике раздался его искажённый помехами голос:

— Волшебник, минус один!..

Не мешкая, я тоже взобрался следом, но, неудачно оступившись, покатился вперёд и вниз, вовремя сгруппировавшись почти у самой земли. Поднявшись, я увидел, как

сапёр прыгнул в траншею, ведущую к одной из землянок. Я побежал в противоположную сторону, чтобы зайти по правой стороне ко второй из трёх землянок. Краем глаза увидел, что со стены уже спрыгнули Олег и Коля. Эти двое были из новичков, которых рекомендовал Михась. Увидев меня, они на короткий миг остановились, но тренировки даром не прошли – знакомый силуэт они опознали почти без заминки. Я знаками показал бойцам разделиться, Олег пошёл по брустверу левой траншеи, Коля спрыгнул в правую, а я пошёл в трёх метрах позади, страхуя его сверху.

– Леший, на двенадцать часов!..

Голос Ирины и выскочившего прямо под выстрел наёмника я воспринял одновременно. Амер выбежал из узкой щели хода сообщения, ведущего к ДЗОТу, который прикрывал дорогу. По всем правилам этого делать нельзя, поэтому уважения к наёмникам сильно убавилось.

— Та-та-тахх!..

Тёмная фигура дёрнулась, сквозь прорезь своего прицела я отчётливо увидел, как он вскинул руки и осел обратно в траншею. Не останавливаясь, иду вперёд по изгибающемуся ходу сообщения, силуэт напарника и пространство впереди уже не так хорошо видны.

Холодный дождь сменила барабанная дробь мелких градин, крупинки льда лезут в глаза, заслоняя обзор. Отжав тангенту рации и не отрывая взгляда от спины Николая, я бросил в пространство:

– Принял, минус один.

Глухота то отступала, то вновь окутывала всё вокруг ватным одеялом, придавая окружающей обстановке немного нереальный облик. Слева слышались слабые звуки перестрелки, а потом глухо бахнул взрыв. Чуток погода, когда мы с Николаем остановились в шести метрах от хода в блиндаж, снова ожила рация, хриплый голос Алекса слегка дрожал:

– Леший, здесь Волшебник! У меня чисто, минус четыре...

– Леший принял, Новик – стучи, пусть откроют!...

Коля поднял руку с тремя пальцами и в следующий миг, как на тренировке, с броском вперёд и влево закинул в проём двери блиндажа «эфку». Я присел, отклоняясь вправо, но не выпуская проём из вида. Также глухо рванул взрыв, белёсый кислый дым вырвался наружу, стелясь по дну траншеи. Коля ринулся вперёд, приседая и выставив автомат на уровне головы. Так сохраняется видимость ростовой фигуры, любой контуженый взрывом непременно начинает стрелять в

верхнюю треть ростовой фигуры, даже тренированные бойцы с большим опытом нередко совершают эту же ошибку. Изнутри раздалась короткая очередь, и в проёме снова показался Николай.

– Новик минус три.

Дав отмашку продолжать движение, я пошёл вперёд и вправо, огибая землянку, а Коля, опять заняв место лидера пошёл по ходу сообщения, ведущему к пункту связи, от которого ещё поднималась еле видимая в непрекращающемся потоке дождя струйка дыма. Слева боковым зрением я увидел Олега, идущего почти вровень со мной. Если сохраним темп, то, как и

запланировано, встретимся у ворот «блока» через пять минут. Мысленно я подсчитал актив: пятеро за Алексом, один мой, троих положил Николай, часовой на вышке, итого — девять рыл. Я переместился за штабель железного профиля, укрытый брезентом и масксетью, теперь между мной и воротами каких-то пятнадцать метров. Снова тронув тангенту рации и не опуская автомата, затребовал доклад:

— Леший всем — доклад по секторам!

Ледяная крупа стала немного реже сыпать, видимость немного улучшилась. Впереди и справа темнел прямоугольник

одностворчатых ворот, из привратного ДЗОТа никто не показывался. Зашипела статика, первой отозвалась Ирина:

— Коса — чисто, веду наблюдение... Из «теремков» никто не выходил.

Я присел и, снова осторожно выглянув из-за угла, окинул взглядом пространство перед собой. Затаиться и выжидать не в привычках опытных вояк, какими были наёмники. Пока идёт стрельба, они уже попытались бы вырваться с территории блокпоста, на худой конец попробовали бы взять машину из-под навеса, так удачно скрытого трейлерами, выполнявшими роль

складских помещений. Там сейчас Алекс с Олегом...

– Леший... – рация говорила голосом неуверенного Алекса, что уже странно. – Тут ситуация... Похоже, недостающие «грибники» тут.

По нервам, натянутым до предела, словно кто-то полоснул острой бритвой, я три раза отжал тангенту рации, делая большие перерывы между каждой строчкой. Это означало, что все остальные должны перейти на резервную частоту, голос сапёра мне не понравился. Как только все доложились, я снова запросил доклад, но никто не замечал ничего

подозрительного. Мельком глянув на часы и отметив, что вертолёты будут тут уже через час и двадцать минут, запросил Ирину и Сергея, которые, сидя вне периметра, теперь вместе прикрывали штурмовую группу со склона невысокой сопки по правому флангу:

– Бык, Коса – внимание на мой сектор, после засветки начинаю движение, остальным оставаться на позициях. Отбой связи.

Мигнув в сторону сопки карманным фонариком, я дождался отзывов от ребят и двинулся вперёд и влево, обходя ДЗОТ и стоящего возле входа Алекса по широкой дуге. Утрамбованная и проложенная

сеткой земля по ногами почти не чавкала, градины начали таять, образуя большие лужи вокруг. Стараясь не плескать водой, я аккуратно приблизился к ходу сообщения, но вокруг никого не было, кроме нацелившего автомат в дверной проём Алекса. Тихо, но отчётливо окликнув сапёра, махнул ему стволом автомата, чтобы лез наверх. Парень не сразу отреагировал, так велико было его изумление. Не мешкая больше, я прыгнул в траншею и ворвался внутрь ДЗОТа, сразу охватив взглядом всё помещение и невольно сам опустил автомат. В залитом тусклым синеватым светом лампы

помещении стоял, подняв руки в гору, наёмник. Возле станка с гранатомётом лежали два трупа, ещё одного покойника я заметил слева у входа, под ним растекалась лужа крови. Стоявший в центре помещения человек опустил руки и, повернувшись в мою сторону, снял с головы чёрную шапочку, закрывавшую его лицо.

— Бона сера, эль Дьябло! Тоборий вече! — И продолжил уже по-английски: — Тебя не так трудно было найти, если знать кого ищешь!

Пьетро Матинелли собственной персоной стоял передо мной, дружелюбно, но всё же несколько напряжённо всматриваясь в моё

закрытое зелёной тряпичной маской лицо. Он не уверен, что это я, однако сказал так, будто не сомневался, кого встретит. Не выпуская итальянца из виду, я отдал приказ группе:

— Здесь Леший, три ноля один. Повторяю: три ноля один!

По выданной на той же запасной волне кодовой фразе все должны спуститься в лагерь и начать досмотр помещений на предмет трофеев. Опустив автомат, я поднял маску с лица и кивнул наёмнику нейтрально, словно тоже ожидал его тут встретить.

— Бонжур, капиталист проклятый. Почему молчал так долго, а?

Матинелли, всё ещё держа руки на виду, сбросил одного из покойников на пол и уселся на стул-вертушку, ввинченный в настланные поперх земляного пола плотно пригнанные доски. Я примостился напротив таким образом, чтобы дверь и итальянец были всё время на виду. Не спрашивая моего разрешения, Матинелли закурил, сладковатый ментоловый дух поплыл по комнате. Вспомнилось, что ментоловые сигареты у нас обычно курят исключительно шлюхи среднего пошиба, однако вслух я этого, само собой, не сказал. Между тем наёмник стал говорить, не скрывая радости от того, что нашёл

меня.

— Были проверки, сначала от фирмы, затем трясла американская разведка. Прошёл карантин, и через неделю после повторного опроса отделом внутренней безопасности снова вернули в строй. Я ведь был в плену, но история вышла правдоподобная — отстали. Но людей не хватает, теперь дома даже самый последний пропойца не желает ехать в Россию. И даже за очень хорошие деньги... Скоро начнут заключённых вербовать.

Иностранец говорил это не просто так, в голосе его слышались тревожные нотки. Видимо, всё пошло не совсем так, как

планировалось, и у многих появились определённые сомнения.

– Большие потери?

– О, нет, вернее, не совсем это слово. Нам говорили, что русских войск уже нигде нет, а они появляются как будто бы из ниоткуда. Люди рассчитывали, что просто поедут охранять пустые земли и подбирать трофеи. Сначала так и было, но...

– Всегда есть риск ошибиться, приятель. Почему не вышел на связь, как договаривались?

Итальянец раздражённо мотнул головой, словно прогоняя назойливого слепня. Потом, медленно подбирая слова, объяснил:

— За мной следили американцы, поэтому, как только представилась возможность, я от всего избавился. Но потом решил, что если буду рядом с тем местом, куда ты стремился, то рано или поздно случай представится. Пьетро, сказал я себе, если русский не дурак и не трус, он ещё появится. Всё, что нужно было сделать, это подумать, где ты можешь появиться. Я подал рапорт начальнику службы снабжения, он за определённую плату организовал мой перевод в службу грузоперевозок. Мотаюсь, слушаю людей и смотрю в оба...

— Похоже на легенду, иностранец. Спасает тебя только то,

что среди моих людей нет предателя и о нападении ты ничего заранее знать не мог. Думаю, что ты нас продал, потому и жив, а курсируешь тут по заданию американцев. Я не дурак, тут ты всё верно смекнул.

Лицо Матинелли стало белым. На щеках выступили бисеринки крупного пота. Не похоже, что играет, хотя проверить возможности всё равно нет. Вообще, с нашей последней встречи он не сильно изменился, разве что теперь был одет с большей тщательностью: форменные брюки, куртка подходящей по сезону осенней расцветки, кепи с коротким широким козырьком, на груди выточка с

сержантскими нашивками, правый рукав куртки украшен круглой эмблемой «Блэкстоун». Автомата при нём не было, только у правого бедра пристёгнута пустая сейчас тактическая кобура, совмещённая с ножнами. Пистолет и уже знакомый мне клинок аккуратно лежат на небольшом откидном столике у дальней стены комнаты. Предусмотрительный наёмник заранее разоружился, настолько был уверен в том, что его не станут убивать. Своих он ловко обманул: как только начался кипеш, он побежал следом за старшим наряда, прирезал его, убрал дежурную смену двумя точными выстрелами, а потом стал

дождаться нас. Под моим внимательным взглядом Матинелли чуть поёжился, но всё же страха не обнаруживал слишком явно. Он быстро заговорил, отчего я стал хуже его понимать.

— Поверить трудно... я понимаю, — итальянец глубоко затянулся и выпустил вонючий дым в пол. — Но ещё бы пара дней, и поиски перестали бы быть актуальны, эль Дьябло. Поверь, Пьетро Матинелли предпочитает быть не таким богатым, но живым. Разъезжая по этому дикому лесу, я очень рискую, но ставки с момента нашей последней встречи возросли.

Совокупность жестов,

выражение глаз и мимика лица говорили, что парень либо отличный актёр, либо действительно нуждался в разговоре. Я неопределённо кивнул, всем своим видом показывая полное безразличие и крайнюю степень недоверия:

— Значит опять большие деньги... Где-то я уже это слышал. Цена вопроса?

— Девять миллионов «амеров», транш для погашения задолженности перед всеми службами тылового обеспечения центральной оккупационной зоны. Туда входят премии и проценты по выслуге лет. Всем наёмникам платят наличными, ты же помнишь. Ещё прибавь сюда

премии тем бедолагам, что сейчас гниют на передовой, их тоже не забыли.

Сумму он назвал и впрямь серьезную, однако у меня не было желания рисковать людьми из-за американских денег или светлого будущего отдельно взятого итальянского прощелыги. Деньги надежно охраняют, и второй раз фокус с налётом на инкассаторов не получится. Амеры увеличили довольствие наёмникам, отказались от кредиток... Странно. Может быть, среди оккупантов начинаются первые признаки паники, хотя лично я никакого повода для неё не вижу: они побеждают, наша армия пока

только огрызается, и не факт, что у уцелевших получится достойно ответить. На базу необходимо проникнуть, но денежный самолёт привлечёт слишком много внимания. Поэтому, скорее всего, придётся закончить наше сотрудничество и убрать иностранца прямо тут. Я уже примеривался, как быстро смогу, вставая, дать итальянцу в кадык, а когда он упадёт, просто пристрелю. Важно ударить именно рукой, подсознательно противник всегда в первую очередь следит за оружием.

— Ну не знаю, не знаю, — я уже начал подниматься, готовясь ударить. — Слишком это всё расплывчато.

– Груз с деньгами прибудет на авиабазу десятого октября, поздно вечером, я...

Иностранец точно родился в рубашке. Когда Матинелли торопливо произнёс волшебное слово «авиабаза», я едва сдержался, чтобы сохранить естественность движений. Встав, я намеренно повернулся к наёмнику спиной, чтобы унять радостную дрожь. Когда я снова заговорил, голос мой снова звучал ровно:

– Это всё равно походит на ловушку, однако излагай, что привлекательного есть в этой сделке лично для меня. Сам понимаешь, авиабаза – это не то место, где

можно вот так просто взять полный самолёт бабла и спокойно уйти.

Сказать, что иностранец обрадовался, значит приуменьшить всю гамму позитива отразившуюся на его лице, а от блеска его светлых глаз меня даже замутило. Но впервые за долгие месяцы бегства и гнетущего чувства безысходности я понял, что боги войны услышали мои искренние, хоть и зачастую нецензурные молитвы.

* * *

*Россия, 4 октября 2011 г.
Приблизительно 200 километров от*

г. Углегорск. 08.01 по местному времени. Штабной ЗКП 182-го гвардейского тяжёлого бомбардировочного авиаполка. Временный командный центр Юго-восточного фронта. Командир ударно-тактического отряда фронтового подчинения «Вихрь» ОСК «Восток» – майор Андрей Раскатов. Особое задание, или Почему диверсант не задаёт лишних вопросов начальству.

...Вот уже целые сутки перед глазами стоит закопченный котёл, примостившийся на сложенном из почерневших кирпичей очаге. В нём булькает наваристая густая похлёбка. После месяца непрерывных бросков

за линию фронта понятие «еда» превратилось чуть ли не в миф. Все о ней говорят, многие даже чуют запах, однако никто уже давно ничего более съедобного, чем амеровский трофейный сухпай, состоящий из безвкусной синтетики, не пробовал. Нет, с голодухи бойцы не пухнут, однако поесть нормальной горячей пищи из настоящего мяса и не сушёных, а нормальных свежих овощей никто бы не отказался. Два часа тому назад мы снимали с себя промокшее шмотьё, ребята с чёрными от усталости лицами с усилием заставляли себя осмотреть и обиходить оружие, снаряжение, сменную пару сухой обуви. Группу

уже третий раз за месяц забрасывали к побережью, в район небольшого городка Нельма. В нем амеры развернули ремонтную базу для своих кораблей, однако там пока только ещё велось строительство, судя по всему закладывался большой терминал взамен разрушенного и заражённого радиацией владивостокского. Мы подошли со стороны китайского берега, по договорённости китайские коллеги пропустили нашу группу, даже дали сопровождение и прикрыли высадку, отвлекая нервных американских вояк, выславших наперерез китайскому пограничному катеру целый фрегат. Китайские погранцы

без разговоров развернули на амеров башенку автоматической носовой пушки, те тоже чего-то продемонстрировали, однако же на этом всё и закончилось. Американцы ушли в нейтральные воды, а мы во время суматохи незамеченными высадились на песчаную отмель, с которой под прикрытием прибрежных скал высадились в сорока километрах от городка. Собственно, самого города уже не было — на его месте теперь оплавленная до стеклянной корки пустыня. В первые дни войны, когда амеры ещё на каждый пистолетный выстрел отвечали ракетным залпом, Нельма и соседние с ней Гроссевичи

были накрыты сразу и с воздуха, и с моря. Жители не успели даже понять откуда пришла их смерть, удары следовали один за другим с промежутком в доли секунды, настолько точно был рассчитан первый удар захватчиков. Однако теперь всё было иначе: потеряв Владивосток и не взяв с ходу Сахалин, агрессоры нуждались в морских портах, которые теперь им придётся строить и, соответственно, охранять. Сплошной линии оборонительных сооружений они не строили, оседлав укрепрайонами четыре стратегически выгодных высоты. Подступы засеяли минами, а танкоопасные направления и воздух

прикрывали две усиленные реактивными установками залпового огня артбригады...

— Товарищ майор, «воздух» по закрытому каналу.

Домовой, или по документам старший лейтенант Кузьмин — наш радист, потормошил меня за плечо и протянул узкую полоску бумажной ленты с коротким набором цифр и слов. Чтобы не мешать ребятам отсыпаться, я вышел из комнаты и встал у окна. По привычке расположился так, чтобы света было довольно, но в проёме силуэт не слишком заметен. Всмотревшись в чёрные строчки шифровки, с трудом подавил острый приступ зевоты.

Приказ звучал совершенно недвусмысленно: в течение двух часов прибыть в распоряжение штаба фронта, отобрав предварительно десяток человек для выполнения задачи особой значимости. С минуты на минуту за мной должны были прислать транспорт, поэтому следовало шевелиться. Вернувшись в комнату, я стал собираться в дорогу. Шифровку отдал обратно Кузьмину.

— Старлей, подшей приказ к остальной канцелярии, я один поеду. Фоме скажешь, что он за старшего. Пока нет других приказов, отсыпайтесь.

Накинув поверх «броника» сбрую с подсумками и прихватив с

раскинутого прямо под окном
спального мешка автомат, я, стараясь
не шуметь, вышел на лестничную
площадку и опять же без особого
топота спустился к подъезду.
Машинально пробежался левой
пятерней по клапанам боковых
подсумков: часто перешитые вместо
громкой на разрыв «липучки»
пуговицы начинают хлябать в петлях.
С упряжью всегда проблема: где
прохудится, где обтреплется, того и
гляди останешься без какой-нибудь
полезной в деле штуки. Ветер, уже
по-осеннему прохладный, обдувал
лицо, солнце так и не появилось,
утро выдалось хмурым и туманным.
Непроизвольно проведя по

короткому «ёжику» волос, зацепил пятернёй почти зажившую болячку, которая снова начала неприятно саднить. Ветер выл, гуляя в пустых проемах окон пятиэтажного панельного дома, в котором разместилось всё моё немногочисленное хозяйство: пятьдесят три человека — всё, что осталось от полнокровной роты, отобранной поимённо со всего округа. Война началась неправильно: нас, как потенциально самых подготовленных, перебрасывали на самые горячие участки фронта. Часто мы работали как обычная «махра», без поддержки, и нередко в полном окружении, отсюда и потери...

невосполнимые потери уникальных специалистов. В покинутом жителями доме на окраине небольшого городка Харитоновка, скорее всего, когда-то бывшего деревней, теперь располагалась наша оперативная база. Однако штаб фактически состоял из трёх человек, а сам командир в моём лице мотался по американским тылам наравне с подчинёнными. Вот и сейчас от меня требовали представить десять бойцов, когда в наличии было всего шестеро, вместе со мной. От дороги, чей поворот к дому скрывали буйно разросшиеся берёзы и яблони дикого парка с разломанной песочницей и кривой перекладиной, оставшейся от

качелей, в мою сторону вывернул пыльный БТР. Его продолговатый силуэт тенью чиркнул сначала по полуобнажённым кронам деревьев, потом на мгновение скрылся в низине и вынырнул уже почти рядом с домом. Машина резво взяла невысокую горку и, вписавшись в раздолбанную асфальтовую колею, тормознула в паре метров от того места, где я стоял. Бортовой люк откинулся, и наружу высунулся сумрачный командир экипажа в сдвинутом на затылок шлеме. Подняв на меня усталые воспалённые глаза, он спросил:

— Вы Раскатов из 24-й отдельной? Я капитан Лузгин из

штаба фронта. Садитесь, товарищ майор...

Всю дорогу я провёл в полудрёме, навёрстывая мгновения упущенного сна. Я никогда снов не вижу или, точнее будет сказать, не помню их содержания, просто проваливаюсь и снова открываю глаза, когда надо проснуться. Сейчас я проснулся, когда звук двигателя стал ниже, это означало, что мы проходим в охраняемую зону и скоро будем на месте. Пользуясь случаем, я собрал все факты и события последних четырнадцати дней. Получалось, что за вызовом последует нечто масштабное. Мысли крутились вокруг последних

докладов, поступивших от групп в районе Гроссевичей и Ванино, похоже, начальство не зря гоняет ребят и игра в прятки скоро закончится. Набор задач, которые перед нами ставят в последние две недели, говорит о подготовке чего-то крупного, однако десяток бойцов я им дать не смогу. БТР резко затормозил, капитан откинул бортовой люк, и я оказался у длинной гравийной дорожки, ведущей во внутренний двор трёхэтажного серого здания из красного кирпича. Капитан проводил меня до узкой арки, за которой нас ждал ещё один пост охраны, где внимательный лейтенант с

автоматом на шее проверил наши документы, потом, связавшись с кем-то по телефону, нажал не видимую мне кнопку, и впереди, за отъехавшей вбок толстой бронеплитой, открылась слабо освещённая лестничная площадка. Минут десять мы спускались вниз, пока не оказались на десять метров ниже подвального этажа здания штаба. Потом было ещё два поста охраны и две бронированные двери. Наконец мы вошли в небольшую комнату с ещё одной дверью, возле которой за обычным канцелярским столом сидел офицер, с которым мы находились в одном звании. На спинке вертящегося стула у штабного

висел новенький, но уже побывавший в бою «чебурашка» — АКСУ. Майор зло стучал по клавишам переносного ноутбука, соединённого с какой-то локальной сетью, что было видно по путанице проводов идущих от компьютера куда-то под стол. Услышав шум наших шагов, майор поднял голову от экрана, кивнул и, отпустив моего сопровождающего, сказал:

— Здравствуйте, товарищ майор! Я майор Ларионов, адъютант командующего. Он попросил вызвать вас для личной беседы и примет вас через минуту, подождите пока.

Напротив стола адъютанта, вплотную к стене, стояла вделанная в

пол широкая скамья с обтянутым тёмно-вишнёвой искусственной кожей сиденьем. Я присел, с непривычки не зная, куда деть руки, оставшиеся без оружия, изъятых у меня на первом из трёх внутренних пропускных пунктов бункера. Ровно через пять минут дверь справа от стола адъютанта отъехала влево, и вошли двое — женщина лет пятидесяти и молоденькая девушка, обе в белых халатах, надетых поверх обычной полевой формы нового образца. Судя по манере держаться, это были военный врач и медсестра. Старшая женщина хотела что-то сказать, но, увидев меня, осеклась и, кивнув Ларионову, вышла в коридор,

увлекая молодую девушку следом. Ожил белый телефон внутренней связи. Подержав трубку у уха буквально пару мгновений, адъютант пригласил меня войти. Дверь снова отъехала влево ровно на треть, и я, поднявшись с не успевшей согреться скамейки, вошёл внутрь.

Помещение командного оперативного центра не выглядело просторным: в центре два обычных канцелярских стола, состыкованные в один. Конструкция накрыта тусклым красным сукном, два подноса со стеклянными стаканами и графинами, наполненными водой более, чем на треть каждый. Слева от входа разместились штабисты,

пристально следящие за
обстановкой, отображаемой в
большом цифровом планшете.
Однако же что и как видно не было,
так как с той стороны, откуда я
смотрел, хитрая доска была матово-
белой. Всё помещение освещали
плафоны отбрасывающие на
предметы тусклый, иногда
мигающий, жёлтый свет, скуп
о льющийся с низкого потолка
комнаты.

— Майор Раскатов?

Меня окликнули справа, где
небольшой угол был отгорожен белой
больничной ширмой. Оттуда вышел,
тяжело опираясь на зажатый под
мышкой костыль, невысокий

полноватый человек с коротко
стриженными каштановыми
волосами и пронзительным взглядом
тёмно-карих глаз на бледном
безбородом лице. С неким
волнением я узнал командующего.
Генерала Широкова недавно
назначили на должность, поэтому
ничего особенного я про него сказать
не мог. Бесконечные метания по
американским тылам не давали
времени на то, чтобы как следует
вникнуть в оперативную обстановку
по всей линии фронта. Хотя в то
время никто уже не сомневался, что
остатки войск округа дерутся в
полном окружении, и лишь китайцы
помогают нам, однако я лично

восточным соседям верить не привык. Слишком уж неочевидны и мало предсказуемы их возможные действия, если нас снова погонят, сжимая кольцо вокруг полуразрушенного Хабаровска. Размышления, навеянные тотальной бессонницей и вынужденным ожиданием в приёмной, не помешали мне чётко доложиться по форме. Широков кивнул и, указав свободной от костыля рукой на стул, предложил сесть. Сам он тоже, с той плавной осторожностью, какая характерна для только что начавших вставать выздоравливающих, сел рядом, через два стула. Матовая доска планшета оказалась напротив

нас. Командующий прислонил костыль к краю стола и, разминая кисть, спросил:

— Майор, понимаю всю крайность вашего положения. Знаю, что и людей немного... чёрт, уверен, что их просто катастрофически не хватает. Однако речь пойдёт о задании, выполнить которое можете только вы. Пограничники во все времена первыми встречали врага, первыми пускали ему кровь, а ваши бойцы так и вообще идут в бой впереди самых первых. Поэтому мне важно было побеседовать с вами, рассказать, что поставлено на карту...

Понятно, нас посылают в такое

пекло, откуда вернуться будет непросто. Однако чувство опасности критически притупилось, так бывает, когда постоянно таскаешься из огня да в полымя. Поэтому полученный приказ я воспринял совершенно спокойно, хотя отлично понимал, что это билет только в одну сторону. Широков говорил глухим хриплым голосом, его терзала сильнейшая боль, о чём свидетельствовали мелкие капельки пота над верхней губой, у висков и общая бледность лица. Я понял, смотря в его горящие мрачным огнём глаза, что этот человек с радостью пошёл бы в бой вместе со мной, он хочет и не страшится.

— ...Майор, что вы знаете об «атомных» поездах?

— Это мобильные пусковые установки, курсировали по строго определённым железнодорожным магистралям с усиленной колеёй. После перестройки поезда стояли в точках постоянной дислокации, сняты с вооружения.

Генерал кивнул, потом, вынув из кармана небольшой пульт управления, направил его на матовую поверхность планшета, и на быстро осветившемся экране появилась масштабная карта местности. По обозначениям я понял, что это какой-то железнодорожный узел, а спустя ещё мгновение узнал окрестности

уничтоженного американцами в самом начале войны сибирского города Кемерово. Командующий ещё раз что-то переключил на пульте, и изображение приблизилось ещё больше отобразив участок местности в двадцать квадратных километров. В самом центре появился железнодорожный терминал с ничем особо не примечательным названием «Постниково».

— Поезда всё ещё на ходу, майор, — командующий вытёр клетчатым платком пот с лица. — Однако нас сейчас интересуют не они, а подъездная инфраструктура, под них созданная. Постниковский транспортный узел — это не просто

грузовой терминал, а объект двойного назначения. Американцы используют только уцелевшие развязки и склады, северо-восточная часть узла уничтожена во время очаговых боёв с остатками 539-го железнодорожного полка. Янкесы не смогли выдержать ближнего боя и просто разбомбили укрепившихся на территории терминала железнодорожников. Мы знаем это наверняка, контрразведчики снимали показания с вышедших из окружения, отсюда и подробности.

— Значит, речь пойдёт о сервисных тоннелях, я правильно увидел задачу, товарищ командующий?

– Верно мыслишь, разведка.

Впервые голос Широкова зазвучал чуть веселее, он даже попытался улыбнуться, но вышло не слишком похоже. Боль оказалась сильнее и генерал только и смог, что растянуть губы в подобие усмешки. Быстро взяв себя в руки, он продолжил тем же глухим напряжённым голосом:

– Но нас интересуют не только тоннели, но и очень важный груз, который прибудет на станцию через несколько дней. Это те самые страшные компоненты, которые янки зовут «Плащ Сатаны»...

Мне вспомнилась обугленная стеклянная корка и вплавленный в

неё намертво фрагмент детского черепа с остатками чёрных длинных волос. Сапёр Костя Михайловский минуту катался по земле, мы втроём навалились на небольшого, но жилистого старлея. Амеры были в двух десятках метров, мы еле смогли его утихомирить. Тремя днями раньше он узнал от кого-то из выживших, что во Владивостоке заживо сгорели его молодая жена и две дочки-близняшки Тася и Маша. С тех пор Костя редко говорил подряд хотя бы три длинных слова, если это не было по делу, а в рейде сорвался. Скрепя сердце пришлось его отстранить, он не обиделся, а теперь ушёл к мотострелкам: наша работа

нервов не терпит. Короче, что такое этот «плащ», я знаю очень хорошо. Задание с каждой секундой обретало некую особую привлекательность. Взорвать целый состав этой дряни и всех амеров в округе, это доброе дело. Генерал тем временем продолжал говорить, водя лазерной указкой по карте. Красная точка бежала вдоль сплошного ковра тайги уже южнее станции.

— Ваша задача будет заключаться в следующем, майор. Через десять часов после нашей беседы вы с группой тщательно отобранных специалистов прибудете на аэродром подскока в Рамне, это сорок километров на восток от аэродрома

авиаполка. Там вас будет ждать особый транспорт, который доставит вас в квадрат 23'49, это южнее Постниково. Там есть доступ в сервисный тоннель, который ведёт от станции в затопленные сейчас коммуникации резервного пункта космической связи. Его не достроили и в 89-м взорвали, однако подходы сохранились, и из этого места к станции теоретически можно пройти под землёй. После того, как вы проникнете в периметр станции, ваша задача наблюдать за развязками, ведущими с северо-западного направления.

Петербург американцам с ходу взять не удалось, боеприпасы перебрасывают в том

числе и оттуда. Вагоны спецсостава будут иметь литерную сигнатуру VN90, окрашены вагоны в тёмно-серый цвет, литеры предположительно белые или тёмно-жёлтые. Американцы про двойное назначение станции могут догадываться. Несмотря на то, что про тоннель им скорее всего не известно, идите осторожно. В случайные стычки категорически не вступать, основная цель слишком важна. Дополнительно по возможности выясните подходы к авиабазе под Кемерово, но это только второстепенная цель, главное — это состав с боеприпасами. Вы получите доступ ко всем имеющимся в

распоряжении ставки ресурсам, потребным для операции, любую консультацию по имеющимся у нас данным о «Плаще Сатаны». Этот состав непременно надо уничтожить, майор. Сигнал о выполнении задачи пошлите в эфир незамедлительно. До точки эвакуации необходимо будет добраться в течение трёх часов после сигнала об исполнении задания. Всё должно случиться не позже десятого октября, иначе... Слишком много зависит от того, взорвёте вы эти треклятые вагоны или нет. Не приказываю, понимаю, что задача трудная, однако никто, кроме ваших ребят, тут не управится. Сможете?

— Мы выполним приказ,

товарищ командующий. Так или иначе, состав под разгрузку не встанет.

Когда диверсант получает приказ, он не сомневается, такова наша работа. Генерал только кивнул, лихорадочный блеск в его глазах только усилился, дав понять, что разговор окончен. Он с видимым усилием поднялся из-за стола, я встал следом. Командующий протянул мне руку, мы обменялись рукопожатием. Генеральская ладонь была крепкой и удивительно сухой и горячей. Напоследок он тихо проговорил, словно прошептал молитву:

— Сделай, майор... не могу

ничего сказать более того, что ты уже знаешь. Но поверь, не только за себя прошу. Сделай, как солдат солдата прошу тебя...

...Холод сквозь плотную резиновую прокладку кислородной маски вообще не ощущался. Вокруг царили зелёные сумерки, какие бывают при включенном в пассивном режиме приборе ночного видения. Напротив меня в позе эмбриона сидит опутанный амортизационной сбруей капитан Попов, слева — все остальные, кого удалось собрать. Всего шестеро бойцов, как я и предсказывал ещё тогда, десять часов назад. Аэродром

оказался заброшенным отрезком скоростной магистрали, начинавшейся посреди поредевшего от вырубki участка тайги, но главный сюрприз ожидал нас в начале этой импровизированной взлётной полосы. Ребята даже приостановились, настолько всех нас поразило увиденное. На взлёте, свистя двигателями, стоял «белый лебедь»^{25}, хотя теперь от белизны ничего не осталось: весь корпус самолёта был окрашен в тускло-серый цвет, причём поверхность в лучах заходящего солнца словно бы дрожала, становясь то темнее, то светлей, когда её касались лучи солнца. Нас провели к длинному

контейнеру, более всего напоминавшему раскрытую капсулу. Обе половины имели два противостоящих ряда ложементов с системой привязных ремней. Немногословный техник в чёрном комбинезоне без знаков различия указал нам на стоящий у самой опушки леса грузовик с бронированным кунгом. Возле машины в охране стояли в разной степени готовности десять тяжелооружённых бойцов охраны. Ребята охранявшие грузовик, были прикинуты так, что даже я позавидовал: редкие даже в мирное время бронекастюмы «ратник»^{26}, новейшие автоматы АЕК с

интегрированным обвесом, у троих удобные ковровские ручняки «Барсук»^{27}. В случае чего десять таких бойцов смогут противостоять полуроте американцев, а при соответствующей поддержке погонят и полную сотню. Трое вышли нам навстречу, и старший в шестой раз проверил сопроводительные документы. Бумажки я далеко не убирал, потому что всё вокруг после встречи с командующим напоминало фантасмагорический сон. Изначально я приготовился к длительному рейду на перекладных к линии соприкосновения с американскими передовыми частями. Поскольку наши летуны

редко появлялись в небе и амеры чувствовали себя весьма вольготно, переброска по воздуху стала большой редкостью. Впервые за два месяца войны мы получили полное снабжение по снаряге и выбор оружия, пусть и не слишком богатый. А теперь ещё и такой шикарный транспорт. Мне было дано задание разработать только ту часть акции, которая касалась действий группы после заброски в оперативную зону, та же часть, что касалась заброски, по понятным теперь причинам держалась в секрете. Не мешкая, мы прошли внутрь кунга, где ещё двое техников помогли нам надеть поверх нашей собственной одежды тонкие,

похожие на автомобильные чехлы балахоны из серой прорезиненной ткани. После этого нас снова повели к самолёту, где уже ждал ещё один человек в тёмно-синей лётной форме, но опять-таки без знаков различия. Это был смуглый, коротко стриженный мужик средних лет, с совершенно седой шевелюрой. Единственной запоминающейся чертой можно считать весёлые, с прищуром серые глаза. Крепко пожав мне руку, крепыш сказал:

— Майор, я координатор операции от разведуправления фронта. Зовите меня полковник Маевский. Понимаю, удивлены и всё такое... Не надо беспокоиться,

Андрей Романович, всё учтено. Доставка, сброс и планирование в квадрате высадки происходит автоматически, так что ничего дёргать и нажимать вам не надо. Американцы высадки не увидят и не услышат, квадрат десантирования будет пуст, наши линейные части произведут отвлекающий манёвр, противник будет связан боем на другом участке фронта. Контейнеры с припасами снабжены радиомаяками, работающими на шифрованной частоте ваших индивидуальных коммуникационных станций...

Помолчав немного, Маевский жёстко глянул, и глаза его перестали

улыбаться. Снова сжав мою руку, при прощании он добавил:

— Вы наша единственная возможность, майор. Отдали вам всё, поделились последним. Поезд не должен встать под разгрузку, никак нельзя этого допустить, Андрей...

...В плохих фильмах принято сообщать зрителю, что раз начальство просит, а не отдаёт приказ, матерясь через слово, то дело скорее всего гиблое. Солдат обречён, награда только посмертно и всё в таком духе. Наверняка для людей, не особо вникающих в нашу работу, так оно и есть: пойдёшь к чёрту в зубы и сотвори чудо. Однако разочарую — это не совсем так, вернее

совершенно не так. Дело в том, что специфика разведки такова, что любое задание с точки зрения людей несведущих выглядит как попытка самоубийства или нечто неправдоподобное, чего в природе быть не может. Поэтому к возможной собственной гибели всегда отношусь спокойно, хотя умирать, само собой, не предел мечтаний. Но гораздо страшнее, когда ты жив, а нужный мост не взорван, вражеская ракета успешно стартовала или какой-то американец или там француз в высоком чине продолжает отдавать приказы. Тогда гибнут те, кто в противном случае скорее всего выжил бы. Армия вполне может

победить и без нас, однако всё упирается в цену, которую она за это заплатит. Страшнее смерти для разведчика невыполненное или проваленное задание, потому что это означает бесчестье.

— Десанту — трёхсекундная готовность! — Голос в наушнике прозвучал глухо и отстранённо. — Три, два, один, сброс!..

Никакого рывка, капсула плавно вышла из бомболюка, вздрогнула и начала спуск по спирали. Зашипела кислородная смесь, губы пересохли, голова слегка закружилась, уши заложило. Минут пять-семь ничего не происходило, потом капсулу дёрнуло вверх и влево, это

раскрылись тормозные парашюты. Спустя ещё пару мгновений корпус капсулы сотряс резкий удар, привязные ремни вдавило в грудь, однако тут же сработала автоматика, гася инерцию удара, и замок сам расстегнулся. Вся упряжь опала куда-то вниз, а потолок над головой раскрылся, и в зеленоватом свете «ночника» стала видна узкая полоска неба с яркими точками предрассветных звёзд. Свою «раскладушку» я снял с крепёжной стойки слева от кресла, балахон расползся сам, стоило только провести указательным пальцем по продольному шву на груди, как показал техник во время краткого

инструктажа. Кислородная маска тоже легко отошла, упав куда-то под ноги. Теперь я и мои архаровцы остались в том же прикиде, как и при выходе с базы. Для такой акции всегда следует одеться легко, но, учитывая предстоящий штурм, я допустил определённые компромиссы: все надели «броники»-«тройки», поверх шапок-масок — шлемы с радиогарнитурой короткой связи, кроме того, Клещ тащил на себе комплекс спутниковой радиосвязи. Штука эта полезная, например в момент прохождения над нашим квадратом одного из немногочисленных наших спутников, наша коробка обменивалась с ним

коротким пакетным сигналом. И тут же у меня на специальном дисплее тактического коммуникатора с ладошку величиной можно посмотреть все имеющиеся данные по перемещениям амеров в нашем районе. Дисплей монохромный, изображение схематичное, однако штука вполне надёжная: однажды задней бронированной крышкой мой блок словил осколок мины и даже не поморщился, не говоря уже о том, что железяка не проделала во мне дырку. Ребята уже построились, поэтому я дал отмашку по направлению и все пятеро быстро пошли прочь от раскрытого нутра капсулы. Остался последний штрих.

Найдя прямоугольную панель в корпусе капсулы слева под сиденьем моего кресла, я подковырнул её остриём ножа и, нащупав внутри небольшую кнопку, вдавил её вниз до щёлчка, после чего побежал следом за скрывшейся из виду колонной. Бойцы взяли хороший темп, поэтому догнать их получилось только через десять минут быстрого бега. Не утерпев я всё же глянул назад. За деревьями в зелёном свете «ночника» возникло яркое белое свечение и, продержавшись несколько секунд, так же неожиданно погасло. Осталось только гадать, какой хитрый механизм применили инженеры,

чтобы уничтожить такую махину, рассчитанную на двенадцать здоровых, обвешанных оружием мужиков...

...Света от костра, разложенного в неглубокой ямке посреди землянки, почти не прибавилось. Я сделал из кружки длинный глоток, сладкая вода тонкой огненной змейкой пробежав по пищеводу, протекла в желудок, где и успокоилась. Чай, кофе и прочие роскошества в рейде лучше себе не позволять. Запах может указать не только, где враг, но и подсказать ему, откуда так вкусно тянет напитком, который пьют исключительно люди. Отсидев три часа в секрете возле тропы,

ведущей к заброшенной лет двести назад старообрядческой деревне, я на короткие сорок минут решил позволить себе заснуть. Однако ничего у меня не вышло, поиск подходов к платформе номер двадцать, куда, как мы выяснили, прибудет литерный поезд, прочно занял все мысли. До прибытия смертоносного груза нужно точно знать, как мы провернём акцию. Вот уже четверо суток прошло после высадки, мы излазили весь юго-западный квадрат в поисках альтернативного доступа к терминалу. Все направления оказались надёжно перекрыты, и зона безопасности вокруг станции

составляла в среднем до двадцати километров в глубину. Юго-запад изобиловал старыми полузатопленными выработками, небольшими озёрами и набухшими от постоянных дождей ручьями. Над всем этим высились поросшие чёрной тайгой плоские холмы, патрулировать которые эффективно невозможно. Поэтому мы решили во что бы то ни стало искать подход в периметр именно отсюда, даже если тоннель найти не получится. Пути отхода продуманы, сюрпризы для амеров тоже заготовлены, им точно понравится, однако главная задача осталась решённой лишь частично: вход в тоннель, ведущий на станцию,

всё ещё не обнаружен. А в том месте что указал окруженец-железнодорожник, теперь было глубокое озерцо, образовавшееся после разрыва американской полутонной авиабомбы. Запрос новых планов, возможно, и помог бы, но, по правилам задания, после прибытия в оперативный район шёл только односторонний поток разведданных со спутника, и мы могли передать только условленный сигнал о провале или выполнении задания. Вот уже вторые сутки мы осторожно обнюхивали по сантиметру каждый камень в округе, однако ничего, похожего на горловину вентиляционной шахты

или сервисного тоннеля, так и не нашли. Мы даже ныряли в воронку, но всё без толку: здешние края пронизаны подземными реками и старыми шахтными выработками, бомба угодила в какой-то подземный каменный мешок и теперь на месте выхода — провал, уходящий на более чем стометровую глубину.

Вдруг пламя резко заколебалось, хотя никакого ветра я не почувствовал, сухой холодный воздух стоял в комнате недвижимо. Привычно потянул автомат к себе, одновременно начав привставать, я двинулся влево, чтобы погасить костёр и выйти из землянки через узкий запасной лаз, прорытый в тот

день, когда мы решили сделать деревню своей основной базой. Однако мгновением позже кусок брезента у притоки основного входа в землянку приподнялся, и в комнату скользнула тень. Рефлекс не подвёл, и в следующее мгновение мой палец уже выжал спусковой крючок. Кто бы не вошёл в неурочный час, тяжёлые семимиллиметровые пули моего «калаша» пригвоздят его к стене. К слову сказать, выбор был невелик, и никаких модных игрушек нам в рейд взять не удалось, поэтому все вооружились привычными вариациями комплекса «Лён»^{28}. В моём случае это обычный АКМ,

только благодаря боковому приливу
типа «ласточкин хвост» и
четырёхщелевому узкому
пламегасителю штука почти равна по
точности и удобству слабенькому
АК-74 под нелюбимый «пятый»
калибр. Лично не пользую, и
большинством из старой гвардии
«пятёрка» особо не жалуется. Однако
безотказная машинка на этот раз
осеклась, и боёк звонко щёлкнул в
ставшей почти осязаемой тишине.
Тень безнаказанно метнулась к
костру, и я невольно опустил оружие.
Прямо напротив стояла маленькая
девушка в длинной, до пят, кожаной
рубаше, расшитой разноцветным
бисером. Тонкую смуглую шею

незнакомки отягощало ожерелье из кованых тускло-жёлтых медальонов. Лицо её скрывал толстый кожаный капюшон, тоже покрытый наборной бисерной вышивкой, а на грудь и до колен спускалась длинная, в мою руку толщиной, чёрная, словно смоль, коса. Бирюзовые ленты, искусно вплетённые между прядей, были похожи на узор, проступающий у некоторых видов очень ядовитых горных змей. Бубенчики из тёмной бронзы тихо позванивали при каждом движении. Незнакомка низко поклонилась мне, отчего бубенцы выдали тревожную мелодию, затем, плавно отдёргнув рукава рубахи, обнажила изящные смуглые кисти

рук с тонкими пальцами, острые ногти были окрашены в тёмно-красный цвет. Девушка откинула тяжёлый капюшон назад, и я невольно задержал дыхание. В неожиданно вспыхнувшем ярче свете костра лицо незнакомки осветилось золотистым светом, резко очерчивая чуть вытянутый овал лица. Высокие скулы, аккуратный прямой нос и раскосые чёрные глаза в обрамлении удивительно пушистых и густых ресниц, гладко зачесанные на прямой пробор волосы были иссиня-черными, но я различил и серебряные нити седины, которые как раз подчеркивали крайнюю молодость незнакомки. Оглядевшись,

девушка присела напротив меня, поджав под себя ноги, обутые в изящные унты, покрытые бисерной вышивкой, и произнесла:

— Здравствуй, Андрей. Не бойся меня, ни тебе, ни твоим людям не будет плохо. Я живу здесь неподалёку... Вернее, раньше в пещере под медвежьим холмом был мой дом. Онгоны разрушили его, сейчас там полно воды, а дом утонул.

Всё это было сказано звонким приятным голосом, с лёгким, едва уловимым и непонятным акцентом. Оставив в покое автомат, я кивнул, налил из котелка горячей воды и протянул гостье. Благосклонно наклонив голову, девушка приняла

воду и, отпив небольшой глоток, выдохнула с разочарованием:

– Сладкая вода, нора в земле и постоянная тревога в мыслях. Онгоны, даже самые хитрые из них, всё равно вас не учуют. Они отгородились высокими стенами, поставили всюду мёртвые стеклянные глаза и уши. Чтобы видеть вас, нужно выйти в тайгу, а они боятся выходить, боятся слушать песню леса.

Запустив руку в складки рубахи, девушка извлекла оттуда объёмистый кожаный кисет, расшитый красным и бирюзовым бисером, вынула костяную курительную трубку, покрытую причудливой резьбой.

Затем гостя бестрепетно протянула тонкую руку к костру и, вынув оттуда красный уголёк, поднесла его к чубуку. Я хотел было сказать, что курево нам ни к чему, поскольку на запах могут прийти американцы, но девушка только печально улыбнулась, показав мелкие, удивительно белые зубы меж красивых полных губ:

— Онгоны не услышат этот запах, Андрей. Сиди спокойно, отдыхай и грейся, впереди много дорог и длинная жизнь.

Переборов внезапную немоту, я разлепил пересохшие губы и задал совершенно глупый вопрос, хотя, услышав свой сиплый шёпот, устыдился его:

— К-к-кто ты? Как прошла сигналки и посты?..

Не спеша бросив потухший уголёк в костёр, девушка кивнула в такт каким-то своим мыслям, отчего бубенчики в её косе снова издали печальную нежную трель.

— Я из народа вогулов, живу тут очень давно. Эта земля приютила семью моего отца ещё до того, как белобородые поедатели молока отстроили эту деревню. Имя мне дал отец, когда однажды зимой он пошёл на медведя и не убил его. Рогатина сломалась, рассерженный медведь бросил отца в сугроб и разорвал пополам его верного пса. Отец выхватил нож, но медведь одним

ударом сильной лапы выбил нож из его рук. Отец стал просить богов пощадить жизнь его семьи, и медведь остановился...

Девушка глубоко затянулась, и две белые струйки густого ароматного дыма поползли по землянке, оставляя в воздухе непонятные узоры. Табак имел странный запах, пахло свежескошенной травой и спелой земляникой. Пыхнув трубкой ещё раз, девушка продолжила рассказ:

– Прижав отца к сосне, медведь сказал ему так, что тот понял всё до последнего слова, как если бы Хозяин был человеком. Медведь сказал: «Приведи к восходу новой

луны свою жену, пусть она попросит за тебя, чтобы пропало зло, что теперь между нами». Не смея отказаться, отец вернулся домой и выполнил всё так, как сказал медведь. Но Хозяин не убил жену охотника, а через положенное время родилась я. С тех пор мы не охотимся на медведей, и добыча была всегда изобильна, лес полон дичи, а реки — рыбы. Отец называл меня Кайти, что значит «подарок», но люди потом звали разными именами. Зови меня так, как звал отец.

От дыма у меня в голове почему-то появилась ясность, а усталость как рукой сняло. Я подумал, что было бы неплохо спросить, не знает ли

гостя что-нибудь про подземный тоннель. Сказка у неё вышла хорошая. Однако сейчас полезнее было то, что Кайти местная.

— Кайти, — когда я произнёс это имя, огонь снова вспыхнул ярче, — давным-давно люди вроде меня построили тут подземную дорогу. Ты не знаешь, где можно на неё попасть?

Девушка затянулась и, выпустив струйку дыма к потолку, тихонько рассмеялась, отчего по спине у меня побежали мурашки.

— Ты не веришь сказкам, Андрей, но я не обижаюсь. Много лет прошло, люди изменились, нужно время, чтобы всё встало на

свои места. И всё же придётся поверить, потому что от этого зависит, найдёшь ты нужную дорогу или нет.

— Чего ты хочешь за информацию? Я могу дать тебе продукты, патроны, если надо...

Девушка снова печально улыбнулась и, выбив трубку о ладонь, высыпала пепел в костёр, который, снова вспыхнув белым пламенем, опал вниз и почти погас.

— В другое время я взяла бы всё и, может быть, даже попросила ещё кое-то, Андрей. Но сейчас я хочу обрести новый дом.

— У нас всего три дня, Кайти. За три дня мы тебе хороший дом не

срубим, даже вшестером.

— Ты добрый и честно говоришь, — Кайти еле заметно улыбнулась. — Но это не займёт так много времени.

Вытянув вперёд руку, девушка провела ладошкой над затухающим пламенем костра, и оно, словно притягиваемое магнитом, потянулось вверх за ней. В облаке дыма я увидел давешнюю воронку, а возле самой кромки воды с восточной стороны показался вывернутый из земли белый валун метра два высотой. Камень вывернуло из земли у подножья его виднелись какие-то мелкие камушки, омываемые чёрной водой.

– Выкопай то, что найдёшь, и перенеси на любое высокое место к югу от озера, и хорошо закопай. Подожди немного, и выпадет снег. Ищи у своего порога беличий след, он укажет дорогу к тому, что ты ищешь. Ты согласен сделать то, что я прошу?

– Да, сделаю, но...

– Потом всё сам поймёшь. Прощай, Андрей Раскатов, и спасибо тебе.

Кайти наклонилась вперёд и легко коснулась пальцами моей щеки. Прикосновение получилось тёплым и удивительно нежным, словно бабочка задела щеку крыльями. После этого свет в

землянке неожиданно померк,
откуда-то налетевший ветер
распахнул завесу у дверей, и девушка
пропала, словно её и не было вовсе.
Глухо треснул выстрел, пуля ушла в
стену где и осталась. Всё это время я
давил на спусковой крючок, «калаш»
не осёкся, выстрел произошёл. В
голову пришла шальная мысль, что
между тем мгновением, когда вошла
девушка и вновь пропала, прошло не
полчаса а какие-то доли мгновения.
Однако, отогнав всякие выдумки, я
всё же решил, что видел сон. Встав с
земли и подойдя к выходу, я вдруг
почувствовал, как левый кулак
словно свело судорогой. Разжав
пальцы, увидел на ладони тонкую

косичку с нанизанным на нее бирюзовым и красным бисером. Отбросив попытки рационально объяснить произошедшее, я решил сдержать слово, данное странной ночной гостье, с тем и вернулся назад, чтобы вновь развести костёр.

...Опрос остальных бойцов ничего не дал, никто из ребят не заметил посетившей меня девушки, все сигнальные приспособления остались нетронутыми. Тем не менее, прикинув наши шансы отыскать ход в тоннели самостоятельно, я плюнул на здравый смысл и, отозвав всех, кроме Клеща, сидевшего у тропы в дозоре, отправился к камню, увиденному в

пламени костра. Валун был белый и довольно приметный. Обойдя озеро, я спустился к берегу и начал лопаткой раскапывать землю у основания камня. Ожидая увидеть кости и остатки сгнившей одежды, я вырыл яму почти в собственный рост глубиной. Но всё, что мне удалось найти, это три каменных сосуда, покрытых искусной резьбой и запечатанных какой-то отвердевшей чёрной массой. Ничего, кроме этих горшков величиной с кулак взрослого человека, я не обнаружил. Решив, что занимаюсь ерундой, я всё же пошёл на плоский холм, отстоявший строго на юг от валуна ровно на сотню метров, и под корнями сосны,

покрытой мхом до середины толстеного ствола, зарыл горшки, так и не решившись открыть хотя бы один их них. Всё это время стояла удивительная тишина. Птицы не издавали ни единого звука, даже ветер стих и вокруг стояла совершенно непроницаемая тишина. Более того: неожиданно погас дисплей коммуникатора и выключилась рация. Кому как, а мне стало совершенно не по себе. Горшки я поставил в глубокую яму и, засыпав её землёй, уложил сверху вырезанный кусок дёрна, заблаговременно политый водой из фляжки. Как только я уложил кусок травы и поднялся с колен, с севера налетел

порыв шквалистого ветра. Тугие струи воздуха словно отгоняли меня прочь. Спустившись с холма, я проверил приборы: всё заработало в тот момент, когда я удалился от холма на приличное расстояние и приметная сосна скрылась из виду.

А через час с небольшим погода окончательно испортилась, и с затянутого тучами неба посыпался первый виденный мною в этом году снег. Большими хлопьями он торопливо присыпал землю. Я зашёл в землянку и столкнулся с Фомой, или иначе майором Иваном Фоминых — нашим главным следопытом. Фома сидел у костра и придирчиво осматривал снятый с

ноги правый ботинок. В углу спали трое вернувшихся по случаю первого снега парней: Сима, или наш сапёр капитан Женя Симаков, Жук – старший лейтенант Володя Иверзев, и в самом тёмном закутке, зарывшись в тряпье головой посапывал Мелкий Ворон, наш снайпер-виртуоз старлей Лёша Воронин. Последний как птица мог взлететь на любое дерево, скалу или чердак, однако роста был совершенно не геройского: как и Клещ, он едва-едва дотягивал до нужных по требованиям метра семьдесят пять. Я присел к костру и кивнул Фоме на дверь:

– Снежок, однако.

Мой зам пожал плечами и совсем уж было собрался вернуться к портняжному ремеслу, как неожиданно для меня ойкнул и, бросив всё, кинулся к выходу, попутно пристраивая ботинок на его законное место. Я ничего не понял, однако, тронув за плечо мгновенно проснувшегося Симу, вышел следом. Ветер стих, но снег всё ещё падал в совершеннейшей тишине. Посмотрев в сторону, куда убежал Фома, я, присев на корточки, разглядел, помимо его следов, ещё и редкую стёжку звериного следа. Фома имел слабость, которую я хоть и не понимаю, однако могу уважать — он страстный охотник. О своих

приключениях он мог рассказывать часами, однако вот так рвануть в лес, забыв про всё: это было на него не похоже. Про уговор с Кайти я в тот момент уже позабыл, сейчас произошедшее пять часов назад казалось сном, а вылазка к сосне — просто дуростью. Скоро однако я вспомнил все в мельчайших деталях. Рация ожила и голосом взволнованного Ивана сообщила:

— Фома — Вождю! Справа восемьдесят на северо-восток дорога. Повторяю: дорога!..

В том направлении, куда убежал Фома, мы искали в самый первый день, когда ещё была надежда поднырнуть под развалины. Изрытую

оврагами местность мы излазили довольно тщательно. Тем удивительнее была находка именно тут, да ещё когда выпал снег. Я тихо приказал:

– Вождь принял, жди на месте.

Переключив рацию на общую частоту, объявил получасовую готовность и отозвал Домового с дороги. Если всё получится, мешкать нельзя, нужно лезть под землю. Следы уже запорошило снегом, но я выдержал направление довольно точно и уже через десять минут оказался рядом с оглядывающимся по сторонам Фомой. Увидев меня, он подошёл и начал сбивчиво объяснять:

– Белку я увидел, командир.

Прямо из-под брезента. Сидит и смотрит на меня такая чёрная с рыжим. А глаза такие умные, хвост во! — Фома развёл руки почти на полметра. — Всё забыл, кинулся за ней... Не пойму, как это вышло. Она вперёд, я за ней, и вот сюда под корни и юркнула.

Иван показал стволом автомата на склон заваленного снегом оврага, над которым высилась чёрная сухая сосна. Дерево давно умерло, корни его раздвинули землю, и теперь там виднелась небольшая дыра. Я вспомнил, что мы уже проходили мимо этого дерева раза три-четыре, но ничего похожего не обнаружили тогда. Расчехлив лопатку, я аккуратно

стал расширять края и довольно быстро наткнулся на обломки бетонной стены. Нора расширилась до такой степени, что можно было просунуть внутрь голову и плечи. Вынув из гнезда «разгрузки» фальшфейер, я забросил его в дыру и, подождав немного, сунулся следом. Внутри пахло пылью и ржавчиной, в обе стороны тянулся узкий коридор, слева он заканчивался грудой камней и хода туда не было, однако правый его конец вроде был свободен. Насколько хватало света фальшфейера, коридор плавно уходил на юго-восток и вниз. Беличий след привёл куда нужно. Похоже, сны действительно могут быть вещими,

если это и вправду был сон. Рука произвольно дёрнулась, но края ямы мешали нащупать тонкую косичку перевитую бисером, которую я спрятал в нагрудный карман разгрузки. Высунув голову наружу, я приказал Фоме:

– Собирай всех, приберитесь на базе, и мухой сюда. Похоже, нам немного повезло...

* * *

*Россия, 6 октября 2011 г.
Приблизительно 200 километров от
г. Углегорск. 05.53 по местному
времени. Штабной ЗКП 182-го*

гвардейского
бомбардировочного
Командный центр Юго-восточного
фронта. Главкомандующий
вооружёнными силами России,
генерал армии Алексей Макарович
Широков. Мозаика боя: операция
«Снегопад».

Сегодня сон выдался на удивление крепким, боль в культе почти не беспокоила, отчего голова накануне первого масштабного сражения новой войны была совершенно ясной. Мысли чётко, без усилий формировались в приказы, и это я посчитал хорошим знаком. Все, кроме генерала Примака, снова собрались за столом, только на этот

раз автор замысла генерал-майор Греков и начштаба фронта полковник Пашута были по другую сторону планшета. Там же теперь стоял ещё один, импровизированный, стол, составленный из трёх меньшего размера, их принесли из разрушенного здания штаба полка. Расстеленная на этих столах масштабная карта дублировала обстановку с электронного планшета на случай отключения резервного генератора. По этой же причине из соседнего помещения тянулись кабели линий связи от развёрнутого на поверхности и хорошо замаскированного мобильного передатчика. Греков перебирал кипу

каких-то заметок в истрёпанном блокноте, а начштаба давал указания четверым планшетистам, без перерыва стучавшим по клавишам встроенных в откидные консоли компьютерных клавиатур. Всю эту кипучую деятельность от меня отделяла стена информационной панели. На ней уже развернулась масштабная карта юго-восточной части Хабаровского края. В координатной сетке появлялись красные значки сосредотачивающихся для рывка передовых ударных соединений, но окна видеосвязи с контр-адмиралом Никифоровым и самим Примаком были пока черны, связь должна была

включиться, как только спутник связи войдёт в зону уверенного приёма. Только окошко связи с комкором-два – Афанасьевым было активно. Командир второго корпуса был бледен, что было заметно даже при посредственном качестве картинки. Это его первая большая операция вне компьютерных и макетных симуляторов, поэтому волнение относительно молодого командующего второй по численности сухопутной группировки вполне извинительно, лишь бы это не сказалось на трезвости мышления. Взгляд мой снова остановился на таймере обратного отсчёта, последние

секунды убегали, скоро счётчик показал заветные цифры: 06.00. Взяв со стола тонкий обод радиогарнитуры и закрепив его на голове, я отдал первую команду:

– Василий Палыч, начинайте.

Самого Грекова по-прежнему скрывала панель экрана, однако в коммуникационном окне я видел его круглое красное лицо с нелепо нацепленной на круглую лысую голову гарнитурой связи. Мотнув головой, военный стратег рывкнул дребезжащим баритоном в микрофон:

– Всем мобильным подразделениям атакующего звена и группировкам поддержки, сигнал –

«Снегопад», начать выдвижение!..

В тот же миг осветились чёрные квадраты коммуникационных окон в нижней части экрана, на одном появилась пиратская физиономия «Петра Первого», который был в обычном лётном сером комбинезоне и сферическом белом лётном шлеме:

– Я Воздух Главный, ударная группа «Феникс» к выполнению боевой задачи готова. Оперативно-командная цепь управления включена, приступаю к выполнению боевой задачи!..

Рядом появилась голова в тёмно-зелёном шлеме-капсуле. Несмотря на сильные помехи, я узнал командира 149-й мотострелковой бригады

Нефёдова. Обветренное, загорелое до черноты лицо, тёмно-серые пристальные глаза и светлые выгоревшие прокуренные усы. Этого ни с кем спутать нельзя. Изображение тряслось, комбриг сейчас обосновался в командно-штабной машине, и от передовых частей его отделяло не более полукилометра.

— Я Гранит-Один, к штурму готов. Оперативно-командная цепь управления включена, связь с подразделениями поддержки установлена.

Кодовые обозначения и позывные мы особо не изобретали, взяв таблицу прямиком с последних

общевойсковых учений, проводившихся в округе весной. В крайнем нижнем левом окне появился полковник-танкист. Лицо его от левого глаза к верхнему уголку рта пересекал багровый тонкий рубец от недавно зажившей раны. На лицо танкиста лёг зеленоватый отсвет визира ночного панорамного прицела, он, как и Нефёдов, находился на рубеже атаки. Только его машина стояла в передней линии замерших в полной готовности танков:

— Я Гранит-Два, оперативно-командная цепь установлена, войска поддержки на своих местах.

По закрытому каналу

послышался громкий шёпот, от которого даже мне стало не по себе:

– Я Рубин Главный, командные центры наземных сил противника в заданном районе захвачены. Системы радиолокации и раннего оповещения войск ПВО частично выведены из строя, или контролируются средствами корректировки артогня. Боновые и минные заграждения в квадратах 27, 29 и 31 будут уничтожены по сигналу готовности групп морского десантирования. Радиомаяки для торпедных катеров подгруппы прикрытия установлены. Потерь не имеем. Закрепились на занятых позициях, ждём приказа.

Это значит, что диверсанты уже находятся в распоряжении американцев. И в ближайшие сорок минут на вражеских командных частотах воцарится хаос, а в момент атаки зенитки, миномётные батареи и противотанкисты будут уничтожены. Уцелевшие же окажутся отрезанными от оперативной информации, следовательно, общая эффективность обороны противника резко снизится. Организованного сопротивления враг оказать не сможет.

Греков буднично пробежал белёсыми глазками по экрану и бросил в микрофон, не отрывая взгляда от карты:

– Молот Главный, работайте.

В отдельном окне появилось сосредоточенное лицо начарта майора Епишева. Этот офицер принял деятельное участие в формировании артиллерии фронта, однако так и остался майором на генеральской должности. Парню едва минуло тридцать, однако в данном случае, что называется, имел место недюжинный талант полководца. В частности, он предложил новый принцип формирования артдивизионов в мотострелковых бригадах. Теперь в каждой батарее было не по четыре, а по восемь САУ, их общая численность увеличилась до

тридцати двух. В бригадах практически не осталось открытых безбашенных платформ, кроме ротных миномётных батарей, катавшихся на бортовых грузовиках. Таким образом был достигнут паритет в мощи огневой поддержки, поскольку американцы имели в этом виде вооружений значительный перевес на начало войны. Их самоходки имели больший калибр и расширенную номенклатуру боеприпасов высокой точности, что значительно уменьшало наступательный потенциал наших частей. Реформа назревала давно и, как всегда у нас бывает, произошла на ходу, ценой ощутимых потерь.

Сейчас обновлённые бригады имели вдвое большую огневую мощь, надёжные средства прикрытия в лице приданных им в обязательном порядке двух вертолётных эскадрилий. По сути, мы получили улучшенный вариант американской структуры бригад типа «страйкер». Общая численность такой бригады теперь составляла около двадцати тысяч человек. Начарт был одним из первых, кто не побоялся тяжкой нервотрёпки, и вместе с воюющими сейчас комбригами создал с нуля основную ударную силу нашей возрождающейся армии. Епишев любил свою службу и досконально знал вооружение, поэтому всё у него

получилось так быстро и толково. Не удивлюсь, если он поимённо помнит каждого бойца в расчёте любого орудия или миномёта, стоит только попросить его назвать. Бог войны имел гладко выбритое лицо со здоровым румянцем. Пристальный взгляд голубых глаз, казалось, видит ту точку, куда сейчас будут падать снаряды, послушные его воле. Артиллерия била по высотам, где размещались укреплённые пункты наземной обороны, позиции войск связи и позиционные районы системы ПВО, а также выявленные оперативным путём районы зон отдыха вспомогательных частей.

— Молот Главный принял,

выполняю... Даже под
многометровой толщей бетона я и
все присутствующие почувствовали,
как сотрясается земля. И это
работали всего лишь три дивизиона
новых самоходок «Коалиция СВ» с
непривычным абрисом дуствольной
башни. Из-за суматохи эти новинки
застряли на одном из складов
временного размещения, что, как
теперь выяснилось, пришлось очень
кстати. «Двустволки» обладали
невероятной для гаубицы
скорострельностью, но их грохот по-
прежнему оставался главным
демаскирующим фактором. Нам
удалось стянуть в мощный кулак всю
артиллерию, выведенную из-под

сокрушительного первого удара американцев. Само собой, не хватало обученных расчётов, остро чувствовался дефицит людских ресурсов. Были два дивизиона, полностью состоявших из молодых девушек и женщин, наспех обученных и призванных вопреки всем нормам. В случае провала резервов у нас нет, и, пошатни амеры равновесие хоть на миллиметр, хрупкая конструкция обрушится нам на головы. Стиснув зубы, я смотрел на экран: чернело только окошко где должен был появиться контр-адмирал Никифоров. Рисковать мы не можем, его задача — включиться в бой в самый последний момент,

сейчас его североморцы – это наш туз в рукаве, так же как новейшие истребители генерала Примака. Сглотнув украдкой нервный комок, сгоняя напряжение, я тихо проговорил в микрофон:

– Показать динамику на направлении главного удара.

Изображение на планшете дрогнуло и обновилось, стали видны изменения после нанесённого артиллерией удара. Россыпь красных ромбов тремя нестройными цепочками двигалась по холмистой местности охватывая пространство юго-восточнее Нельмы. Изогнутые вовне дуги американских укрепрайонов, отмеченные синим,

взорвались желтыми всполохами, там сейчас шёл встречный бой. Одна из красных точек мигнула и пропала, потом ещё одна... Чёрт, хреново. Нужно спросить, что там творится:

— Гранит-Один, здесь Крепость — доклад!...

На экране тут же возникла физиономия комбрига Нефёдова, полковник заговорил со мной, попутно грозя кулаком кому-то за кадром.

— Гранит-Один на связи! Артиллерия не полностью подавила огневые точки передовой линии, рота капитана Смирнова попала в миномётную засаду, есть потери... продвижение остановлено. Сейчас

работают приданные мне
«МОЛОТКИ»...

Изображение трянуло,
картинка подёрнулась рябью, и в
динамиках послышался фоновый гул
разрывов. Бригаде были придан
дивизион реактивных миномётов
«Ураган»^{29}, будем надеяться, что
ситуация, и так висящая на волоске,
не рухнет из-за неточности
корректировщика.

— Крепость, «МОЛОТКИ»
отстрелялись, в заданном квадрате
противник уничтожен... Первая
линия прорвана!..

На карте вспыхнули и погасли
синие линии укреплений перед
цепочками наших наступающих

войск. Однако потери в нашем случае недопустимы, люди сами по себе из земли не вырастут. Переключившись на начштаба, я как можно более спокойным тоном приказал:

– Владимир Николаич, выясни, кто корректировал удар в двадцать четвёртом квадрате. Разберись, почему дали неверные целеуказания, и если разгильдяйство – снимай с должности.

Снова приглядевшись я увидел, что войска основной группы, сохраняя темп, глубоко вклинились в американскую оборону, однако к чести противника нужно сказать, пока никто не бежал, янки стойко держали удар. С юга во фланг

наступающим уже заходили синие ромбы, это оживилась механизированная группировка шестой бронекавалерийской бригады. В составе этого подразделения до тридцати танков разного типа, в том числе и модернизированные «абрамсы». Однако пока эффект первого удара держался. Авиация и артиллерия противника работали вяло, сказывалось отсутствие общего руководства. Неожиданно последовал доклад от диверсантов, закрепившихся в районе штаба двенадцатой бригады «Страйкер»:

— Я Рубин-Три, атакован превосходящими силами противника,

запрашиваю дальнейших указаний!..

Реакция Грекова была молниеносна, тут же я услышал его резкий дребезжащий голос. Наш теоретик, казалось, ничего не упускал, словно престарелый колобок, он резво скакал от одного угла комнаты к другому, отвечая сразу по десятку линий оперативной связи:

— Я Бастион-Один, уточните обстановку, Рубин-Три!..

Сквозь гул помех я расслышал звуки частой перестрелки, потом крики и близкий взрыв. Однако голос морпеха на том конце линии был спокоен:

— Четыре БМП «Брэдли», наблюдаю подход трёх орудийных

платформ типа «паладин»^{30}, два полных взвода пехоты, есть тяжёлое вооружение, подтягиваются ещё какие-то черти. Наблюдаю вертолёты поддержки с направления северо-запад. Мы удерживаем комплекс в центре города, противник постоянно атакует, нахожусь в полном окружении. Каналы связи с силами поддержки забиты помехами, не могу связаться с отбойной группой или «позвонить».

– Принял, Рубин-Три, – голос Грекова перешёл на сип, но быстро поправился. – Диктуй координаты, и как только звонок пройдёт, уходите. Точка прорыва – справа пятнадцать, северо-восток, сигнал для опознания

прежний: белый дым. Подтверди, как принял?..

Помехи и стрельба стали чаще, голоса неизвестного морпеха почти не было слышно. Однако через пару долгих мгновений он отозвался, проговаривая быстро цепочки целеуказаний, передающихся напрямую на КП к начальнику артиллерии. Потом последовал взрыв помех, и эфир заполнился статикой. Почти сразу же отозвался начарт Епишев, он обратился к Грекову, голос майора дрожал от напряжения:

— Бастион... Товарищ генерал-майор... Рубин-Три передал свои координаты, он вызвал огонь на себя.

— Так не медлите, Молот!.. —

Греков снова сипел. – Там не дети сидят, раз пластун дал эти координаты, значит счёл нужным. Работайте, чёрт возьми!

Вмешиваться я не стал, тем более, что Греков, по сути, совершенно прав: мы хоть и видим динамику на карте, однако она не даёт полной картины реального боя. Скрепя сердце я переключился на волну группы Чернова, прошло десять минут с начала операции.

– Гранит-Два, я Крепость! Доклад по обстановке!..

Экран, на котором раньше отображалась довольно суровая физиономия танкиста, сейчас был покрыт полосами искажений, за

которыми едва-едва угадывалась кабина боевой машины. Я тронул кнопку смены картинки, и на общей панели появилась масштабная карта с отмеченными сейчас синим портом Ванино и посёлком Советское. Редкие цепочки красных ромбов отображали положение наступающих танков и мотопехоты Чернова. С севера атаку прикрывали две небольшие авиагруппы, которые уже завязали бой с вдвое превосходящими их по численности американскими перехватчиками и довольно многочисленной вертолётной группы. Пока умелым маневрированием и превосходством в вооружении летунам удаётся

удержать воздух над танковыми клиньями чистым. Кто-то дал картинку с одного из немногочисленных наших спутников, и при большом увеличении я смог увидеть картину боя. Маркеры над тройкой танков, летящих по узкой гравийной дороге прямо к позициям расположившегося чуть левее американского укреплённого аванпоста, показывали, что это взвод, находящийся в прямом подчинении Чернова. В наушнике шумела статика, и, не дожидаясь доклада, я переключился на внутреннюю частоту атакующего взвода. И тут же слышался отборный мат командира головной

машины:

– Взвод, делай как я! Следите за целеуказаниями, я, бля, для кого подсветил?!.. Миша, ориентир один – радиовышка, дальность восемьсот!.. Оскольно-фугасным – огонь! «Двойка», полоса огня справа, допориентир четыре – «Белая скала»... Твой сектор обстрела справа, плюс три с половиной!.. Коробочка на фланге, подкалиберным – огонь!.. Разворот, разворот, мать вашу ети!..

Танки рассыпались в цепь, прыгая с холма на холм и непрерывно стреляя. Позиции американцев окутались клубами пыли, что-то чадно задымило.

Справа из укрытия выполз приземистый «абрамс», но одна из наших «восьмидесяток» резво повернулась на месте, пушка коротко дёрнулась, и американский танк замер на месте, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Из дымящейся машины выскакивали люди, от башни «восьмидесятки» потянулась цепочка трассеров, выживших срезало из пулемёта-спарки. Ещё через пару минут взвод утюжил высоту, на которой располагался аванпост, а с тыла спешили четыре наших БМП-2, из десантных отсеков которых горохом посыпались маленькие точки высаживающихся

мотострелков. Рация на командной частоте вдруг ожила, и в коммуникационном окне над разворачивающейся внизу панорамой сражения появилась физиономия Чернова:

— Крепость, я Гранит-Два, прорвана вторая линия обороны. Передовые части вышли на рубеж у наспунктов Чеховский — Храмское. До Ванино осталось порядка сорока девяти километров. Наши потери — две машины и шесть человек безвозвратными, ещё три танка и один БТР после мелкого ремонта вернулись в строй, сбит один вертолёт поддержки, экипаж мы отбили, лётчики целы, едут в тыл на

«таблетке» санчасти.

Почти одновременно с докладом Чернова раздался напряжённый но радостный голос Нефёдова:

— Бастион-Один, я Гранит-Первый... Третья линия укреплений прорвана, противник отступает к пригородным укреплённым пунктам четвёртого пояса. Гранит-Восемнадцать и Гранит-Двадцать три закрепились на ключевых позициях в районе деревни Астахово, перерезано шоссе от порта в город на юго-востоке.

Греков встрепнулся, и я услышал отборный весёлый мат, которым комкор-один выражал степень своего крайнего

удовлетворения происходящим. Впрочем, быстро совладав с эмоциями, старик тут же приказал по общему для обеих групп каналу связи:

— Гранит-Один, продвижение вперёд прекратить, закрепиться на занятых позициях. Янки уже выдвинули в вашем направлении три бронегруппы, усиленные штурмовой авиацией, встречайте!.. Гранит-Два, ваша задача прежняя — маневрируйте, покажите противнику угрозу прорыва к его портовой инфраструктуре! Держись, полковник, Ванино для амеров важнее, на тебя кинут всё, что можно. С воздуха поможем, чем

получится, но... Дай нам полчаса, продержись, прошу тебя!

Неожиданно в разговор вклинился генерал Примаков, летун даже помолодел, так весело в то же время зло прозвучал его голос:

– Воздух Главный – Бастиону!.. Атакующим ордером на юго-восток идёт группа тяжёлых бомбардировщиков противника, их сопровождают два звена F-18 с окинавской базы. Держат курс на позиции группы Гранита-Второго. Расчётное время прибытия – десять минут. «Нимиц» с группой сопровождения выходит из дрейфа в квадрате ожидания и вместе с кораблями сопровождения взял курс

северо-северо-восток! Расчётное время прибытия в заданный квадрат – двадцать четыре минуты.

Ко мне подошёл Костя и негромким голосом доложил дополнительную информацию по обстановке. Во всей фигуре офицера чувствовалось то общее напряжение, поразившее всех в этой комнате, но тот всеми силами старался этого не обнаружить:

– Рапорт комбата береговой батареи «Редутов» с Сахалина. Установки развёрнуты и замаскированы. Как только авианосец войдёт в зону уверенного поражения, они готовы произвести залп. Контр-адмирал Никифоров с

эскадрой, атакующие подгруппы и корабли десанта на пути к районам боевого развёртывания. Они готовы вступить в бой, как только будет снята угроза обстрела со стороны Нельмы.

— Хорошо, Костя, принеси чаю... Только не слишком крепкого и погорячее.

Дымящаяся жидкость почти тут же оказалась рядом, у правого локтя. Высокий латунный подстаканник, гранёные бока... Пожалуй, это всё, что осталось от старых советских времён. Отхлебнув пару маленьких глотков, я задумался над тем, что происходит сейчас там, за сотню километров отсюда, на побережье.

Чернов со своими танками попал меж молотом и наковальней: янки клюнули на обманный финт Грекова и, полагая, что цель нашего удара — это инфраструктура Ванино, обрушат на него все доступные силы и средства. На Нефёдова они просто, образно говоря, цыкнут, попытавшись отбросить его согласованными фронтальными ударами бронегрупп с занятых позиций, однако тут их ждёт неприятный сюрприз. А вот, кстати, и он:

— Гранит-Первый — Бастиону! Противник силами до двух батальонов при поддержке штурмовых вертолётов атакует от

шоссе и восточных окраин наспункта Астахово. Танки противника затеяли дуэль с коробочками Гранита-Восемнадцать!

Тут же картинка на экране сменилась, я вызвал район, где уже минут пять идёт яростная сшибка закрепившихся в уютных американских окопах нефёдовских мотострелков. Пехота заняла позиции на плоских холмах у шоссе и в самой бывшей деревне Астахово, превращённой американцами в довольно неплохо оснащённый укрепрайон. Только вот они не успели им толком воспользоваться, о чём сейчас крепко пожалеют.

Синие силуэты танковых

подразделений противника неожиданно дрогнули, один за другим гасли точки, обозначающие отдельные машины. Дело в том, что во время артподготовки часть систем залпового огня была снаряжена контейнерами дистанционного минирования. В результате получились участки местности, засеянные нашими «гостинцами». И как только атакующие группировки вышли в районы, заданные для ведения активной обороны, контуры минных заграждений встали ровно на тех направлениях откуда удобнее всего было провести контратаку. Приём не новый, однако в таких масштабах его пока ещё никто не

применял. Вновь ожили динамики под потолком комнаты. Послышался искажённый помехами незнакомый голос:

– Я Гранит-Двадцать три! Танки и лёгкая бронетехника противника общей численностью до двадцати единиц, вошли в контуры минных полей, продвижение атакующих группировок остановлено в квадратах десять, одиннадцать и пятнадцать. Пехота противника вошла в сектора пулемётных расчётов, уничтожается кинжальным огнём с флангов. Противотанкисты выдвигаются для флангового манёвра. Расчётное время уничтожения остатков вражеской

бронегруппы – восемь минут.

– Я Гранит-Восемнадцать! Бронегруппа противника, общей численностью до тридцати пяти единиц, вошла в контур управляемого минного поля на глубину пятьсот метров. Лишена манёвра, две попытки выйти из боя или прорваться в северо-восточном направлении провалились. Расчётное время уничтожения – десять минут. Есть попытки сдачи в плен, запрашиваю указаний.

– Товарищ командующий, – обратился ко мне Греков, – как поступим с пленными?

Колебаний и раздумий практически не было: сама суть той

подлой войны, которую затеяли американцы вкупе со своими прихлебателями никаких правил не предполагала. Нас вычеркнули из списков живых, однако по непонятной причине они посчитали, что для нас правила обязательны. Только вот они ошиблись. Замкнув на себя связь так, чтобы меня слышали все, от командиров до рядовых, я совершенно спокойно и чётко произнёс:

— Я главнокомандующий вооружёнными силами свободной России генерал армии Широков! Приказ по войскам и соединениям: солдат противника и военизированных контрактных

организаций в плен не брать. Офицеров и административных служащих допрашивать, после чего в расход. Но без издевательств, кто будет замечен — встанет с янки рядышком.

Закончив говорить я тут же сосредоточился на районе, который уже через считанные минуты окажется под американскими бомбами. Вообще, после грамотной работы артиллеристов и диверсантов американцы смогли нормально использовать едва ли треть авиации, дислоцированной на захваченных в ходе первых недель войны аэродромах и переделанных под взлётно-посадочные полосы кусках

автомобильных дорог. Боги войны основательно расковыряли инфраструктуру, на карте отображались шлейфы дыма и облака пылевой взвеси на месте топливозапасников и арсеналов. Сейчас в воздухе одновременно находилось около сорока машин, но лишь полтора десятка из них реально пытались атаковать нас. Две трети из них — это транспортные вертолётчики, вывозящие раненых и повреждённую технику в тыл. Штурмовики А-10, прозванные «бородавочниками», так лихо поднявшиеся навстречу нашим атакующим танкам, были уничтожены, не успев сделать ни единого выстрела из бортовых пушек

или произвести ракетный залп. Наши ЗРК ещё в прошлом веке показывали многократное превосходство над этими неуклюжими машинами, сваливая их сейчас с недостижимых для последних дистанций. В свою очередь, три звена более лёгких и маневренных фронтовых истребителей Су-25 под прикрытием истребителей не давали амерам развернуть атакующие порядки, выбивая новейшие БТР «страйкер» и модернизированные «абрамсы». Вертолёты «Апач», опять лишившиеся поддержки истребителей, и не имея чётких приказов от уничтоженного командования, действовали исходя из

личных соображений. Вражеская авиация показала полную неспособность противостояния более малочисленной группе наших самолётов, часть которых была восстановлена буквально за пару недель до наступления. Современный истребитель это не фанерный планер, но наши и китайские техники на вновь созданных ремонтных базах справились с проблемой превосходно. Иными словами, сейчас мы с американцами поменялись ролями. Нельзя сказать, что враг бежал повсеместно, многие дрались достойно и, как в случае с подразделением мотострелков

Смирнова, выказывали отличную выучку и хладнокровие. Но в сознании врага произошёл перелом, которого мы с Грековым желали добиться: надеясь на авианосец и его боевую мощь, янкесы использовали любую возможность для отступления. Линия фронта в районе Гроссевичей теперь не напоминала дугу, выгнутую на восток, она превратилась в четыре очага синих пиктограмм, изолированных войсками Нефёдова. Нельма ещё держалась за счёт базирующейся там командной инфраструктуры района и сети береговых укреплений. Однако и там красные ромбы двух ударных групп с позывными Гранит-

Восемнадцать и Гранит-Двадцать четыре уже вышли на юго-восточные окраины города. Кликнув клавишей масштабирования я уменьшил карту района и увидел, что группа синих точек обозначающая «Нимиц» с его свитой всё ближе вползает в Сахалинский залив. Ещё десять минут и авианосец окажется в зоне прямого выстрела для замаскированных береговых батарей сахалинского гарнизона. Тем временем у Чернова дела складывались не блестяще: с севера и юго-востока две его маршевые колонны и авангард, состоящий из двух танковых взводов и роты мотострелков, обходили две броне-

группы. Судя по сигнатурам над
значками, это были части четвёртого
батальона двенадцатой
бронетанковой дивизии
американцев. Наконец-то наладив
управление в самом городе, янкесы
сформировали три взвода лёгкой
мотопехоты усиленные тяжёлыми
танками и двинулись навстречу
«черновцам» быстро подходившим к
окраине Ванино с юга. Значит,
противник решил-таки ввести в бой
основной резерв, и части, скованные
боем тут, не будут переброшены к
Гроссевичам и под Нельму.
Осложнялось положение тем, что
вертолёты прикрытия ушли на
дозаправку, а спустя ещё час

батальон Чернова вообще лишится воздушного прикрытия, так далеко он вырвался вперёд. Артдивизион ушёл пол часа назад. Как же теперь будет не хватать грозного голоса «самоходов»! Танкисту, как и его коллеге, придали новые самоходки «Мста»^{31}, собственно, они-то, вкупе с вертолётами, и помогли Чернову так глубоко вклиниться в американскую оборону. Через шесть часов, лишённая горючего, встанет вся его «броня», поскольку и части обеспечения теперь отрезаны. Однако верный приказу танкист продолжал идти вперёд.

— Я Гранит-Два, авангард вступает в непосредственное

соприкосновение с танками противника, есть угроза окружения второй маршевой колонны. По системе оповещения получена информация об угрозе бомбово-штурмового удара через пять минут!..

Перебивая полковника, в доклад вклинился Примак. Командарм был бледен, синие отсветы легли на его лицо, отчего морщины проступили ещё резче:

— Воздух Главный — Бастиону!..
Спутники связи и управления группировки противника заняли положение в зоне досягаемости для удара. Авианосная группа противника вошла в зону уверенного поражения для ракет береговых

батарей Сахалина!.. Воздух-Семь и Воздух-Три ведут бой с перехватчиками американцев, противник имеет четырёхкратное преимущество, мы едва держимся!..

Я глянул на замершего у планшета Грекова. Профессор военной академии с застывшим во взгляде торжеством чётко проговорил в пространство перед собой, не отрывая глаз от обновляющейся в реальном времени картинки, где отображалась общая обстановка сражения:

— Всем подразделениям Гранита-Два — отход, вы справились, полковник! Тактической группе «Феникс» начать атаку на

спутниковую группировку противника. Эскадрилья прикрытия — предельное внимание, приготовиться к отражению воздушной атаки. Нептун-Два — огонь по готовности, авианосец ваша забота. Гранит-Первый — вперёд, главная цель — дивизион связи в Гроссевичах, второстепенная — береговые батареи и эсминцы прикрытия в порту Нельма!

Напряжение достигло пика, теперь всё зависело только от точности расчётов, но ещё больше, как всегда, лишь от воли случая. Я вызвал на экран карту погоды на одиннадцать сорок утра. Погода на побережье стояла ясная, однако с

северо-востока шёл холодный фронт и скоро мог начаться снегопад, чего лучше бы не случилось. Душу терзала тоска от сознания, что группа Чернова, по сути, отдана на растерзание американцам. Противник вчетверо превосходит измотанных непрерывным движением и боями солдат смекалистого полковника. На карте сейчас отображался юго-восточный квадрат, до пригородных укреплений Чернову оставалось преодолеть буквально считанные десятки километров. Янки разделили силы на три оперативно-тактические группы, в каждой было до двух десятков танков и лёгких бронемашин. На

карте отобразились иконки более чем полутора десятка штурмовых вертолёт, взявших курс на перестраивающихся мотострелков и танковые колонны Чернова. С юго-востока приближался атакующий строй бомбардировщиков, границы синего круга, обозначавшего радиус зоны поражения от бомбоштурмового быстро бежал таймер обратного отсчёта. Логичнее всего было поставить химзавесу и, положившись на скорость двигателей, попытаться уйти под прикрытие зенитного дивизиона, который сможет если не отразить атаку в полной мере, то снизить потери. Но Чернов что-то задумал, и

я до самого конца не понял, что именно — янки глушили дальнюю связь, всё, что у нас было на данный момент — это размытая картинка с уходящего из района спутника. Войска бригады разворачиваясь для фронтальной атаки, тремя группами они ринулись навстречу американцам, попутно выбросив детонирующие подрывные заряды и дымовые гранаты. Теперь между ними и американцами оказалась плотная стена дыма, а также туча осколков от разрывающихся без всякой пользы взрывпакетов. Ещё чуть-чуть, и снова завяжется бой, который станет для Чернова и его людей последним.

– Здесь Гранит-Двадцать три!
Тактическая группа моих
мотострелков при поддержке
танковой роты Гранита
Восемнадцать ворвалась на позиции
дивизиона вражеских береговых
батарей. Шесть установок
уничтожены, две захвачены в
качестве трофеев. Наши потери:
четыре БМП и один Т-80УД. Личный
состав – двенадцать «триста» и три –
«двести».

Слова доклада прошли фоном,
судьба Нельмы для меня была ясна:
бригада Нефёдова ворвалась в город
практически на плечах беспорядочно
отступающих американцев. Видя, что
мы не собираемся щадить

безоружных, часть разбитых вражеских разрозненных групп пыталась обороняться. Но гораздо большее число их бежало к побережью, связисты бригады глушили передачи противника, смысл которых сводился к истерическим просьбам о немедленной эвакуации.

— Я Нептун Главный, — это раздался по громкой связи голос контр-адмирала Никифорова. — Эскадра вышла в район нельмской бухты, десантные суда в сопровождении кораблей поддержки и транспортов обеспечения взяли курс на Гроссевичи и Южно-Сахалинск для взаимодействия с

наземной атакующей группировкой Гранита-Шесть и Нептуна-Четыре.

Однако я всё ещё не отрывал взгляда от окутанных дымом холмов, где только что отбомбились американцы, смешав бригаду Чернова с землёй. Сигнал оттуда прервался, и экран заволокло статикой помех. До хруста сжав кулаки, я заставил себя переключиться на квадрат, где сейчас разворачивалась основная фаза операции. Красные иконки парили в море и вокруг очистившихся от синего цвета кусков береговой полосы вокруг Нельмы и Гроссевичей.

— Воздух Главный — Бастиону!..

«Фениксы» свою задачу выполнили, спутниковая группировка американцев над оперативным районом уничтожена. Связь с авианосной группировкой мы успешно глушим, воздушный флот противника дезориентирован и несёт потери!.. Они бегут... Бегут, суки!

Дальнейшие события стали следовать, перекрывая друг друга с нарастающей быстротой. Рапорты атакующих подразделений слились в единый победный речитатив. Мне с большим трудом удалось вычленить действительно важные доклады, компьютер не успевал отображать на общей карте происходящее.

— Нептун Два — Бастиону!

Авианосец противника поражён второй ракетой в район силовых установок. Корабль потерял ход, наблюдаю сильные пожары в районе верхнего яруса надстроек и взлётной палубы. Акустики сообщают о сильных взрывах в арсеналах корабля, радиоперехват зафиксировал сигнал об эвакуации. «Нимиц» запрашивает окинавский оперативный штаб, просит выслать транспорты для буксировки в ближайший порт. Сообщает о потерях среди экипажа.

Отозвался Никифоров, в голосе адмирала звучало торжество. Я буквально видел, как он сдерживается от обычных в данном

случае «морских» выражений:

– Авиации отсечь транспортные суда от авианосца. Тяжёлым крейсерам «Петропавловск» и «Нахимов» – сосредоточить огонь на группе прикрытия противника. Торпедным катерам выдвинуться для атаки по спасательным судам, препятствовать буксировке авианосца и спасению экипажа!..

Из головы не шли последние слова Чернова, эту потерю я буду помнить, покуда жив. Греков, перемежая обычные слова традиционно крепкими выражениями, молотил блокнотом по краю стола, не отрывая глаз от происходящего на экране. Я

потянулся к стакану с остывшим чаем и сделал пару долгих длинных глотков, осушив стакан. Неожиданно ожил один из запасных каналов связи, хриплый от статики помех далёкий голос заставил всех в комнате замереть от изумления:

— Гранит Два — Бастиону!..
Гранит-Два — Бастиону!..

Прервав собравшегося ответить Грекова, я вдавил клавишу на пульте так, что маленькая пластмассовая коробочка жалобно хрустнула. Но картинки всё ещё не было, окно видеоканала чернело, как и раньше. Кто-то из офицеров связи усилил далёкий голос, а я уже говорил:

— Слышу тебя, Гранит-Два,

говори... громче говори!

— Гранит-Два поставленную задачу выполнил, после перегруппировки движемся в направлении юго-запад для соединения с войсками корпуса. Имеем потери, ведём арьергардные бои, есть опасность окружения... Запрашиваю авиаподдержку, атакован превосходящими силами!..

Не обращая внимания на царящую вокруг суету, я переключился на закрытую линию и вызвал комкора-два Афанасьева. Тот откликнулся сразу, связь была нормальной, искажения лишь иногда взрывали эфир всплесками статики:

— Александр Александрович,

срочно возьмите из резерва Ставки танковую роту вашей 460-й гвардейской бригады и, придав им два взвода мотострелков и эскадрилью ударных Ми-24, направьте в квадрат 35'70. Пусть встретят группу Гранита-Два.

Афанасьев ответил с заминкой: я знал, что это вызовет протест, но, кроме его корпуса, развёрнутого для броска на юго-запад, сейчас просто не было свободных сил. Даже если я прикажу посадить всех медработников и поваров на «броню», в распоряжении штаба останется едва ли сто человек комендантской роты охраны.

— Товарищ командующий, эти

войска прикрывают подступы к командному центру, есть вероятность выброски десанта в расположение авиаполка. Это неоправданный риск, товарищ генерал!

— К чёрту! Выполняйте приказ, товарищ генерал-майор!.. Там сейчас гибнут наши солдаты, их нужно спасти. Янки не станут досаждать вашим бойцам, их достаточно просто пугануть, глубоко вклиниваться они не посмеют. Что до меня, поставьте кого-нибудь другого, генералов вокруг более чем достаточно. Но даже если и высадятся, думаю, вместе вы их одолеете, я тоже просто так в руки не дамся. Всё, хватит

дискутировать. Приступайте без возражений. Сроку вам – тридцать минут.

Афанасьев был, безусловно, прав, однако после всех потерь недавнего времени я не мог даже помыслить о том, чтобы не использовать любую возможность спасти своих людей. Греков и начштаба Пашута в сопровождении только что спустившегося в бункер запылённого начальника артиллерии Епишева вышли со своей половины комнаты и встали напротив меня в ряд по стойке смирно. Греков, теребя в коротких пальцах истрёпанный блокнот в вытертом кожаном переплёте, откашлявшись,

отрапортовал:

— Товарищ верховный
главнокомандующий! Операция
«Снегопад» проведена успешно,
войска и соединения юго-восточного
фронта полностью выполнили
поставленные перед ними задачи.
Береговая линия на участке
Гроссевичи — Нельма — порт Ванино
на 13.49 шестого октября две тысячи
одиннадцатого года полностью
деблокирована. Укреплённые пункты
в районе Ванино взяты силами
отдельного 85-го десантно-
штурмового батальона морской
пехоты Тихоокеанского флота. При
поддержке соединений 145-ой и 239-
ой мотострелковых бригад и 18-й

ударной эскадрильи второго
воздушного истребительного
авиаполка Первой воздушной армии
противник полностью выбит из
близлежащих наспунктов. Силами
оперативно-тактического соединения
эсминцев Тихоокеанской эскадры и
войск гарнизона острова Сахалин
блокада с портов Южно-Сахалинск и
Холмск снята. На остров налажено
поступление с материка
медикаментов, боеприпасов и
пополнений, начато восстановление
островной социнфраструктуры.
Одновременно ударами с южного
направления силы первого ударного
корпуса освободили порт Охотск.
Таким образом весь хабаровский

край и бассейн Охотского моря полностью перешли под контроль Вооружённых сил РФ и тихоокеанского флота России. Воздушное пространство пока не в полной мере нам подконтрольно, однако силы ПВО наращиваются, и небо будет перекрыто в ближайшие десять часов. Противник понёс тяжёлые потери: до пятнадцати тысяч убитыми, более двухсот пятидесяти единиц бронетехники, четыре боевых корабля, включая «Нимиц» и ракетный крейсер «Айова». Также полностью уничтожено двадцать пять транспортных судов, четыре десятка самолётов и вертолётв. Материковая

группировка уничтожена на
восемьдесят процентов, до Окинавы
добралось около двух сотен
выживших. Пока данные уточняются,
патрули вновь созданных комендатур
и отделов внутренних дел
вылавливают тех, кто скрылся.
Интендантские части собирают
трофеи, группы трофейщиков
сообщают о значительном
количестве техники боеприпасов и
обмундирования российского
производства, переправленных сюда
из западной части страны. Всё в
хорошем состоянии, судя по
маркировке, было приготовлено для
отправки в страны Африканского
союза и в Пакистан. Кроме того, есть

внушительное количество техники, оружия и боеприпасов американского, бельгийского, а также французского производства. Сейчас данные всё ещё уточняются, но при этом при нашей нехватке всего на свете ожидается солидный.

В разговор вклинился адмирал Никифоров, части его эскадры вышли на границы российских территориальных вод, по поводу чего он, собственно, и доложил, задействовав канал прямой связи. Я поздравил моряков, а Греков, откашлявшись и укоризненно косясь на сияющую физиономию адмирала в диалоговом окне на планшете, продолжил:

— ...Моряки усиленно

прочёсывают территориальные воды и акватории портов, но существенно картина уже не изменится. Силами войск ПВО отражены попытки воздушных ударов, предпринятых американцами. Уничтожено два самолёта дальней радиолокационной разведки типа АВАКС, прикрывавшие их штурмовики F-22 «Раптор» в бой не вступили. На перехват американцам была поднята эскадрилья оперативного резерва, укомплектованная новыми истребителями Су-35С. От прямых столкновений с нашими перехватчиками янки уклонились. Думаю, они всё ещё в шоке от

поражения, либо имеют соответствующий приказ. В ближайшие десять часов мы ожидаем удара на юго-западе и северо-западе. Там наземные силы противника имеют существенное преимущество за счёт уязвимых позиций войск ОСК Центр и их крайней разрозненности.

Выступив ещё чуть-чуть вперёд, Греков вызвал на планшет масштабную карту западной Сибири. Из его кулака выдвинулся красный луч лазерной указки, и он скороговоркой начал объяснять. Следуя заданной программе, следом за красной точкой узкого луча в западном направлении к синим пятнам пиктограмм американских

войск в районе Новосибирска потянулись красные пунктирные стрелы.

— Задача ударных группировок Второго армейского корпуса генерал-майора Афанасьева будет проста, но всё зависит от погоды. Если сохранится штиль и не выпадет снег, они получают небольшое преимущество манёвра. Это позволит выйти в районы сосредоточения основной группировки оккупационных сил и нанести несколько фланговых ударов по коммуникациям фронтовых соединений. Единственным неприятным сюрпризом может стать «Плащ Сатаны». Если тут мы сумели

верно предсказать истощённость противника и действовать соответственно, то на западном направлении мы имеем дело с полностью развёрнутыми и готовыми к бою войсками, опирающимся на мощную структуру тылового обеспечения.

Я отыскал взглядом начразведки полковника Николаевского, тот выступил вперёд и, тоже воспользовавшись указкой, заговорил. Голос его звучал хрипло и срывался в приступы сухого кашля, но всё же говорил полковник чётко и понятно:

— На линии Прокопьевск — Кемерово — Томск и на

Новосибирском направлении в данный момент действуют сорок три диверсионных группы глубинной разведки фронтового подчинения. Также активно работают в оперативных тылах противника наши разведчики восьмидесяти различных частей, находящихся в соприкосновении с войсками Коалиции. Однако корпусные, бригадные и ротные разведгруппы действуют исключительно в интересах своих частей, устойчивого взаимодействия между ними и отрядами глубинной разведки нет. По последним данным, янки усилили снабжение боевых частей, идёт активное пополнение личного

состава и разгрузка техники. Группа майора Раскатова вышла на связь менее десяти минут назад, они успешно осуществили инфильтрацию и сейчас приступают к выполнению основного задания. Группа сообщает о непрерывной активности на железнодорожных коммуникациях, в сторону военной базы «Нью-Нортвуд» идёт большой грузопоток с западного направления. Это подтверждают данные космической группировки и авиаразведки. Таким образом Раскатов подтвердил сведения, уже имеющиеся в распоряжении Главразведуправления фронта. Американцы готовят контрудар, как

мы и предполагали. Но, как обычно, основной упор в планировании делается не на наземную составляющую, а на авиацию и реактивную артиллерию. Наступлению будет предшествовать мощный комбинированный ракетно-бомбовый удар по нашей юго-восточной группировке и разворачивающимся на юге силам корпуса генерал-майора Афанасьева.

Инициативу снова перехватил Греков, а начразведки попросил разрешения уйти, этот немногословный ракетчик прибыл вместе с небольшой группой подчинённых на захваченном в бою американском «страйкере». После

проверки выяснилось, что они отступили после того, как месяц обороняли расположенный под Красноярском законсервированный объект космической связи, но, как только кончились боеприпасы, демонтировали часть оборудования и прорвались в расположения тоже отступавших мотострелков и железнодорожников. И это благодаря Николаевскому мы сейчас имеем полный контроль над остатками спутниковой орбитальной группировки. Электроника, которую он спас, была важным компонентом именно для нашего недостроенного ЗКП тут, под Углегорском.

Греков продолжал:

— ...Таким образом, операция «Снегопад» вступает в заключительную фазу, где главная роль отводится корпусу генерал-майора Афанасьева, и в немалой степени расчёт генштаба строится на той глубокой модернизации, которой подверглись соединения Второго корпуса. Войска там свежие, отдохнувшие и полностью укомплектованные по новому штатному расписанию. Теоретически, мы имеем паритет с американцами, однако противник опытнее нас, части западной группы войск имеют мощный резерв, состоящий из наёмников контрактных организаций, а также

частей войск Коалиции. Наш резерв весьма ограничен, и большей частью это недоукомплектованные части только-только формирующегося Третьего армейского ударного корпуса. Пока они имеют четверть от штатного состава, ввести их в бой мы сможем только через три недели, и то частично. Наша сила только в маневре и внезапности, действуя в обороне мы проиграем. Успешно опробованная активно-оборонительная тактика ещё один неприятный сюрприз для янки, но всё решит бой. В какой-то степени мы можем рассчитывать на помощь войск ОСК Запад, однако силы их крайне истощены. По последним

сводкам, американцы прорвались к Туле, лишь час назад прорыв удалось ликвидировать.

Западная группировка воюет практически без авиации, боепитание и продснабжение частей крайне скудное. В тылах полно банд местных и пришлых мародёров, активно действуют американские и норвежские диверсионные отряды. Без нашей помощи ОСК Запад и остатки ОСК Центр перестанут существовать через шесть, максимум восемь суток. У меня всё, товарищи.

Неожиданно боль в культе, затаившаяся ненадолго, вновь ринулась в мозг. Привычным уже усилием мне удалось справиться с

приступом и, кивнув Грекову, ровным голосом сказать:

– Хорошо, товарищи, благодарю всех вас от лица страны... нашей Родины. Есть ли уточнённые данные по боевым и не боевым потерям?

Голос подал начштаба, Пашута откашлялся и чётким, но удивительно тихим голосом начал излагать цифры, каждая из которых вонзалась в сердце острой занозой. За прошедшие восемь часов мы потеряли три эсминца, шесть торпедных катеров, более шестидесяти танков и двадцати пяти бронемашин разного назначения, четверть боеспособного самолётно-вертолётного парка. Но самое

главное — это же две тысячи
восемьсот три человека из состава
обоих корпусов, четыре сотни из
которых были ополченцы и просто
добровольно вызвавшиеся помогать
армии простые граждане, не секрет,
что большинство из них женщины и
подростки.

В разговор вклинился голос
одного из командиров частей
внутренних войск, картинка на
планшете за спиной начштаба
изменилась. Возникла подробная
карта Шантарских островов, вызов
пришёл от комроты 385-й бригады
внутренних войск. Он, судя по
координатам, находился на недавно
очищенном от американцев острове

Сахарная Голова. «Вованы» активно помогали при зачистках, поэтому я не особо удивился вызову, но мне стало тревожно от той срочности, которая привела к нарушению протокола. Связь держалась устойчиво, помех почти не было. Лицо безусого парня с капитанским шитым шевроном на верхнем срезе бронежилета было очень бледным, глаза смотрели пристально. Шлем-капсула, обтянутый полимерным чехлом «лесной» расцветки, придавал юноше немного несуразный вид, поскольку был ему слегка великоват.

— Я Базальт-Двадцать Шесть!.. Срочно, «ракета» Крепости!.. По

рапорту Гранита-Тридцать Четыре была с особым вниманием прочёсана северная оконечность острова Сахарная Голова. Обнаружены строения, по виду лагерь для военнопленных, вроде того что под Нельмой...

Голос парня прерывался, он с большим трудом сдерживал эмоции, природа которых пока была не ясна. Камера дрогнула, план сменился, и вместо лица офицера мы увидели сетчатую ограду. Всего было три таких линии ограждений, затянутые сеткой рабицей, с протянутыми поверх между белыми металлическими столбами колючей проволокой. Оператор показал нам

одну из вышек с пулемётом, опустившим ствол в землю, на турели обращённым внутрь периметра. Затем пошли три ряда длинных бараков с плоскими крышами, собранные из железных щитов. Все здания в лагере были выкрашены в ярко-белый цвет, после штурма кое-где виднелись следы копоти. Офицер продолжил доклад:

— Охрана состояла из взвода наёмников, все носили форму без опознавательных знаков, дрались отчаянно, пока мы БТР не подогнали. В плен никто не просился... Ну, теперь-то ясно почему. Тут держали только детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет.

Картинка снова дрогнула, поплыла дальше, мы прошли ко второму ряду ограждений, уже внутри лагеря. Снова белые домики, всего числом шесть. Когда камера заглянула внутрь одного из них, мы увидели операционную, полную всякого медицинского добра. В центре комнаты располагались два операционных стола, на одном из них лежала груда густо испачканных чем-то бурым простыней. Голос капитана продолжал комментировать:

— Живых детей мы нашли только восемь душ, два пацанёнка шести и двенадцати лет, шесть девочек от пяти до десяти лет. По словам

ребятишек, они прибыли сюда трое суток назад, до этого их держали в разных местах. Трое из-под Владивостока, один из Усть-Камчатска, остальные все кемеровские. Их отлавливали на дорогах, некоторые жили в лесных стихийных поселениях, пока голод и похолодание не выгоняли искать еду на руинах. Там работали наёмники, дети говорят, что многие хорошо говорили по-русски. Мальчик из Усть-Камчатска рассказал что он видел трупы большого количества гражданских, взрослые сказали, что умершие ели продукты и пили воду, сбрасываемые из самолётов. Похоже на бактериологическое оружие или

медленно действующее ОВ. Все дети – из уцелевших беженцев, родителей отравили газом в лагерях побольше, где точно – дети не могут сказать. Ещё, по словам старших ребятишек, те, кто был тут до них, дольше недели в бараках не задерживался.

Камера снова поплыла куда-то вбок, и мы увидели во дворе два огромных промышленных рефрижераторных бокса, тоже белого цвета. Энергия сейчас была отключена, но когда оператор с капитаном вошли внутрь, картинка затуманилась от облаков пара. Как только она прояснилась, я сквозь пелену душащих приступов ярости увидел то, что подспудно боялся

обнаружить: штабеля контейнеров для перевозки органов. Изображение снова сменило план, и мы увидели ещё одно здание, небольшое, с характерными для промышленных печей дымоходными трубами. Чуть поодаль стояли мусорные баки, до краёв наполненные тряпками, в которых, приглядевшись, я распознал маломерные куртки и штаны оранжевого цвета, какие носят заключённые. Голос офицера снова комментировал то, что, застыв в немом ужасе, наблюдал весь штаб, включая планшетистов. Казалось, всех нас парализовало смятение, несмотря на то, что каждый за последние месяцы успел

насмотреться и пережить достаточно страшных моментов.

— В баках одноразовые тюремные робы, пока мы не считали количество комплектов. Само собой, это только последняя партия, остальное тоже сжигали. Таких полевых крематориев в лагере четыре штуки, дальше вертолётная площадка. «Борта» шли непрерывно, курсом на Окиनावу. По словам морпехов из штурмовой группы, последнюю грузовую «вертушку» час назад они сбивать не решились, думали, что там наших везут...

Это был непрерывный конвейер, фабрика по извлечению донорских органов. Переборов эмоции, как

можно более ровным голосом я приказал:

– Крепость – Базальту-Двадцать Шесть. Капитан, возьмите периметр в кольцо, охраняйте место преступления, к вам уже вылетают сотрудники военной прокуратуры, покажите им всё, задокументируйте каждую мелочь.

Повернувшись к начштаба, тоже пребывавшему в состоянии шока, я распорядился, выведя Пашуту из оцепенения:

– Срочно снимите лучших следователей и криминалистов, пусть займутся этой «фабрикой». Также найдите толковых журналистов в пресс-центре. Нужно

сделать фильм и показать в войсках, чтобы совесть никого не мучила.

Ещё какое-то время мы обсуждали выравнивание фронта на западном направлении, однако скоро боль, усиленная стрессом от последних событий, стала совершенно невыносимой. Костя вызвал суровую докторшу Валентину Степановну, а у меня не было сил сопротивляться двум офицерам связи, которые унесли за ширму моё ставшее вдруг тяжёлым и непослушным тело. Голова налилась свинцовой тяжестью, отросшая за день щетина с ощутимым хрустом карябнула крахмаленную ткань подушки. На сон мне теперь

полагалось два часа, а потом снова к столу, чтобы попытаться нащупать в лабиринте неверных решений тот единственный путь, который ведёт к победе. Снова виделся журавлиный клин, в полном молчании пролетающий над замусоренной плоской крышей офицерского общежития. Может быть, это теперь добрый знак, может быть, теперь хорошие новости приходят только в полной тишине? Пусть так, лишь бы только знак действительно оказался добрым.

* * *

Россия, 7 октября 2011 г.
Приблизительно 300 метров от 19-го пути ж/д терминала Постниково 05.31 по местному времени. Зброшенны́й сервисный тоннель, северо-восточная галерея, уровень шесть. Командир разведывательно-диверсионной группы глубинной разведки фронтового подчинения ОСК Восток, позывной «Вихрь-4» — майор Андрей Раскатов. Диверсия.

...Темнота не имеет цвета, она скрывает все предметы, оставляя тому, кто тшится что-то в ней разглядеть, только скупой набор запахов. Я ощущал полутона ржавого железа, крошащегося бетона и пыли. Но всё перебивал едва ощутимый

аромат старой хвои и листьев, которые сюда занесло ветром. Значит, впереди выход на поверхность, и снаружи опять идёт дождь. Кто-то, мало знакомый с подземельями, скажет, что стоит влаге хоть раз попасть под землю, там вечно будет сыро и влажно. Но это не так: бетон, земля и корни растений, пробивающихся сквозь любые преграды, выпивают всю воду, оставляя лишь лёгкий намёк. Затопленные участки тоннелей остались далеко позади, мы с большим трудом миновали их благодаря мощным химическим осветителям, без которых я и Фома однозначно бы сгинули, а остальным

пришлось бы повернуть обратно. Секунды складывались в минуты, минуты перетекали в часы, Фома вышел на доразведку три часа назад, до конца контрольного срока осталось полчаса. Плавный ход мыслей прервал отдалённый шорох, потом впереди мигнул красный узкий луч фонаря. Ну наконец-то... Напротив опустился Фома, лохматая накидка и особенно капюшон следопыта, все блестело от водяных капель, осевших на ворсе. Откинув с лица маску, Иван доложил:

— Есть ход на поверхность, подступы не охраняются. Там три огромных горы щебня прямо внутри периметра, видимо, янки сгребли

сюда весь мусор, оставшийся после взятия узла под контроль. Свалка отгорожена от основной территории сеткой, камера только одна — стережёт ворота, через них вывозят остатки строительного мусора. Судя по следам протекторов, не чаще двух раз в сутки. На двадцать метров кругом я не нашёл ни мин, ни сигнальных устройств, часовых тоже нет, но ходит патруль. Всё стандартно: три человека, собак нет. Верхушки куч скрыты, но для Ворона позиция вполне подходящая, подходы к путям просматриваются нормально. Можно пройти через ворота, когда патруль возвращается в периметр, или идёт на свалку.

Постоянного поста там нету, старший смены просто сигналиит в камеру рукой, и оператор дистанционно открывает ворота. Замок магнитный, отпереть проще простого. Предлагаю жёстко пройти. Гасим патруль, а потом проходим внутрь в их накидках, даже переодеваться нет нужды.

Как и предполагалось исходя из рассказа окруженцев, амеры просто понадеялись на мощь своей артиллерии. Янкесы посчитали вопрос с отступавшими под землю железнодорожниками решённым, а про сохранившийся лаз не знали до сих пор. После странной истории с туземкой я был рад ещё одному

полезному сопутствующему обстоятельству. Включив на тактблоке подсветку, я вывел расположения путей и складских пакгаузов. Сейчас наше положение относительно места диверсии отстояло на восемьсот метров к северо-востоку. Согласно плану, отходить предполагалось через юго-восточные окраины терминала, где, судя по спутниковым снимкам, только ещё велось приготовление к строительству. Три больших котлована, два десятка складов и открытых площадок хранения со штабелями железобетонных балок и профильного литья. В этом лабиринте можно совершенно

скрытно подойти к внутренним сооружениям охранного периметра, пока будет бушевать стихия, ведь компоненты «Плаща» рванут серьёзно, в этом сходились все опрошенные мной перед выходом эксперты.

Шесть противотранспортных мин, усиленных дополнительным кумулятивным зарядом, совершенно точно пробьются к вагонам с боеприпасами. Чтобы уйти, у нас будет всего десять минут. Пока идёт подготовка к разгрузке состава, после этого всё будет зависеть только от точности расчётов штабных спецов. Ещё раз сверившись с планом, я дёрнул три раза за трос,

которым были обязаны все, кто шёл следом. Отстегнув свой конец и почти не шурша бетонной крошкой, устилавшей невидимый сейчас пол тоннеля, ко мне подошёл Мелкий Ворон. Я набрал соответствующую комбинацию цифр на своём коммуникаторе, и блок Воронина тихо пискнул.

— Мелкий, ты идёшь вперёд, страхуешь Жука и Симу. Найди хорошее гнездо с таким расчётом, чтобы бить на два сектора. Если Жук и Сима спялятся раньше времени — держи «крупняк» и группы захвата ровно три минуты, потом уходи. У тебя отмечены три маршрута: основной и два дополнительных.

Сейчас тихо шурши вперёд, как осмотришься и устроишь гнездышко, дай знать, начнём работать по твоей команде.

Последним мимо меня прополз самый молодой из нас – старший лейтенант Станислав Ярцев по прозвищу Клещ. Фигура его словно состояла из лёгких обрывков тени, настолько тихо парень перетекал из одного положения в другое. Не отличаясь выдающимся ростом, Стас обладал невероятной физической силой, спрятанной в совершенно заурядную оболочку. До нашего стандарта Ярцев едва дотягивал – едва-едва набрал сто семьдесят пять сантиметров роста. С огромным

трудом мне удалось его отбить у
начразведки одной из фронтовых
артчастей месяц назад. Тогда ко мне
прибежал Фомин и рассказал почти
былинную историю о непонятном
последователе Чингачгука. По
словам заместителя, неделю назад
артиллеристы отправили в тыл к
амерам группу с целью уточнения
пристрелочных координат, но она на
третий день замолчала, видимо,
нарвавшись на засаду. Послали ещё
людей, и те вернулись с
доказательствами гибели
разведчиков. На том всё бы и
кончилось, но через семь дней в
расположение появился молодой
лейтенант — заместитель командира

погибшей группы разведки. Парень принёс жёсткий диск, выданный из американского тактического компьютера, и две связки подкопченных, чтобы не портились, указательных пальцев, нанизанных на медную проволоку. Всего пальцев было двенадцать, и к каждому прилагались американские же посмертные бирки с личными номерами. Ярцева опознали только спустя сутки, до этого парень просто молчал и на все вопросы только качал головой. Но, как ни странно, крышу ему не снесло, после трёх дней в хабаровском госпитале он начал говорить. Рассказ получился короткий: группа попала в засаду, её

прижали кинжальным пулемётным огнём с трёх сторон, а потом добили из миномётов. Ярцева отбросило взрывом и сильно контузило, забросав землёй, только поэтому его и не обнаружили американцы, когда пришли досматривать трупы разведчиков. Провалившись в беспамятстве сутки или около того, Ярцев вспомнил задание и стал искать миномётную батарею, к которой их отправляли, но вместо этого набрёл на расположение отделения какой-то пехотной части. Амеры разбили лагерь на группе холмов, видимо, обустроивали новый пункт обороны, но всё это Стас узнал уже потом. Сначала, лейтенант,

дождавшись ночи, пробрался в расположение американцев и, сняв часового, забрал у покойника нож. Стас показывал этот клинок: воронёная сталь, карбоновое покрытие, пятнадцатисантиметровое лезвие и шероховатая рукоять с односторонним ограничителем. На следующее утро из двух палаток, где ещё вчера уснуло шестеро амеров, никто зорьку встречать не вышел. Потом приехали другие. Вытащили трупы, осмотрев, нашли, что у каждого из покойников нет указательного пальца на правой руке. Но оружия разведчик не тронул: как он нехотя пояснил, шумной мести не хотел. Амеры уехали и вызвали

авиацию. Только вот Стас пошёл следом за ними, и «вертушки», а затем и миномёты отработали по многострадальной тайге совершенно напрасно. Лейтенант отыскал расположение миномётной батареи, и в следующие трое суток амеры потеряли ещё двух солдат, пару капралов, одного сержанта и одного старлея. Мало того, офицера разведчик заставил перед смертью показать, где лежит его тактический компьютер и собственноручно извлечь из него жёсткий диск. Целиком чемодан Стас тащить не решился, поскольку амеры снарядили на его поиски внушительную партию с собаками и

беспилотниками в качестве воздушного прикрытия. На вопрос, как же ему удалось уйти, Ярцев только пожимал плечами и отвечал: «Повезло, наверное». Хлопнув Клеща по ноге, я знаком приказал ему задержаться. Сев рядом, Стас вопросительно дёрнул подбородком. Подсвечивая на экран коммуникатора, я шёпотом начал излагать нашу с ним общую задачу:

— Клещ, мы с тобой страхуем Жука и Симу. Мимо пешего патруля им с грузом не пройти, поэтому, как только Мелкий даст отмашку, что обустроился, мы с тобой встречаем амеров у двенадцатого склада, вот они в ряд друг за другом. Место там с

вышек не просматривается, камеры смотрят на участок справа от северного угла здания, но патруль там будет только шесть-десять секунд. Наша задача — захватить караульных до того, как они выйдут под камеру. Их трое, я работаю среднего, ты головного, а Ворон валит старшего наряда, который замыкает. Работаем, как всегда, по выстрелу Мелкого, тут без изменений.

Ярцев посмотрел на меня своими внимательными карими с рыжиной глазами и кивнул. Вообще, после того «индейского» похода его бывшие сослуживцы отмечали сильные перемены. Нет, парень и

раньше был не душа компании, но хоть общался нормально. Однако врачи в Хабаровске никаких, учитывая обстоятельства, серьёзных психических отклонений не выявили. Стас пополз вперёд, я подался следом, чуть приотстав. Поверхность встретила нас резким холодным ветром, тяжёлым от влаги пробрасывающего мелкими зарядами дождика. Низкое серо-свинцовое небо едва не задевало верхушки мусорных куч, из-под основания одной из которых мы осторожно выбрались. Лавируя между слежавшимися в плотную массу кучками битого кирпича вперемешку с землёй и осколками шифера, мы с

Ярцевым обошли вокруг одну из трёх мусорных гор, которая была выше остальных и прикрывала нас от взглядов дозорных, расположившихся на вышке метрах в трёхстах справа. Ступая по крутому склону и сторожась осыпей, мы двинулись вправо, где гора распадалась на два длинных хребта. По ложбине мы проползли ещё метров сто, пока в наушнике у меня не послышался шёпот Ворона:

— Мелкий — Вождю!.. Вижу гостей справа пятьдесят от вашей позиции. Рандеву четыре-пять.

Ползший впереди Клещ дал отмашку рукой, что мол, слышу, и указал на видневшийся слева впереди

узкий карниз, давая понять, что поднимется на него. И опять я только подивился, как ловко он вскарабкался по едва наклонной стене и замер на узком отрезке бетонной балки, которая нависла над извилистой тропой. Я укрылся в небольшой канаве, тоже с левой стороны тропинки, с таким расчетом, чтобы напасть на своего «крестника» с тыла. Лёжка получилась нормальная: тропа просматривается в обе стороны на десять метров, а из-за накидки меня можно разглядеть разве что наступив, накидку я щедро извалял в земле, так что риск быть обнаруженным минимален. Ворон не

ошибся, и янки появились ровно через четыре минуты после его доклада. Три фигуры в тёмно-серых, почти чёрных от влаги плащ-палатках неспешно прошли мимо, даже не взглянув по сторонам. Видно, что ребята не в восторге от своей службы, небрежный формализм сквозил в каждом их движении. Чем дальше американцы отдалялись, тем выше я приподнимался из канавы, готовясь к броску. Для тихой работы я пользуюсь трофейным английским кинжалом с обоюдоострым лезвием. Поверхность кинжала покрыта серым полимерным напылением, благодаря которому клинок особо не

загрязняется, не бликует, и заточка
обеих кромок держится чуть дольше.
Я перехватил нож кромкой так,
чтобы сразу пробить ткань кокетки
защитного комбинезона и артерию
на шее патрульного. Вот уже они
отошли на пару метров, вот на
четыре... Выстрел снайпера мы не
услышали, Ворон работал из
глушенного «ствола», замыкающий
без единого звука стал оседать на
землю. Что ни говори, а старушка
СВД [{32}](#) всё ещё вне конкуренции. Не
зря Мелкий возился со своей
винтовкой круглые сутки! Парни
говорили, что часто слышат, как
Ворон разговаривает с ней, словно с
девушкой. Правда, он таскает в рейды

укорот со складным прикладом и «тихарём». Однако на работе это особо не сказывается: дырка в башке амера есть, крови пролилось самый чуток. Труп ещё не коснулся коленями земли, а я уже ринулся вперёд и, зажав едва дёрнувшему головой американцу рот ладонью левой руки с накрученной на неё тряпкой, точным движением вогнал клинок ему в шею. Он засучил ногами, но длилось это коротких два удара сердца. Краем глаза я видел коронный номер Стаса, за который тот и получил прозвище Клещ. Едва уловимая тень оторвалась от стены, и вот уже фигура в лохматом комбезе приземлилась на плечи головного

амера. Ноги разведчика надёжно прижали локти жертвы к туловищу, и, давя своим весом, Ярцев вынудил патрульного повалиться на землю. Руками Клещ намертво обхватил лицо и шею американца. Как только тот рухнул, я расслышал глухой хруст: жертва сама под давлением собственного веса свернула себе шею. Захват прошёл гладко, как и в большинстве случаев. Порядок снятия часовых всегда строится таким образом, чтобы противник не успел среагировать на опасность, грозящую товарищам, и не смог пустить в ход вбитые на занятиях по «рукопашке» рефлексy.

Дальше всё пошло по

стандартной схеме: американцев раздели, особо ощупав нарукавные швы курток и продольные плотные швы штанин. Для опознания системами слежения своих на поле боя и при поисках трупов около пяти лет назад в НАТО ввели систему опознания по радиоимпульсу, который излучает микроволокно, зашитое в одежду. Сигнал слабый, но теперь можно получать чёткие сигналы от пехоты, чтобы не зацепить её при бомбёжке или артобстреле. Можно и тело найти, если, опять же, знаешь, что искать. Камера у ворот, конечно, такой сигнал не ловит, часовых пропускают по радиопароллю и визуальному

тождеству личности. Однако их непременно скоро хватятся, и в наших интересах сделать так, чтобы процесс этот оказался не особо быстрым. В сторону отложили автоматы часовых и обувь, операторов систем наблюдения не особо тренируют на запоминание лиц, однако силуэты фигур, характерные очертания обуви и оружия они знают твёрдо. Жук и Сима стали облачаться в плащ-накидки, уже основательно вымокшие от дождя, неприятную процедуру примерки чужой обуви ребята оставили, так сказать, «на сладкое». Трудно надеть не подходящую по размеру обувь, а

потом изобразить обычную походку человека, для которого эти говнодавы самое оно. Впрочем, профессия разведчика сродни ремеслу артиста оригинального жанра: нужно уметь всё. В это время мы с Ярцевым сложили тела в поломанный платяной шкаф и, заминировав дверцы изнутри завёрнутой в рулон старых газет «эфкой», завалили импровизированную могилу мелким строительным мусором. Шкаф мы присмотрели по пути к месту засады, рухлядь стояла метрах в десяти от поворота тропы, и при поисках на него если и обратят внимание, то только при более тщательном повторном осмотре. Дело в

психологии военного человека: каждый раз, проходя место, где дорога сужается или поворачивает, солдат бессознательно замедляет ход и удваивает внимание. Поэтому искать прежде всего будут возле перекрёстков, поворотов, в тупиках, потом возьмутся за проверку заборов периметра. Но прежде всего амеры, как истинные сыны Запада, до хрипоты поорут в рацию, потом пересмотрят все записи камер и только после этого ритуала пойдут топтать ноги. Так что как минимум полтора часа до объявления поисковых мероприятий усиления постов у нас есть. Последним штрихом стал приём, который у нас

называется «скатерть-самобранка». На месте боя остались следы борьбы, и никакой дождь быстро такую уйму улик не уничтожит. Поэтому мы с Клещом рассыпали три лопаты местного грунта, взятого под тем же шкафом, и высыпали землю, круто перемешанную с щебнем, на кусок брезента. Разровнять грунт по поверхности ткани несложно, сложнее аккуратно сплавить его на тот участок тропы, который необходимо замаскировать. Ярцев руками бережно пересыпал землю, где, кроме осколков кирпича, попадались битые стёкла и деревянные щепки — спасали отличные трофейные тактические

перчатки с резиновыми вставками, которых от щедрот нам подкинули месяц назад изрядный запасец. Затем Стас нежно стряхнул грунт с брезента и, сложив ткань в рулон, разровнял края образовавшегося участка тропы. Теперь получалось, что патруль просто растворился в воздухе, и это тоже задержит поиски на какое-то время. Свернув брезент в рулон и передав его мне, Клещ тоже стал облачаться в плащ-накидку. Тихо в наушнике пискнул таймер, это означает, что отведённые на устранение патруля и ликвидацию следов семь минут истекли. Через три минуты разведчики, очень похоже подражая покойным янкесам,

направились в сторону ворот. Я же пошёл в противоположную сторону и, обогнув шестиметровой высоты кучу щебня, взобрался сначала по ней, а затем по склону самой высокой из трёх «эверестов» горы. Не привлекая к себе внимания часовых на ближайшей вышке, удалось взобраться не так высоко, как планировалось: «мёртвый» северо-восточный сектор от меня закрывал приличных размеров кусок кирпичной стены. Отыскав щель между фрагментом оконной рамы и куском бетонной плиты непонятного назначения, я улёгся так, что теперь вид на грузовые платформы восточной части терминала был как

на ладони. В той стороне находятся восемнадцатый и девятнадцатый пути, куда, по данным генштаба, прибывают также грузы с западного и северо-западного направлений. Однако вагоны, интересующие нас, сформированы в особый состав, и его продвижение отслеживается со спутников. Аналитики точно сказали, с какой стороны его ожидать, однако нет точных данных, когда это случится. По правилам, для тихого проникновения на объект такого уровня безопасности нам бы ещё дней пять-шесть предстояло ползать вокруг, выискивая брешь в обороне терминала. Но правила – это для учений и мирного быта, сейчас

инициатива за противником, и всё, что мы можем, это сидеть и ждать.

На путях и окрест не наблюдалось ничего необычного, однако то место, куда прибывает нужный нам состав, я точно узнаю. По словам консультантов, компоненты «Плаща» имеют определённые габариты и укупорку револьверного типа — трубки восьмидюймового диаметра длиной полтора-два метра. Значит, будет конвой из большегрузных машин и много, очень много охраны. В наушнике слышался шёпот Мелкого:

— Ворон — Вождю!.. Скоморохи прошли, собаки пока не брешут.

Это означало, что ребята успешно разыграли потерю радиоконтакта, и их пропустили в периметр без лишних формальностей. Конечно, все переговоры операторов пишутся, но промашка обнаружится ещё не скоро, для того, чтобы скрыться, времени вполне достаточно. Погода нам в помощь: под плащами удалось скрыть прицепленные прямо к «разгрузкам» довольно тяжёлые цилиндры мин. Случись ясная погода, пришлось бы изыскивать более хлопотный способ доставки «сюрпризов», однако иногда и нам везёт...

— Клещ — Вождю!.. Скоморохи

поставили балаган, иду на большую дорогу.

После доклада снайпера прошло сорок минут, Ярцев проявился неожиданно быстро. Значит, Жук и Сима сейчас скинули вражьи шмотки и ждут, пока Клещ пройдёт по путям до стрелки, там будет понятно, на какой путь прибудет состав. Способ, который был выбран для закладки мин, часто используется в случаях вроде нашего. Суть его в том, что для каждой мины из подручных средств мастерится прикрытие, исходя из характера местности. Предмет правильных размеров в первую очередь привлечёт внимание наблюдателей и наземных

досмотровых групп, поэтому лучше всего прокатывает маскировка под кучку экскрементов, мусора, имеющего резкий, неприятный запах и обязательно разной формы и размера. Само собой, мастерить такое – занятие не из приятных, однако в большинстве случаев это срабатывает. Из чего всё слепят на этот раз, я не знал, однако Жук всегда проявлял особый талант, когда дело касалось маскировки «гостинцев». В качестве детонаторов нас снабдили легкими противотранспортными минами «Верба», а основой был сложносоставной фугас, имеющий свойства тандемной реактивной гранаты. Уже давно транспортные

вагоны, принадлежащие службам снабжения тыла американской армии, были снабжены композитной бронезащитой. В первые недели войны немало самодеятельных партизан обломались с обстрелом из обычных РПГ и пулемётов вот таких безобидных серых вагончиков. Другое дело, что в арсенале диверсантов уже есть средства вроде того, что сейчас Жук маскирует на крутом склоне откоса, практически врывая тридцатисантиметровый тубус мины в грунт и примазывая всё это... нет, даже знать не хочу, чего он там нарыл как масксредство. Мина, которую ставит Жук — вспомогательная, она ударит в любой

из вагонов, который минует стрелку пятым по счёту, в какую сторону ни пошёл бы состав, по нажатию кнопки. Этот взрыв маскирующий: амеры всполошатся, и у подрывника с прикрытием будет несколько десятков секунд для манёвра. Основную закладку сейчас делать рано, поскольку мы точно не знаем, когда пойдёт нужный нам состав.

Дождь заморосил снова, видимость немного упала, в бинокль я осмотрел подъездную дорогу, которая шла от внешнего кольца ограждения. Именно оттуда должны появиться грузовики, они-то и послужат сигналом для притаившихся где-то внизу бойцов.

Ждать пришлось почти четыре часа, за это время успела начаться и утихнуть тревога по поводу исчезновения патрульных. Свалку усиленно шерстят, мимо меня пронеслись шестеро амеров, бестолково, но добросовестно лазивших по мусорным отвалам. Один даже заинтересовался тем отрезком тропы, где мы прихватили патрульных, и я испытал лёгкий интерес: смуглый парень с круглым изрытым оспинами лицом буквально нюхал землю. Затем солдат поднялся и что-то тихо залопотал капралу, бывшему в этой группе за старшего. Однако рослый негр, уныло покивав головой и поковыряв носком берца

землю, так тщательно разровненную
Клещом, только пожал плечами и дал
отмашку двигаться вперёд.
Смуглянка, как я прозвал
смышлёного солдата, тихо выругался
и снова стал озираться вокруг,
вскинув автомат к плечу. Шаг за
шагом амер приближался к тому
месту, откуда я начал взбираться на
мусорную гору. Не отрывая глаз от
прицела, Смуглянка, присев,
зачерпнул сначала одну пригоршню
земли, потом ещё и ещё. Он нюхал
её, пробовал на язык, при этом его
внимательные чёрные глаза
пристально всматривались в
нагромождения кирпичей и оконных
рам наверху. Я подобрался, взяв за

рукоять «стечкаря», который, как обычно, вынул из кобуры и положил под руку, чтобы нечаянный случай не застал врасплох. Смуглянка, уже не нюхая землю, держал автомат ровно на линии моего укрытия и готовился выстрелить. Я тоже держал ствол пистолета как раз на уровне левого глаза дотошного амера. Случись что, я сумею опередить его на нужные доли мгновения, чтобы тот даже в конвульсиях не успел выжать спуск. Другое дело, что такого развития событий лучше избежать. Неожиданно амер опустил автомат и присел на корточки. Бормоча что-то себе под нос, он, зажав автомат между колен, вынул трясущимися

руками пачку сигарет и, сноровисто чиркнув зажигалкой, прикурил, заслоняя сигарету от дождя. Окутав себя клубами сизого дыма, Смуглянка поднялся и, в три затяжки добив сигарку до фильтра, пошёл вперёд, где за поворотом уже раздавался басовитый командирский лай, надо думать, того самого негра в капральском чине. Я выждал ещё минут десять, но больше в моём тупичке никто не появился, волна чёса ушла к центру свалки, однако взрыва «сюрприза» я не услышал ни через час, ни позднее. Медленно отпустив ствол пистолета, я погладил затянутую в самодельный резиновый чехол рукоять. Вот уже двадцать лет я

не расстаюсь со «стечкиным»^{33} и за всё это время так и не нашёл старичку адекватной замены: есть пистолеты мощнее, есть легче, но того же сочетания надёжности, убойной силы и комфорта мне так ни разу и не попало. Дальше всё было не так напряжённо, поэтому снова настало рутинное ожидание. Морось немного унялась, видимость по главным секторам чуть-чуть прибавилась. Поисковые команды шарились по территории терминала ещё часа два, но ближе к десяти утра их отозвали, что было косвенным подтверждением начала подготовки к приёму груза. Тягучее ожидание прервал доклад Ярцева:

— ...Клещ — Вождю! Слышу повозку на три — одиннадцать и тридцать.

Доклад наблюдателя стал неприятным сюрпризом после стольких моментов явной удачи. Стас слышал поезд, который прибудет к одиннадцатой платформе ориентировочно через тридцать минут. Я снова осмотрел все подъездные пути, внимательно прислушался и запросил обстановку у Мелкого. Снайпер сидел выше всех, да и оптика у него сильнее моей:

— Вождь — Ворону, подсвети на раз-два-три!

Когда изобретаешь кодовые фразы, главное, чтобы их смогли

вызубрить подчинённые и при любых обстоятельствах эта премудрость не вылетела у них из головы. Поэтому чаще всего я пользуюсь методом не прямых ассоциаций, типа «цвет-цифра». К сторонам света у нас всегда привязаны либо цвета радуги, либо цифры. На этот раз был избран цифровой код, как наиболее простой, к тому же такая кодировка не особо привычна для американцев и их западных коллег, те всё больше любят буквы и цвета. Само собой, дураками амеров никто не считает, просто на перехват, привязку ассоциаций уйдёт время, они даже матерную феню умудрились правильно понимать. Непробиваемых кодов просто не

существует, все это понимают, гонка обычно идёт только на время – оно в нашей работе самый драгоценный ресурс.

– Ворон – Вождю! Нечего считать, цифирь пустая.

– Вождь – Ворону, принял.

Мелкий тоже ничего не заметил, машины могли подойти с восточной части терминала, с наших позиций она просматривается не так глубоко. Но снайпер видит дальше всех нас, и за шесть лет Ворон ещё ни разу не ошибся. На проверку доклада Стаса ушло чуть больше трёх минут, и если ещё через одну я не дам отмашку на выдвижение основной подгруппы, скрытно установить заряды не

получится. Так, надо быстро прокачать ситуацию: транспорта нет, но «шустрил» с облавы на свалке отозвали, поезд идёт под разгрузку по одному из двух путей с усиленной колеёй, но его никто не встречает. Первая закладка сработает, только когда Жук нажмёт кнопку и инициирующий микроразряд пойдёт по тонкому, но прочному проводу к затаившейся у стрелки мине, всё предусмотрено. Группы предварительного досмотра уже прошли во время доклада Клеща, но их задача осмотреть насыпь, точного направления они тоже не показали. Закладки вроде наших ставятся на достаточном от полотна расстоянии.

Досмотрщики вроде тех, что сейчас ушли к складам, раскинувшимся на добрых три сотни метров севернее, их не обнаружат, как пропустили уже заложённую Жуком. Но надо отметить, что амеры тут какие-то особо дёрганные. Обычно в тыловых рейдах всё намного спокойнее. Захватчики, уничтожив все населённые пункты вместе с людьми, чувствуют себя очень вольготно. А тут налицо явные признаки невроза: персонал ходит с оружием, охрана пусть и не слишком умело, но усердно бегают по периметру, без всякой расслабухи. Пару раз часовые на вышке вели беспокоящий огонь по внешним

секторам, что опять же нетипично. Подобное я видел во время довоенных командировок в Афган и Ирак, где амерам жарить гамбургеры и дуть «колу» мешали разного калибра моджахеды. Значит, вот в чём причина: сейчас пройдёт скорее всего отвлекающий внимание порожний состав-ловушка, а потом подгонят и наш «литерный». Напряжение не спало, но уверенности точно прибавилось. Скосив глаза вниз, я пальцем высвободил циферблат часов из-под кевларовой нащёпки: прошло ровно две минуты. Отжав тангенту рации, отдал приказ:

— Вождь — всем артистам!..

Девятка, девятка, девятка!.. Как
приняли?

Все отозвались практически в
тот же миг, как только я
переключился на приём. Ребята
ждали, готовые в любую секунду
начать действовать, азарт охотника
будоражит кровь, а ожидание, что
там ни говори, жжёт нервные клетки
хуже никотина... или что там убило
лошадь со странными
гастрономическими
предпочтениями? Минут десять
ничего не происходило, только
прошла новая смена иностранных
путьцев, нагруженных своим
инструментом, да проехала пара
бортовых одиночных машин к

складам. Когда ждёшь чего-то очень долго, начинаешь выдавать желаемое за действительное. Вот и сейчас мне слышался вдалеке паровозный гудок, причем тот самый, наш, ещё из советских времён. Поезда и вся эта тематика — не моё, однако по роду службы на слух я могу распознать до десятка гудков разного типа. Тот сигнал, что я слышал, здесь точно появиться не мог, паровоз — это не локомотив...

— Клещ — Вождю! Слышу повозку на три тринадцать и ноль!

Ярцев сбил начавшие убегать в сторону мысли, сейчас он заметил состав, который проходит где-то в секторе прямой видимости. Через

пару минут доложил Мелкий, он тоже обнаружил «повозку» и уточнил направление. Ребята нервничали, чувствовалось, что они не согласны с тем, как я оценил обстановку. Дабы переключить внимание группы на конкретные задачи, пришлось снова выйти в эфир:

— Вождь — артистам! Каждый режет свой кусок. Два ноля девятка!

Это означало, что только снайпер работает по прибывающему составу, а наблюдатель и подрывники ждут на исходных позициях. Когда решение принято, хуже ошибочной оценки ситуации может быть только судорожное метание в поисках выгодной тактики. Всегда следует

выждать, пока общая обстановка устаканится, чтобы не ошибиться повторно. Состав был точной копией того, который мне показывал на снимках командующий: восемь вагонов, четыре с нужной нам маркировкой на рифлёных серых боках. Локомотив забран бронелистами, стеклопакетов в кабине машиниста нет, поездная бригада для наблюдения использует только камеры, установленные внутри рубки. Состав проплыл к низкой грузовой платформе и остановился. Первая странность: состав не подошёл прямо к платформе. Он не доехал добрую сотню метров, встав у

вспомогательного пандуса. Между перроном и складом глухая стена. Странность вторая: судя по схеме терминала этот склад не имеет прямого подъездного пути от дороги, ведущей к базе, только однопутную тропинку выложенную квадратами бетонных плит, бортовая машина там не пройдёт. Далее всё замерло, я тронул кнопку запуска сканера радиочастот на коммуникаторе. Он остановился через пару мгновений, выделив интенсивный обмен только на частотах внутренних служб. Никто не стоял у ворот, грузовой транспортный ордер не формировался где-то поблизости. Состав замер, и внешне вообще

ничего не менялось. Время снова как бы остановилось, потянулись долгие мгновения, потом минуты, и так прошло ровно сорок минут. Неожиданно стена склада, обращённая к перрону, медленно стала опускаться вниз. Длинные боковины вагонов состава тоже стали убираться, обнажая бронированные башенки турелей со спаренными роторными автоматическими пушками и специальные укрытия из бронелистов, обложенных с внешней стороны мешками с каким-то наполнителем. Оттуда стали организовано выходить амеры, чтобы также быстро скрыться в недрах складского помещения. Всего

в вагонах сидело по десять бойцов в каждом, офицеров было визуально сложнее выделить, однако, как я понял, на восемь вагонов приходилась почти рота солдат. И это явно не местные вояки, поскольку форма, оружие и эмблемы не совпадали с теми, что имелись в собранных разведданных по району операции. Детали амуниции, этнический состав персонала поезда-ловушки, всё говорило о том, что парни часто воюют. Значит, скорее всего, катаются в этой сложносоставной банке от самого Урала, не иначе. Спустя ещё десять минут подъехали два джипа и три крытых полутонных грузовичка.

Из джипов вышло шестеро солдат, нагруженных инструментами и измерительной аппаратурой, а к грузовичкам шустро подтянулись уже сбросившие часть амуниции приезжие. Низенький азиат что-то чиркнул в путевом листе водилы головной машины и стал указывать своим подчинённым, что и куда грузить. По коробкам стало понятно, что привезли продукты: блоки запаянных в пластик бутылок с минералкой, картонные коробки с консервами и всякое такое. Однако боезапас не подвезли ни через час, ни позднее. Значит, у поезда есть где-то на линии другой пункт остановки, и он точно недалеко —

многоствольные орудия твари жутко прожорливые. Так прошло четыре часа, погода окончательно испортилась, и дождь припустил с новой силой. Видимо, пришло время двигать дальше, потому что в 14.00 всё повторилось в обратном порядке: техники уехали, солдатня снова закрылась в своём хитром бронепоезде, и состав пошёл на запасной путь, откуда его отбуксировали на путь, ведущий в обратном направлении. Так же тихо, как и появился, бронепоезд укатил на запад. Про себя я отметил, что снимков, которые сделал я и остальные «артисты», вполне хватит для отчёта. Напрашивался

любопытный вывод: амеры так серьёзно подготовились, видимо, опасаясь серьёзных проблем на пути следования. Нужно будет особо обратить внимание начразведки фронта, что в глубоком тылу наверняка действуют самоорганизованные группы партизан. Не стоит исключать мародёрство, перед войной было сильно развито множество религиозных и националистических движений. Могут амерам портить кровь и те, кто собирался пережить нападение или глобальный катаклизм в индивидуальных бункерах, такое тоже было, особенно в средней полосе России. Было

много случаев, когда такие вот отряды нападали на небольшие армейские группы оккупантов, но работали неграмотно, несли большие потери и, в конечном итоге, уничтожались специально обученными подразделениями наёмников, которым платили за партизан, как за волчьи уши, — сдельно. Нередко случалось, что партизаны воевали друг с другом и с эмиссарами разведотделов частей наших ОСК. Все попытки наладить координацию действий с регулярными частями пока терпели полный крах. Однако тут я наблюдал нервозность, времена активности «диких», как мы называли

вооружённых гражданских, уже месяц как миновали. Тогда что это значит? Может быть, в районе Кемерово работают другие рейдовики и это они так будоражат местных сидельцев? Но тогда в штабе об этом бы знали и уведомили о пароле на случай встречи и об объектах, находящихся в зоне интересов «соседей». Вот и первая большая загадка, но пусть над ней мозгует чья-то большая голова в штабе...

— Клещ — Вождю!.. Повозка на три-тридцать две!

Так и должно было произойти, поезд-ловушка проверил трассу и сейчас идёт встречным курсом с

настоящим составом. Сканер пискнул, активность переговоров на частотах батальона охраны и постов внешнего кольца охраны резко возросла. Дорога, ведущая к внутреннему КПП, оживилась, и вскоре показался капот головной машины. Охрана засуетилась, сейчас пойдёт сверка документов, пора начинать.

– Вождь – Скоморохам! Спойте душевно.

После короткого подтверждения снова повисла напряжённая тишина. Вернее, как тишина? Амеры суетились как обычно, на частотах роты охраны и служб обеспечения царил бедлам. Скоро к путям

подтянутся группы инженерной разведки, путейцы уже ушли. Вот в этот-то промежуток нам и надо успеть втиснуть своё маленькое мероприятие. Из-за пелены вновь зарядившего дождя видимость снова упала, поэтому весь процесс установки «гостинцев» я контролировать не могу. Силы оптики хватает только на то, чтобы отследить перемещения амеров вдоль перрона двенадцатой платформы, куда должен прибыть наш литерный поезд. Янкесы сейчас заправят конвой на обратный путь, потом снова сформируют колонну и назначат группы обеспечения движения. Всё это займет минут

сорок, почти вечность.

— Ворон — Вождю! Зритель, возможно, не наш... Наблюдаю буханки вместо коробок.

Двадцать минут из отведённых сорока уже прошли, но Мелкий своим докладом снова подбросил неприятные факты по составу конвоя. Выходило, что бортовых машин всего две, а основу конвоя составляют бронированные автомобили, но габариты изделий таковы, что в этих «буханках» они не поместятся. Тут пришлось полагаться на зрение снайпера, но я не думаю, что Мелкий Ворон ошибся, просто опять в штабе какой-то пробел в информации по целям

диверсии. И поделаться-то ничего нельзя: мины уже выставлены, поезд тоже сейчас прибудет. Или всё же ошибся наблюдатель? С его позиции было прекрасно видно, что за машины и сколько их прибыло под разгрузку, в то время как я мог смотреть только на часть путей — полностью я видел только точки отхода. Нет, ход уже сделан, придётся работать дальше. Снайпер должен был поставить ещё несколько «гостинцев», там как раз были складированы бочки с топливом. А после фейерверка я прослежу, чтобы никто парням не мешал уйти со свалки. Потом сам свалю, пользуясь суматохой, и тогда уже они будут

меня страховать у внешнего кольца периметра.

– Вождь – Балагану! Три ноля, три ноля, три ноля!

Снова я почти физически ощутил напряжение бойцов, однако, как и в случае с поездом-ловушкой, все без видимых признаков недовольствия приняли приказ к исполнению. Я снова взглянул на конвой, серая плёнка дождя мешала увидеть чёткие силуэты, однако вскоре машины тронулись, выходя на подъездную дорогу, и когда колонна вытянулась и проползла мимо меня на расстоянии сотни метров, я понял, что Ворон был прав. Шесть из восьми автомобилей оказались чем-

то вроде инкассаторских машин с высокими коробами бронированных кузовов, окрашенных в зелёный пятнистый камуфляж. Однако я привёл сам себе пожалуй наиболее веский аргумент в пользу такой перемены: наши спецы не могут точно сказать, что и как выглядит, описать примерно не значит иметь на руках точный чертёж или хотя бы фотоснимок. Поэтому, сжав зубы, я снова приготовился ждать.

...Прошло ещё полчаса: амеры подгоняли машины к платформе, кроме упомянутых «буханок» подъехал только ещё один «хамви» с пулемётом на крыше, на бортах джипа была эмблема и сигнатура

одного из частных охранных агентств — «Блэкстоун Норд». Машина развернулась таким образом, чтобы при выезде с терминала она могла возглавить колонну. Это уже было совсем не хорошо. По всем правилам, такой груз должны сопровождать, помимо собственного подразделения охраны, ещё и выделенная с базы конвойная группа. При этом в обязательном порядке — армейцы, частники к подобным мероприятиям допускаются крайне редко... да почти никогда на моей памяти, это нарушение их же собственных протоколов безопасности!..

— Скоморохи — Вождю!..

Инструменты настроены... шесть-

шесть-шесть!..

Голос Жука звучал глухо, треск статики прерывал доклад, но я всё понял. Подгруппа минирования работу закончила, и теперь бойцы отходят на юго-восток, где прямо под наблюдательной вышкой Ворон прорезал для них дыру в заграждении, оттуда ребята попадут на законсервированную по каким-то причинам стройплощадку. Я же уйду только после того как сниму на миниатюрную видеокамеру сам финал акции, чтобы присоединиться к ним позднее. Трудно будет Мелкому, хотя они в связке с Клещом вообще словно призраки, это уже проверено.

— Вождь — Скоморохам!..

Принял, антракт.

Амеры снова забегали, снова началась суета.

Теперь вокруг перрона и склада, который, как я теперь знал, используется как казарма, выставили оцепление из военных полицейских и солдат из подразделения охраны терминала. Скоро вдали послышался мощный зычный гудок, и к платформе начал неспешно подваливать состав. Всё внутри меня сжалось в предчувствии, напряжение стало просто непереносимым, аж в висках заломило. В бинокль разглядеть что-либо удалось только через долгих пять минут, когда

состав, словно средних размеров гигантская серая змея, стал выворачивать от стрелочной развилки к перрону. Из джипа вылезли двое — видимо, комитет по встрече. Опять пошли странности: один явно штатский, в нелепых резиновых сапогах и синем плаще с капюшоном, а второй — опять наёмник, с непокрытой головой, в дорогом комплекте защитного обмундирования. Комбез наёмника мерцал полутонами серого, чёрного и коричневого, подстраиваясь под тусклый дневной свет. В левой руке он с небрежностью профи держал короткий автомат с барабанным магазином на двести патронов.

Вытерев влагу с лица, наёмник привалился к капоту машины, напряжённо всматриваясь в ту сторону, откуда шёл локомотив. Его напарник что-то говорил, перекрикивая слышный даже тут шум прибывающего состава, но наёмник только рассеяно кивал. Вся его поза говорила, что прибытия поезда он ждёт с нетерпением...

...Закладки сработали ровно в тот момент, когда последний вагон вышел на прямой отрезок пути. До перрона оставалось метров сорок, четыре искомых вагона с намертво врезавшимися литерами VN90 проходили мимо замерших в оцеплении солдат. Первый,

отвлекающий взрыв ударил в предпоследний вагон состава с таким расчётом, чтобы повредить колесо. Состав вздрогнул, вагоны издали протестующий скрежет, скорость резко упала. И в этот самый миг почти беззвучно сработали шесть основных зарядов. В видоискатель я видел только неяркие вспышки и белёсые облачка дыма. В бортах литерных вагонов появились небольшие пробоины. Сквозь дождевую морось они были едва видны. Я приготовился к тому, что кумулятивная струя сейчас вступит в реакцию с компонентами «Плаща», но... ничего не случилось. Однако паника уже поднялась, солдаты из

оцепления открыли огонь в сторону, где раздался взрыв, взвыла сирена тревоги, рабочая тишина кончилась. Глухо застучали пулемёты на вышках, трассы очередей потянулись к лесополосе и горам мусора, еле различимым с моей позиции. Охрана быстро стала занимать капониры и огневые точки у ворот и на внешней стене, обращённой к тайге, и повороту дороги, идущей на Кемерово, и к авиабазе. Я снова повернул объектив к составу. Тут опять творилось что-то странное: из щелей подорванных вагонов валил густой белёсый дым, проскакивали языки пламени. Непонятный наёмник орал что-то в

автомобильную рацию, озираясь на подъездную дорогу, заполненную бестолково снующими туда-сюда машинами и людьми. С гражданским случилась истерика, его держали двое морпехов из оцепления, силясь не пустить к горящим вагонам. Вдруг обшивка предпоследнего из них словно смялась внутрь, и я услышал глухой хлопок, внутри что-то взорвалось, но герметичные двери устояли, наружу огонь не вырвался. На обещанный фейерверк не похоже, но хоть что-то. К общей суматохе присоединился до боли знакомый вой пожарной сирены. Два красных автомобиля мчались к перрону, но в головной врезался спешащий куда-то

БТР, и образовалась пробка. Тем временем пожар разгорался, теперь уже все четыре вагона чадили так, что перрон и всё вокруг стало заволакивать густым покрывалом, напоминающим химзавесу.

— Бу-у-ум!..

Слева по сектору грохнул ещё один взрыв, и яркое оранжевое пламя взметнулось к небу метра на четыре. В трёхстах метрах возле внутреннего КПИ взлетел на воздух временный склад горючего. Это был сигнал к отходу. Я спрятал камеру и стал осторожно спускаться вниз. Следующий взрыв и раздавшийся после протяжного скрежета глухой удар застали меня уже на земле. Судя

по крикам и усилившейся беготне охраны, это был «гостинец», заложенный под опоры наблюдательной вышки. Пробираясь вдоль мусорного хребта на юго-западную оконечность периметра, кроме криков и мелькавших людских силуэтов неподалёку, больше я ничего не заметил. Ход петлял среди нагромождений щебня и целых фрагментов зданий. На моё счастье, патрули сейчас стягивались к месту диверсии, прочёсывание по периметру вовне начнут ещё не скоро. Думаю, это случится минут через десять, а пока...

– Стой, стреляю!..

За окриком, раздавшимся не

пойми откуда, сразу последовала короткая автоматная очередь. Пули с чмоканьем ушли в стену, одна отрикошетила от куска бетонной стены и пролетела в миллиметре от моей левой щеки. Краем газа замечаю, что у поворота вдруг выросла невысокая фигура в дождевике, с поднятым на уровень глаз автоматом. Тренированное сознание и рефлексy обогнали мысли на доли секунды, показавшиеся вечностью. Резко припав на колено, разворачиваюсь в направлении выстрела. «Калаш» с удлинённым блямбой глушителя стволом сам собой повернулся вместе с корпусом и головой вправо,

и две пули ушли в пространство под
лязг затвора. Перекат влево к
следующему участку стены, и
контроль. Чисто – противник был
один. Не опуская автомат, подхожу к
труп и с сожалением вижу, что это
мой старый знакомец – Смуглянка.
Мои пули вошли точно в правый глаз
и переносицу, парень умер прежде,
чем успел что-либо почувствовать и
осознать. Смышлёный амер, видимо,
по собственной инициативе снова
сунулся в мусорные отвалы и устроил
засаду на перекрёстке, его подвела
боязнь убить кого-то из своих. Не
крикни он после того, как обнаружил
что-то подозрительное, на его месте
сейчас лежал бы я сам. Бегло ощупав

себя и осмотревшись по сторонам, замечаю узкий проход, ведущий в нужную сторону, и бегу дальше. Тропинка упирается в узкую щель, в которую с трудом можно протиснуться. Распластавшись по расселине, приставными шагами иду вперёд, каждую секунду моля бога разведки, Михаила-архангела, чтобы она не закончилась глухим тупиком... Есть Бог на небе!.. Впереди аккуратная дыра, гофрированный лист металла кем-то убран, и из темноты два раза мигает красный фонарь. Потом показалась похожая на бревно, поросшее мохом, рука. В два приёма меня выдернули из щели, и вот я, едва дыша, сижу на

корточках среди мотков кабеля и каких-то стеллажей. Напротив, радостно пыхтя, присел Сима:

– Порядок, командир! Все тут, потерь не имеем. Мелкий снова вперёд полез, сейчас проход прогрызает, кипиш знатный поднялся. Как вышка завалилась, янкесы даже стрелять перестали. Те, кто на верхотуре был, все переломались крепко. Не до нас им теперь.

Дыхалка немного сбилась, поэтому я только кивнул, восстанавливаясь. Осмотревшись, понял, что мы оказались внутри временного склада на той самой замороженной стройке. Спутниковые

снимки оказались точны, отсюда к внешнему периметру вела целая сеть траншей, помимо большого котлована, сейчас на четверть заполненного водой. Видимо, не учтя особенностей местности, амеры наткнулись на водоносный слой и прекратили стройку. Нам это на руку, отсюда скрытно добраться до внешних стен вполне реально. Прошло ещё минут десять, шум за стеной сарая не утихал, сирена продолжала выть. Я привалился к стене и на короткий миг прикрыл глаза, из головы не шло это странное поведение начинки литерных вагонов. Но что сделано, то сделано...

– Ворон – Вождю! Две семёрки ноль, две семёрки ноль, две семёрки ноль!

До выхода в эфир осталось менее часа, поэтому сигнал Мелкого о том, что путь свободен, я воспринял с облегчением. Доложу всё как есть, в любом случае операция прошла без срывов и серьёзных накладок. Поднявшись и сделав остальным знак выдвигаться, я нырнул в низкий лаз под стеной. Машинально отметил время – 15.12, пока всё нормально. Ползком мы преодолели глубокую траншею и, спустившись по склону котлована, оказались по горло в воде. Осторожно нащупывая дно, я вёл

ребят за собой по совершенно открытой с правой стороны местности – сунься сейчас кто на стройку, и мирно всё это не закончится. Небо неожиданно стало светлеть, однако мелкий дождик, словно бы не замечая этой перемены, продолжал неторопливо сыпать небольшими зарядами. Долгих десять минут мы брели в мутной воде, местами доходящей до подбородка, пока не добрались до цементной подушки, которая имела ряд стальных скоб, по которым мы по очереди и взобрались наверх. Там снова забор, и наконец все мы финишировали в глубокой траншее, соединявшей внешние капониры с

огневой точкой, смотрящей прямо в тайгу. Низко пригибаясь мы аккуратно прошли ещё метров тридцать, пока впереди не показалась узкая железная дверь в ДОТ. Я три раза отжал тангенту рации, поскольку голосом тут уже работать рискованно. Дверь удивительно легко приоткрылась, в узкой щели показалась голова Мелкого. Снайпер знаком показал, что всё чисто, и мы один за другим пробрались внутрь. У пулемёта никого не было, в углу кучей лежали трое амеров из дневной смены: похоже, парни даже не успели понять, что случилось. Довольно скалясь, Мелкий показал стволом

винтовки на трупы американцев:

— Всё нормально, командир: минное поле отключено, пульт управления надёжно выведен из строя. Даже если захотят, подорвать не смогут. Вышка тоже подорвана, смогут запятнать нас, только если вертушку поднимут.

— Хорошая работа, товарищи офицеры, — обратился я ко всем. — Теперь уходим в точку три, после устроенного концерта остальные две, скорее всего, окажутся под наблюдением...

В этот самый момент раздался далёкий гул, над тайгой взвился столб ярко-белого огня и тут же опал. Земля ощутимо дрогнула, и сирена у

нас за спиной смолкла, захлебнувшись на полуслове. Жук глянул на свой коммуникатор и, прикинув направление, сказал:

— Это в районе авиабазы шарахнуло. Командир, мы в квадрате не одни?

Я смог только пожать плечами, к фактам нервозности американцев теперь добавился и этот громкий «бумбараш». Мысль о партизанах я отмёл ещё в самом начале размышлений, поэтому в словах подчинённого имеется большой резон. Ставка могла подстраховаться, и разделение задач это совершенно правильный ход. Однако сейчас нет времени ломать голову, нужно как

можно быстрее уходить отсюда.

— Кто и почему так громко выступил, это не наша забота. Клещ, как доберёмся до лесополосы, сразу шифровку о выполнении задачи в эфир. Сима, вы с Мелким идёте на доразведку точки вывода, поэтому руки в ноги и вперёд. Остальные — со мной. Выдвигаемся.

С востока пришла огромная туча, и сполохи пожара над местом взрыва впереди окрасили небо в чернильные и багровые тона. Выйдя с другой стороны, мы переползли за бруствер и вскоре оказались в спасительной тени густого подлеска. Уходя последним, я бросил последний взгляд на терминал: к

воротам выдвинулась большая
войсковая колонна из десятка
бортовых машин, в воздухе уже
висели три вертолѐта — два
штурмовых «апача» и один
десантный «блэк хок».
Развернувшись, винтокрылые
машины легли на курс к авиабазе.
Кто бы ни устроил там заваруху,
теперь на него спустят всех собак.
Коллеге, а я не сомневался что это
так, я мысленно пожелал вернуться
на базу без потерь.

* * *

Россия. 7 октября 2011 г. Юго-

западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны. 206 километров на юго-восток от предместий г. Кемерово. Отрезок грунтовой просёлочной дороги, 12 километров от опорного пункта трофейной команды «Браво 6», фирмы «Блэкстоун Сауз». 04.15 по местному времени. Партизан Антон «Ропша» Варламов. Ни слова по-русски.

...Бывает так, что когда ждёшь чего-то, кажущегося очень значительным лично для тебя одного, время идёт рывками. Оно или медленно тянется, словно резина, или вдруг мелькает магниевой вспышкой, как если бы мысль и

действие слились в один кратчайший миг. Теперешний скачок был вспышкой, стёршей предыдущие два «резиновых» часа. Я положил трофейный прицел в нагрудный карман «разгрузки» и провел ладонью по ствольной коробке американского короткого автомата, сгоняя мелкие капли воды. Дождь кончился минут десять назад, однако из-за необходимости сохранять неподвижность я избегал лишних телодвижений. В наушнике три раза мурлыкнул тоновый сигнал, конвой уже появился в пределах видимости передового дозора. Следом глухо зазвучал голос Ирины:

— Здесь Коса. Леший — три,

тридцать один. Жёлтый.

Колонна идёт к трофейному складу, как и говорил Матинелли, даже время совпало с тем, что называл итальянец. Сейчас его человек застопорит головной джип и мы начнём. Два раза отжав тангенту, я ответил:

— Три, тридцать один. Леший принял, всем — два но ля один. Жёлтый.

После того, как я выпил отвар который приготовил лесник Чернов, у меня существенно улучшилось и без того неплохое ночное зрение. Специальных приборов ночного видения в отряде было всего четыре, я не колеблясь отдал их ребятам,

предпочитая довериться народной медицине. Вкус у отвара был совершенно обычный для травяного сбора: не ощущалось особой горечи, только слегка щипало глаза. Учитывая специфику предстоящей акции, пришлось полностью нарядиться в натовский камуфляж и переобуться в довольно удобные кроссовки. За прошедшие после налёта на блокпост двое суток прикид успел немного обмяться по фигуре, но на всякий случай я всё простирнул в горячей воде и отбил на камнях, чтобы одежда не казалась слишком новой. Оружие пришлось выбрать из тех трофеев, что мы взяли при налёте на блокпост наёмников. Я

долго примеривался, чего бы взять, и в конечном итоге доверился выбору Нинель, которая посоветовала взять компактный швейцарский «сват»^{34}. Автомат удалось освоить быстро, и особых сложностей не возникло, разве что непривычным было переламывание на две части, да ещё почти незаметная после «весла» отдача. Радовала возможность попользоваться очень удобной коллиматорной оптикой — цель, словно повинуюсь мысленному приказу, сама ложилась в круг с красной точкой, и я попадал именно туда, куда целился даже на бегу. Вес автомата был тот же, что и у «калаша», поэтому особо не

пришлось менять стиль стрельбы. От штурмовой рукояти я отказался после того как несколько раз она выворачивалась из кулака, как бы сильно я ни обхватывал её. Хват за цевьё всё же оказался привычнее. Из всяческих приблуд я выбрал только барабанный полупрозрачный магазин на сотню патронов, который был гораздо удобнее «рожков», или чуть менее искривлённых родных магазинов «свата»^[8], в основном из-за наличия плоского стального основания. Раздражение по поводу того, что новый «ствол» опять был под нелюбимый калибр, лишь немного омрачило радость знакомства с новым другом. В конце

концов, не на базаре: бери что дают, и осваивай. Ещё пара таких же дисков лежала в боковых подсумках. Вместе с запасом гранат и патронов в россыпи я тащил на себе ещё одно самодельное взрывное устройство, которое в случае удачи планировал установить на каком-нибудь амеровском самолёте. Самым большим и искренним желанием было угостить им похожий на огромную жирную летучую мышь «бомбер». В трофейной кевларовой кобуре поместился верный ПБ – несмотря на риск, я не решился отказаться от надёжного «макарки». Новый, более удобный, чем обычные штатные амеровские жилетки,

«броник» не давил на плечи и шею. Даже то обстоятельство, что вместо обычных магазинов я нёс дисковые, сильно движений не стесняло. Как мне объяснила Нинель, эти жилеты ещё совсем новые, и армия их получает ограниченно, но подрядчики снабжают своих служащих довольно неплохо, поэтому подозрений у охраны на КПП экипировка вызвать не должна^{[35](#)}. Больше беспокоила не экипировка, а именно неловкость, с которой я носил новую одежду. Это точно бросится в глаза обитателям авиабазы, а вот трофейный пистолет у наёмника – как раз обычное дело. С помощью Алекса и других бойцов,

бывших в отряде с самого начала, мне удалось хотя бы внешне походить на иностранного вояку. Сгладить углы помог Веня, который тоже напросился с нами. Мишка и Семёныч изображали сербов, тот же Веня выписал им на бумажку несколько фраз и ругательств из разговорника, чтобы они отбили охоту заговорить с ними у кого-либо из персонала базы. Приятель после ранения только-только оклемался, однако оставаться в отряде, когда я иду на большое дело, он наотрез отказался. Алекс, Ирина и Сергей, напротив, чувствовали себя более уверенно — хорошее знание американского разговорного и

раскованная манера поведения позволяли надеяться, что уж их-то точно никто с ходу не расколется...

Справа послышался отдалённый гул моторов, потом по дороге, разбрызгивая грязь, промчался броневедомитель, а следом ещё три грузовика. Я перевёл взгляд влево, чтобы подробнее рассмотреть конвой. Все три бортовых машины шли легко, в закрытых тентованных кузовах, скорее всего, ничего не было. Сколько человек сидело в кабинах, разглядеть не удалось из-за глухих бронешитков с узкой горизонтальной смотровой щелью. Спрятав прицел в боковой карман брюк и левой рукой отжав тангенту

рации, даю длинный тоновый сигнал готовности левофланговой штурмовой группе. Участок грунтовки, в который конвой наёмников уже втянулся, шёл с небольшим подъёмом вверх, так что машины снизили скорость. Скоро должна сработать оговоренная раньше уловка. В наушнике раздался разбавленный лёгкой статикой помех глухой голос Ирины:

— Коса — Лешему, три ноля шесть! Зелёный.

Девушке вторил хрипловатый шёпот Мишки, приятель работал с ней в паре, чему сначала вроде бы не обрадовался. Однако после некоторой пикировки и пары

проигранных девушке состязаний Михась признал, что не он один знает, с какого края стреляет винтовка. В конце концов они спелись и на дело вышли в паре.

— Рысь — Лешему, дубль. Зелёный.

От дороги слышался визг тормозов, моторы вразнобой взревели и затихли. Потом ветер донёс громкие, но неразборчивые голоса людей. Я стал подниматься, давая знак Варенухе идти следом. Бывший водила смотрелся браво в американских шмотках, однако в его случае нам пришлось повозиться, пока Сергей не научил Варенуху обращаться с американским

пулемётом, в просторечии именуемым «пила». Семёныч держал импортный «ствол» словно игрушку — в его руках довольно массивный пулемёт выглядел как короткий автомат в моих. Ещё он нацепил форменное кепи козырьком назад, а глаза его теперь прятались за стёклами тёмных солнцезащитных очков-«капель». Сей аксессуар он стащил уже давно, прятал трофей где-то в вещах и вот теперь решил дополнить им образ западного человека, каким он видится обычному российскому дальнобойщику. Я не возражал, тем паче что очки Семёныч снял с врага, подобного которому сейчас придётся

изображать. Вообще, с подготовкой захвата возникло много мелких проблем: например, бесшумных пистолетов было только два на весь отряд. Да и то Варенуха сберёг свой ПБ случайно, по куркульской привычке положив его вместе с каким-то личным хламом в рюкзак. Бывший водила научился им пользоваться вполне прилично, однако с пулемётом у него выходило лучше. Остальные работали с бесшумным пистолетом значительно ловчее, Семёныч же боялся безоружного боя, сказывались последствия того давнего случая с пленным поляком. ПБ — очень специфическое оружие. Из-за

«тихаря» его боеприпасы имеют невысокую пробивную силу, часто палить тоже не выйдет из-за нередкого «утыкания» пуль в мембрану «тихаря». Поэтому целиться и стрелять нужно очень точно. Однако тут возникает другая проблема — дефицит опытных, обстрелянных бойцов, а Семёнычу я верю. Пришлось переделать план таким образом, чтобы близкий захват работали Алекс и Сергей, а Варенуха шёл со мной к тем, кто будет сидеть в закрытых машинах. Вот теперь он шел сзади, и я надеялся, что в нужное время всё получится как надо. Мы ещё некоторое время шли вдоль дороги и снова остановились,

лишь когда с вставшим конвоем нас разделяло метров двадцать. Грузовики стояли с урчащими на холостом ходу двигателями, никто из водителей двух крайних машин на дорогу не вышел. Впереди у джипа сустились трое: долговязый грузный мужик с бритой наголо шишковатой башкой, на вид лет сорока, и двое похожих, словно братья, чернявых парней чуть помладше. Долговязый тыкал указательным пальцем в капот джипа, куда один из двух «братьев» то и дело нырял на короткое время. Я махнул Варенухе рукой, указывая на кузов крайнего грузовика, сам же, не оглядываясь, двинулся к кузову второй машины. По опыту первого

угона импортного грузовика я знал, что водители часто открывают в кабине бронештору, заменяющую стекло заднего обзора, когда кузов забран тентом. Так и видимость защиты сохраняется, и вентиляция какая-никакая.

Встроенный кондиционер там совсем слабый, это я тоже знал из первых рук. Рывком забравшись в пустой кузов, я осмотрелся: шторка действительно приоткрыта, оттуда тянуло сигаретным дымком, слышался негромкий разговор. В полуприсяде я пробрался вперёд и заглянул в кабину через открытую на две трети заслонку. Водитель только что нагнулся, чтобы прикурить новую

сигарету. Чернокожий пассажир громко рассказывал какую-то похабную, судя по выражению лица, историю. Я вынул пистолет и правой рукой дал сигнал тоном рации к началу захвата. Первая пуля досталась в основание черепа водителю, который как раз в этот момент уронил зажигалку и наклонился за ней под рулевую колонку. Мёртвое уже тело пронзила судорога, негр, сидевший рядом, тоже наклонился влево, чтобы помочь приятелю. Я выстрелил ещё раз и попал наёмнику под ухо, пуля вошла в череп под углом, но так и осталась внутри. Человек беззвучно повалился на водителя и замер.

Снаружи было тихо, пока вдруг не треснул повторенный лесным эхом одиночный автоматный выстрел. Сразу после этого ожила рация, послышался срывающийся Мишкин голос:

— Леший, ситуация «три». Сектор чист.

Это означало, что у нас уже есть потери. Вернув пистоль в кобуру, я выбрался из грузовика и пошёл к головной машине. Там всё выглядело, как и планировалось: долговязый, бывший тем самым подельником Матинелли, сидел на земле, прислонившись к боку машины и зажимая дыру в простреленном плече, а двое чернявых «братьев»

валялись слева на дороге у всё ещё открытого капота джипа. Алекс и Сергей чётко отработали, судя по положению трупов, им удалось убрать обоих трофейщиков одновременно. Алекс уработал своего ножом, Сергей же просто свернул иностранцу шею приёмом, которому я обучил всех, кто прошёл отбор в группу. Навстречу мне вышел Михась, держа своё любимое ружьишко стволом вниз, капюшон лохматой накидки он откинул, взгляд был пустым.

— Ан... Ропша... Семёныча наглухо завалили. Там он, у второй машины...

Новость не сразу дошла до

сознания, на короткий миг стало темно в глазах. Внешне спокойным голосом я приказал:

– Стереги иностранца, да кинь ему какую-нибудь ветошь, а то кровью истечёт, как свинья. Я пойду посмотрю.

Перейдя на другую сторону дороги, я увидел, как Сергей с Алексом, оттащив массивную тушу бывшего водителя, снимают с безвольного тела «броник», распарывают куртку. Но даже издали было видно, что Варенуха мёртв: кожа бледная, а от пассажирской дверцы грузовика тянется густой кровавый след. Я подошёл ближе, присел возле покойника и, отведя

руку Сергея, бросил сквозь зубы:

– Не надо ничего, холодный он.
Как всё вышло?

Пулемётчик встал и, поведя массивными плечами, как бы сбрасывая напряжение, стал обстоятельно излагать:

– После сигнала всё ровно шло. Мы с Саней нахватили тех двоих, у джипа, никто даже пикнуть не успел. Бритый увалень нам даже помог – выбил пистоль у Саниного «крестника», когда тот ногами засучил. Потом Ирка шмальнула лысому в плечо, тот сел... Я уже хотел приборку делать, а тут выстрел от машины. Саня первым подскочил, но поздно. Амер недостреленный

был, на последнем вздохе выстрелить успел...

Я кивнул: рана говорила о том, что пуля прошла над верхним срезом «броника», крутанулась, отскочив от ребра, и порвала артерию. Смерть наступила почти мгновенно. Лицо его, с заострившимися чертами, было искажено предсмертной судорогой. Он словно хотел вздохнуть ещё раз, но кусок горячей стали помешал. Было понятно, как это произошло: Варенуха открыл дверь, наклонился, чтобы выволочь труп из кабины, а тот выстрелил в первого, кого увидел. Невезуха. Я встал, затем нащупал за клапаном левого нагрудного кармана окровавленной куртки Семёныча

красную звёздочку, какие мы носили с того памятного налёта на аутпост, и, бережно отцепив её, спрятал к себе в самошитый кожаный мешочек, который с недавних пор носил на шее. К двум простым звёздам цвета хаки теперь прибавилась одна, красная. Двое часовых там, у южной тропы, теперь вот почти ставший родным старик, потерявший всё. Бойцы, между тем, уже выволокли трупы амеров из кабины грузовика, Алекс стоял возле меня с куском камуфлированного брезента, видимо, найденным при обыске. Вместе мы завернули тело Варенухи, туго спеленали его, перемотав верёвкой.

— Возьмём Семеныча с собой,

похороним по пути на авиабазу, там есть место хорошее, ему бы понравилось. Расклад такой: сейчас быстро разбираемся со жмурами, потом всё по плану. Погнали, аллюр три креста.

Тоном дав сигнал к общему сбору, я взялся помогать парням. Вскоре все шесть тел были прикопаны в полусотне метров от дороги, где мы загодя отрыли широкую траншею. Затем все разместились по машинам, и колонна двинулась вперёд. Мы с подельником Матинелли ехали в джипе. Я немного неуверенно вёл импортную машину, однако не скажу, чтобы было стрёмно — машина

хорошо шла по колее, даже почти не трясло. Итальянец матерился сквозь зубы, прижимая к ране набухший кровью перевязочный индпакет. Но глаза лысого наёмника всё же выдавали его радость. По уговору с ним мне пришлось отстегнуть долговязому венгру из нашей разбойничьей кассы полтора «куска» иностранных денег в качестве задатка. Рана, к слову, получилась страшной только на вид — Ирина постаралась на славу, и пуля прошла навылет, не задев кость и крупные артерии. Чабба, как представился наёмник, довольно сносно говорил по-русски. Однако без необходимости я даже не смотрел в

его сторону, и всё оставшееся до аутпоста трофейщиков время мы ехали молча. Только раз я приказал венгру включить автомобильную радиостанцию на сканирование армейских частот, чтобы попробовать разобраться в текущей обстановке. Веня серьёзно поработал над дешифровкой кодовых таблиц захватчиков, поэтому я был более-менее в курсе всех местных дел, когда наша колонна подъехала к шлагбауму перед противоминным лабиринтом у ворот аутпоста. Все, что мы слышали, было обычной перекличкой редких в это время суток транспортных конвоев, да перебранкой командиров и дежурных

операторов сети блокпостов в районе кемеровской транспортной развязки дальше и восточнее. Я посигналил, Чаба крикнул что-то на своём языке в темноту, и в тот же миг впереди вспыхнул мощный прожекторный фонарь. Хриплый голос проорал в ответ по-английски с незнакомым мне акцентом:

— Чаба, это ты, ублюдочный чешский засранец?! Какого хрена вы не остались в Джинджер Браво? Вот лейтенант Гиббс не знает, как вы подставляетесь...

Вскоре к нам вышел средней комплекции наёмник, основательно упакованный во всё, что надо и не надо: шлем в чехле и с блямбой

ноктовизора, поднятого сейчас на лоб, бронежилет с пристёгнутым «фартуком» паховой пластины. Он казался вспухшим от плотно напиханных в нагрудные под сумки автоматных магазинов. На левом бедре – внушительных размеров револьвер в открытой кобуре, а на грудь с правого плеча свешивался нож в причудливом металлическом чехле. В руках часовой держал автомат оснащённый подствольным гранатомётом и кучей прицельных приспособ. Кроме того, мужик напялил на себя защитные наколенники и налокотники, отчего смотрелся даже забавно. Странный наёмник включил небольшой, но

мощный фонарь, и направил его сначала на нас, а потом узкий луч пробежался по колонне. Круглое лицо часового со стиснутым туго затянутым ремнём шлема небритым двойным подбородком нахмурилось. Маленькие светлые глазки сощурились, почти скрывшись под набрякшими веками. Он уже что-то собирался сказать глядя прямо на меня, однако Чаба зло оборвал бдительного стража ворот, жутко коверкая английские слова:

– Поднимай эту чёртову палку вверх, Харрис. Меня подстрелили, и если ты не перестанешь выдрючиваться, то я сейчас выйду из тачки и натяну твои пороссячи зенки

на твою же толстую жопу! И я венгр, а не чех, тупой ты засранец!..

Часовой попятился и даже в сумерках я увидел, насколько бледным стала его физиономия. Ворча что-то неразборчивое, погасил фонарь и отступил из конуса света. Полосатая палка шлагбаума поползла вверх, чуть дальше впереди вспыхнул жёлтый свет, осветивший отъезжающую влево створку ворот. Я тронул тангенту рации, дав сигнал приготовиться. Следуя указаниям Чабы, я завёл джип на просторную площадку, закрытую сверху масксетью. Следуя разметке, нанесённой жёлтыми белилами прямо на лишённую травы землю,

мы припарковались. Остальные три грузовика заехали на площадку и встали чуть левее, метрах в трёх. Я проверил, как пистоль выходит из кобуры, повернулся к наёмнику и спросил по-английски:

— Кроме этого хомяка, сколько ещё народу в периметре?

Чаба ответил на том же языке, но уже тщательнее выговаривая слова, чем пять минут назад:

— Только двое. Один у трофейного склада, в карауле, а второй, скорее всего, смотрит видео в казарме.

— Ну, тогда пошли, проверим амбар, веди.

Включив рацию на запасную

частоту, я вызвал вторую группу. Чтобы не вызвать подозрения у часовых, мы разделились, и ещё семеро бойцов, которых вёл Николай сейчас должны были подходить к аутпосту с юго-востока.

— Леший — Новiku, ноль-два. Красный. На приёме.

Пришлось вызывать ещё раза три, пока недавно повышенный новичок не отозвался как положено. Голос его звучал тихо, но связь была устойчивой:

— Новик — Лешему, ноль — один. Зелёный.

Я дал тоновый сигнал о начале зачистки. Мы с наёмником отошли от стоянки и направились к складу

по дорожке, выложенной дощатыми, плотно пригнанными панелями, как позади послышался знакомый голос:

– Эй, Чаба!.. погоди, вроде я не знаю этих парней! Они все из Джинджер?..

Нас догонял сдвинутый на милитаристской теме, упитанный «вратарь» Харрис. Однако сейчас у меня уже кончился отведённый на случайные задержки запас терпения. Придержав венгра за рукав, я дождался, когда амер войдёт в тень, отбрасываемую длинным щитовым баракom, по-видимому, служившим конторой. Как только Харрис оказался на расстоянии вытянутой руки, я шагнул ему навстречу и без

замаха вогнал ему под подбородок клинок. Широкое жало полностью скрылось в ране, глаза оборванного на полуслове часового медленно потухли. Испустив шипящий вздох, он стал оседать на землю. Подхватив тело, мы с венгром оттащили его подальше в тень, прислонив возле стены барака за штабелем каких-то ящиков. Теперь его не было видно от дороги, а от обзора с единственной вышки тело скрывали ещё довольно густые предрассветные сумерки. Отряхнув руки, наскоро очистив клинок от крови и спрятав его в рукаве, я вынул пистолет и, жестом показав венгру в сторону дорожки, пошёл вперёд. Чаба только сплюнул в

том направлении где лежал труп и пробормотал:

— Жирный янки давно напрашивался. Ещё неделя вместе, и я сам бы пристрелил эту высокомерную сволочь.

Я только пожал плечами, мелкие дразги импортных людей мне безразличны. Равнодушным тоном ответил:

— Ну, тогда твоё желание исполнилось... Теперь пошли, время — деньги.

Склады были расположены по стандартной схеме, я понял это ещё в тот раз, на разгромленном «блоке» наёмников. Матинелли передал схемы обороны авиабазы и этого

аутпоста трофейщиков, помня о том, что для налёта на такой серьёзный объект нужно много оружия. Поскольку итальянец теперь ведал снабжением, он точно знал, как и когда пополняются промежуточные пункты хранения трофеев. Большая партия российского оружия и боеприпасов как раз поступила на несколько складов, откуда всё на грузовиках должны были перевезти во временные хранилища авиабазы. Доставка планировалась на семь утра, так что подельник итальянца попросту смухлевал с путевыми листами и лишний раз сгонял грузовики на дальний укреплённый пост Джинджер Чарли. По дороге

оттуда мы и подстерегли порожний транспорт. Сегодня, под видом группы охраны трофеев и с выправленными Чабой документами, проникнуть на авиабазу и даже пройти на оружейный склад стало реально.

У площадки возле складов на первый взгляд никого не было. Оба ангара размещались внутри ещё одной ограды – сетчатого забора со спиралью «колючки», пущенной по верхнему краю. Створка ворот была закрыта, будка охранника пустовала. Венгр присвистнул, вглядываясь в пространство между бочкообразными стенами ангаров. Только теперь я уловил слабый, но

такой знакомый запах. Часовой выскочил из тени и поспешил в нашу сторону, свет от фонаря над будкой позволял довольно неплохо его рассмотреть. Среднего роста, смуглокожий парень лет двадцати. Вместо традиционного автомата этот любитель дурмана таскал на спущенном почти до бедра ремне укороченный «ремингтоновский» дробовик. Подняв на моего сопровождающего мутный от гашиша взгляд, он проговорил по-английски:

– Чэб, старик... я реально чуть измену не словил! Сволочуга Харрис час назад врубил сирену, когда увидал за оградой местную свинью... или это был олень? Короче, я

пойду... мне надо расслабиться. И это, не зови пока: ведомость в «караулке», мою закорючку только поставь, где надо, и всё.

Уходя, парень отработанным движением залез рукой в открытую на треть «кормушку» приёмного лотка в своей будке. Тут же зажужжал электромотор, и створка ворот поехала влево, путь к складам был открыт. Чаба махнул рукой в сторону складов, торопливо шагая к двери крайнего слева от нас:

– Когда Санчес дежурит, код на дверях обоих складов всегда один и тот же – 2233. Его лежанка у самого забора, там же он прячет кальян и запасы дури.

Отвращение и злость, которые мне удавалось с трудом удерживать всё это время, подсказали, как следует поступить с наркоманом. Я вынул из ножен на поясе простой армейский нож, который прицепил с остальной импортной экипировкой, чтобы всё было как положено. Перехватив его за клинок, протянул венгру рукоятью вперёд:

– Он свидетель, иди и убей его. Только тихо.

Реакции на такое предложение ждать не пришлось: наёмник безразлично кивнув, взял нож и быстро зашагал к проходу между складами. Я тронул тангенту рации и запросил Михася:

— Рысь, свет на четвёрку. Если динамит — глуши гостя.

Мишка маякнул тоном рации, что приказ понял. Я уже собрался набить код на складской двери, но тут слева и сзади раздался сначала приглушённый крик, а затем сухо защёлкали вразнобой сразу три ствола. Инстинкты опередили сознание, как это бывает в момент опасности: мгновенно сместившись влево и вниз, я припал на одно колено и вскинул автомат к плечу, развернувшись в сторону перестрелки. Мгновенно перед мысленным взором возник план-схема аутпоста: стреляли от второго жилого строения, где размещался

командный состав. Согласно данным наёмника, сейчас там вообще никого быть не должно. Тут же ожила рация, доклады следовали один за другим.

— Волшебник — всем: бегун на три часа! Пятьдесят, северо-восток.

— Коса — Лешему! Красный по секторам, цель блокирована строениями!..

— Бык — Волшебнику! Бегуна не вижу!..

Кто бы ни прятался в здании, его следовало отыскать очень быстро. Вызвав всех по рации на общей частоте, я приказал:

— Леший — подгруппе зачистки! Работаем по четвёртому варианту, расчехлить маяки. Бык и Волшебник

– чёс на север и северо-восток. Коса – прикрытие. Рысь – работа по своей задаче, не отвлекаться!..

Я сменил позицию, взобравшись на штабель из каких-то тарных ящиков, составленных в куб. Теперь крыши всех немногочисленных строений оказались на пару метров ниже. Обзор получился неплохой, однако с востока тент автостоянки перекрывал вид на дорожку, ведущую к воротам. Несколько раз бойцы докладывали, что беглец не обнаружен, Ирина молчала, но я каким-то шестым чувством уловил ярость и бессилие девушки. Вдруг порыв налетевшего ветра приподнял край тента над крайним справа от

меня углом автостоянки, и я увидел скрючившуюся у стеллажей с крышками тёмную фигуру. Без резких движений отложив автомат, я вынул трофейный прицел и всмотрелся в то, что принял за фигуру человека. Фигура не шевелилась, но я заметил лёгкое облачко пара, потом ещё одно, и ещё. Нужно удостовериться, что это и есть наш бегун. Вызвав ребят, я шёпотом произнёс:

— Леший — подгруппе. Всем стоп. Возможный контакт на семьдесят, юго-восток. Обозначить себя!..

Фигура не шелохнулась, даже когда последовали доклады от

Алекса с Сергеем – каждый выполнил приказ, обозначив себя согнутой в локте левой рукой, сжатой в кулак. Взяв автомат, я передвинул флажок предохранителя в положение стрельбы одиночными и, выцелив верхнюю треть фигуры плавно выжал спусковой крючок. Выстрел получился громким, отозвавшись по округе скупым эхо. Фигура дёрнулась, поплыла. Сопровождая цель, я выстрелил ещё раз, но всё осталось без изменений. Не отрывая взгляда от потерявшей правильные очертания фигуры, замираю и жду. Вдруг рядом возникло какое-то движение и в следующий миг показалась часть бедра с белой

повязкой над коленом. Рация доложила голосом Сергея:

– Бык – Лешему, отбой. Бегун на ноль помножился. Чисто.

Тут же последовал доклад от Михася, приятель сообщил, что венгр не схалтурил и честно прирезал нарка-часового. Как бы в подтверждение его слов, к штабелю, где я стоял, подошёл Чаба. Долговязый наёмник уже успел перевязаться как следует, повязка небольшим бугром выпирала из-под воротника куртки. Некоторая заторможенность давала простор для предположений по поводу обезболивающего, которым он укололся. Однако в целом он

выглядел неплохо, что собственно и требовалось в ближайшие пару часов. Я спрыгнул вниз и принял у наёмника уже чистый, но слегка влажный нож. Спокойным голосом венгр сказал:

— Всё сделал. Этот мудака даже не понял, что случилось. Не думай, что это было легко, я не любитель резни.

Слова наёмника прошли мимо моего сознания, этот человек был мне совершенно безразличен. Я молча кивнул, забрал нож и сунул его в ножны на поясе.

— Хорошо, теперь давай закончим работу. Открывай арсенал, ищи пластиковую взрывчатку и

одноразовые гранатомёты. Я пойду в второй ангар, нужно прибавить пару шансов к тем, что мы уже имеем. Потом всё как намечено.

Набрав простую комбинацию цифр и едва дождавшись, когда сработает замок, я рванул дверь склада вправо. Внутри сразу вспыхнули лампы дневного освещения, пахнуло деревом, оружейной смазкой и железом. На ходу я вызвал вторую группу и дал сигнал выдвигаться. От входа раздался рык дизелей, ребята подогнали два первых грузовика. Указав подошедшему Сергею на два верхних стеллажа у правой стены, я приказал:

– Судя по маркировке, там лежит хороший «станкач», его надо погрузить в первую очередь. С «утёсом»^{36} приходилось работать?

– Только на полигоне, когда сборы институтские проходил.

– Ничего, вполне возможно, что хорошее умение и не пригодится...

От двери слышались голоса, вошли ещё двое бойцов из прибывшей только что группы Новика. Оба были одеты в импортную полевую форму, уже с нашивками «Блэкстоун» прикреплённом на «липучку» у верхнего среза бронежилетов. Указав парням на копошащегося у стеллажа Сергея, я вышел на улицу и

присоединился к ещё одному бойцу из второй группы – Алику Сомову. Они с Волшебником уже укладывали бруски пластита на дно оружейных ящиков, которые предстояло везти на базу, как готовые к отправке трофеи. Взрывчатка укладывалась в укупорки с автоматами, солидный запас шёл на дно ящиков с боеприпасами. Каждый гостинец Алекс оснастил простейшими электродетонаторами, работающими по принципу остаточного питания. Проще говоря, вместо ненадёжного таймера используются полуразряженные «пальчиковые» батарейки. Пока заряд есть, работает реле замедлителя, когда он иссякнет,

происходит подрыв бомбы. Обычный таймер на основе начинки сотового телефона или часового механизма может сбить обратный отсчёт — пойти быстрее, начать отставать, и тогда кранты. Опытным путём сапёр подобрал шесть пар аккумуляторов, чей заряд истекал через тридцать минут. Плюс-минус десять секунд в разных заготовках определяющим фактором не будет. Когда наши ящики окажутся в заглублённом хранилище, склад стартует на орбиту, это совершенно точно. Ещё через час вся найденная взрывчатка была размещена в двенадцати ящиках с оружием и боеприпасами. Особую надежду я возлагал на те

«гостинцы», которые сейчас мирно лежали в укупорках со ста двадцатимиллиметровыми гаубичными снарядами. Эти точно не подведут.

Приготовления мы закончили, когда небо сменило оттенок и из синевы постепенно стали уходить оттенки чёрного. Отогнув клапан над циферблатом часов, я увидел светящиеся цифры: 06.12. Включив рацию, запросил снайперов:

— Коса, Рысь — здесь Леший, на связь!

Сначала отозвался Михась. В голосе приятеля я уловил тревожные нотки:

— Рысь — Лешему, по секторам

«зелёный».

Затем хрипло с провалами вышла в эфир Ирина. Её голос звучал бесстрастно, иногда мне трудно определить настроение девушки даже лицом к лицу, что уж тут говорить о фразах, брошенных по плохой связи:

– Коса... Лешему... «зелёный».

Пока всё шло по ранее проработанному сценарию. О смерти Варенухи я старался не думать – пока вражеские самолёты взлетали с авиабазы, всё личное оставалось где-то на периферии сознания. Помогала давняя привычка не сближаться даже с теми, кто по общепринятым стандартам мог считаться больше,

чем просто знакомыми. Когда смерть ходит рядом, время от времени заглядывая то прямо в лицо, то, уводя с собой в небытие тех, с кем только что делил очередной пуд соли, учишься быть отстранённым. Если каждый раз рвать душу, скоро от неё останутся жалкие лохмотья. Для меня лично проще не узнавать человека слишком близко, тогда не так остро ощущаешь потерю. Но всё равно каждая смерть братьев по оружию оседает где-то там, на дне души. Время от времени ловлю себя на мысли: а вдруг однажды случится так, что этот груз просто не получится сдвинуть с места...

— Ропша, мы всё погрузили,

выключатели каждой мины выведены в дырку под верхней планкой боковой крышки ящика. Механизм активируется незаметно, во время перегрузки на транспортёр уже на базе.

Алекс перебил тяжёлые словно жернова мысли, помимо воли ворочавшиеся у меня в голове. Бывший турист, как и подавляющее большинство новобранцев, всё ещё слабо понимал последствия наших приготовлений. Да, они побывали в бою, убивали сами, однако чтобы до конца проникнуться ситуацией, в которой мы оказались, нужно гораздо дольше оставаться в живых. Вдруг вспомнилась легенда про

лодку Харона, когда каждый оплачивал дорогу в царство теней только в один конец. И пусть вместо лодки у нас грузовики, суть та же. Перехватив автомат в левую руку, я только хлопнул парня по плечу:

– Добро. У нас сорок минут, чтобы заминировать тут всё. Я возьму двоих и начну у казарм, ты с Новиком и Серёгой – берите склады. Всё, время дорого.

Ничего хитрого мы не планировали: три фугаса, где роль основного заряда выполняет осколочный снаряд. Во время прошлой акции я лично погрузил три увесистые «чушки» и потом с предосторожностью поручил бойцам

Новика доставить их к месту встречи. Два поставим на складах, один возле склада горючего. Все три сработают с задержкой в три минуты после того, как кто-нибудь решит открыть главные ворота аутпоста. Ну, и, само собой, неприятность ожидает того, кому повезёт избежать главного сюрприза и он, добравшись до основного устройства, попытается сдвинуть его с места. Как ни странно это прозвучит, но сам процесс минирования мне всегда нравился. Повалив одну из бочек с горючим на бок, я ножом проделал в крышке и днище несколько отверстий. Часть топлива тут же начала выливаться на землю, но внутри его останется где-

то две трети. Взрывная волна выбьет крышку и дно, горючка выплеснется точно вдоль дороги, ведущей от входного шлагбаума. Искры воспламят бензин, но не сразу, а только когда отражённой тягой основного взрыва разобьёт остальные восемь бочек с топливом. Тут есть и соляра, поэтому загорится знатно. Я уже заканчивал, когда от созерцания проводов меня отвлёк гул двигателей и близкий голос Чабы:

– Всё готово, босс!

– Хорошо, проезжайте вперёд, я скоро догоню.

Колонна отъехала метров на двадцать вперёд по дороге, серые сумерки, окончательно истаяв,

уступили место холодному осеннему утру, туман плотной завесой окутал деревья. Даже габаритные огни замыкающей машины едва виднелись впереди. Осторожно захлопнув створку ворот, я успел увидеть, как из кустов слева вынырнули и пропали в кузове две фигуры в лохматых маскировочных накидках. Теперь всё... Все кто остался, были в сборе. Бегом нагнав головную машину, я вспрыгнул на переднее пассажирское сиденье, хлопнул по колену торчавшего вверху за пулемётом Алекса. Он настоял, чтобы на всякий случай мы поставили на турель пулемёт, и я не стал возражать. Чаба, не спрашивая разрешения, вынул

зубами из мятой пачки сигарету и прикурил от термитной спички, зажжённой о ноготь большого пальца руки. Дым защекотал ноздри, я вдохнул давно забытый аромат и, откинувшись назад, закрыл глаза: вспомнился вечер перед тем, как мы покинули пещеры, может быть, последний раз.

...В палатке, как всегда, царил полумрак, разгоняемый только светом пары лампочек, распространяющих дрожащий жёлтый свет не дальше вытянутой руки. Совещание по поводу предстоящей акции затягивалось, слишком сильны были в тот момент разногласия между нами. Нет,

вопроса о том, стоит или нет идти на базу, не стояло. Все с определённым энтузиазмом восприняли моё сообщение, что это осуществимо. Спор разгорелся вокруг численного состава группы, мало кто хотел остаться в пещерах. Ребята спорили, выдвигая порой даже такие смешные аргументы, как кто кого и на сколько лет старше. Я не вмешивался, зная, что возьму с собой только показавших себя в ближнем бою. Всматриваясь в бледные от усталости и постоянного напряжения лица с горящими азартом глазами, думал о том, сколько пар глаз мне придётся закрыть уже через полные сутки.

Молодость не верит в смерть, даже когда видит или творит её своими руками. Взгляд снова и снова задерживался на фигуре нашего командира. Лера сидела очень тихо, не принимая участия в обсуждении с того самого момента, как ей стал ясен очевидный исход акции. Серо-зелёные глаза её блестели в тусклом свете, и лишь однажды наши взгляды встретились. И в очередной раз я не смог ничего прочесть, угадать в них, кроме явно проступившей тоски. И вот сейчас мы снова натолкнулись друг на друга, но девушка, не смутившись, подалась к карте, выведенной на экран ноутбука, стоявшего на камне,

заменявшем стол. Тихим, но твёрдым голосом она обратилась прямо ко мне, уже не отводя взгляда:

– Тихо всем!.. Ропша, давай ещё раз, и теперь уже подробнее. С учётом того, что акция заведомо рискованная, я хочу знать шансы группы уйти после взрыва.

Не этого я ожидал, однако пришлось оставить интуицию при себе, тем более, что с девушками она редко когда срабатывала и в мирной жизни. Взяв со стола ошкуренный прут, заменявший указку, я снова принялся объяснять:

– Шансы есть, но их не так много. Первая подгруппа грузит

ящики и активирует основные заряды, вторая проходит к запасным полосам аэродрома и пытается найти подход к самолётам и топливному складу. Потом собираемся возле насосной станции и организовано отходим через южные ворота. Взрывы произойдут под землёй, к тому времени мы успеем отойти на приличное расстояние. Ударной волной если и зацепит, то только слегка. Осколки – другое дело, но тут уж как повезёт...

– А если амеры что-то заподозрят?

– Тогда вариантов только два: прорыв за периметр или отход в

укреплённую точку на территории базы с целью отвлечения внимания. В первом случае прорываемся к воротам и уходим в лес, во втором... Во втором трое занимают позиции в здании насосной станции, оно собрано из армобетона и довольно удачно расположено. К тому же там есть несколько сервисных тоннелей, по которым основная часть группы уйдёт к внешнему оборонительному кольцу и сможет уйти за периметр. Прикрывать останусь я и двое добровольцев, больше там никто не нужен. Здание небольшое, его можно удерживать минут сорок, если амеры не подтянут тяжёлую технику. Нас

захотят взять живьем, поэтому полчаса у отступающих точно будет.

Говоря это, я снова украдкой окинул взглядом тесный полукруг собравшихся.

Возбуждение потихоньку стало уступать место осознанию опасности, которая нас ожидает. Задор исчез, глаза погасли, куда-то спрятались бравые улыбки парней. Даже Алекс уже не хохмил, его бравое «Войдём и выйдем – как два пальца» растворилось в тревожном перешёптывании. Я щёлкнул клавишей, изображение трёхмерной модели коммуникаций приблизилось. Нужно убедить людей, заставить их страх отступить.

Ровным, уверенным тоном я продолжил:

– Насосная станция – часть внутреннего оборонительного периметра на случай прорыва вражеских войск или высадки десанта. Это укреплённое здание, его проектировали специально для боя. Сервисных тоннелей два, но верхний занят трубопроводом, там не пройти. Второй – узкий, там проложены электрокабели, но человек средней комплекции проползёт, таковы стандарты. Идя налегке, взяв только личное оружие, пройти вполне реально. Повторяю, что получаса вполне хватит, подгруппа прикрытия, имея такую

хорошую позицию, сможет держать штурмующих. Долго там сидеть нельзя, но полчаса продержаться вполне реально...

Вдруг поднялся Сергей, его массивная фигура заслонила свет одной из ламп. Обычно молчаливый, он спросил, медленно подбирая слова:

— Тем, кто останется... ну, прикрывать остальных будет... вообще без мазы уйти?

В палатке повисло неловкое молчание, даже перешёптывания стихли, каждый остался наедине со своими мыслями. До людей наконец-то стало доходить, на что они подписались. И в этот момент, я

сказал то, во что сам не очень-то верил, понимая однако, что люди должны были услышать именно эти слова:

— Есть шанс последовать за остальными, правда, он невелик. Амеры попытаются взять здание штурмом, потом начнут обстрел спецсредствами. Если и это не поможет, выведут на прямую наводку БТР или танк. В этот момент штурмовать никто не будет, людей отведут подальше. Если тоннель не завалит, и если не применяют термобарические боеприпасы, то возможно шанс уйти всё же есть.

Народ снова загудел, мои слова

показались им убедительными, хотя по взглядам, бросаемым людьми друг на друга, я понял, что каждый подсознательно понял правду. Время уговоров прошло, теперь пришла пора отдавать приказы, и это меня всё больше угнетало. Но именно приказ мог всё испортить, надломить души выживших «туристов», заставить их удариться в панику. Эти люди пока еще только играли в войну, а для настоящей никто из них не созрел, однако обстоятельства не оставляли мне выбора. Я заговорил снова, на сей раз громче, подпустив в голос раздражения:

— Все мы когда-нибудь умрём, но

только Бог ведает, где и когда! Если останетесь здесь, может быть, какое-то время будете жить, если пойдёте со мной – скорее всего, нам хана. Но это наши думки, человеческие... Мы на войне, тут смерть сама выбирает, кого взять. И я не знаю, кто ей приглянется на этот раз: тот, кто пойдёт, или тот, кто останется. Есть задача, есть план, но никто не знает, как всё случится на самом деле... Туда надо идти, ребята, и кроме нас некому. На востоке точно остались города, там сражаются такие же, как мы, и если на их головы перестанут падать бомбы, значит, всё не зря. За себя скажу так: буду мстить

амерам, пока дышу. За каждого, кто погиб, я возьму три, пять вражеских душ... Сколько смогу. Кровью за кровь, смертью за смерть. Только так должно отвечать врагу. Не приказываю идти со мной, хотя должен. Я только прошу.

Снова стало тихо, в застывшем от напряжения воздухе, слышалось только, как шуршит вентилятор воздушного охлаждения в ноутбуке, как хлопает на сквозняке полог палатки. На войне правят суеверия и фатализм, потому что люди стремятся не думать о смерти, хотя каждый надеется, что выживет. Сейчас я дал бойцам соломинку, извечное русское «авось»,

но именно в такой ситуации иррациональное всегда берёт верх над доводами рассудка. Фаза отрицания смерти прошла, надежду на бегство я тоже у них отнял, поскольку подспудно обратился к страху каждого человека перед неизвестностью. Моими словами говорил опыт, люди видели внешнее спокойствие и уверенность, черная у меня то, чего им сейчас недоставало. Затянувшееся молчание нарушил глухой голос Ирины:

— Чё, мужики, сдулись? Стрельнуть и убежать, конечно, проще. А уж тушёнку жрать, забившись в нору, это ещё круче. Вы

как хотите, а я точно пойду. Ропша, я с тобой!

Слова девушки послужили сигналом для остальных. Под одобрительный гул голосов все, кроме двух парней, которых Михась обучал одними из последних, выразили желание идти. Попытавшихся выскользнуть ребят все стали подначивать и стыдить, но я пресёк это на корню:

— Отставить разговоры! На войне у каждого свой страх... Не осуждайте того, кто отказался. Они не трусы, просто их выбор был не таким, как ваш. Трус — это тот, кто бросит вас в бою, до этого обнадежив, что прикроет. А эти

ребята просто сказали правду, сказали честно и до того как станет поздно. Может статься, придёт такое время, и вы поменяетесь ролями. Теперь все по палаткам — готовить снарягу, проверять оружие, изучать план операции. Если командир отряда сказать ничего не хочет, то у меня всё.

Приглушённый ропот не стихал, а значит, в бой я всё же пойду не один. Теперь пускай говорит тот, кто был с отрядом дольше меня, кому все доверяют и чьих слов точно ждут больше всего. Уйдя от стола в тень и сев на раскладушку, я снял с изголовья новый амеровский «броник» и, распустив шнуровку,

стал проверять крепления поилки, закреплённой сзади на спине. Штука удобная, вода остаётся холодной, даже если долго таскаешься по жаре, главное — не налить до полна. В сторону стола я старался не смотреть, чтобы не видеть глаз Леры. Но уши-то не заткнуть, поэтому пришлось слушать, и каждое слово волновало, заставляя сердце как-то особенно замирать. Снова вспомнился тот случай в палатке, с трудом получилось заставить себя сосредоточиться на шнуровке. Девушка меж тем начала говорить, голос её грудной и чуть хриловатый зазвучал без всякого пафоса.

— Ребята... Мы шли и ехали сюда несколько месяцев назад, чтобы развлечься и просто хорошо провести время. А вот так вышло, что на войну угодили. Пока что нам везло, но вы помните, что из приехавших на игру уже тринадцать человек мертвы, ещё пятеро при смерти. Задумайтесь, ведь никто этого не хотел, правда? Я так точно нет...

Голос девушки дрогнул, глаза ее стали совершенно серыми, и смотрела она на собравшихся почти что зло. Вдруг она поднялась с места и с силой опустила руки, сжатые в кулаки, на камень.

— Говорят, что самое тёмное

время всегда перед рассветом. Мы уже давно воюем, и пришла пора понять: сомнения и думы не спасут, спасёт действие. Вышло так, что сейчас почти всегда темно, и выйти к свету можно, лишь совершив Поступок. Так хватит болтать, пойдём и будем драться! Всё, вы слышали Ропшу. Те, кого он назвал...

С места поднялся Новик, парень хорошо показал себя в деле, но между ним и Лерой всегда было какое-то напряжение. Парень глухо кашлянул и выпалил:

— Тебе хорошо подначивать, сама-то тут останешься!..

В палатке стало совсем тихо, но через пару секунд тишина взорвалась

возмущенными криками, и атмосфера ощутимо накалилась. Вскочил Веня, полез на Новика с кулаками, на нём тут же повисло сразу несколько человек. Лера стояла, совершенно бледная, губы сжались в тонкую линию, ещё пара мгновений, и она скажет какую-то резкость. Отложив в сторону жилет, я поднялся и гаркнул:

– Отставить! Бойцы, на выход, построение у спортплощадки. Новик приготовиться к спаррингу. Работаем в полный контакт. Бегом выполнять!

Лера оглянулась в мою сторону но в следующую секунду, подхваченная общим движением,

уже вышла из палатки. Натянув перчатки и стряхнув лёгкий застой в мышцах, я пошёл следом. Все сомнения в замкнутом коллективе нужно пресекать до того, как дурное слово или поступок зацепят большинство. Я умею делать это только одним способом, поскольку чаще всего он и есть самый верный. Когда возникает банальная свара, слова – штука дешёвая, всегда в этом убеждаюсь.

Ринг – это огороженная страховочными тросами площадка с настилом, сооружённым из палаточного капрона и соломы. Падать здесь больно, однако парни привыкли, после того как я научил их

правильно гасить инерцию при падении. Народ уже ждал, построившись в две шеренги. Перебравшись через канаты, я снял кроссовки, калечить и наносить серьёзные травмы толковому бойцу перед боевым выходом – не дело. Эти новые боты имели с кроссовками не так много общего, и сломать что-нибудь жёстким кантом их подошвы – раз плюнуть...

– Старший разведчик Новик, в круг. Защиту надеть, работаем по команде «бой».

– Есть в круг!

Парень одет был, как все, но кроссовки и перчатки не снял, как я и приказал. До войны он занимался

кикбоксингом и вроде бы серьёзно, говорил, что участвовал в соревнованиях. Дрался Новик действительно неплохо, мы не первый раз работали в паре, только вот я учил бывших «туристов» не драться, а убивать. Драка на войне — штука бесполезная. Как только он кивнул, что готов, я приказал остальным:

— Бойцы, в полукруг — становись! Всем сесть и наблюдать за схваткой.

Больше не было разговоров, все уселись растянувшись в цепочку вдоль канатов. Лера стояла чуть позади остальных, вытянулась в струну, заложив руки за спину, но

тоже не сказала ни слова.

— ...Бой!

Новик слегка растерялся, сбитый с толку резким переходом от словоблудия к мордобитию. Не давая парню опомниться, я резко шагнул вперёд, разрывая дистанцию, и без замаха ударил его ногой под левое колено. Сказалась подготовка, реакция противника не подвела: парень отшагнул в сторону и сам попытался провести удар рукой в горло. Блокировав удар, я поймал его за большой палец руки и крутанул назад и вниз. Охнув от неожиданности, Новик начал подаваться ко мне, и в этот момент я присел и, доворочивая его руку

вниз и назад, оказался у него за спиной. Потом ударил под колено и повалил на пол, продолжая выворачивать руку назад и вверх. Слыша, как трещат связки при попытке освободиться, я упёрся коленом в болевую точку на его позвоночнике и надавил. Боль должна быть парализующей. Так и получилось: противник замер, потом глухо застонал, стуча раскрытой ладонью свободной руки по полу, но я не ослабил захват. Затем быстро поднялся, ещё раз надавив на позвоночник парня. Болевой провёл не сильно, просто дал почувствовать боль, а затем обратился к остальным:

– В армии у каждого своё место в строю, в казарме и в бою! Никогда не оспаривать решений командира, поскольку он отвечает за жизнь всех и каждого в подразделении. Сомнение в бою – ваша личная смерть, сомнение в приказах командира – смерть всех кого вы подвели своим послушанием. Старший разведчик Новик, встать в строй, после построения зайти в санчасть.

– Есть в санчасть после построения!..

Парень не пострадал, это я понял по тому, как он двигался. Пара ушибов и крепкая наука на будущее – как раз то, чего я добивался. Став перед строем и внимательно оглядев

пятнадцать пар возбуждённо блестящих глаз, я обернулся к Лере и отдал рапорт как положено.

— Взвод! Равняйся, смирно! Товарищ командир отряда, в рамках занятий по рукопашному бою был проведён учебный поединок. Подразделение занимается согласно распорядка, больных и раненых нет. Командир взвода разведки — старший сержант Ропша.

Девушка, слегка смутившись и не зная что ответить, кивнула и, повернувшись к замершим в строю людям, проговорила хриплым от волнения голосом:

— Пусть из строя выйдут те, кто считает, что я струсил. С

удовольствием поменяюсь с ним и пойду в рейд с Ропшей. Ну, давайте же!

У Леры очень выразительные глаза и сейчас во взгляде нашего командира читался вызов. Строй не шелохнулся, и все, включая красного от осознания своей неправоты Новика, замерли. Тряхнув головой, девушка повернулась ко мне:

– Всем вольно. Через час жду тебя в штабной палатке с окончательным вариантом плана акции.

Мне надоела эта канитель, но бойцам нужно было показать, что есть дисциплина. Озвучив список тех, кто назначен идти в рейд, я

приказал разойтись, и на этот раз все без суеты и бормотаний буквально разбежались по палаткам. Лера уже ушла, план, о котором она говорила, давно сложился и менять что-то в нем я не собирался. Ещё минут сорок провозившись со снарягой, я отправился в штабную палатку. Миновав два коридора, идущих в обход основных залов, и ответив на окрик часового, я вошёл в штабную двенадцатиместную палатку, где у Леры был свой жилой уголок. Правда, «уголок» — это громко сказано, просто раскладушка, отгороженная самодельной ширмой из оранжевой палаточной ткани. Девушка возилась в углу, виден был

только чёткий силуэт на потемневшей от копоти стене. Присев к столу, я расстелил план акции, вычерченный на пожелтевших листках склеенных в масштабную карту. На бумаге всё выглядело солидно, значки подгрупп и пунктиры маршрутов провода к объектам диверсии смотрелись очень толково. Как, впрочем, и любой план до его реального воплощения. Я верю, то люди пойдут и будут стараться изо всех сил, но подспудно зрело предчувствие близкой беды. Не испытывая страха за себя, я боялся за неопытных ребят, которым предстояло выполнить работу настоящих

профессионалов. Сейчас как никогда хотелось услышать голос деда, спросить совета и поделиться сомнениями. Но в который раз уже приходила одна и та же мысль: прошлое мертво, есть только настоящее и нет права переиграть или отступить.

— О чём так тяжело думаешь, разведка?

Лера неслышно вышла из-за ширмы и, сев у стола, видимо, какое-то время за мной наблюдала. Голос девушки звучал дружелюбно.

— Только о том, удалось ли всё правильно просчитать. Но это так, бесполезный скрип ржавых извилин. Всего предусмотреть не выйдет,

жизнь сто пудов хитрее.

Лера подвинула ко мне алюминиевую крышку котелка, в которой лежали куски аккуратно нарезанных маринованных огурцов и консервированной ветчины – всё из захваченных у наёмников припасов. Вдруг ощутив зверский голод, я вынул из рукавного шва верный ножик и, поблагодарив хозяйку кивком, принялся жевать. Вкус у импортной еды был так себе, но в еде меня давно уже занимал только сам процесс насыщения. Лера поставила на стол две железные кружки, взяв одну и ожидая того же от меня. Я уловил резкий запах разведённого спирта. Подняв свою

кружку, спросил:

— За что выпьем?

Слегка пожав плечами, девушка просто подняла кружку и, негромко выдохнув, залпом выпила. Щёки и шею залил румянец, глаза закрылись. Отказавшись от протянутого мной каперса, Лера, выдохнув воздух, сказала:

— Просто пей до дна, больше на баловство спирт изводить не дам, а водки нет. Тосты — это для живых, а ты и остальные на смерть идёте. Не говори ничего, сердце подсказывает, что не увидимся больше. Я и позвала тебя только для того, чтобы...

Голос девушки дрогнул, она

замолчала. Я отсалютовал стаканом, выпил двумя долгими глотками и тоже закусывать не торопился. Повисла неловкая пауза, но то, о чём мы оба хотели говорить, не шло на язык. В голове слегка зашумело, спирта в порции было явно больше, чем воды, и я решился:

— Лера, прости меня.

Вскинув брови, девушка вопросительно посмотрела на меня, будто бы видела первый раз в жизни:

— Это ещё за что?

— За это...

Встав со своего места, я обошел стол и, подняв голову девушки за

подбородок, поцеловал её в губы. Ожидаемого сопротивления не было, каким-то образом мне удалось угадать те чувства, которые Лера, наш суровый военврач, испытывала ко мне. До сих пор не знаю, что это. Может быть, просто влечение, возникшее под давлением непростых обстоятельств, а может быть, начало более глубокого чувства, название которого я даже про себя не решаюсь произнести. Более-менее связно мыслить получилось только спустя пару часов. Мы оба оказались на полу, вокруг и под нами комками лежала наша одежда и какое-то тряпье непонятного назначения. Из своей одежды я смог увидеть

поблизости только один ботинок, остальное словно бы растворилось в хаосе, царящем вокруг. Лера сидела спиной ко мне, обняв руками колени и опираясь на них подбородком. Блики жёлтого пламени керосиновой лампы играли на молочно-белой коже девушки. Короткие волосы не скрывали плавный изгиб изящной шеи, с определённым смущением я отметил красивый обвод бёдер.

— Я тебя прощаю, Ропша. Нужно сказать, что извиняться ты умеешь неплохо. Не пойми превратно, просто в последний раз бледное подобие такого... извинения было полгода назад.

Голос Леры звучал удивительно

спокойно, в нём слышались весёлые нотки, но чувствовалась и печаль. Хотелось сказать ей что-нибудь ласковое и хорошее. Придвинувшись вплотную, я обнял девушку за плечи и сбивчиво начал:

— Лера, я...

— Тсс! Не нужно ничего говорить. Ты сейчас сморозишь глупость, я чувствую это. Пусть всё останется, как есть. Слова не нужны.

Поцеловав девушку в затылок, я вдохнул поглубже, чтобы запомнить, её запах: пот, живое тепло и горький аромат полыни и мяты. Мы одевались в молчании, потом Лера поцеловала меня в

уголок рта, и я пошёл к выходу. На пороге я оглянулся и всё же сказал:

– Я вернусь, обещаю.

Лера покачала головой, в уголках её глаз блеснули слёзы, и сердце у меня тоскливо сжалось. Она присела у стола, где остался лежать план проклятой амеровской базы, и тихо ответила:

– Но я могу не дожидаться, хотя очень этого хочу. Хочу больше всего на свете. Иди, мне нужно побыть одной.

– Выход через три часа, приходи провожать. Пусть это будет на удачу, хорошо?

– Приду...

И она действительно пришла,

но простились мы сдержанно, хотя воздух между нами, казалось, дрожал от невысказанных слов. Не знаю, почему мне говорить о чувствах всегда так сложно. Наверное, это от того, что и Лера, и я – люди практического склада, нам проще показать что-то действием, нежели говорить о чём-то...

– Босс, до КПП уже недалеко, подъезжаем.

Из оцепенения меня вывел голос венгра. Чаба лихо крутил баранку, похоже, раненое плечо его особо не беспокоило. Кивнув наёмнику в знак того, что понял, я отжал тангенту рации, дав два долгих тона, это был

сигнал общей готовности. Дорога извернулась в крутом левом повороте, и вот в рассеянном свете наступившего дня впереди показалась защитная стена и ворота въезда на авиабазу. Через пару минут наша колонна пристроилась в хвост бронемашине, сопровождавшей бензовоз, шедший со стороны железнодорожной станции. Очередь двигалась рывками, со шлагбаумом за противоминным лабиринтом наш джип поравнялся только через сорок минут. Тут всё было серьёзно: пулемёт слева на вышке держал под прицелом дорогу позади нас. Справа и слева дорогу подпирали два ДОТа, собранные их толстых

железобетонных блоков. Я разглядел и смог с уверенностью опознать тяжёлые «браунинги» на станках. Чаба передал мне планшет с сопроводительными документами на груз и украдкой кивнул на спешащего к нам солдата. Это был молодой чернокожий морпех с нашивками капрала. Негр всё время поправлял что-то под «разгрузкой», под сумки на ней топорщились от туго вбитых автоматных магазинов. Сам автомат стволом вниз болтался на низко спущенном к бедру ремне. Это был полноразмерный SCAR с «подствольником», прицел был заботливо закрыт чехлом. Лицо парня, как и весь он, было мокрым

от дождя. Козырнув, он представился:

– Доброе утро, сэр! Капрал Уэбб! Попрошу пропуск и документы на груз и сопровождающих.

Я, стараясь сохранять нейтральное выражение лица, кивнул в ответ и протянул негру планшет:

– Доброе, капрал, оно будет, когда я свалю отсюда домой! Милош Барта, старший специалист службы сопровождения команды «Браво Шесть». Везём трофеи для отправки в Африку.

Морпех понимающе осклабился, не забыв поглядеть в документы. Исподволь я осматривал огороженное пространство,

тянущееся от шлагбаума ко второй линии заграждений. Пробить их бампером джипа не получится – сетчатый забор снизу обложен высокими бетонными блоками. Только БТР возьмёт, даже тяжёлый грузовик забуксует, и его расстреляют с вышек и наземных стрелковых точек. С внутренней стороны может получиться, но не факт, не факт...

– Всё в порядке, мистер Барта. Было подтверждение от вашего командира из Джинджер.

Капрал вернул мне планшет и махнул рукой в сторону дороги, вдоль которой шла красная полоса. Но этот путь вёл в сторону автостоянки, наша цель находилась в трёх сотнях метров

на юго-восток, то есть совершенно в противоположной стороне.

– Капрал, у меня чёткий приказ, и в нём сказано, что груз нужно доставить немедленно.

Негр пожал плечами и ответил равнодушно, видимо, считая наемника, да еще и явного славянина, человеком низшего сорта.

– Сожалею, сэр, у нас свои приказы. На базе введены повышенные меры безопасности. Склады вооружений примыкают к грузовому терминалу, а обе взлётные полосы закрыты до 14.00. Это распоряжение Майора Рэмзи – коменданта базы. Подождёте в «отстойнике», как все остальные,

потом встанете под разгрузку. Всех перевозчиков предупредили что до окончания работ с грузами первоочередной важности все остальные будут задержаны.

Изобразить раздражение по поводу долгой проволочки мне удалось без особых усилий. Снова сев в машину я вопросительно глянул на венгра:

— Судя по всему, деньги придут, но нам нет хода на поле. Черножопый приказал нам рулить в отстойник у ограды. Оттуда в зелёную зону не попасть. Где обещанная твоим итальянским другом красная ковровая дорожка к деньгам?

Наёмник только пожал плечами и сразу же поморщился от боли: болеутоляющее заканчивало действовать. Однако ответил он совершенно спокойно:

– Всё нормально, босс. Пьетро – скользкий тип, он что-то придумал, нужно подождать.

Тут я вынужден был с Чабой согласиться. Матинелли действительно не из тех, кто потащит десяток головорезов на американскую военную базу просто для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

– Ладно, рули в отстойник, а то наш шоколадный друг что-то нервничает.

Наша небольшая колонна проследовало вдоль красной полосы на стоянку, устроенную прямо под стеной второго кольца безопасности. Это была площадка, где стояло ещё с десяток машин с разными сигнатурами и эмблемами на бортах. Большой частью это были контракторы вроде нас, спешившие попасть к грузовому терминалу, чтобы сбросить свою ношу и отправиться в жилые кварталы базы. Там, как сообщил Матинелли, есть несколько баров и супермаркет. Оставив Чабу присматривать за машиной, я вышел и без спешки обошёл своих бойцов в грузовиках, недоумевающих по поводу задержки.

Высвистав Михася из кузова второй машины, я тихо сообщил:

— Затык пока выходит с героическим поступком, брат. Амеры перекрыли зону вокруг аэродрома, будем ждать нашего засланца.

Лицо приятеля, отмытое от камуфляжной краски, помрачнело, он, увидев, что я спокоен, просто спросил:

— Как действуем?

— Тихо переговори со всеми. Подгруппам — отдыхать. Можно попить воды, но не жрать ничего. Сидите, отвечайте всем только по-английски. Кто как умеет, акцент не важен. Рации не включать — если засекут переговоры вне выделенной

частоты, сразу накроют. Если что, отправлю Алекса, он передаст что надо. Всё, действуй.

Вернувшись к джипу, я забрался внутрь и, сделав вид, что дремлю, надвинул кепи на глаза. С сожалением сделал вывод, что в случае чего из отстойника к КПП пробиться будет сложно — всю стоянку держали под прицелом две наземные пулемётные ячейки, а также с вышки у ворот в нашу сторону развернут телеуправляемый «станкач». Потянулись долгие минуты ожидания. От дрёмы пробудил тоновый сигнал автомобильной радиации. Чаба, добивавший вторую пачку сигарет,

аккуратно положил окурок в самодельную пепельницу, сделанную из среза снарядной гильзы, и ответил на вызов. Работала громкая связь, поэтому всё было хорошо слышно. Нас вызвал координатор зоны ответственности «Браво», в которую входил разгромленный нами «опорник» трофейщиков под номером шесть. Говорил он с британским акцентом, фразы постоянно перебивались помехами.

— Конвой Bravo Шесть, здесь Штурман. Барта, ответьте Штурману!

Чаба успокаивающе махнул рукой на мой вопросительный взгляд и уверенно, даже с ленцой, ответил:

— Здесь замкомандира аванпоста

Браво, специалист третьего класса Халаджи!

Последовал недолгое молчание, после которого британец откликнулся уже менее тревожным тоном. Скорее всего, они с Чабой были знакомы лично.

– Чабба, рад слышать твой голос! Как вы оказались на авиабазе? Я сейчас на вашей точке. Тут американцы и ребята из подразделения санации. Когда вы выехали?

– В 4.15, сэр. Мистер Томсон сейчас в Джинджер Альфа, старшим на точке остался специалист Харрис. Согласно плану, мы убыли на базу с грузом сто шестнадцать и сто один...

Снова последовало молчание, видимо, англичанин что-то проверял. Думаю, в нашем случае он запрашивал комендатуру авиабазы. Но в документах Матинелли я не сомневался, иначе нас бы уже давно перестреляли у ворот. Скорее всего, кто-то заявился на точку и словил кайф от наших «гостинцев», а потом выяснилось, что покойники выехали на базу. Я тронул Алекса за плечо и махнул ему в сторону наших грузовиков, показав три пальца. Это означало, что нужно приготовиться к прорыву. Боец кивнул и вылез из машины, я видел, как он незаметно передвинул флажок предохранителя своего автомата. Ситуация

потихоньку стала накаляться. Тем временем Чаба продолжал пудрить координатору мозги.

— ...Никак нет, сэр. Ничего подозрительного не заметил. Меня подстрелили на пути, но это обычное дело. Кто-то из аборигенов пальнул из кустов, мы даже не остановились. Рана пустяковая, я уже в порядке. Потом загрузили три машины согласно плану и вышли точно по графику.

— Аванпост разгромлен. Харрис не отвечает на вызовы американского патруля, военные вошли в ворота и спустя три минуты произошёл взрыв. Шестеро пехотинцев из пятой бригады мертвы, ещё трое живы, но

сильно поджарились. Аванпост и остальные трофеи уничтожены, видимо, работал русский спецназ.

— Жаль это слышать, сэр. Говорят, русские наступают. Это верно, сэр?

— Вроде да, но американцы опять скрытничают. Я получил указание усилить охрану наших объектов и в вашем случае опоздал. Рад, что ты и ребята с Джинджер Чарли целы. Где там Барта?

— Пошёл ругаться с американцами, хочется побыстрее скинуть груз и пойти выпить. Жаль парней, но, с другой стороны, все там будем.

Голос англичанина стал

совершенно спокойным, видимо всё сказанное Чабой подтвердилось. Ещё немного потрепавшись с англичанином о каких-то общих знакомых, венгр отключился. Потом снова подмигнув мне указал пальцем в сторону ворот, откуда к нам почти бежал человек. По характерно повязанной бандане я узнал Матинелли.

— Всё в ажуре, босс. Я же говорил, что Пьетро вывернется!

Итальянец, приблизившись, успокаивающе махнул рукой и, выгнав Чабу из-за баранки, занял его место.

— Бон джорно, синьори! Сегодня хороший день, чтобы разбогатеть.

Я кивнул, а Чаба, сладострастно прицокнув языком, спросил, перегнувшись между нами:

— Пьетро, как тебе удалось пробить пропуск?

— Нет ничего невозможного, когда ты знаком с помощником интенданта. Этот янки слишком любит хорошие сигары, чтобы отказать тому, кто умеет их доставать по половинной цене. — Итальянец, выжидательно посмотрев на меня, спросил: — Ну, ты готов поехать за сокровищами, Эль Дьябло?

Удача, казалось только секунду назад показавшая нам корму, снова поворачивалась лицом. Высунув в окно правую руку с сжатым кулаком,

я дал отбой готовности сидевшим в кузове бойцам и, выждав пару секунд, ответил:

– Поехали, заберём то, до чего каждый из нас сможет дотянуться.

Просигналив три раза, наш джип неторопливо тронулся с места, и скоро вся колонна прошла в ворота. Миновав ещё два пункта проверки, мы свернули на дорогу, ведущую к аэродрому, и я уже мог видеть туши транспортных самолётов за высокой сетчатой оградой. Цель, к которой я шёл долгие месяцы, была совсем рядом. Матинелли понял моё волнение по-своему:

– А что, может, рванём со мной? Италия – прекрасная страна, да ещё с

такими деньгами. Можно купить новый паспорт, да чёрт побери, на эти деньги можно всё купить, даже целый остров!

В очередной раз меня внутренне перекосило от желания немедленно всадить иностранцу нож в висок, чтобы тот заткнулся. Но, заставив себя улыбнуться, я отшутился:

— Ты разве не слышал, что американцы печатают свои деньги на ядовитой бумаге?

— Это как?

— Чем больше у тебя будет этих бумажек, тем большего количества их ты захочешь.

Матинелли некоторое время смотрел на меня, как на идиота, и в

конце концов расхохотался так, что руль в его руках дёрнулся, и джип слегка вильнул на дороге. Отсмеявшись, он возразил:

— Для меня не может быть слишком много денег, потому что, всю жизнь считая гроши, я мечтал о том, что смогу себе позволить, когда бабла будет много.

— Пока что у нас ничего нет, приятель. Как говорят ваши союзники украинцы — не кажи «Гоп!»

Матинелли недоумённо посмотрел на меня и пожал плечами, видимо, в его познаний в языке союзников было полно пробелов. Поэтому я пояснил, чтобы закончить

неприятный для меня разговор:

— Не стоит делить шкуру
неубитого медведя.

Поняв, наконец, о чём это я,
итальянец закивал.

На этом разговор пришлось
прекратить, поскольку мы уже
въехали в зону досмотра возле
лётного поля. Матинелли
переговорил с офицером, вышедшим
встречать колонну, и нас пропустили.
Теперь дорога с жёлтой полосой
свернула влево, а ещё через пару
минут мы спускались по
выложенному прямоугольными
бетонными плитами пандусу.
Наконец, дорога упёрлась в
площадку, заканчивавшуюся

большими двустворчатыми воротами. По штабелям ящиков и снующим туда-сюда погрузчикам я понял, что мы прибыли на место. Матинелли повёл машину к разлинованной жёлтым парковке, знаком давая водителям колонны указание, куда становиться. Мы вышли, Чаба уже разговаривал о чём-то с подошедшим американцем с нашивками лейтенанта интендантской службы. Тот недовольно посетовал, что мы-де невовремя, только что приземлились два борта с высшим приоритетом и у него не так много людей. Однако вскоре к кладовщику подошёл Матинелли, и из рук в руки перешёл какой-то плотный свёрток. После

этого лейтенант, испустив долгий вздох, связался по радиии с кем-то, и в открытую створку ворот арсенала проехали три электрических тележки. Я встал у первой машины и поднял вверх правую руку, сжатую в кулак с отогнутым в сторону большим пальцем. Ещё через десять минут все наши ящики с инициированными зарядами исчезли за закрывающейся дверью арсенала. Дальше всё может сложиться по-разному. Взрыв так или иначе будет, а уж большой или не очень... тут как повезёт. Как только канитель с разгрузкой улеглась, я подошёл к Матинелли, который о чём-то оживлённо переговаривался с

лейтенантом, и, отозвав его в сторону, предупредил:

— Синьор интендант, время поджигает. Нам нужно выехать в течение получаса.

Матинелли кивнул, и мы вместе подошли к американцу. Напустив на себя расстроенный вид, итальянец заговорил:

— Комендаторе Липски, старина! Тут такое дело, моему другу из Джинджер нужно разместить своих парней, пока мы с ним будем на поле. Возле водонапорной башни, кажется, есть стоянка... Ты не поможешь мне по старой дружбе?

Американец только равнодушно пожал плечами и кивнул, махнув

рукой в сторону наших грузовиков юркому смуглокожему капралу из obsługi.

— О'кей, это можно. Ральфи проводит твоих друзей, чтобы военная полиция не задавала лишних вопросов. Твои друзья — мои друзья, Питер.

— Спасибо, комендаторе! За мной не пропадёт.

Я обернулся вслед шустро побежавшему Ральфи и, увидев, что Михась выжидательно смотрит на меня, поднял правую руку вверх и показал три пальца. Потом, подозревая Алекса, вполголоса сказал по-английски:

— Скажи Ставро, пусть угостит

потом нашего американского друга ракией. Это не виски, но тоже пойло приличное. Пусть живёт и вспоминает нас. Беги, а потом жди нас у джипа.

Алекс убежал к грузовикам, чтобы передать мои слова Мишке. Техника следовало отпустить, чтобы его раньше времени не хватились тут. Взрывом тут и так всё разнесёт, не стоит лишний раз привлекать к себе внимание. Через пять минут мы вчетвером уже ехали на лётное поле. С сожалением я отметил, что часть плана по выводу из строя самолётного парка провалилась: режим безопасности усилен и взять с собой ещё четверых и грузовик не

получится. У нас с Алексом в рюкзаках лежит по два самодельных фугаса, но мощность их в районе трёхсот граммов, много этим не навоюешь. Джип тряхнуло на подъёме, и машина вкатилась на взлётно-посадочную полосу, одну из двух, которые я видел месяц назад. Впереди высилась серая туша транспортного самолёта. Аппарель была закрыта, но с правого борта свешивался лёгкий трап, возле которого стояли двое солдат с автоматами и в форме военной полиции. В машине Чаба переклеил нашивки на своём жилете, и теперь он был покойным ныне Харрисом, а Матинелли перевоплотился в

капитана британских
экспедиционных войск Марстона —
старшего офицера базы Джинджер
Чарли. Мы с Алексом остались без
новых имён, поскольку и так были по
документам только охранниками,
которые будут сопровождать груз.
Итальянец и наш подраненный Чаб
вышли, и, деловито махнув нам, мол,
идите следом, направились к трапу.
Полицейские напряглись, но, увидев
нашивки Матинелли, опустили
оружие. Старший в чине уорент-
офицера поприветствовал итальянца
и спросил:

— Сэр, дальше только по
специальным пропускам, это груз
первой категории секретности. Ни

шагу дальше! На вашей машине нет пропуска. Назовите себя, сэр, или я вынужден буду открыть огонь.

Матинелли, раздражённо всплеснув руками, достал из нагрудного кармана куртки какую-то бумагу, призывно махая ей перед ничего не понимающими американцами.

— Какого чёрта, уорент!.. Я капитан Марстон, главный казначей базы Джинджер! Или пропустите меня внутрь, или через минуту вы будете отданы под трибунал.

Напор наёмника не особо смутил американца. Жестом приказав напарнику прикрывать, он подошёл к трясущемуся от хорошо

разыгранного возмущения Матинелли и, взяв его бумаги, начал их изучать. По мере того, как он вчитывался, на обветренном круглом лице полицейского проступало всё большее недоумение. Кивнув напарнику, что всё в порядке, он снова обратился к итальянцу:

— Вам лучше поговорить со вторым лейтенантом Лоу, сэр. Поднимайтесь на борт, но ваши люди должны остаться снаружи.

Матинелли кивнул и с тем же британским темпераментом, который он достаточно хорошо имитировал, ответил:

— Это чёрт знает что! Вы хоть представляете, откуда я сюда

прибыл? Дикие леса, кишашщие партизанами, и теперь вот ещё американская тупость в придачу! Ведите меня к этому вашему Лоу!

Дальше всё стало развиваться очень быстро. Мы с Чабой и Алексом остались внизу, а итальянец с уорентом стали карабкаться по трапу вверх. Полицейский связался с теми, кто сидел в самолёте и дверь стала приоткрываться. В тот же момент Матинелли неуловимым движением всадил амеру нож в шею, а другой рукой кинул в полуоткрытую дверь какой-то продолговатый предмет. Чабба, мгновенно разорвав дистанцию, ударом ребра ладони в переносицу уложил второго

полицейского, остававшегося с нами. В следующий миг я вынул пистоль из кобуры и последовал за скрывшимся в брюхе самолёта итальянцем. Когда мы оказались в салоне, там уже всё было кончено. Матинелли справился блестяще: кинув светозвуковую гранату, он перестрелял тех, кто оказался внутри, из своего пистолета. Трое солдат в полном вооружении, при автоматах, упакованные в бронежилеты, вкупе с офицером в повседневной форме, теперь валялись на полу. Итальянец стрелял им в лицо и ни разу не промазал. Однако на лице наёмника застыло изумление, похоже, что-то было не так. Салон оказался набит ящиками в

серо-зелёной укупорке револьверного типа. Это были стержни полуметровой толщины с непонятной мне маркировкой. Матинелли растерянно озирался, потом кинулся в хвостовую часть самолёта и оттуда слышалась цветистая итальянская брань. Первым голос подал Чаба, тоже с любопытством оглядываясь вокруг:

– А где наше бабло, Пьетро? Оно явно не в этих трубках, брат.

Дальше медлить было нельзя, что бы ни оказалось в укупорках, скорее всего, это взрывчатка или ядовитая химия. Просигналив Алексу, чтобы тот заканчивал с Чабой, я пошёл в хвост, к итальянцу.

Тот сидел на полу и качался из стороны в сторону обхватив голову руками. Потом начал тихонько подвывать, в глазах его была тоска и отчаянье.

— Как?! Как это могло произойти, я же всё продумал, рассчитал каждую мелочь!

Внезапно он вскочил и побежал к выходу, откуда доносились звуки борьбы. Выждав, пока Матинелли отойдёт подальше, я поднял пистолет и выстрелил ему в затылок. Наёмник пошатнулся и осел вниз. Перешагнув через труп, я, сам того не ожидая, сказал:

— Не всегда удача поворачивается к нам лицом,

приятель... Не повезло тебе сегодня.

Машинально отметив время, я с давно накопившимся остервенением тихо выматерился. Взрывов, каковые по замыслу должны были, кроме основной своей задачи — уничтожения боеприпасов, вызвать неразбериху, так и не произошло. Однако переиграть ничего было нельзя, теперь — только вперёд, сожалеть и заламывать руки — не мой способ решения проблем. Я прошёл по узкому коридору в тамбур, где остались Алекс с Чабой, и мне открылась неприятная картина. Алекс и наёмник, сцепившись намертво, застыли у левого борта, причём Чабба был сверху, а лицо

Алекса из багрового быстро становилось чёрным. Не останавливаясь, я дважды выстрелил венгру в голову. Тот дёрнулся, на переборку брызнула кровь, однако хватки не ослабил, продолжая давить противника. В два шага оказавшись рядом, я рывком сбросил в сторону начавшее тяжелеть тело. Помог Алексу подняться и, вынув из кармана заветную фляжку с брусничной настойкой, влил в парня пару глотков. Тот закашлялся, но проглотил и начал рассказывать как было дело:

— Я хотел ему шею свернуть... стал захват проводить и... Не пойму, как он вывернулся!..

– Не фиг было медлить, он тебя на паузе поймал. Приём проводится в два движения: захват, затем рывок. Если живы останемся, ещё раз покажу. Собери всё оружие с покойников, броники тоже срезай – пригодятся. Я к джипу, надо мины взять... Чую, эта дрянь, что в самолёте лежит, может хорошо бабахнуть. Жаль, что до бомберов уже не добраться... Всё, погнали!

Обе мины я установил между штабелями и разнес «гостинцы» на три метра. Потом заклинил механизм грузовой аппарели и испортил замок на двери, ведущей в салон экипажа. Сервисные шахты, расположенные вдоль бортов,

заминировал обычными растяжками из двух «фенек». Теперь если кто захочет попасть в салон по-хитрому, его тоже ждёт неприятный сюрприз. Дверь, через которую мы пришли, я застопорил снаружи, забив в дверь клинок Матинелли, сбив рукоять разводным ключом, взятым в джипе. Алекс уже сидел за рулём, потирая шею и болезненно морщась. Удача оставила нас в тот самый момент, когда я уже начал думать, что мы успеваем уйти до начала фейерверка. За ворота внутренней зоны аэродрома мы вышли мирно, однако офицер у последнего пункта досмотра замешкался с бумагами и в этот самый момент...

– Ву-у-ум! Ах!..

Самого взрыва видно не было, однако удар взрывной волны был такой силы, что под её давлением выворотило трёхметровую секцию ограды и выбило все стёкла в караульном помещении. Джип осыпало градом осколков, однако нас прикрыли бронированные стёкла машины. Контуженный офицер, не разобравшись, что взрыв был не в зоне аэропорта, попытался нас задержать и заставить выйти из машины. Несмотря на гудящую от взрыва голову, я мгновенно оценил ситуацию и выстрелил ему в лицо. Алекс сильно «поплыл», поэтому пришлось взбодрить его оплеухой.

Наш «хамви» рванул с места, протаранив полуоторванную створку ворот. Из развалин кто-то открыл огонь, пули защёлкали по корме, но этим весь ущерб и ограничился. Наклонившись к сапёру, я проорал ему в самое ухо:

— Гони к насосной станции, встретим там остальных и попробуем прорваться через западный КПП!

Документы наши не столь хороши чтобы выдержать длительную проверку. Подчинись мы тогда, нас кинут в местную тюрьму до выяснения и оттуда уже не сбежать... Алекс уже достаточно оправился, джип шёл ровно, пару раз мы объехали скопления техники на

перекрёстках. Справа по ходу движения поднимался чёрно-серый столб дыма, однако по характеру разрушений можно было заключить, что основной удар принял на себя грунт, больших разрушений пока не было. Но я по опыту знал, что самое интересное ещё не случилось. Наверняка сейчас начнут детонировать уцелевшие боеприпасы, поскольку тушить арсенал никто не собирается, слишком много паники вокруг.

Народу прибавлялось, несколько раз я видел, как опомнившиеся легавые выставляли на улицах и между зданий белые щиты. Дважды нам удалось объехать баррикады, но

скоро стало ясно, что зона оцепления перерезает нам путь к насосной станции. Поэтому как только впереди замелькал очередной белый прямоугольник, я приказал:

— Правь прямо на него, если остановимся — хана обоим.

Алекс, пригнувшись к рулю, газанул. Джип, набрав приличную скорость, через считанные мгновения протаранил ещё не закреплённую секцию ограды. Вслед послышалась стрельба, но сапёр свернул на перекрёстке, и мы неожиданно въехали на совершенно пустую парковку, за которой, совсем близко, виднелась двухэтажная башня из серого бетона. Созданная как

укреплённая огневая точка, башня не имела окон, только ряд бойниц, обращенных на юг и юго-восток. Таким образом, оттуда простреливались подходы к дорогам ведущим на лётное поле и к восточному выезду с авиабазы. Однако круговую оборону тут долго держать не выйдет: северная сторона совершенно «слепая», это на случай вроде нашего, чтобы легче было штурмовать.

— ...Ой, ё!.. Держись!..

Неожиданно асфальт перед капотом вспух оранжево-белым клубком разрыва, джип подкинуло в воздух, а потом швырнуло вперед и влево. Я успел упереться ногами и

ухватиться за боковые поручни, а Алекс вцепился в руль в последнее мгновение перед тем, как «хамви» опрокинулся. От удара и последовавшего за этим скрежета в глазах вспыхнули искры, а потом потемнело. Машина скрежетала, подымая тучи осколков бетона, стекло пошло трещинами. Слева ухнул ещё один разрыв, в днище шибануло так, что я практически перестал соображать, что происходит. Алекса мотало из стороны в сторону, похоже, он сильно приложился головой, лицо его заливала кровь. Последовал новый удар, джип врезался в стену башни. Преодолевая страшную боль во всём

теле, я пролез на заднее сидение и изнутри открыл багажник. В узкий проём было видно, как в нашу сторону короткими перебежками перемещается несколько солдат в форме военной полиции. А за ними и чуть правее стояла причина нашего падения — я различил угловатый силуэт башни американской бээмпэшки «Брэдли». Сзади застонал Алекс, и я, плюнув на амеров, стал вытаскивать его за лямки «разгрузки», но он так вцепился в руль, что пришлось приложить усилие и кучу «волшебных» слов.

— Отпусти баранку... пусти её на хер, говорю!..

Дальше всё было как в тумане:

амеры приближались, броневи́к дал две очереди по джипу из пулемёта, нас опять спасла противоминная броня днища. Решив отпугнуть наступающих, я, оставив раненого, подтянул к себе автомат и, прицелившись в переднего полицая, дал несколько коротких очередей. На фоне общего гула и воя сирен выстрелы прозвучали почти неслышно. Амер, в которого я целил, споткнулся и быстро осел на землю, остальные попятились, но тоже открыли огонь. Насколько я мог судить, стреляли они скорее от страха и не особо целясь — ни одна пуля не легла рядом, не щёлкнула по кузову машины. Отложив автомат и

схватив Алекса за шиворот, я снова пополз вперёд, и вскоре мне удалось выбраться на асфальт. Не успев перевернуться на живот, я увидел впереди выруливавшую прямо на меня бронемашину. Автоматическая пушка «Брэдли» опустилась, и не надо было быть пророком, чтобы понять, что откатиться за машину мы не успеем. Но в следующее мгновение откуда-то сверху в броневик ударил сгусток огня, и «Брэдли» окуталась клубами дыма. Не мешкая ни секунды, я снова потащил раненого и ценой невероятных усилий отполз вместе с ним назад и вправо, теперь днище защищало нас от амеров. Чьи-то руки

коснулись моего плеча – это были Веня и парень из группы Новика, все его звали просто дядя Слава. Студент что-то говорил, но из-за контузии я его не слышал. Вдвоём они втащили нас в дверь башни насосной станции, оказавшиеся совсем рядом, а потом я на какое-то время отключился. Но вскоре сознание вернулось под напором резкого нашатырного запаха. Отпихнув от лица чью-то руку, я ещё с закрытыми глазами поднялся на ноги, но не отрываясь спиной от стены. С усилием разлепив веки, увидел перед собой лицо Очкарика. Голова его была перевязана куском тёмной ткани, у левого виска виднелась блямба

тампона, набухшего от крови. Я нащупал рукой сосок поилки и выцедил пару глотков успевшей немного нагреться воды. Стало немного легче, но железисто-солёный привкус крови так и остался на языке. Шум в голове утих настолько, что стало не так больно соображать. Кивнув Вене, я спросил:

– Потери?

– Трое... нарвались на патруль. Семён, Балыч и... Света. Чёрт этот из арсенальной obsługi нас только до первого кордона проводил, потом Михаил чего-то не так ляпнул офицеру, который мимо проезжал. Короче, ждали нас у самой башни. Балыч два джипа, что дорогу

перегораживали, грузовиком протаранил... место там узкое было между бараками. Парни в головной машине сгорели, Светка уже потом, когда мы к башне прорвались... в спину... пуля из «крупняка»... Её пополам почти...

Парень не удержался, всхлипнул, я протянул ему фляжку с настойкой и заставил долгий глоток. Веня сглотнул, лицо покраснелось, кровь побежала по жилам быстрее.

— Почему вы ещё тут, что с тоннелем?

— Михаил там с Новиком. Дверь заблокирована, но говорят что сломают, нужно час где-то подождать.

– Ясно. Пулемёт что на складе
взяли, уцелел?

– Цел, но Михаил не знает, как
его ставить и...

– Это поправимо. Пошли со
мной, артиллерию надо на второй
этаж поднять. Где гранатомёт
добыли?

Веня первый раз за время
нашего невесёлого разговора слабо
улыбнулся. Показав пальцем куда-то
наверх, ответил:

– Ирка с Новиком на свой страх
и риск два амеровских
«джавелина»^{37} спёрли, когда мы в
арсенале разгружались. Вадька
пользовался таким, когда в Канаду
ездил, говорит, что это просто.

У меня даже не было сил сердиться, мысли крутились только вокруг пулемёта, поэтому я лишь кивнул, и мы пошли на второй этаж. Тут сидели ещё двое парней. Изредка они высовывались из бойниц и постреливали в сторону барачных. Амеры пока молчали, уничтожение бээмпэшки их сильно отрезвило. Вдруг сверху грохнул выстрел, в узкую прорезь бойницы я увидел, как в окне одного из дальних «одноэтажек» лопнуло стекло. Это точно Ирина, сидит на крыше и кого-то углядела. Ее винтовка заговорила снова, и, зная характер девушки, я понял, что она ранила одного, чтобы завалить тех, кто придёт его спасать.

Амеры снова открыли огонь, но всё без толку – Ира уже скатилась вниз. Увидев меня, откинула с лица маску и побежала навстречу, мы крепко обнялись.

– Алекс?!

– Жив твой Алекс, внизу лежит.

Помяло маленько, головой приложился о броню. Не ранен он... Амеры не прицельно палили, да и машина спасла.

Девушка кинулась опрометью к лестнице. Я давно догадался, что она ходит за нашим сапёром всюду не просто так. Улыбнувшись про себя, стал удалять смазку с затвора пулемёта. Спустя полчаса, установленный на станок и

заправленный лентой, «утёс» уже смотрел в сторону бараков и далёкой рулёжной дорожки аэродрома. Став за станок, взвёл сыто клацнувший затвор и прильнул к прицелу.

Не отрывая взгляда от цели, бросил парням у амбразур:

– Быстро вниз, держите первый этаж, сейчас будет жарко...

В сетку лёг узкий борт медленно идущего по земле штурмовика. Тысяча триста метров... Введя поправку, я мягко выбрал спуск.

– Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Трассеры первой, пристрелочной очереди легли чуть ниже и левее. Промашка, однако... Тяжёлые пули в клочья разнесли

какой-то жестяной бак и прорвали секцию сетчатого ограждения. Поправив прицел, я снова выжал спуск, сопровождая цель.

— Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Борт самолёта распался на мелкие фрагменты, машину повело в сторону, и в следующий миг самолёт взорвался. Я перенёс огонь правее, туда, где стоял укрытый чехлом бомбардировщик.

— Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!.. Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Пули ложились в цель, брезент рвался, и видно было, как от серой туши бомбера отлетают куски обшивки. Грохот очередей слился в одну громкую песню, слушать

которую хотелось вечно. Бомбардировщик окутался дымом, потом клюнул носом и разломился на две неравные части. Я перенес огонь на что-то, укрытое масксетями, но разглядеть что-либо в чадном мареве выхлопа было уже трудно. Вдруг всё тело башни потряс сильнейший удар, меня сорвало с места и швырнуло к стене, пулемёт полетел следом, словно весил, как игрушечный. С трудом переборов навалившиеся разом тяжесть и тошноту, я поднялся на четвереньки и, осмотревшись, улыбнулся. На танковый снаряд не похоже, скорее из гранатомёта долбанули, потому и не пробили стенку. Гранату

остановил противокумулятивный экран, потому она и разорвалась снаружи. Но всё равно получилось мощно... Однако от удара лопнули крепления труб, занимавших треть помещения, струйки горячей и холодной воды смешиваясь с бетонной пылью, и вскоре образовали приличный слой грязи на полу. Не поднимаясь во весь рост, я снова утвердил пулемет на треноге. Протерев оптику, я снова навёлся на аэродром. Там сустились тягачи, стаскивая обломки самолёта, две трёхосных машины тянули носовую часть бомбера. Рулѐжку надо было освободить, это понятно. Но вот этого я вам сделать не дам...

– Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!.. Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Один за другим оба тягача вспыхнули, окутавшись чёрным дымом и теперь уже намертво блокировав собой злосчастную рулѣжную полосу аэродрома. Но на этом моё везение закончилось: к чёрным хвостам гари прибавилось несколько струй белого, плотного дыма химзавесы. А потом в стену снова что-то ударило, и на этот раз я не помню куда отлетел, в глазах потемнело, словно кто-то резко выключил свет.

– Антон, очнись, брат!..

Открыв глаза в очередной раз, я обнаружил рядом сидящего на

корточках Мишку. Он был весь в грязи, у стены стояла его верная винтовка, с которой он не расставался.

— Чё было-то?

— Танк подошёл, но куцый какой-то, не «абраша». Только что долбить перестали, верхний этаж разнесло, крыша рухнула. Мы тебя еле выволокли.

— Как там проход?

— Только что закончили петли срезать, тут инструмента полно. Подрывать не хотелось, чёрт его знает, какие там трубы. Можно выдвигаться. Только ползком, ход достаточно узкий.

— Хорошо. Сколько осталось

людей?

Мишка помрачнел, но, сделав усилие, сказал без своих обычных отступлений на тему «если бы». Голос приятеля звучал глухо, он опять начинал самоедство.

– Трое убитых, все из группы Новика. Есть раненые, но «тяжёлых» нет, могут идти сами. Пока ты в отключке был, на аэродроме что-то рвануло. Пламя белое, чистое. Столб огня с девятиэтажный дом!..

Это был лучший результат, нежели я ожидал. Видно взрывчатка в самолёте была. Надеюсь, что там теперь вообще. Видно, в самолете была взрывчатка. Надеюсь, что амерам теперь не до полётов.

Оглядевшись, я заметил, что мой автомат и «броник» лежат тут же, у стены. Киваю в знак того, что услышал. Из-за глухоты после обстрела все мы орали, потому что едва слышали друг друга. Подозвав остальных, делаю над собой усилие и, подхватив оружие и снарягу с пола, поднимаюсь на ноги.

— Товарищи бойцы, задание выполнено, мы справились. Теперь каждый из вас может по праву считаться настоящим солдатом, настоящим разведчиком. Поздравляю вас.

Смысл сказанного не сразу, но всё же дошёл до израненных и уставших ребят. Вглядываясь в эти

осунувшиеся закопчённые и грязные лица, я понял, что в душе появилась робкая надежда. Выходит, всё не зря: смерть Семёныча и остальных ребят... В этот миг я полностью уверился в правильности всего что случилось, пускай не всё произошло, как планировалось. Надев броник и повесив автомат на шею, я скомандовал:

— Группа, приготовиться к выводу. Задача — отход к точке временного базирования. Интервал три метра, скрытно выходите в квадрат сорок, для соединения с основными силами отряда. В бой не вступать, себя не обнаруживать. Старшим группы идёт товарищ

Михась. Всё. Вопросы, жалобы, предложения?

Все молчали, голос подал только Веня, хотя чего-то подобного я и ожидал. Бывший студент возмужал, в движениях и во всей его долговязой фигуре появилось нечто, присущее только обстрелянным бойцам. Двигался он осторожно, чуть ссутулившись, готовый немедленно среагировать на обстановку. Однако сейчас это был всё тот же Очкарик, что-то в человеке не подвластно даже войне:

— А ты, командир?

— Я — это вся ваша группа прикрытия. Амерам нужно показать, что дома кто-то есть. Одного будет

вполне достаточно.

Ребята загомонили протестующе, но такой поворот событий я предвидел. Поэтому снова заговорил, но уже взяв тон повыше:

— В бою у каждого своё место. Моё теперь тут, и это не блажь, это необходимость. В подобных обстоятельствах и при тех потерях, которые мы имеем, нет смысла рисковать большим количеством людей. Рискнуть малым, чтобы выиграть в большем — вот девиз разведчика. Так что выполняйте приказ, вопрос был не по существу. Всё. Вперёд — марш!

Михась при ребятах ничего не сказал, и я это оценил. Сейчас

просто не было времени и желания говорить с кем-то ещё. Осмотрев автомат и проверив, не сбит ли прицел, я присоединил короб и взвёл затвор. Незаваленными остались всего две из шести бойниц на первом этаже, из них простреливалось пространство вдоль дороги, ведущей к восточному выезду с базы. Оглянувшись, я проводил взглядом исчезающих в люке ребят и улыбнулся, ведь всё же у нас получилось то, что в самом начале выглядело как авантюра, игра воспалённого горем и местью ума. Последним шёл Мишка, взгляд приятеля был тоскливо-укоризненным:

– Тоха, зачем ты так? Можно всем уйти, проход чист... сам проверял...

– Амеры не дураки, Миша. Вы по трубе ещё час ползти будете. Если я отсюда не шумну, они вас с той стороны точно встретят. А за меня не бойсь, брат – Леший вывернется. Иди, сбереги молодняк и Лере передай... передай, что я снова прошу у неё прощения. Не сдержать, видно, данного слова. Всё, двигай отсюда.

Михась тоже нырнул в люк, сделав это с явной неохотой. Я пристроил на поваленной трубе автомат и, прикинув расстояние, поймал в прицел двух амеров,

мелькавших в оконном проёме барака. Плавно выжал спуск, «сват» несильно отдал в плечо, и один из амеров, крутанувшись на месте, упал. Второй залёг, но я уже перенес огонь левее. Там, у спешно возведённой баррикады, копошилось человек пять в обычной полевой форме. Видимо, сюда стянули серьёзные силы. Дав четыре короткие очереди, я сменил позицию и очень удачно прострелил колёса спешившему куда-то джипу. Машина рыскнула влево и врезалась в стену ангара, в десятке метров у обочины. Наскочив на какую-то невысокую преграду, «хамви» с турелью наверху подпрыгнул и въехал прямо внутрь ангара. Спустя пару

мгновений оттуда повалил дым и что-то загорелось.

– Ву-ум! Ах!..

В стену над моей головой словно треснули тараном. Здание затряслось, снова брызнула вода, посыпались куски бетона и пыль. Следом – ещё один удар, но я успел прижаться к стене рядом с бойницей. В голове билась только одна мысль: «Бог, если ты правда есть, дай мне перед смертью убить ещё одного амера, хотя бы ещё одного!..» Высунувшись наружу, увидел, что нас обстреливал не танк, а самоходка. Машина ворочалась на месте, водя стволом, но желание убить как можно больше американцев,

заглушило всё на свете. Теперь всё тело пронизывало чувство небывалой лёгкости. Усталость, мучившая с самого начала войны, ушла. Теперь можно будет и отдохнуть. Вот доделаю вот эту работу и точно отдохну. Пусть это будет тихое место, где нет грохота взрывов и грязной тёплой воды по пояс...

...Высунувшись снова, я поймал в прицел баррикаду, но теперь почему-то полуразрушенную. Амеры больше не стреляли в мою сторону, перенесся огонь куда-то влево, в сторону КПП. Не думая, что там такого могло случиться, я поймал в прицел фигурку солдата, наводящего куда-то станковый пулемёт, и плавно,

как в тире, выжал спуск. И в этот момент самоходка плюнула огнём, глаза застил кровавый туман и всё потемнело. Только напоследок яркой зарницей мелькнуло сожаление:

– Не сквитался, выходит...

* * *

Россия. 7 октября 2011 г., 16.31 по местному времени. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны. 118 километров на юго-восток от предместий г. Кемерово. Командир разведывательно-диверсионной группы глубинной разведки

*фронтowego подчинения ОСК
Восток, позывной «Вихрь-4» – майор
Андрей Раскатов. Оперативное
взаимодействие.*

После салюта, устроенного кем-то на американской базе, находившейся в сорока восьми километрах западнее железнодорожного узла, я повёл группу юго-западнее небольшой гряды, состоящей из поросших лесом плоских холмов. Сказать, что янкесы всполошились после случившегося, это значит ничего не сказать. Клещ вывел на электронную карту моего коммуникатора последние данные, полученные от космической разведки. К базе стягивались все

имеющиеся в том районе части, включая даже остатки пехотной бригады, находящейся на переформировании. В общей сложности там было сосредоточено до двух тысяч человек, включая сводный батальон морской пехоты. Три неполные танковые роты и дивизион артустановок типа «паладин». Однако после того, как мы выступили у грузового терминала, часть войск в спешном порядке перебрасывалась ближе к Монино — небольшому посёлку рядом со станцией. Самого посёлка давно уже не существовало, там теперь спешно сооружался укрепрайон, ориентированный на

прикрытие транспортной магистрали и собственно железнодорожного узла. Мы шли ещё часа два, когда Клещ по короткой связи предупредил о сеансе связи вне графика. Найдя удобное место у подошвы среднего из шести холмов, я скомандовал привал и, подозвав радиста, снял трубку и набрал код канала экстренной связи. С виду это как позвонить по обычному телефону, только сигнал идёт через шифратор и по быстро меняющейся волновой частоте, что делает почти невозможным пеленгацию разговора. В трубке мурлыкнул сигнал отзыва, и я сказал:

– Вихрь-Четыре на связи.

Пиликнул тоновый зуммер

шифратора частоты, и в следующий миг раздался знакомый голос полковника Маевского из разведотдела штаба фронта. Слышимость не ахти, однако голос я узнал:

— Здесь Бастион-Восемнадцать. Четвёрка, подтвердите своё прошлое сообщение по «костру» в районе Избушки.

Даже по защищённому каналу мы говорили кодом: «костёр» — взрыв, а «избушка», соответственно, авиабаза.

— Подтверждаю «костёр», Бастион.

— Добро. Задача изменилась. Теперь ваш маршрут на девять —

девять – три. Там встретите родню, но ухаживать будут они. Просьба от Деда, будете у дяди Васи, он знает дорогу, привезите сувениров побольше, если киоск будет открыт. Как принял, Четвёрка?

– Принял, Бастион. Всё ясно: встречу дядю Васю, сходим за сувенирами и порадуем Деда.

– Тогда до связи. Отбой, Вихрь-Четыре.

– Принял, Бастион. Отбой.

Похоже, всё завертелось, и янкесы остались без «Плаща». Согласно приказу, мы теперь идем на соединение с группой «десантуры». По карте получается, что они выйдут в район деревни Сиговое, там

просёлок и сорок пять километров от второй линии американской обороны. Думаю, мы пойдём на острие фланговой атаки, ворвёмся на базу и, согласно просьбе командующего, постараемся выяснить, кто устроил взрыв. Ухнув по-совиному, я собрал ребят, и мы ускоренным маршем двинулись к месту встречи с десантом. Спустившись в узкую впадину, мы пошли вдоль гряды на восток, чтобы скрытно выйти к точке randevu у опушки леса. Но чем дальше мы продвигались к цели, тем плотнее местность оказывалась насыщена разрозненными вражескими частями, спешившими в том же

направлении по разбитым грунтовым дорогам. Несколько раз пришлось уходить с маршрута и пережидать, когда пройдёт особо многочисленная группа американцев. Я скрупулёзно заносил в реестр все эмблемы и номера машин и через два часа отправил очередной доклад по оперативной обстановке. В ответ получил картинку со спутника, которая приятно удивила. Похоже, я оказался прав, и с юго-востока к базе движется большая танковая бронегруппа с позывным Гранит-Два. Одновременно усилились звуки канонады с того направления, откуда ожидался танковый «кулак». Также я видел, что в периметре базы царит

бардак: от складов РАВ тянется вверх дымный шлейф, одна из полос аэродрома загромождена подбитой техникой. Напрашивалась мысль, что туда параллельно выбросили штурмовой батальон в довесок к тому, с которым у нас назначена встреча.

Свернув стоянку и снова сменив направление, мы двинули вниз и свернули в тайгу. Лес встретил неприветливо, я постоянно ощущал чьё-то присутствие, но ничего конкретного уловить не получалось. К дороге мы подобрались, почти не выбившись из графика, когда уже начинало вечереть. Я отправил к дороге Ворона, уж очень мне не

наверилось то, что происходит. Ещё минут сорок мы шли вдоль дороги, пока в наушнике не раздался шёпот Ворона:

— Ворон — Вождю, Песочница справа три — пятьдесят. Два «пня» в секторе справа восемьдесят.

Опа! Это уже интересно. По дороге шла янкесовская колонна, судя по направлению, они выдвигались к лесистому хребту. А в зарослях на небольшой высоте, примерно в ста метрах, сидят чьи-то корректировщики с лазерным прибором наведения. Ворон с уверенностью их не опознал. Я решил пока ничего не предпринимать и внимательнее

присмотреться к движущейся технике. Мы насчитали пять самоходок «паладин», три БТР типа «страйкер» в безбашенной конфигурации со стапятимиллиметровым нарезным оружием, также было там три инженерных танкетки и машина управления. Вся эта рать шла на приличной скорости, поднимая с раскисшей от дождя дороги тучи грязи.

– Воздух!..

Голос Мелкого в наушнике прозвучал практически одновременно с рокотом винтов быстро приближающейся вертолетной пары. Юркие «Апачи»,

вынырнув из-за холмов у нас в тылу. Быстро приблизившись, развернулись на скорости, и пошли вдоль дороги, сопровождая колонну. Стемнело, я дал команду использовать «ночники», всё вокруг стало только двух цветов: мертвенно-зелёным и чёрным. Американцы тоже пользовались ноктовизорами, не стесняясь включать активный режим. От этого вся колонна светилась, словно ёлка, а от идущих параллельными курсами вертолётов тянулись широкие, не видимые обычным глазом, полосы света.

Когда головной БТР прошёл мимо нашей позиции и колонна стала втягиваться в небольшой

распадок, я увидел, как к бронетехнике со склона холма на противоположной стороне дороги потянулись нити лазерных лучей. Источник был ясно определим: это работала неизвестная пара корректировщиков огня. Зная, что произойдёт в следующий миг, я скомандовал своим не высовываться. Но взрыв всё равно прозвучал неожиданно. Яркая вспышка озарила лес, за ней последовало ещё несколько взрывов подряд. Кто-то работал управляемыми снарядами, и это точно были не американцы. Стало светлее, пожар перекинулся на придорожные деревья, всё заволочло клубами едкого дыма. Восточный

ветер не относил гарь от подбитых машин, стелясь меж холмов и усиливая панику среди выскакивающих из грузовиков пехотинцев. Вертушки плавно развернулись влево от вставшей колонны, где сейчас горели все три «страйкера» и одна самоходка. Неуклюжий «паладин» развернуло поперёк узкой дороги, и он заблокировал путь остальным САУ, пытавшимся сдать назад. Мехвод ближайшей к горящему БТР самоходки, пытаясь столкнуть горящий БТР в неглубокий кювет, неосторожно сдал назад и наехал на грузовик, зажатый между инженерной машиной и своим

собратом. Люди пытались выбраться, но в следующий момент я услышал характерный шелест подлетающих снарядов. Казалось, небо упало на землю, так кучно легли разрывы в середине горящей кучи металла бывшего ещё недавно грозной силой. В общий бардак вклинился звук ещё одного мощного сдвоенного взрыва, из-за гряды полыхнуло и тут же опало яркое зарево. Вертушки ушли как раз в том направлении...

— Ворон — Вождю! Родня прибыла, справа тридцать вижу коробочки дяди Васи. Включена система опознания, есть отзыв на запрос «свой-чужой».

Мой коммуникатор пискнул, на

дисплее отразилась группа быстро приближающихся с юго-востока «ромбов» имевших условную сигнатуру.

— Вождь — всем! Маяки включить, открыть огонь по колонне противника. Ворон, прикрой «пеньков», пока они отходят. Клещ, ко мне, открой канал связи с «дядей» на выделенной частоте.

Радист подполз ближе, и я, снова сняв трубку с короба рации, набрал командира «десантуры». Вокруг всё заполнилось усилившейся какофонией боя, но голос повышать не пришлось: микрофон у трубки усиливал мой негромкий голос вполне приемлемо.

– Здесь Вихрь-Четыре, Гранит-Тридцать Один – на связь!

– Слышу тебя Вихрь... а теперь и вижу. Выходите из боя, встречаемся в квадрате три пять ноль. Даю маяк на твою частоту, приготовься к синхронизации.

Моя коробочка пискнула, в нижней части монохромного дисплея поползла полоса загрузки новых протоколов обмена данными с тактическим компьютером в машине командира десантников. Через пару секунд послышался двойной «бряк-бряк», и на маленьком экране отобразилось ещё восемь... нет, теперь уже девять новых сигнатур. Помимо четырёх бронемашин

десанта, с Гранитом пришла серьёзная подмога в виде батареи мобильных артустановок «Спрут»^{38}. Эти машины вооружены танковыми орудиями, и среди прочих достоинств они могут стрелять управляемыми снарядами с четырёх километров. Это для них старались корректировщики, которых углядел Мелкий.

— Группа, по целям отбой. Идём в квадрат три пять ноль.

Оставив далеко позади догорающие машины, мы спустились к дороге и, пройдя ещё метров триста на юго-восток, остановились в небольшой рощице, за которой просёлок выходил на укатанную

дорогу, ведущую к авиабазе. Выставив охранение, я скомандовал привал, так мы просидели ещё минут сорок, пока Ворон не просигналил, что по дороге на скорости идёт походным маршем колонна Тридцать Первого. Недалеко от поваленного бурей дерева, служившего чем-то вроде дорожного указателя, колонна сбавила ход, и головная машина встала. На этой броне сидели пятеро десантников, один из них спрыгнул на землю и подошёл к дереву, подняв автомат со сложенным прикладом вверх. Магазин «калаша» имеет характерный силуэт, спутать его с другим оружием сложно. Плюс коммуникатор не врал, сигнатура

совпадала, я прочёл мелкий шрифт, наехав курсором на чёрную точку у метки ориентира. Карта пропала, пошёл подстрочный текст: командир 3-й роты отдельной 571-й ДШБ капитан Капустин Р. М. Позывной – Гранит-31. Я тронул за плечо лежащего справа Клеща и показал на десантника:

– Я пойду поздороваюсь со смежниками. Махну правой рукой – все ко мне, поправлю ремень автомата – уходите в отрыв.

Проверив, как выходит из ножен кинжал, спрятанный слева за поясным подсумком, я пошёл вперёд, негромко свистнув, чтобы привлечь внимание Капустина, если это точно

он. Как только я приблизился и десантник осветил своё лицо фонарём, я расслабился и махнул рукой своим. Подставы не было. Видимо, полковник Маевский не зря засветил нескольких своих людей тогда, на аэродроме. Капустин был тем самым старшим группы, охранявшей грузовик с лётной амуницией, когда он чуть наклонил голову, пришёл момент узнавания. Мы обменялись рукопожатиями, мои архаровцы подбежали и встали у меня за спиной. Капустин показал на вторую танкетку, видя, что больше никого не будет:

— Товарищ майор, имею приказ начальника разведки фронта об

оперативном взаимодействии.

— Ладно, капитан, давай по-простому, без чинов и по имени. Я — Андрей, а ты Руслан, так короче будет. Чего делать думаешь?

Капустин, приглашая, кивнул на головную бээмдэшку и пошёл к корме бронемашины. Там он достал планшетный компьютер, положив его так, чтобы блики от экрана не засветили бы наши лица и фигуры. На карте отобразилась схема американской авиабазы, а точнее — восточная часть периметра с КПП, где уже были отмечены минные заграждения, пулемётные точки и их сектора обстрела.

— Тут такое дело, тов... Андрей.

Я выслал вперёд два отделения инженерной разведки, вот их данные по объекту. Они уже поставили «тропу»^{39} — как только мы подойдём, минных полей считай что нету. Артуха обрушит стенку по обе стороны КПП и давит пулемётные точки. Потом делимся на две группы и прорываемся к последнему месту огневого контакта неизвестной группы. От КПП это сто шесть метров на юго-восток, там была водонасосная станция. Если кого найдём — прекрасно, если нет — идём к артскладу, там закрепляемся и ждём, пока танкисты подойдут.

— Время подхода Гранита-Второго прежнее?

– Пока танкист идёт хорошо. Все амеровские заслоны они или обошли, или сбили. Быстро скачет, как на крыльях летит.

– Тогда вперёд. План хорош... только зря торопимся, думаю нет там никого.

Десантник оскалил в открытой располагающей улыбке все тридцать два зуба. Лицо у него под слоем маскировочной краски не выглядело свирепым, а ярко-синие глаза смотрели весело:

– А может, есть? Фарт – штука переменчивая.

– Тогда по коням...

...Через полчаса быстрой скачки по ухабам мы вышли нас на ровное,

очищенное от леса поле. Колонна распалась на три неравные части, самоходки отстали уходя из секторов обстрела ДОТов, расположенных по краям дороги. Боевые машины десанта, разойдясь в линию, мчались вперёд на предельной скорости. Мы сидели внутри второй танкетки, я мельком видел всё на тактическом обзорном экране командира, хотя трясло немилосердно. Слева ухнул взрыв, потом ещё и ещё. Это начал обстрел станковый гранатомёт, установленный слева от ворот КПП базы. Остальные молчали, выжидая момент, когда мы заедем на минное поле. На дисплее границы минных заграждений были обозначены

красными мерцающими линиями. Когда идущие развёрнутым правым уступом машины и стену базы разделяло ровно триста метров, между ними выросла стена огня и поднятой взрывами земли. «Тропа» сработала как положено, открыв нам дорогу к стене. В следующий миг два участка стены как бы вспухли изнутри, и солидный, надёжный вал лопнул фонтанами щебня и кусков арматуры. По броне с лязгом прокатился град осколков, потом началась жуткая круговерть, закончившаяся криком Капустина в моём наушнике:

– Вперёд! Вылазь, приехали!..

Андрюха – ты справа вдоль улицы,

мы слева через постройки!..

Не мешкая мы выбрались из десантного отсека наружу и не сговариваясь пошли вперёд. В свете ноктовизора мелькали вспышки разрывов. Горели какие-то постройки, белый треугольник маршрутизатора, сопряжённого с моим тактическим компьютером, показывал примерный маршрут к водонасосной станции.

— Клещ, Ворон — вперёд, вдоль по улице и потом направо!.. Остальные — держимся за мной, давим вдоль по улице до конца квартала!.. Не отрываемся от «брони», смотрим за противотанкистами.

Наша бээмдэшка шла впереди, вода тонким стволом вдоль улицы. Мы шли следом вдоль разрушенных казарм, страхуя «броню» с флангов. В прицел попало несколько перебежавших дорогу фигур, поведя стволом и поймав ближайшую фигуру, я дал по ней очередь, потом, поведя стволом слева направо, срезал остальных. Строй рассыпался, фигуры повалились на землю, словно сбитые кегли. Слева за домами слышалась азартная стрельба, десантура ходко шла вперёд, прикрывая нас с фланга.

— Ворон — Осьминогу! Вижу скопление бронетехники, координаты...

– Осьминог принял, работаю...

Наш снайпер шёл где-то впереди, наводя оставшиеся в тылу САУ на баррикады противника и просто на большие группы американцев, пытавшихся ликвидировать прорыв. Грохот стоял такой, что едва-едва было слышно, что орали в самое ухо. Порой сознание просто растворялось в музыке боя, выхватывая только отдельные, важные только для меня фрагменты мозаики. Миновав два перекрёстка, мы потеряли «броню», у которой близким разрывом излётной противотанковой гранаты сорвало левую гусеницу. Оставив Симу и четверых десантников

охранять ремонтирующихся
танкистов, мы с остальными
двинулись к автостоянке,
захламлённой горячей техникой и
разным мусором. В центре я увидел
три остова грузовых машин и один
перевёрнутый джип, упёршийся
передним бампером в
полуобвалившуюся стену башни.
Само строение выглядело, как
развалины какого-то древнего замка.
По сути, целой осталась только
«слепая» стена и часть первого
этажа, остальное обрушилось.

— Жук, вместе с десантурой
соберите хлам, что может гореть,
соорудите три больших костра перед
завалами. Попробуем поискать трупы

тех, кого отсюда выковыривали.

Бой сместился к юго-западу, Капустин со своей группой развернулся в ту сторону, чтобы дать нам время пошарить в развалинах. Американцы огрызались, но вскоре с западного направления в какофонию звуков боя ворвались голоса наших танковых орудий, это подошёл тот самый Гранит-Два, о котором я ничего не знал, кроме скупого подстрочника в окошке коммуникатора. Янкесы отступали к северной части периметра, собирая остатки сил для прорыва навстречу подкреплениям, которые спешно перебрасывались из прифронтной полосы.

Тем временем в ярко-рыжем
пламени костров стало возможно
рассмотреть руины башни.
Десантники под командованием
Жука и бойцы, сопровождавшие
подъехавшую к месту раскопок
отремонтировавшуюся бээмдэшку
споро, разбирали завалы, но пока без
особого успеха. Я тоже
присоединился к раскопкам, но без
особой надежды на успех.
Небольшое оживление вызвала
находка Симы: он отрыл
искорёженный взрывом «утёс»,
сорванный со станка. Я понял
замысел погибших диверсантов, он
показался дерзким и
самоубийственным: пронести

взрывчатку в арсенал, потом занять господствующую высоту и расстрелять самолёты на «взлётке». Глупо, отчаянно и не профессионально. Но часто на войне только так и бывает, это закон писанный кровью.

– Товарищ майор, есть!..

Рослый десантник, работавший у основания стены размахивая руками указывал в только что образовавшуюся в грудах щебня дыру. Я бросил кусок арматуры, которым поддевал особо вредные каменюки, и, забравшись наверх, посветил в дыру взятым у танкистов фонарём. Там, на глубине двух метров, виднелись голова и левая рука

засыпанного камнями человека. Видимо, в момент обрушения он инстинктивно прижался к стене, и это, возможно, спасло его. С бээмпэшки подали тросы, враскачку нам удалось отвалить кусок стены, разгрести мусор и поднять человека на поверхность. Жук обыскал спасённого и протянул мне кожаный кисет, срезанный с его шеи, там лежали наши знаки различия и кокарда в форме старой, советского образца, звёздочки. Спрятав находку в кармашек опустевшего уже гранатного подсумка, я осмотрел «найденыша»: бледное худое лицо, плотная спортивная фигура, рост вполне себе средний, лицо круглое,

сломанный когда-то давно нос. Тонкие крепко сжатые губы придавали лицу угрюмое выражение. Упрямый выпуклый лоб пересекал старый шрам. Короткий «ёжик» чёрных, с обильной сединой волос — видимо, стригся наголо месяца два назад. В общем, ничего особенного — обычное лицо, обычного человека, на которого второй раз не взглянешь. Фельдшер, вместе с Симой, имевшим сходную вторую специальность, срезали с человека «броник» и куртку. Одежда как у наёмников, оружие тоже иностранное, но не американское, так прикинуты «контрабасы» из Европы. Видимо, под таким прикрытием он и попал на

базу. Сима водой из фляг, собранных у бойцов, смыл кое-как пыль с лица, и тут щека «трупa» дёрнулась! Фельдшер принялся ощупывать грудь спасённого. Тот дёрнулся теперь уже всем телом и тихо застонал. Сима повернулся ко мне и удовлетворённо кивнул:

— Живой он, товарищ майор. Поломанный весь, бедро прострелено, но пока жив.

Похоже, Дед получит свой сувенир, лишь бы парень не кончился по дороге. Подозвав к себе радиста, я подмигнул мрачному больше, чем обычно Ярцеву:

— Клещ, заводи наш «патефон». Потом выжившего на броню, будем

искать остальных.

Маевский был доволен докладом, по голосу я понял, что полковник не ожидал таких результатов. Вскоре американцы, собравшись с силами усилили, натиск и Капустин со своими попятился. Поиски пришлось свернуть. Выжившего обкололи стимуляторами и погрузили в бронемашину. Я тоже забрался внутрь, машина дёрнулась и, резко взяв с места, пошла вперёд. В наушнике пискнуло, на связь вышел Капустин:

— Ну как, удачно сходили? Там танкист докладывал, что к нему какие-то местные мстители вышли.

С оружием, и даже знамя принесли, старое, с той войны ещё. Может, этот, откопанный, из них?

— Пока не знаю, выясним. Но прокатились не зря, это точно.

Послышался всплеск помех, фоном шёл гул боя, сливающийся с такими же звуками снаружи. Машину трясло, пару раз я спиной ощутил удар от попавших в борт бээмдэшки осколков.

...Спустя час мы выбрались к переправе через ручей, разлившийся после дождей. Район, очищенный от американцев, был занят какой-то артиллерийской частью.

Перегрузили найденного в
развалинах человека на

бронетранспортёр, который увёз его к временному плацдарму, разворачивавшемуся в районе освобождённого железнодорожного узла «Постниково». По рации нам было приказано оставаться на месте и ждать эвакуации вертолётom. С капитаном простились тепло, их снова бросали вперёд, пакостить отступающим янкесам. Крепко пожав мне руку, Капустин снова оседлал своего гусеничного коня, и десантура растворилась в предрассветных сумерках. Я присел на поваленный придорожный столб, снял шлем и огляделся: ребята расположились неподалёку. Ворон спал, зарывшись в плащ-накидку прямо на земле,

остальные чистили оружие, Ярцев смотрел своими тёмными, как два камушка, глазами на дым поднимающийся из-за горизонта. Он стоял совершенно неподвижно, ни разу не моргнув. Сумерки редели, небо из тёмно-синего становилось серым. Я улыбнулся. Холодный осенний ветер, пахнувший прелыми листьями и гарью, приятно охлаждал взмокшую от пота голову. Наступал новый день, который обязательно принесёт нам победу. И мне в который раз было приятно осознавать, что в этом есть и частичка нашего с бойцами труда.

Всем солдатам и

матросам срочной службы
Вооружённых Сил
современной России
посвящается. Вам выпало
защищать Родину в
непростое время. Дай вам
Бог сил, мужества и
стойкости.

А. К.

notes

Примечания

Имеется ввиду 42-й арсенал ГРАУ особого Калининградского района. Здесь и далее приводятся уточнённые данные по дислокации войск России на период с января 2005 г. Не считаю правильным приводить уточнённые данные на более поздний период.

Вторая обр. СпН бригада Сил
специального применения
действительно базировалась в районе
пос. Промежицы, Псковской области.

МакАдамс имеет ввиду своё подразделение. Это не самостоятельная часть, два батальона находятся в составе 525-ой РпБ. 525-я разведывательная (парашютная) бригада, базируется в Форт-Брэгг штат Северная Каролина. Штат бригады включает: штаб со штабным отрядом, два разведывательных батальона и один – воздушной разведки, а также подразделения связи, радио– и радиотехнической разведки, РЭБ, анализа разведывательных данных, контрразведки, допроса пленных и тылового обеспечения. Численность

личного состава около 1,6 тыс.
человек.

Подобное уже происходило в США вскоре после нападения японского флота на главную базу американских ВМС – Пёрл Харбор. Тысячи американцев японского происхождения оказались репрессированы и заключены в концентрационные лагеря, не взирая на поли возраст. Подобная практика преследования по национальной принадлежности к сожалению принимает форму рутинной и вполне законного комплекса карательных мер в отношении нежелательных персон.

Номера частей, застав,
дислокация частей ПВ и
подразделений ВС РФ изменены
намеренно, я не считаю нужным и
возможным приводить абсолютно
точные цифры и имена.

Построение «ёлочкой».

Тактический приём групп глубинной разведки, при котором бойцы движутся в колонне по одному, держа под наблюдением сектора по флангам колонны. Такое построение помогает быстро открыть огонь в сторону возможного нападения, не оставляя без внимания тыл и неатакованный фланг.

ДЗОТ – военно-инженерный термин для обозначения типового полевого укрепления. Буквально расшифровывается как долговременная заглоблённая (зенитная, земляная) укреплённая точка. Возводится с частичным использованием естественной защиты складок местности. Строится из подручных материалов.

Имеется в виду барабанный магазин Beta C, или, в простонародье, – «яйца». Прозвище магазин получил за весьма характерный силуэт, который приобретает оружие с примкнутой «бетой». Однако несмотря на некоторую внешнюю комичность, штука это чрезвычайно удобная, с хорошим балансом. На мой взгляд, «яйца» вместительнее и удобней обычных советских барабанных магазинов от РПК работающих по схожему принципу.

По некоторым данным, в районе г. Гурьевска и под самим Калининградом базировалось несколько артиллерийских частей, в составе которых имелись дальнобойные 203-мм самоходные артсистемы 2С7 «Пион», или её модификация – 2С7М «Малка» (калибр орудия и ходовая часть без изменений, дополнительно установлена аппаратура для приема и отображения данных для стрельбы. Скорострельность увеличена до 2,5 выстр./мин, возимый боекомплект увеличен до 8 выстрелов) использующие снаряды с ядерной

БЧ. Самоходка на базе Т-80, безбашенного типа.

Основными снарядами для 2С7 являются осколочно-фугасный снаряд ОФ43 и активно-реактивный снаряд.

Вес осколочно-фугасного снаряда равен 110 кг, в нем имеется 17,8 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы этим снарядом на полном заряде составляет 37,5 км, начальная скорость — 960 м/с. Активно-реактивный снаряд весит 103 кг, в нем содержится 13,8 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы этим снарядом является рекордной для современных полевых орудий и

равняется 47,5 км. Кроме названных выше, к пушке разработан бетонобойный снаряд, спецбоеприпас с ядерным зарядом и химический снаряд.

Ядерные спецбоеприпасы предназначены для уничтожения особо крупных промышленных объектов и объектов инфраструктуры, а также крупных скоплений войск противника. Минимальная дальность стрельбы ядерными снарядами составляет в 18 км, максимальная — 30 км. Боекомплект состоит из 8 выстрелов, из которых 4 размещены собственно на самоходной установке, а остальные перевозятся в

сопровождающей ее транспортной машине.

Максимальная скорострельность пушки – 1,5 выстрела в минуту. Предусмотрены следующие режимы стрельбы: 8 выстрелов в течение 5 минут; 15 выстрелов в течение 10 минут; 24 выстрела в течение 20 минут; 30 выстрелов в течение 30 минут и 40 выстрелов в течение часа.

МакАдамс немного неверно произносит название корабля своих японских союзников. В данном случае имеется ввиду эсминец-вертолётносец DDH-181 «Хиюга»: заложен на стапеле 11 мая 2006 г., 23 августа 2008 г. спущен на воду, 18 марта 2009 г. вступил в строй. По своей идеологии корабль максимально соответствует советскому противолодочному крейсеру-вертолетоносцу «Москва». Тем не менее, в случае оснащения его самолетами УВВП F-35 В (максимальная взлетная масса 31800 кг) он может превратиться в

полноценный легкий авианосец.

Корабль выполнен по «стандартной» схеме: с большой палубой и смещенной к правому борту надстройкой, на данный момент рассчитан на базирования вертолетов (однако, по мнению экспертов, авианосцы такого класса могут стать подходящей платформой для базирования истребителей класса F-35).

По своему водоизмещению корабль соответствует легким авианосцам, предназначенным для базирования самолетов вертикального взлета и посадки Harrier (британским класса «Инвинсибл», итальянскому

«Джузеппе Гарибальди», испанскому «Принц Астурийский» и тайландскому «Чакри Нарубет»).

ТТХ DDH-181: Длина – 197 м. Ширина – 33 м. Осадка – 7 м. Водоизмещение – 13 500 т. (стандартное); либо – 18 000 т. (полное). Скорость полного хода: 30 узлов. Дальность плавания: 6000 морских миль (на скорости 20 уз.). Двигательная установка газотурбинная (4 турбины), суммарной мощностью 100 тыс. л. с.

«Редут». Имеется ввиду береговой противокорабельный оперативно-тактический ракетный комплекс второго поколения. «Редут» был разработан под руководством В. М. Челомея в ОКБ-52 в соответствии с Постановлением СМ СССР № 903–378 от 16 августа 1960 г. на базе оперативно-тактической противокорабельной ракеты П-35. Комплекс предназначен для поражения надводных кораблей всех типов. Ракета берегового комплекса получила индекс П-35Б. Обозначение ракеты МО США – SSC-1B (Surface-to-Surface Cruise тип

1 второй вариант), обозначение НАТО – Sepal.

Несколько дивизионов «Редут» имеются в распоряжении Северного флота. Ракета комплекса «Редут» имеет мощную боевую часть и высокую скорость маршевого полета, что увеличивает вероятность поражения (прорыва ПВО) цели одной ракетой или многоракетным с нескольких ПУ. Состоящие на вооружении в данный момент комплексы скорее всего имеют ракету 3М44 «Прогресс» с улучшенными ТТХ. Благодаря большой дальности стрельбы батарея комплекса «Редут» при внешнем целеуказании может прикрывать

побережье протяженностью в несколько сот километров. Мощная фугасная или ядерная боевая часть позволяет вывести из строя одной ракетой корабль любого класса. Пусковая установка создана на базе четырехосного шасси ЗИЛ-135К (после переноса серийного производства шасси в Брянск – БАЗ-135МБ). Главным разработчиком системы управления комплекса «Редут» был НИИ-10 (ВНИИ «Альтаир»). Маршевый ТРД ракеты разработан в ОКБ-300. Среди недостатков отмечается то, что ракета имеет относительно большие размеры и массу, из-за чего СПУ несет только одну. СПУ не автономна

и не может сама обнаруживать и обстреливать цели. Время развертывания комплекса на боевой позиции около тридцати минут, что также очень медленно для современного скоростного боя. Большая дальность полета ракеты создает проблемы с целеуказанием. Однако стрельба с замаскированных позиций может дать нужный результат, что в принципе и нужно для береговой батареи.

Майкл вооружён новой
штурмовой винтовкой (автоматом)
Remington ACR. Внешне оружие
напоминает FN SCAR. Данное
изделие – результат совместной
работы специалистов Сил
специального применения армии
США – SOCOM и инженеров
компании Ремингтон.

Одним из основных
преимуществ штурмовой винтовки
Remington ACR является модульная
конструкция изделия. Модульность
позволяет в данном конкретном
изделии заменять стволы разной
длины и калибров в полевых

условиях и адаптировать оружие для различных боевых задач, используя только одну основу – корпус из легкого сплава, на который при помощи планок Picatinny могут быть установлены любые типы прицелов: оптические, коллиматорные, ночные, либо механические складные съемные прицельные приспособления, а так же другие аксессуары, как то: лазерные целеуказатели, тактические фонари и передние рукоятки.

Однако главным козырем эксперты считают уникальный боеприпас – 6,8 SPC (6,8 мм). Патрон 6,8 mm Remington SPC (Special Purpose Cartridge) – на данный

момент может считаться оптимальным для такого подвида боеприпасов как промежуточный патрон. Данный б/п сочетает в себе хорошую эффективность по живым целям, адекватную баллистику (особенно при стрельбе из карабинов со сравнительно коротким стволом) и умеренные отдачу и габариты. Патрон также как и автомат ACR, разрабатывался компанией Ремингтон в тесном сотрудничестве с бойцами и экспертами Сил спецопераций SOCOM, и активно продвигается в США в качестве перспективного армейского патрона. Однако пока книжная реальность совпадает с реальностью

действительной – комплекс закупают частные военные компании, а боевые части регулярной армии (даже пресловутый «спецназ») новое оружие не увидят в ближайшей перспективе.

ТТХ: калибр – $5,5 \times 45$ (.223 Remington) / 6,8 SPC / 6,5 mm. Длина оружия: 902/654 (в варианте с 368 мм стволом). Длина ствола: 267, 368 или 419 мм. Высота оружия – 197 мм. Ширина оружия: 64 мм. Масса без патронов – 3,1 кг. Темп стрельбы: 650–700 выстр/мин. Ёмкость магазина: 30/100 патронов (отъёмный коробчатый или двойной барабанный магазин типа «Beta-C»).

МакАдамс говорит о стрелковом комплексе, состоящем из двух модульных изделий, это Mk.16 SCAR-L (Light) и Mk.17 SCAR-H (Heavy). Данный комплекс поступает в войска специального применения SOCOM уже с 2005 г. и отлично себя зарекомендовал в Афганистане. Предполагается, что к концу первого десятилетия XXI века, комплекс SCAR заменит принципиально более слабый и проблемный тандем M4 – M14.

Стрелковая система SCAR включает в себя два базовых варианта оружия – «легкую» винтовку Mk.16

SCAR-L (Light) и «тяжелую» винтовку Mk.17 SCAR-H (Heavy). Главными различиями между SCAR-L и SCAR-H являются используемые боеприпасы, поскольку винтовки SCAR-L рассчитаны только на патроны калибра 5.56×45 мм НАТО (как с обычными пулями M855, так и с более тяжелыми пулями Mk.262). Винтовки же SCAR-H в качестве базового боеприпаса используют значительно более мощный патрон 7.62×51 мм НАТО, с возможностью, после замены необходимых компонент (затвор, ствол, нижняя часть ствольной коробки с приемником магазинов), использовать патроны других

калибров. Показательно то, что пока это советский патрон $7,62 \times 39$ – М43, причем с данным патроном винтовка SCAR-H может использовать магазины от автоматов Калашникова АК/АКМ.

В обоих базовых конфигурациях винтовки SCAR имеют три возможных конфигурации – стандартную «S» (Standard), укороченную для ближнего боя «CQC» (Close Quarters Combat) и снайперскую «SV» (Sniper Variant). Смена варианта осуществляется только в условиях базы путем замены ствола силами самого бойца или оружейника подразделения. Что на данный момент даёт выигрыш для

прямого конкурента – комплекса фирмы «Ремингтон», о котором говорилось выше (там есть опция переделки в полевых условиях). Во всех вариантах винтовки SCAR имеют одинаковое устройство, одни и те же органы управления, те же процедуры обслуживания, ремонта и чистки, максимально возможную взаимозаменяемость деталей и аксессуаров. Взаимозаменяемость деталей между вариантами винтовок составляет до 90 %.

Сасквоч – значит дикий человек в переводе с одного из индейских диалектов. Когда в 1958 г. в лесу были обнаружены отпечатки огромных ступней, местная газета округа Гумбольдт в Калифорнии окрестила неизвестное существо новым именем: Бигфут. С момента публикации в Гумбольд Таймс Бигфут приобретает огромную известность. Материал подхватывает агентство Ассошиейтед Пресс, и информация о Бигфуте разлетается по всему миру. Бигфута и его следы начинают замечать во всех уголках планеты. Появляются фотографии,

множатся публикации, туристы рекой текут к местам, где видели Сасквоча. Тысячи журналистов, биологов, экспертов по аномальным явлениям работают над углублением Бигфут-культуры. А в 2002 г. умирает один из главных охотников за Бигфутом, калифорнийский лесник Рэй Уоллас. После его смерти члены семьи заявили, что Бигфут – это сознательная мистификация. На знаменитой черно-белой фотографии изображена жена Уолласа, конечно, в специальном костюме. Отпечатки лесник оставлял при помощи больших деревянных ступней, которые семья тоже предъявила журналистам. Это разоблачение не

помешало легенде о Бигфуте жить дальше. Последние сведения о встречах с Бигфутом в новостях датированы июлем 2010 г.

Однако я не склонен считать, что абсолютно все сообщения о «снежном человеке» это стопроцентная мистификация, хотя в случае с лесником из Калифорнии это вполне возможно. У нас в Сибири охотники-промысловики, старатели-золотодобытчики и просто лесозаготовители часто видят нечто похожее. Существо по совокупным описаниям от полутора до трёх метров ростом, имеет бурую или рыжую шерсть, прямоходящее. Человека хоть и избегает, но

совершенно не боится. Все отмечают, необычайное чувство страха, стоит только попытаться приблизиться к «Рыжухе» (так называл Бигфута один мой знакомый), или навести на существо оружие. В любом случае, верить или нет – дело сугубо личное.

Среди форумных «оружейников» ходят всевозможные легенды о знаменитой винтовке Мосина. Легенды эти столь противоположны по своей сути, что лично у меня, как пользователя карабина той же марки они вызывают одинаковую неприязнь. Сторонники «крутости» говорят о необычайной (до 3000 м) дальностью «трёхлинейки» (3 линии в старинной русской системе мер равны 0,3 дюйма, или по-современному – 7,62 мм) и её полной безотказности в работе даже после тотального небрежения владельцем в

течение очень длительного времени. Это ложь. Также ложью является то, что противники винтовки приводят как недостатки данного изделия: конструкция «содрана» с бельгийской винтовки, топорно сработанное ложе, отсутствие эргономики органов управления в принципе, неудовлетворительную точность на расстоянии свыше восьмисот метров по ростовой фигуре и якобы чувствительность к загрязнению после семи-десяти выстрелов подряд.

Первым на нелепые восторги возражу: оружие без стрелка – бесполезный набор запчастей, поэтому не надейтесь, что оно будет

хорошо и безотказно служить без соответствующих усилий с вашей стороны. Вторым (ну поклонникам «западного» и «особо точного») повторяю: если б делали плохо, в войне не победили бы. В те суровые годы, проблемные конструкции отсекались практически мгновенно, как это было к примеру со знаменитой СВТ или в просторечии «светкой». Винтовка конструкции Мосина вобрала в себя всё лучшее от зарубежных образцов, однако идея и основа конструкции принадлежали офицеру русской армии С. И. Мосину. В 1891 г. выиграла конкурс у изделия знаменитого Нагана (это не рэппер, это такой

бельгийский конструктор-оружейник, звали его Леон, но не «киллер», а просто очень талантливый инженер-конструктор). Конструкция выдержала четыре войны (две мировых и две крупных но более локального характера), даже в наше время мосинская винтовка нашла своё воплощение в ряде модификаций снайперского оружия.

Лесник Чернов в романе вооружён модификацией от 1930 г. (кольцевой предохранитель мушки, планка крепления снайперских прицелов марок ПЕ или ПУ, возможность установки ПББС конструкции братьев Митиных «БРАМИТ», ореховая ложа).

ТТХ: калибр – 7.62 × 54 мм R;
тип УСМ – ручное перезаряжание,
продольно скользящий поворотный
затвор; длина (без
предустановленного ПББС) – 1234
мм; вес (без патронов, оптического
прицела и предустановленного
ПББС) – 3,8 кг. Ёмкость магазина – 5
патронов в неотъемном коробчатом
магазине, снаряжение из обойм.

Имеется ввиду портативный пункт управления подразделением ROVER (Remote Operations Video Enhanced Receiver). Это устройство имеет шифрованный канал обмена данными с другими подразделениями, средствами воздушной и космической разведки, служит для координации действий с различными родами и видами войск. Каждый ROVER имеет размер стандартного КПК. Этот приемник предназначен для «ручного» использования и позволяет получать видеосигнал в режиме реального времени. Силы специальных

операций США и командование пехотных частей армии США, используют ROVER для получения более глобальной картины (по сравнению с той, что они получают с низколетящих мини БПЛА RQ11-Raven) района проведения операции. Чтобы получить сигнал с крупных БПЛА, самолётов АВАКС или спутников, терминалы ROVER имеют встроенную антенну. Оригинальная система ROVER, также как и текущие версии системы, была разработана и поставлена в Вооруженные Силы в течение 2009 г.

Мк.18 CQBR. Это всё тот же самый тюнингованный карабин М-4А1. Чудес от данного оружия ожидать не нужно, порочная система gas key никуда не делась. Плюс короткий ствол и проблемный НАТОвский патрон 5,56 мм, которые совместными усилиями убивают все достоинства данного оружия. Удобство данного ствола только в отлично продуманной системе аксессуаров SOPMOD (прицелы, сменные стволы, фурнитура, ПББС и проч.). Однако большое число данных автоматов всё ещё присутствует в самых элитных

подразделениях американской армии как основная штатная единица вооружения бойцов. полностью планируется избавиться от М4 только к 2017 г., когда ему на смену придёт SCAR или Remington ACR. Однако массовое внедрение последнего образца сомнительно из-за его высокой стоимости.

ТТХ: Калибр: 5,56 × 45 (.223 Remington). Длина оружия – 840/760 мм. Длина ствола – 370 мм. Масса без патронов – 2,7 кг. Темп стрельбы – 700–950 выстр/мин. Емкость магазина: 20 или 30 патронов.

P226. Имеется ввиду армейский вариант пистолета SIG P226 под патрон 9 × 18 мм Парабеллум. Данный пистолет был изначально принят на вооружение спецподразделением ВМФ США «US Navy SEAL» и используется в войсках с 1991 года. В частности, его стали большими партиями закупать во время операции «Буря в пустыне». По свидетельствам пользователей, пистолет на порядок превосходит по надёжности и эффективности официальное личное оружие Beretta M 92FS, о котором я слышал немало неприятных слов, хотя личное

знакомство с «береттой» было мимолётным (два магазина на стрельбище). Что же до Р226, то разведподразделениями американской армии чаще всего используется модель «Blackwater», с пазами для крепления дополнительных приспособлений и сменным стволом для предустановки ПББС. В целом пользователи хвалят пистолет за высокую кучность стрельбы сериями по три-четыре выстрела, а также надёжность в плане воздействий внешней среды.

Отдельно стоит упомянуть боеприпас данного изделия. Это специально разработанный американской компанией «Federal

Cartridge» мощный
девятимиллиметровый патрон.357
SIG. Создавался он на основе
патрона.40 Smith & Wesson. Такой
модификацией создатели
патрона.357 SIG достигли следующих
результатов: более надежного
досылания патронов, так как
диаметр пули оказался заметно
меньше диаметра задней части
патронника, что исключило
возможность утыкания патрона при
подаче (известная проблема
крупнокалиберных патронов). Также
увеличилась начальная скорость пули
по сравнению как с исходным
патроном.40 S&W, так и с патроном
9 × 19 Parabellum, что дало более

настильную траекторию стрельбы и большую проникающую способность; патрон.357 SIG, более всех остальных боеприпасов, оказался пригоден для поражения защищенной цели, находящейся за дверью или, например, в автомобиле. В отличие от патрона 10 mm Auto, предназначавшегося также для поражения защищенных целей, но оказавшегося слишком «горячим» ввиду чрезмерной силы отдачи, серьезно затруднявшей прицельную стрельбу, отдача нового патрона.357 SIG оказалась довольно умеренной, тогда как прирост в начальной скорости — весьма существенным. Для патрона.357 SIG при пуле весом

6.12 грамм (как пуля патрона 9×18 мм ПМ) начальная скорость, при стрельбе из оружия со стволом длиной 100 мм, может достигать 460 м/с и даже 520 м/с при дульной энергии от 650 до 820 Дж, что в 2–3 раза выше, чем у ПМ и близко к дульной энергии патрона.357 Magnum. При пуле весом 7,82 г начальная скорость пули может достигать 450–460 м/с, а при пуле массой 10 г – 360 м/с.

Само оружие в данной компоновке и данный боеприпас имеют на вооружении только сотрудники полевых групп ЦРУ – SOG, Секретной службы США (охрана первых лиц государства),

Служба военно-морской разведки США и подразделения Центра спецопераций армии США.

ТТХ (для модели под 9 мм):
Калибр – 9×22 мм (.357 SIG). Длина оружия – 196 мм (без предустановленного ПББС). Длина ствола – 112 мм (обычного). Высота оружия – 140 мм. Ширина оружия – 38 мм. Масса без патронов – 964 г. Емкость магазина – 15 и 20 патронов в коробчатом двурядном магазине.

АКСУ – если совсем по-книжному, то АКС-74У. Автомат создан на базе АКС-74, для водителей бронетехники и лётчиков советской, и само собой российской армии. Изделие максимально унифицировано по узлам и деталям со «старшим братом», отсюда его очевидные достоинства и недостатки. Достоинства – мощный для оружия данной категории патрон и высокая мобильность автомата в условиях узких коридоров или скажем кабины пилота вертолёта или истребителя. Недостатки – невысокая эффективная дальность

ведения огня (около 130 м), быстрый перегрев (после отстрела 60 патронов непрерывной стрельбы, начинаются «плевки»). Ещё можно реально оглохнуть, поскольку из-за короткого ствола и конструкции надульника звуковая волна накрывает стрелка. Из-за этой особенности, АКСУ иногда ласково называют «чебурашкой». Но несмотря на некоторые минусы, «чебуран» — вполне вменяемое оружие, которое легко освоить и вполне уверенно можно использовать как личное оружие.

Автомат укорочен вдвое, против АКС, ствол у него, с соответственно передвинутой назад газовой

каморой, укорочен также шток газового поршня; установлен специальный надульник, служащий расширительной камерой (для надежного функционирования газового двигателя автоматики) и пламегасителем. Крышка ствольной коробки имеет шарнирное крепление к ствольной коробке в передней ее части. Прицел открытый, секторный, целик перекидной – с установками на 200 и 400 метров, закреплен на крышке ствольной коробки. В остальном же механизмы, органы управления и общее устройство АКС-74У аналогичны устройству автомата АКС-74.

ТТХ: Калибр – 5,45 × 39 мм.

Длина – 735 мм и 490 мм со сложенным прикладом. Длина ствола – 210 мм. Вес без патронов – 2,71 кг. Емкость – 30 патронов в секторном отъёмном магазине. Темп стрельбы: 650–735 выстр/мин.

В данном случае генерал Макаров использует не общепринятое, а обиходное название единого танка Т-80 или «объекта 219». За способность вести бой на довольно высокой скорости Т-80 получил прозвище «Летающий танк». Серийное производство танков Т-80Б, оснащенных комплексом ПТУР 9К112 «Кобра», началось в 1976 г. Технология изготовления этих машина взяла все лучшее от технологий танков Т-64Б и Т-72А. Т-80Б вооружён 125-мм гладкоствольным орудием Д-81ТМ (2А46), аналогичным пушкам,

установленным на Т-64 и Т-72. С точки зрения удельной мощности Т-80 резко отличается от предшественников. Газотурбинный двигатель СМ 1000 мощностью 1000 л. с. позволяет танку развивать скорость до 70 км/ч по твердым грунтам и до 50 км/ч по сыпучим. На сыпучих грунтах машины того же класса, имеющие близкую к Т-80 массу, способны развить скорость не более 25–30 км/ч, в то время как Т-80, за счет мощного двигателя и удачной конструкции ходовой части, может развивать высокую скорость на совершенно не приспособленных для скоростных бросков участках местности. За счет совершенной

системы управления огнем, Т-80 способен вести прицельный огонь при движении на средних скоростях. Низкий силуэт, малый вес и высочайшая гибкость конструкции делают боевое применение машины актуальным на поле боя до настоящего времени.

По состоянию на 1993 г., Т-80 и его модификации имеются на вооружении большинства профильных частей ВС РФ. Танк модифицировался несколько раз, самые заметные улучшения были сделаны именно в 1985 г., за что танк и получил обиходное наименование «восемьдесят пятый». Стремясь выйти на новые рынки оружия в

начале 1990-х, российское правительство приняло решение показать Т-80 на международной выставке военной техники в Абу-Даби IDEX'93. Официально танк стал именовался Т-80У («У» — улучшенный). Машина произвела впечатление на специалистов, в конструкции явно прослеживалось совершенствование трех ключевых характеристик любого танка — бронезащиты, огневой мощи и подвижности.

Бронезащиту лобовой части передних частей бортов корпуса усилили путем установки навесных модулей, которые состоят из слоев пластика и керамики. В нижней

части корпуса машины появились два резиновых фартука, предназначенные для провоцирования преждевременной детонации мин. Форма башни танка напоминает форму башни Т-72Б1 модели 1985 г.; башня Т-80У ИМСС1 встроенную пластиково-керамическую броню. Увеличению степени защищенности способствуют также навесные блоки динамической защиты, установленные на башне и лобовой части корпуса и прикрывающие барбет резиновые фартуки-сегменты на скулах башни. Дополнительное бронирование установлено также на крыше башни.

Огневую мощь танка усилили за счет интеграции в систему управления огнем пушки Д-81ТМ (2А46Б) цифрового электронного баллистического вычислителя 1В528. Наведение ракет комплекса «Кобра» осуществляется посредством прицельного устройства «Буран-ПА», имеющего дневной и ночной каналы; прицел «Буран-ПА» пришел на смену прицелу 1К13. Командир имеет прицел с независимой стабилизацией и способен самостоятельно искать и поражать цели. На Т-80У установлен стабилизированный прицел ТКН-4С, имеющий дневной и ночной каналы.

После установки на Т-80У 1250-

сильного газотурбинного двигателя ГТД-1250, по удельной мощности российская машина сравнялась с лучшими танками НАТО. Между тем, в разработке находится танковый газотурбинный двигатель мощностью 1500 л. с., оснащение Т-80 таким мотором даст ему решающее преимущество перед машинами НАТО в скорости. Начиная с 1992 г., танки Т-80 оснащаются также и 1000-сильными дизель-моторами 6ТДФ. Этот 12-цилиндровый двигатель с оппозитным расположением цилиндров создан на базе мотора, ставившегося на танках Т-64. Т-80 с дизельными двигателями получили

обозначение Т-80УД. Всего на данный момент произведено более 6000 машин данного проекта, включая различные модификации. «Объект 219» является лучшим единым танком, производимым серийно за последнюю четверть века.

ТТХ:

Экипаж – 3 человека. Боевая масса – 46 т. Длина с пушкой – 9900 мм. Длина корпуса – 7400 мм. Ширина – 3400 мм. Высота – 2480 мм.

Вооружение – 125-м гладкоствольная пушка Д-81ТМ (2А46Б) боекомплект 39 снарядов и 6 ПТУР; 1 пулемет ПКТ-М калибра

7.62 мм (боекомплект 2000 патронов); 1 зенитный пулемет НСВТ калибра 12,7 мм.

Двигатель – ГТД-1250 мощностью 1250 л. с. Скорость по шоссе – 75 км/ч. Запас хода – 335 км.

В данном случае имеется ввиду общевойсковой бронежилет 6Б5-16 (модификация для расчётов артиллерийских орудий и мотострелков). «Броник» этот довольно надёжный, разработан ещё в СССР и поставлен на снабжение СА в 1986 г. Стандартный армейский 6Б5, как правило, имеет керамические карбидо-борные бронепластины в грудной секции и тонкие титановые в спинной секции. Все варианты жилета имеют единый чехол и внешне практически ничем не отличаются друг от друга. На грудной секции жилета размещены

карманы для магазинов. Они сделаны универсальными для размещения магазинов как к автоматам АК, АКМ, АК-74, так и к ручным пулеметам РПК, РПК-74. На спинной секции, внизу, располагаются карманы для ручных гранат и карман для противогаза, находящийся чуть выше. Расположенные выше гранатных карманов шлевки предназначены для пропуска поясного ремня. В верхней части грудной секции расположены валики-упоры, чтобы предотвратить сползание с плеча ремня оружия, плечевых ремней рюкзаков, ранцев и прочего снаряжения. Большая часть жилетов получила чехлы из

капроновой ткани зеленого или серо-зеленого цвета (морпехи и десантура щеголяют в трёхцветных камуфляжных «Бутанах», в народе более известных как «Дубок»).

Бронежилет 6Б5 был первым отечественным жилетом, имеющим противоосколочную защиту шеи (воротник). Она состоит из трех взаимоперекрывающихся частей, одной на спинной секции и двух на грудной, в которых размещена ткань ТСВМ-ДЖ (аналог ткани Кевлара). Сам по себе он очень увесистый, с керамическими бронепанелями на груди и спине, держит пулю от отечественного АКМ и амеровской M16A2 с дистанции в 10 м. На

испытаниях выдерживал попадание из СВД (обычной пулей ЛПС) с дистанции свыше 100 м. В указанном исполнении (со всем обвесом без боекомплекта) весит 14 кг.

Производство этих жилетов продолжалось до 1998 г. В 2000 г. приказом Министра обороны РФ БЖ серии 6Б5 были сняты со снабжения, с оставлением находящихся в эксплуатации в войсках жилетов до полной замены современными изделиями. Однако большинство мотострелковых и артиллерийских частей СВ РФ до сих пор используют 6Б5 в качестве основного средства индивидуальной противопульной и противоосколочной защиты

пехотинца.

ОГСР «Сигма». Одно из самых секретных подразделений специальной разведки в структуре ВС РФ. Приказ о формировании группы датирован 17 мая 1994 г. Подразделение подчиняется напрямую командующему погранвойсками и его заместителю по разведке. Это кадрированная часть, т. е. проходят службу в ней только офицеры и прапорщики. В апреле – мае 1995 г. началось комплектование. Костяк составили офицеры Управления «А» ЦСН ФСБ РФ, среди которых традиционно много пограничников.

В 1995 г. было размещено и обучено два подразделения — в Москве и в Краснодаре. От создания еще одного подразделения в Хабаровске первоначально пришлось отказаться по экономическим причинам. В 1997 г. под сокращение попали краснодарские спецназовцы. Возможности продолжить службу в центральном подразделении им не предоставили, так что офицеры с трудом созданного подразделения перешли на службу в другие ведомства, немногие остались в погранвойсках. Угроза сокращения не раз нависала и над московским подразделением «Сигмы», однако после передачи ФПС РФ в

подчинение Федеральной службы безопасности положение изменилось. В частности, хабаровский филиал, по некоторым сведениям, всё же создан и успешно выполняет поставленные перед ним задачи в составе ЦСН ФСБ. Всё выше сказанное является набором фактов, собранных мной лично и только из открытых источников.

Имеется ввиду ЗРС С-400 «Триумф». Зенитная ракетная система С-400 принята на вооружение российской армии Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. 6 августа 2007 г. первый дивизион заступил на боевое дежурство в г. Электросталь Московской обл. В странах, входящих в блок НАТО, комплекс получил обозначение SA-20. Зенитный ракетный комплекс С-400 «Триумф» предназначен для поражения самолетов-постановщиков помех, самолетов радиолокационного обнаружения и управления,

самолетов-разведчиков, самолетов стратегической и тактической авиации, тактических, оперативно-тактических баллистических ракет, баллистических ракет средней дальности, гиперзвуковых целей и других современных и перспективных средств воздушного нападения.

ЗРК С-400 создан на базе существующих российских комплексов С-300, однако обладает значительно большими тактико-техническими возможностями в сравнении с этими системами – и по зоне, и по эффективности, и по многообразию поражаемых целей. Проведенные разработчиками

комплекса оценки выявили, что по критерию «эффективность – стоимость» новый ЗРК обеспечивает выигрыш в 2,5 раза по сравнению с существующей техникой. «Триумф» – единственная система, которая может выборочно работать с использованием нескольких типов ракет – как старых, входивших в ранние разработки (С-300ПМУ-1, С-300ПМУ-2), так и новых, созданных в последнее время. Располагая в базовом варианте 4 типами ракет, обладающих различной стартовой массой и дальностью пуска, С-400 позволяет создавать эшелонированную противовоздушную оборону,

расширить зоны поражения комплекса, а также имеет большие перспективы для дальнейшей модернизации.

Комплекс обладает высокой степенью автоматизации всех этапов боевой работы, современная элементная база позволила значительно сократить обслуживающий персонал ЗРК. Принципы построения и разветвленная система связи средств «четырехсотки» позволяют интегрировать ее в различные уровни управления не только ВВС, но и других видов Вооруженных Сил.

В базовом варианте зенитного ракетного комплекса С-400

сохранилась структура ЗРК типа С-300, включающая многофункциональную РЛС, пусковые установки, автономные средства обнаружения и целеуказания. Вместе с тем, новый комплекс средств управления обеспечивает значительно большую канальность по целям.

В состав ЗРС «Триумф» входят: средства управления 30К6Е; пункт боевого управления 55К6Е; РЛС обнаружения 91Н6Е. Зенитные ракетные комплексы 98Ж6Е (до 6 шт.) в составе: многофункциональная РЛС управления 92Н2Е; пусковые установки 5П85ТЕ2 и/или 5П85СЕ2 (до 12 шт.); зенитные ракеты 48Н6Е,

48Н6Е2, 48Н6Е3, стоящие на существующих ЗРК С – 300ПМ – 1, – 2, а также перспективные ракеты 9М96Е и 9М96Е2 и ракета сверхбольшой дальности 40Н6Е.

Опционально придаваемые средства: всевысотная РЛС 96Л6Е; передвижная вышка 40В6М для антенного поста 92Н6Е.

Все процессы боевой работы: обнаружение, трассовое сопровождение, распределение целей между зенитными ракетными комплексами (ЗРК), их захват, сопровождение и опознавание, выбор типа ракет, подготовка их к пуску, пуск, захват и наведение ракет на цели, оценка результатов стрельбы, –

автоматизированы.

Имеется ввиду перспективный истребитель пятого поколения ПАК-ФА, или иначе – Т-50. О самой машине по понятным причинам известно крайне мало. Но достоверно знаю, что это тяжёлый истребитель со взлетным весом свыше 30 тонн, средней размерности (примерно соответствующий самолетам Су-27), представляющий собой моноплан с широко разнесенными двигателями и двумя килями, сильно отклоненными наружу от продольной оси. Внешний вид планера спроектирован с использованием технологий

геометрической малозаметности «стелс».

По сравнению с истребителями предыдущих поколений Т-50 обладает рядом уникальных особенностей, сочетая в себе функции ударного самолета и истребителя. Самолет пятого поколения оснащен принципиально новым комплексом авионики, интегрирующим функцию «электронного пилота», и перспективной радиолокационной станцией с фазированной антенной решеткой. Это в значительной степени снижает нагрузку на летчика и позволяет концентрироваться на выполнении тактических задач.

Т-50 может взлетать и садиться, используя участки взлетно-посадочной полосы длиной 300–400 м. Самолет развивает скорость до 2100 км/ч и совершает перелеты на расстояние до 5500 км. Истребитель также оснащен комплексом дозаправки в воздухе.

Самолет обладает большим внутренним отсеком вооружения. В нем могут размещаться до восьми ракет типа Р-77 воздушного боя или две управляемые авиабомбы массой по 1500 кг. Истребитель способен на внешней подвеске нести две ракеты сверхбольшой дальности разработки бюро «Новатор». Этими ракетами Т-50 способен уничтожать самолеты

типа АВАКС, на дальности до 400 км.

Имеется ввиду самолёт ДЛРО А-50У. Самолет дальнего радиолокационного дозора, обнаружения и управления первого поколения назывался А-50, создан на базе военно-транспортного самолета АК им. Ильюшина Ил-76МД на Таганрогском авиационном научно-техническом комплексе им. Г. М. Бериева совместно с НПО «Вега-М» и Московским научно-исследовательским институтом приборостроения. Его поступление в части авиации войск ПВО страны началось в 1984 г. (в том же году был снят с вооружения самолет ДРЛО

Ту-126), а в 1985 году АКРЛДН А-50 был официально принят на вооружение. Комплекс А-50 предназначен для обнаружения и опознавания воздушных объектов (в том числе и малоразмерных крылатых ракет типа ALCM и «Томагавк»), определения их координат и параметров движения, выдачи информации на командные пункты, наведения истребителей, а также вывода самолетов фронтовой авиации в район наземных целей. Возможно использование А-50 и для обнаружения морских целей.

Потенциал самолета А-50 был продемонстрирован зимой 1991 г. во время боевых действий в районе

Персидского залива, когда он успешно обнаруживал и сопровождал самолеты союзников, наносившие удары по Ираку с территории Турции. В настоящее время в частях ВВС и ПВО РФ на вооружении состоит модернизированная версия А-50, и называется она А-50У, самолёт оснащается усовершенствованным радиолокационным комплексом «Шмель-М» и «Шмель-2», последний обеспечивает большую дальность обнаружения и сопровождения целей, а также способный одновременно наводить большее число истребителей. В настоящий момент в войсках стоит

на вооружении 16 машин этого типа.

Основные тактико-технические данные радиотехнического комплекса: дальность обнаружения воздушных целей типа МИГ-21 на фоне земли до 230 км; дальность обнаружения крупных морских целей до 400 км; количество одновременно сопровождаемых целей до 50; количество одновременно наводимых истребителей до 10.

Дальность передачи информации на КП АСУ видов Вооруженных Сил по радиолиниям: МВ, ДМВ диапазона до 350 км; КВ диапазона до 2000 км; спутниковой связи более 2000 км. По оценкам экспертов, комплекс А-50 в целом

превосходит американский аналог ДРЛО Е-3 «Сентри» по уровню выделения целей на фоне земли, чуть проигрывая в дальности обнаружения целей и количеству автоматизированных каналов наведения.

Имеется в виду новая перспективная система управления войсками АСУ ТЗ «Созвездие». Данная система является следующим шагом после принятой на вооружение ВС СССР и странами Варшавского договора в 1983 г. АСУ «Манёвр». После распада колдоговора, США получили почти все составляющие «Манёвра». Любопытный факт: Пентагон подготовил и провел командно-штабную игру. С одной стороны НАТО, с другой – Варшавский договор. Войска Запада управлялись по своей системе, армии Востока

использовали «Манёвр». НАТО было разгромлено без применения ядерного оружия менее чем за трое суток и только за счет великолепного управления. Американцы испытали шок. И не только от поражения. Они просто не могли понять, как на примитивной элементной базе советским специалистам удалось создать столь эффективную систему управления. Достаточно сказать, что для обеспечения всего одного канала закрытой связи в АСУ «Манёвр» использовалась аппаратура, едва уместившаяся в фургоне, размещенном на грузовике «Урал». Ошибочно будет считать, что мы опередили соперника, успешно

внедряемая АСУ «Блюфорс», хоть и вобрала в себя часть идей советских разработчиков, однако всё же разрабатывалась параллельно.

В 1993 г. один из создателей «Манёвра» Роберт Николаев возглавил работы по созданию АСУ для ВДВ – «Полет-К», которая являлась гигантским скачком в сравнении с предшествующей системой. «К» означало космическую компоненту АСУ. «Полет-К» должен был стать основой собственной идеологии сетецентрических войн.

АСУ ВДВ была в целом спроектирована к началу 2000 г., отдельные ее элементы прошли

успешные полигонные испытания, которые показали, что эта система пригодна и для Сухопутных войск. «Полет-К» нельзя заглушить никаким радиоэлектронным противодействием, нейтрализовать компьютерным вирусом. Николаев умудрился спроектировать радиостанцию, которую невозможно запеленговать. Было реализовано множество других уникальных новшеств. Казалось бы, надо срочно активизировать работы для построения прекрасно управляемой, а значит — непобедимой армии. Однако не без вмешательства агентов влияния, против конструктора было сфабриковано уголовное дело и

разработку свернули, отбросив наши войска на десятилетие в прошлое.

Однако идея не заглохла и уже сейчас мы имеем разработку Вадима Потапова АСУ ТЗ «Созвездие». Судя по имеющимся данным, система является идейным и системным продолжением темы «Полёт-К». Разрабатывает и внедряет новую систему управления воронежский концерн одноимённого названия – «Созвездие», при содействии «Рособоронэкспорта» и корпорации «Ростехнологии». Испытания показали, что солдат с компьютером выполняет отдельные нормативы в 40 раз быстрее, чем раньше. Подобно схеме предложенной в «Полёт-К»,

все элементы собираются в единую тактическую цепь, по которой идёт скоростной обмен данными между подразделениями. Например, вот станция Wi-Fi и на удалении ещё одна подобная станция, либо несколько. Это все образует единую цифровую защищенную полевую сеть связи в любой точке поля боя, где есть сфера действия данной станции.

В состав одного носимого портативного комплекта «Созвездие» входят: WI-FI, компактная гарнитура, антенна ГЛОНАСС, радиостанция шестого поколения (в них реализован режим программной перестройки частоты, то есть частота меняется со

скоростью до ста скачков в секунду, что обеспечивает сложность её перехвата). Вес аппаратуры всего полкило. Военный сотовый телефон, у которого есть Wi-Fi-связь, есть ГЛОНАСС и GSM-модуль. С таким арсеналом солдат в бою не потеряется. Любое его действие командир видит на штабном компьютере. Здесь же контролируются и действия беспилотников, зенитных комплексов, бронетанковых подразделений.

АСУ включает в себя 12 подсистем: командование штаба, разведки, артиллерия, радиоэлектронной борьбы, тыла,

техобеспечения, инженерных войск, но всех увязывает по горизонтали единая телекоммуникационная платформа. Все работают на общевойскового командира в виде подачи информации, создания информационного ресурса, который необходим для принятия решения.

Комплекс ТЗ уже поступает в войска. По состоянию на февраль 2010 г., в подразделениях Московского военного округа началась опытная эксплуатация этой системы. Подготовку проходят три мотострелковые роты и батальон, танковые, артиллерийские подразделения и дивизион ПВО. Чуть позже ТЗ начали внедрять в

войсках ОСК «Восток» и «Юг».

Одной из первых в борьбу с врагом вступила 133-я Сибирская стрелковая дивизия. Сформирована в Новосибирске в 1939 году. В июне 1941 г. передислоцирована на запад и с июля в составе 24-й армии Фронта резервных армий удерживала рубеж в районе г. Дорогобуж. В августе-сентябре участвовала в Ельнинской наступательной операции. Принимала участие в боевых действиях под Москвой и Калинином. 7 марта 1942 г. преобразована в 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Закончила боевой путь в Кенигсберге. За боевые

заслуги дивизия удостоена
наименования Инстербургской,
награждена орденами Суворова II
степени и Красного Знамени.

Дивизией командовали:

Швецов Василий Иванович
(15.09.1939–10.12.1941), комбриг, с
4.06.1940 генерал-майор.

Иовлев Сергей Иванович
(11.12.1941 – 12.12.1941),
полковник.

Захаров Федор Дмитриевич (с
13.12.1941), генерал-майор.

В первые четыре месяца войны в
райкомы партии и военкоматы
поступило более 9 тысяч заявлений
от коммунистов, комсомольцев и
беспартийных патриотов с просьбой

направить их на фронт. Всего из Новосибирской области за июль – октябрь 1941 г. выбыло на фронт свыше 17 тыс. членов партии. К середине 1942 г. в действующей армии сражалось около 150 тыс. коммунистов Сибири, подавляющее большинство из них были добровольцами.

«Верба» – противотранспортная мина МЗУ-2 (масса – 700 г, корпус – металлический, заряд ВВ – тетрил 150 г). Размеры – $193 \times 116 \times 32$ мм; Время взведения в боевое положение без замедления – 60–70 сек. Время замедления взрывателя-ВЗД-144 от 0,5 до 144 ч.) относится к разряду универсальных, т. к. помимо своего прямого назначения, может быть использована как в качестве объектной мины, мины-ловушки, детонатора, или устройства неизвлекаемости для других мин, например, противотанковых. Из-за своих небольших размеров и высокой

надёжности в применении, транспортировке и хранении «Вербы» часто используются диверсантами в качестве основного средства минирования или инициирования основного заряда ВУ. Единственным недостатком можно считать стальной корпус, однако он же является гарантией длительной работоспособности устройства.

SAW – имеется в виду FN M249 SAW, единый ручной пулемёт калибра 5,56 мм. Стоит на вооружении армии США. Отличается высокой мобильностью в сочетании с достаточной огневой мощностью, заметно превосходящей огневую мощь ручного пулемета британских ВС – L86A1 и ряда других изделий, построенных на базе автоматов, а не созданных «с нуля» как пулеметы. Отличительная особенность SAW – возможность использовать для стрельбы как металлическую ленту (штатный метод), так и винтовочные магазины стандарта НАТО (от

винтовки M16, резервный вариант) без каких-либо изменений в конструкции. Однако пользователи отмечают крайне быстрый перегрев и износ ствола в условиях пустынного климата, а также высокий процент отказа механики подачи ленты при низких температурах из-за короткого хода газового поршня. Тем не менее пулемёт заслуженно пользуется популярностью за высокую кучность огня на рабочей дистанции до 600 метров, что достигается за счёт хорошей скорострельности (750–1000 выстрелов в минуту). Традиционно SAW имеет большой выбор сменной фурнитуры и оптики,

что позволяет повысить точность стрельбы короткими очередями.

МОН-90 — мина осколочная, направленная, радиус гарантированного поражения по горизонту — 45 метров, по высоте — 8 метров. Неполный аналог американской противопехотной мины «клеймор», от которой отличается более высокой боевой эффективностью и надёжностью. В войсках не так популярна из-за большего, чем у МОН-50, веса и почти что идентичной боевой эффективности. Часто применяется при выставлении заграждений охраняемых объектов или полевых инженерных сооружений.

Поражение наносится готовыми
убойными элементами – стальными
роликами, вылетающими при
подрыве в направлении противника в
секторе 54 градуса по горизонту.
Масса мины – 12,1 кг, корпус –
пластмассовый, заряд ВВ (ПВВ-4
пластит) – 6,2 кг. Размеры корпуса –
345 × 202 × 153 мм. Количество
готовых убойных элементов
(стальные ролики диаметра 7 мм) –
2000 шт.

В данном случае имеется ввиду противопехотная мина нажимного действия ПМН-2. Мина противопехотная, фугасная нажимного действия. Предназначена в первую очередь для выведения из строя личного состава противника, а также как мина-ловушка или детонатор.

Поражение человеку наносится за счет разрушения нижней части ноги (стопы) при взрыве заряда мины в момент наступания ногой на нажимную крышку. Обычно при подрыве отрывается полностью стопа, которой солдат противника

наступил на мину, и, в зависимости от расстояния от второй ноги до места взрыва, она также может быть задета, или напротив не получить повреждения вовсе.

Кроме того, ударная волна достаточно большого заряда ВВ лишает человека сознания, высокая температура взрывных газов иногда может причинить значительные ожоги нижним конечностям. Смерть также может наступить от болевого шока, потери крови при несвоевременном оказании первой помощи.

ТТХ. Масса – 0,4 кг. Корпус–пластмасса. Масса ВВ (ТГ-40) – 0,1 кг. Диаметр – 20 мм. Высота – 54

мм. Тип взрывателя – механический
встроенный с механизмом дальнего
взведения. Тип механизма дальнего
взведения – пневматический. Время
взведения – 30–300 сек. Усилие
срабатывания – 5–25 кгс.
Температурный диапазон
применения – от –40 до +50 °С.

Имеется в виду противопехотная мина с натяжным датчиком цели ПОМЗ-2М. Так же, как и ПМН-2, предназначена для выведения из строя личного состава противника, однако поражение человеку (или несколькими одновременно) наносится прежде всего осколками корпуса мины при ее подрыве в тот момент, когда солдат противника, зацепившись ногой за проволочную растяжку, невольно выдернет боевую чеку взрывателя. «Ананасы» часто используют не только как открытые «растяжки», нередко их прикапывают с тем, чтобы осколки

пошли строго вертикально, так как пехота использует индивидуальные средства защиты и воздействие осколков при обычном способе минирования существенно снижается.

ТТХ. Корпус – чугун. Масса корпуса (без ВВ) – 1,5 кг. Масса взрывчатого вещества (тротил) – 75 г. Диаметр – 6 см. Высота корпуса – 13 см. Длина датчика цели (в одну сторону) – 4 м. Чувствительность – 1–17 кг. Радиус сплошного поражения – 4 м. Температурный диапазон применения – от -60 до $+60$ °C.

Стратегический ракетоносец-бомбардировщик Ту-160 «Белый лебедь» (по классификации НАТО – «Блэк Джек»). Ту-160 предназначен для поражения ядерным и обычным оружием наиболее важных объектов в удаленных географических районах и в глубоком тылу континентальных театров военных действий.

РАЗМЕРЫ. Размах крыла 55,7/35,6 м, длина самолета – 54,1 м, высота – 13,1 м, площадь крыла 360/400 м².

ЧИСЛО МЕСТ. Экипаж 4 человека.

ДВИГАТЕЛИ. Под крылом в

двух мотогондолах помещены четыре ТРДДФ НК-32 ($4 \times 14.000/25.000$ кгс). Система управления двигателями — электрическая, с гидромеханическим дублированием. Имеется убираемая штанга-топливоприемник системы дозаправки в полете (в качестве самолетов-заправщиков используются Ил-78 или Ил-78М).

МАССЫ И НАГРУЗКИ (кг):
максимальная взлетная — 275 000,
нормальная взлетная — 267 600,
пустого самолета — 110 000, топлива — 148 000, нормальная боевая нагрузка — 9000 кг, максимальная боевая нагрузка — 40 000.

ЛЕТНЫЕ

ДАННЫЕ.

Максимальная скорость на большой высоте — 2000 км/ч, максимальная скорость у земли — 1030 км/ч, посадочная скорость (при посадочной массе 140 000–155 000 кг) — 260–300 км/ч, максимальная скороподъемность — 60–70 м/с, практический потолок — 16 000 м, практическая дальность полета с нормальной нагрузкой — 13 200 км, с максимальной нагрузкой — 10 500 км, длина разбега (при максимальной взлетной массе) — 2200 м, длина пробега (посадочная масса 140 000 кг) — 1800 м.

БОРТОВЫЕ СИСТЕМЫ И
ОБОРУДОВАНИЕ. Система
управления самолетом — аналоговая

электродистанционная с
четырёхканальным резервированием.
Реализован принцип «электронной
устойчивости» с полетной
центровкой, близкой к нейтральной.
В ходе реализации многоэтапной
программы снижения
радиолокационной заметности на
обечайки и каналы
воздухозаборников нанесли
специальное графитовое
радиопоглощающее покрытие,
радиопоглощающей краской покрыли
носовую часть самолета, были
реализованы меры по
экранированию двигателей.
Сетчатые фильтры, введенные в
остекление, позволили устранить

переотражение радиолокационного излучения от внутренних поверхностей кабины.

В настоящее время бомбардировщик Ту-160 является наиболее мощным боевым самолетом в мире, по основным характеристикам и составу вооружения значительно превосходящим американский аналог – многорежимный бомбардировщик В-1В «Лансер».

Есть также отрывочные данные о том, что несколько машин данной серии переданы в распоряжение Главразведупра МО ГШ РФ для переоборудования под выполнение специальных задач составляющих

предмет гостайны. Автору более
ничего не известно о судьбе машин,
всё приведённое в эпизоде —
художественный вымысел.

Боевой защитный комплект «Ратник» предназначен для защиты жизненно важных органов военнослужащего от поражения стрелковым оружием, круговой защиты от осколков снарядов, мин, гранат. Состоит из современных баллистических и огнестойких материалов и тканей. Обеспечивает защиту бойца от заброневых локальных контузионных травм, тепловых факторов, атмосферного воздействия, механических повреждений. При этом обеспечивает маскировку, размещение и транспортировку

вооружения, боеприпасов и других элементов при ведении всех видов боевых действий. Уровни защиты вариативны в различных видах комплектации в состав данного БЗК в зависимости от варианта исполнения входят: защитный комбинезон или брюки, защитные рукава, бронежилет, шлем и маска, защитные очки. А также целый ряд сезонных предметов одежды и элементов экипировки. «Ратник» обеспечивает непрерывное ношение в течение 48 часов в диапазоне температур от -50 до $+50$ °C. По отрывочным данным поставлен на снабжение некоторых специальных подразделений ЦСН ФСБ РФ и ГРУ

МО ГШ РФ в 2003 г.

Имеется в виду тактический боевой стрелковый комплекс «Стрелец» в который входят автомат АЕК 973С (с выдвижным телескопическим прикладом), единый пулемёт АЕК 999 «Барсук» с коллиматорным прицелом, видеокамерой и лазерным целеуказателем, а так же интегрированная мобильная персональная боевая информационно-управляющая система ТЗ «Созвездие». Последняя позволяет обмениваться информацией между бойцами подразделения, в т. ч. для получения

информации о противнике на бое боя, координируя свои действия в т. ч. и с силами поддержки, исходя из текущей обстановки.

Некоторые характеристики оружия, входящего в комплекс «Стрелец».

Автомат АЕК973С разработан в 1980-х годах на Ковровском механическом заводе под руководством С. И. Кокшарова в рамках конкурсной программы «Абакан». Особенность конструкции АЕК973С — схема со сбалансированной автоматикой на основе газового двигателя. При такой схеме дополнительный газовый поршень, связанный с

противомассой, движется синхронно с основным, перемещающим затворную раму, но навстречу ему, тем самым компенсируя импульсы, возникающие при движении затворной группы и при ее ударах в заднем и переднем положении.

Автоматика АЕК-973С построена по газоотводной схеме с длинным ходом газового поршня и дополнительным балансиrom, имеющим свой, второй газовый поршень,двигающийся в противоположном основному направлении. Синхронизация затворной рамы и балансира осуществляется при помощи вертикально расположенной между

ними шестерни. Импульс отдачи гасится практически полностью. Запирание ствола осуществляется поворотным затвором, схожим по конструкции с затвором автомата Калашникова АК-74. Ударно-спусковой механизм обеспечивает ведение огня одиночными выстрелами, очередями по 3 выстрела и непрерывным огнем, при этом переводчик-предохранитель имеет более удобную конфигурацию чем на автоматах Калашникова и на серийных образцах расположен на обеих сторонах оружия. Фурнитура автомата выполняется из ударопрочного пластика, оружие комплектуется складным либо

раздвижным телескопическим прикладом. На ствольной коробке автомата имеется посадочное место для установки кронштейнов под оптические либо ночные прицелы, возможна также установка подствольных гранатометов ГП-25 или ГП-30. Автомат ограниченно поступает на вооружении подразделений специального применения РА.

Калибр – $7,62 \times 39$. Длина – 965 мм (с выдвинутым прикладом). Длина ствола – 420 мм. Вес – 3,3 кг без магазина. Темп стрельбы – 800–900 выстр/мин. Магазин: 30 патронов, стандартные от АКМ и магазины более высокой ёмкости.

АЕК 999 «Барсук». Единый
пулемёт кал. 7,62 мм. Прямой
конкурент единого пулемёта
«Печенег». Ковровский пулемёт
превосходит его по ряду тактических
возможностей и боевых
характеристик, особенно при
проведении диверсионных операций
благодаря в том числе съёмному
ПББС оригинальной конструкции.
Сейчас находится на стадии обкатки
в ряде подразделений МО. ТТХ:
патрон — 7,62 × 53 мм; масса —
8,74 кг; длина — 1188 мм; длина
ствола — 605 мм; начальная скорость
пули — 825 м/с; темп стрельбы — 650
выстр/мин; боевая скорострельность
— 250 выстр/мин; прицельная

дальность – 1500 м; емкость ленты – 100, 200 патронов.

АКМСЛ «Лён». 7,62-мм
 складной десантный
 модернизированный автомат
 Калашникова с прицелом ночного
 видения НСП-3. Название
 происходит от фамилии
 конструктора Лаврина, проект
 модификации носит название «Лён»,
 под этим именем и известен в
 войсках. Главным артиллерийским
 управлением (ГРАУ) МО СССР
 модификациям был присвоен индекс
 6П4Л.

Основные отличия
 модификации: щелевидный
 пламегаситель вместо штатного

компенсатора АКМ (пламегаситель разработан специально для комплекса «Л» и отличается от пламегасителей СВД и ПК/ПКМ). Особой формы прицельная планка с креплением типа «ласточкин хвост» для установки ночных прицелов НСП-3 и НСП-3А. Однако в настоящее время может быть использован также для установки обычных оптических прицелов, в том числе и коллиматорных, при условии наличия планки-переходника. Также возможна установка прибора бесшумной беспламенной стрельбы ПББС-1.

ТТХ: Калибр – $7,62 \times 39$ мм.
Длина – 870 мм (с разложенным

прикладом). Длина ствола – 415 мм.
Вес с пустым магазином – 3,14 кг.
Емкость штатного магазина – 30
патронов. Темп стрельбы – 600
выстр/мин.

Имеется в виду реактивная система залпового огня «Ураган». Система предназначена для поражения любых групповых целей, уязвимыми элементами которых являются открытая и укрытая живая сила, небронированная, легкобронированная и бронированная техника мотопехотных и танковых рот, подразделения артиллерии, тактических ракет, зенитных комплексов и вертолетов на стоянках; командных пунктов, узлов связи и объектов военно-промышленной структуры,

дистанционной установки противотанковых и противопехотных минных полей в зоне боевых действий, создания массовых очагов пожаров и доставки агитационных материалов на удалении от 5 до 35 км.

Эксплуатация комплекса возможна в условиях применения противником ядерного, химического, бактериологического оружия в любое время года и суток, в различных климатических условиях при температуре окружающего воздуха – 40°...+50 °С. РСЗО «Ураган» имеет возможность железнодорожной, водной, воздушной транспортировки (Ил-76, Ан-22, Ан-124).

Залп «Урагана» отличается своей исключительной точностью за счёт простой и вместе с тем надёжной схемы ведения огня. Трубчатые направляющие ракетного контейнера представляют собой гладкостенные трубы с винтовым П-образным пазом, по которому при выстреле скользит штифт реактивного снаряда. Таким образом обеспечивается первоначальная раскрутка снаряда для придания ему необходимой устойчивости в полете. При движении по траектории вращение снаряда поддерживается с помощью лопастей раскрывающегося стабилизатора, установленных под определенным углом к продольной

оси снаряда. Стрельба ведется одиночными выстрелами и залпом. Система запуска обеспечивает возможность залповой стрельбы с постоянным темпом (все 16 ракет запускаются с темпом 0,5 с), а также т. н. «рваного» темпа стрельбы (первые 8 ракет с темпом 0,5 с, остальные 8 ракет с темпом 2 с). Благодаря применению «рваного» темпа стрельбы удастся значительно снизить амплитуду и частоту колебаний БМ, а, следовательно, улучшить кучность стрельбы. Продолжительность полного залпа составляет 8,8 и 20 секунд для постоянного и «рваного» темпа, соответственно. Основной способ

стрельбы – с закрытой позиции. Специалистами отмечается превосходство РСЗО «Ураган» над аналогичными системами HIMARS и MLRS американского производства, стоящими на вооружении стран вероятного противника, а точнее – блока НАТО. Системы MLRS отличаются невысокой точностью и кучностью огня на дистанциях свыше 25 км, за счёт большого рассеивания. Относительно недавно поставленные в войска снаряды серии M30 и новейшие снаряды XM30 GUMLRs, производства компании «Локхид Мартин» способные поражать цели на расстоянии свыше 45 км (по заявкам

разработчиков до 85 км), со спутниковым блоком управления через GPS, будут бесполезны в случае, если противник имеет равные технические возможности. Кроме того, разработчиками не решена проблема залпового пуска, что ставит под вопрос эффективность таких снарядов при работе по групповым целям. РСЗО «Ураган», несмотря на отсутствие блока спутниковой навигации, таких недостатков не имеет. Вся номенклатура снарядов советской установки поражает цель в заявленном коридоре от семи до тридцати пяти километров с одинаково высоким результатом.

САУ М109А6 «Паладин».

Принята на вооружение в 1992 г. Самоходная артиллерийская установка на гусеничном шасси с вращающейся башней. Корпус и башня выполнены из брони на основе алюминиевых сплавов, которая обеспечивает защиту от огня стрелкового оружия и осколков снарядов. Вооружение: 155-мм гаубица М126 (длина ствола 23 клб), 12,7-мм пулемёт М2НВ. Орудие установлено на станке М127, оснащено эжектором и дульным тормозом. Приводы наведения — гидравлический (основной) и ручной

(вспомогательный). Обычная скорострельность — 1 выстр/мин, максимальная — 3 выстр/мин. Установлена новая башня с улучшенной броневой защитой и внутренней обшивкой из кевлара. Орудие имеет индекс М284, установлено на станке М182А1. Оборудована автоматизированной системой управления огнём, бортовым баллистическим вычислителем и навигационной системой, обеспечивающими автоматическое наведение орудия, приёмником космической радионавигационной системой NAVSTAR. Применяемые боеприпасы: управляемый снаряд

М712 «Копперхед», осколочно-фугасные снаряды М107 и М795, кассетные снаряды М449А1, М483А1, М692 и М718/М741, активно-реактивный осколочно-фугасный снаряд М549, осветительные снаряды М485 и М818, дымовой снаряд М825, практический снаряд М804. Двигатель — дизельный 8V-T71 компании «Детройт дизель». Дополнительное оборудование: приборы ночного видения. Экипаж состоит из шести человек: командира орудия, наводчика, помощника наводчика, механика-водителя и двух номеров расчета.

На данный момент считается

одним из лучших образцов самоходной артустановки, среди достоинств специалисты отмечают высокую эффективность огня и скорострельность в жёстких условиях эксплуатации. Среди недостатков: система не отличается мобильностью, уязвима для огня штурмовой авиации из-за недостаточной возможности маскировки на местности. Точность стрельбы резко снижается в случае потери возможности спутниковой системы корректировки и наведения на цель.

САУ 2С19 «Мста-С». Принята на вооружение в 1989 г. Имеет независимую подвеску ходовой части, с длинными торсионами, из-за чего соответствующие катки правого и левого бортов расположены не соосно (катки левого борта смещены вперед на 110 мм). Первый, второй и шестой катки имеют регулируемые телескопические амортизаторы, стопорящиеся во время стрельбы для гашения колебаний. При этом отпадает необходимость в использовании стабилизирующих сошников. При этом повышается точность и скорость стрельбы.

Гусеница шириной 580 мм, оснащенная резинометаллическими шарнирами и обрезиненной беговой дорожкой, тоже заимствована у Т-80. Башня сварена из катаных броневых листов. Экипаж – 5, или, в случае заряжания с грунта, – 7 человек. Масса – 42 тонны.

Вооружение установки состоит из 152-мм гаубицы 2А64 и 12,7-мм зенитного пулемета НСВТ-12,7, смонтированного на командирской башенке в составе зенитной установки (ЗПУ) с дистанционным управлением и прицелом ПЗУ-7. Нарезная гаубица 2А64 имеет раздельно-гильзовое зарядание. Стрельба ведется осколочно-

фугасными снарядами (ОФС) ЗОФ45 (на дальность 24 700 м) в составе выстрелов ЗВОФ58, ЗВОФ72, ЗВОФ73 и активно-реактивными снарядами (АРС) ЗОФ61 (на дальность 28 900 м) в составе выстрела ЗВОФ91, кассетными снарядами типа 3023, содержащими 42 противотанковых суб-боеприпаса (дальность стрельбы 26 000 м), снарядами-постановщиками активных радиолокационных помех типа ЗНСЗО (на дальность 22 300 м), дымовыми снарядами-целеуказателями в составе выстрела ЗВДЦ8, а также спецбоеприпасами. Возможно использование и всех типов штатных боеприпасов Д-20 и

2СЗ, а также управляемых снарядов с лазерной подсветкой ЗОФ39 «Краснополь» в составе выстрела ЗВОФ64. Подсветка целей производится передовыми артиллерийскими наблюдателями с помощью приборов 1Д15 (ПП-3), 1Д20, 1Д22 или 1Д26. Весь боекомплект расположен в башне. Он состоит из 50 выстрелов калибра 152 мм (стандартный набор – 20 ОФС и 30 АРС), а также 300 патронов для пулемета. Масса боекомплекта составляет 2470 кг. Система перезарядки позволяет вести огонь при любых углах наведения по направлению и возвышению орудия с максимальной

скорострельностью без возвращения орудия на линию заряжания. Масса снарядов превышает 42 кг, поэтому для облегчения работы заряжающего из боеукладки они подаются автоматически. Наличие полуавтоматической системы заряжания облегчает работу экипажа и обеспечивает скорострельность до 7–8 выстрелов в минуту при использовании внутреннего боезапаса и до 6–7 выстрелов в минуту при подаче боеприпасов с грунта. Это означает, что батарея из восьми гаубиц посылает в минуту на цель до трех тонн снарядов. При стрельбе на максимальную дальность в воздухе одновременно

будет находиться до 70 снарядов, прежде чем первый достигнет цели.

Уступая американскому «Паладину» по калибру, «Мста» превосходит конкурента по общей совокупности боевых характеристик, главной из которых является исключительная надёжность машины и её живучесть даже в условиях налёта вражеской авиации или атаки наземных войск.

Имеется в виду самозарядная снайперская винтовка конструкции Евгения Фёдоровича Драгунова. Принята на вооружение ВС СССР в 1963 г. как снайперское оружие поддержки на уровне отделение-рота. Специально для СВД был создан специальный патрон улучшенной баллистики с пулей со стальным сердечником, однако винтовка может использовать всю номенклатуру отечественных патронов 7,62 × 54R. Мелкий Ворон использует десантный вариант, с укороченным стволом и складным прикладом, а также оснащённый

тактическим глушителем типа ТГП-В. Данная винтовка зовётся СВД-С.

Калибр – 7,62 × 54R. Механизм – полуавтоматический, газоотвод. Длина – 1135/875 мм. Длина ствола – 565 мм. Вес – 4,7 кг без прицела и патронов. Магазин: 10 патронов, коробчатый.

Прицельные приспособления: открытый секторный, фиксированной кратности 4X ПСО-1, ночной НСПУ-3, НСПУМ. Возможна установка другой оптики, под баллистику боеприпасов штатной номенклатуры.

Ряд зарубежных специалистов и наших доморощенных «ружьеведов» считают, что тактическая роль,

которая отводилась и отводится данной винтовке в Советской и Российской армиях, отличается от традиционной роли «снайпера» в западном понимании этого термина. По их мнению, СВД служит для увеличения дальности эффективного огня стрелкового отделения за пределами возможностей штатных автоматов, вплоть до расстояний 600–700 м. И если в случае с иностранцами такой реверанс понятен в силу конкуренции и иного подхода к тактике стрелковых подразделений, то наши «знахари» просто бездумно повторяют текст специалистов стран вероятного противника. СВД — безусловно

снайперская винтовка, созданная на основе обобщённого опыта войн и конфликтов первой половины XX века. Отсюда сочетание надёжности и простоты: за полгода обучения владения данной винтовкой из новобранца можно подготовить высококлассного снайпера. При этом владеть СВД солдат будет так, что с большой долей вероятности сможет переиграть профессионала с дорогой «целевой» винтовкой.

Одно из главных достоинств СВД – большая дульная энергия выстрела (около 4500 Дж), высокое убойное и пробивное действие пули. Армейский бронежилет бронебойная пуля из СВД пробивает на

расстоянии 1200 м, а стальную каску – на 1700 м. Эффективная дальность стрельбы (около 800 м) находится на уровне снайперских винтовок с продольно-скользящим поворотным затвором, но благодаря автоматике превосходит их по боевой скорострельности втрое. Наличие газового регулятора повышает надежность работы автоматики в сложных условиях эксплуатации. Цевье винтовки надежно защищает руки стрелка от ожога при интенсивной стрельбе, а его форма обеспечивает удобство и достаточную плотность удержания винтовки. Приклад обеспечивает хорошую прикладистость оружия и

удобство прицеливания.

Опыт последних войн на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане показывает: винтовки с поворотным затвором малоэффективны в случае, когда подразделение вынуждено вести встречный бой. В дуэлях с душманскими и арабскими снайперами американские стрелки часто проигрывали из-за низкой плотности огня, малой ёмкости магазина и низкой надёжности винтовок типа Ремингтон 700 (в войсках американской армии чаще всего используется модификация этой винтовки под индексом М-24). Положение несколько выровнялось,

когда со складов хранения была возвращена самозарядная винтовка М-14, снятая с вооружения после Второй мировой войны. После косметических переделок данная винтовка получила индекс М-21 и снова встала в строй, однако, как и шестьдесят лет назад, это оружие тотально проигрывает по надёжности и боевой эффективности обыкновенному чуду, созданному советским конструктором Е. Драгуновым.

Всё вышесказанное, за исключением тактико-технических характеристик, это сугубо личное мнение автора, другим думать иначе не запрещаю.

Имеется ввиду автоматический пистолет системы Игоря Яковлевича Стечкина, сокращённо АПС, в войсковом обиходе просто «стечкин», «стечкарь». АПС предназначался для вооружения офицеров сержантов, солдат отдельных специальностей и экипажей боевых машин, которым не полагалось по уставу автомат АК-47 или карабин СКС. Пистолет системы Макарова не обладал достаточной огневой мощностью чтобы служить средством обороны, поэтому-то и была найдена вполне адекватная на тот момент (1951 г.) замена. АПС

стреляет очередями. Автоматика работает по схеме использования отдачи при свободном затворе. Оружие комплектуется деревянным или пластиковым кобурой-прикладом, который был необходим не только для хранения и более точной стрельбы на большие расстояния, но и для уменьшения рассеивания при автоматической стрельбе. Для ведения более-менее кучного огня в автоматическом режиме необходимо удерживать пистолет двумя руками и стрелять только короткими очередями. Такие меры необходимы из-за значительного увода оружия вверх уже после третьего выстрела.

Автоматическая стрельба при удержании пистолета одной рукой с приемлемым рассеиванием возможна только до пяти метров. В рукоятке размещен механизм замедления темпа стрельбы, который также выполняет и функцию автоспуска. В результате темп стрельбы составил 700–750 выстрелов в минуту, что повысило устойчивость оружия при стрельбе. Пользователи отмечают мягкую отдачу, удобный хват пистолета и высокую боевую эффективность на дистанции боя 15–25 м.

Раскатов использует вариант пистолета Стечкина с глушителем, или АПБ (индекс ГРАУ 6П13). Он

принят на вооружение в 1972 г., для вооружения разведывательных и специальных подразделений Советской Армии. Также им вооружают сотрудников специальных подразделений МВД и КГБ СССР. Пистолет АПБ широко и с успехом применялся советскими войсками в Афганистане и ряде конфликтов в других зарубежных странах, используется он и до сих пор. В отличие от старшего брата, АПБ комплектуется кожаной кобурой и рамочным прикладом.

ТТХ: УСМ – двойного действия. Калибр – 9×18 ПМ. Вес без патронов – 1650 г с глушителем и прикладом. Длина – 246 мм без

глушителя, 455 мм с глушителем без приклада. Длина ствола – 140 мм. Емкость магазина – 20 патронов.

Если быть более точным, то Антон выбрал швейцарский карабин SG-551 SWAT. Стоит на вооружении швейцарских ВС с 1983 г. Пользователи отмечают простоту конструкции, лёгкость (за счёт применения композитных материалов и пластмасс) и высокую боевую эффективность данного изделия. Автоматика построена на основе газоотводного двигателя, запираение – поворотом затвора на два боевых упора. Возвратная пружина расположена вокруг штока газового поршня над стволом и сжимается между специальным

воротником на штоке и передней стенкой ствольной коробки. Газовый шток своим хвостовиком вставляется в затворную раму и фиксируется при помощи вставляемой сбоку в затворную раму рукоятки взведения затвора. Ствольная коробка штампованная из стали, состоит из двух половин — верхней и нижней, соединяемых двумя поперечными штифтами. Ствол ввернут в верхнюю часть ствольной коробки. При неполной разборке из ствольной коробки извлекается задний штифт, при этом коробка «переламывается» в передней части. После извлечения рукоятки заряжания затворная рама с затвором вынимаются из ствольной

коробки назад, а газовый поршень со штоком и возвратной пружиной извлекаются отдельно после удаления цевья. Ударно-спусковой механизм — курковый, с переводчиком режимов огня, выполняющим также роль предохранителя. При необходимости в УСМ может устанавливаться отдельный независимый модуль, обеспечивающий стрельбу с отсечкой по 3 выстрела. Газоотводная камера имеет двухпозиционный газовый регулятор для стрельбы в обычных и тяжелых условиях. Как мы видим, SG-551 значительно уступает по надёжности автомату Калашникова в плане удобства обслуживания в

полевых условиях из-за затруднённого доступа к механизму. Однако же швейцарский автомат точнее нашего АКС-74, имеет более простое устройство, нежели американский М4, пусть и немного тяжелее «американки», зато по весу равен советскому автомату. SWAT имеет складной вбок приклад и более надёжную конструкцию, повышающую надёжность во время длительного огневого контакта, поэтому с ним не так трудно в бою.

ТТХ: Калибр – 5,56 мм. Длина оружия – 833/607 мм (со сложенным прикладом). Длина ствола – 363 мм. Масса без патронов – 3,4 кг. Темп стрельбы – 700–750 выстр/мин.

Емкость магазина – 20, 30 или 90 патронов в строенном секторном магазине.

Антону достался действительно неплохой вариант платформенного модульного «броника» от американской компании «Archangel Armor». После грандиозного скандала в 2003 г., когда большая часть бронежилетов поставляемых в действующую армию другими подрядчиками (около 3000 штук) была отозвана из действующей армии, компания «Archangel Armor» стала одним из крупнейших армейских поставщиков средств индивидуальной защиты. Благодаря модульности, данное изделие обеспечивает 80 % круговую защиту

по классу 3 (осколки, пистолетные и автоматные пули штатной номенклатуры кал. 9 и 5,56 мм). Изделие выполнено с использованием комбинации стальных бронезащитных элементов с тканевым бронепакетом. Также сюда встроена индивидуальная транспортная система «molle», позволяющая переносить до 40 кг полезной боевой нагрузки (боекомплект, запас продовольствия и воды).

Пользователи отмечают единственный недостаток данной системы: бронезащитные элементы удерживаются с помощью фиксаторов-липучек, а ткань пакетов

имеет свойство быстрее протираться,
от чего пластины иногда
вываливаются.

Имеется в виду крупнокалиберный станковый пулемёт калибра 12,7 мм, НСВ «Утёс». Создан и принят на вооружение ВС СССР в 1972 г. как замена морально устаревшему пулемёту ДШК. В настоящее время с вооружения снят, т. к. линия по его производству находилась в Казахстане. Однако количество единиц, заложенных на хранение и стоящих на вооружении РА, ещё довольно приличное. «Утёс» создан как универсальное оружие поддержки пехоты с легкого пехотного станка-треноги, как

зенитный пулемет со специальных установок, а также для вооружения бронетехники и малых судов. По ощущениям штука удобная: станок имеет низкий силуэт, подпружиненный приклад существенно снижает отдачу, спуск туговат, но привыкаешь быстро. Есть крепление для прицелов переменной кратности — ночных и обычных.

Имеется ввиду ПТРК «Javelin». Противотанковый ракетный комплекс третьего поколения, с автоматической системой управления. Стоит на вооружении армии США с 1995 г., планируемое время эксплуатации – до января 2020 г.

В состав ПТРК входят: прицельно-пусковое устройство (ППУ) с оборудованием, производящим выстрел, и пассивным комбинированным, круглосуточным прицелом, а также транспортно-пусковой контейнер (ТПК), в котором размещена ракета средней

дальности типа «выстрелил и забыл», оснащенная инфракрасной головкой самонаведения (ГСН). Кроме головки самонаведения, ракета имеет тандемную кумулятивную боевую часть и двухдиапазонный ракетный двигатель, работающий на твердом топливе.

Ракета имеет два режима атаки: режим прямой атаки в горизонтальной плоскости и режим пикирования (угол 45°). Первый применяется для поражения защищенных объектов (типа ДОТ бункер и т. п.) и вертолетов, второй режим, который позволяет поражать цель сверху, предназначен для танков

и бронетранспортёров. Старт ракеты осуществляется с помощью вышибной двигательной установки под углом 18° к горизонту, далее при помощи маршевого двигателя происходит набор высоты – 50 м для прямой атаки цели или 150 м для режима пикирования. В полете управление ракетой осуществляется с помощью изменения вектора тяги, что позволяет обеспечить достаточно высокую маневренность, необходимую для уничтожения целей сверху на малых дальностях. При старте ракеты количество выбрасываемых пороховых газов незначительно, что вместе с «мягким» пуском позволяет

использовать «Джавелин» в помещениях с ограниченным пространством.

Стрельба из ПТРК «Джавелин» происходит следующим образом. С помощью одного из прицелов, дневного или ночного, в зависимости от обстановки, оператор наблюдает за полем боя, выбирает и захватывает подходящую цель, совмещает перекрестие оптического прицела с намеченной целью, после чего переключает на ГСН ракеты, которая имеет более узкое поле зрения. После отметки цели с помощью курсора на видеоэкране и захвата цели ГСН оператор осуществляет пуск ракеты.

Весит такая «труба» 23 кг, что в принципе не критично и стрелять может один человек. Наводить и стрелять просто, время подготовки выстрела – около минуты, картридж с БЧ меняется за 20 секунд. Однако пользователи отмечают нежелательность работы комплекса на пределе заявленной эффективной дальности – 2500 м. «Джавелин» ведёт себя нормально только на 1800 м. Против укреплений «Джавелин» не особо эффективен, поскольку имеет лазерную головку наведения. Это частное мнение, соглашаться или нет – личное дело каждого.

ПТРК «Джавелин» поставлялся

на экспорт для вооруженных сил Испании (12 комплексов), Тайваня (40 комплексов, 360 ракет), Нидерландов (240 комплексов), Иордании (30 комплексов, 110 ракет).

Имеется в виду самоходная артустановка 2С25 «Спрут-СД». Разработана в рамках темы середины 1970-х годов — «объект 934», специально для сил быстрого развёртывания (морская пехота и воздушно-десантные войска). Как и все машины подобного типа (БМД1, 2 и 3), «Спрут» может десантироваться с транспортного самолёта вместе с экипажем внутри и сразу по приземлении способен вести огонь.

Основное вооружение САУ 2С25 состоит из 125-мм гладкоствольной танковой пушки

2А75, созданной на базе 125 мм танковой пушки 2А46, которая устанавливается на основные боевые танки Т-72, Т-80 и Т-90. Учитывая необходимость установки пушки на более легкое шасси, специалисты артиллерийского завода № 9 оснастили пушку противооткатным устройством нового типа.

Пушка 2А75 оборудована эжектором и термоизоляционным кожухом, но не имеет дульного тормоза. Она полностью стабилизирована в вертикальной и горизонтальной плоскостях и ведет огонь теми же 125-мм боеприпасами раздельно-гильзового заряжания, которые используются для стрельбы

из гладкоствольной танковой пушки 2А46. Кроме того, в состав боекомплекта пушки 2А75 входит снаряд с лазерным наведением, обеспечивающий поражение цели, находящейся на дальности до 4000 м. Максимальная скорострельность составляет 7 выстрелов в минуту.

В качестве вспомогательного вооружения на противотанковой самоходке установлен спаренный с пушкой 7,62-мм пулемет ПКТ с боекомплектом из 2000 патронов, снаряженных в одну ленту;

Корпус БМ разделен на отделение управления (передняя часть), боевое отделение с башней (средняя часть) и моторно-

трансмиссионное отделение (кормовая часть). Это повышает живучесть машины и увеличивает шансы экипажа на выживание.

При движении по шоссе машина развивает максимальную скорость 65–68 км/ч, а на сухих грунтовых дорогах показывает среднюю скорость 45 км/ч. Стандартное оборудование машины включает компьютеризованную систему управления огнем, систему защиты от оружия массового поражения и комплект приборов ночного видения.

Майор Раскатов говорит об изделии ЗРП-2 «Тропа». Это дистанционно детонирующий компактный заряд для быстрого разминирования минно-взрывных заграждений самым простым способом – подрывом определённого количества взрывчатки. Состоит из детонирующего кабеля, порохового реактивного двигателя, соединительного каната, взрывателя, тормозного шнура, пускового станка, пускового устройства, анкера и ранца для переноски. Пуск заряда на противопехотное поле производится с позиции, оборудованной на

поверхности грунта, с помощью пускового устройства УП-60.

Подрыв заряда осуществляется дистанционно, взрывателем механического действия. Выравнивание заряда на минном поле производится вручную тормозным шнуром за время горения пиротехнического замедлителя взрывателя. Комплект заряда может десантироваться в грузовом контейнере ГК-30 или на грузовой платформе ПГС-500, когда комплект заряда находится в деревянной упаковке.

В отличие от своего «старшего брата» ЗР «Горыныч», может переноситься одним человеком. В

ранце «Тропа» весит 34 кг, дальность подачи заряда – порядка 160 м. Из-за того, что современные минзаги имеют смешанную структуру (противопехотные + противотранспортные + противотанковые мины), изделие «Тропа» вполне пригодно для успешного преодоления описанных в романе препятствий.